3
том 5
2020

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета

ISSN 2500-3372 (print) 2542-1190 (online)

политические
социологические
экономические науки

Bulletin of Kemerovo State University.
Political, Sociological and Economic Sciences.
2020, 5(3): 287–432

ВЕСТНИК
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПОЛИТОЛОГИЯ
СОЦИОЛОГИЯ
ЭКОНОМИКА

2020
том 5 № 3

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Журнал «Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические, экономические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67376.

Издается с 2016 года.

Выходит 4 раза в год.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online)

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; http://vestnik-pses.kemsu.ru

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94233.

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов. Ответственность за научное содержание статей несут авторы публикаций.

Правила для авторов опубликованы на сайте издания.

Журнал не взимает платы за публикацию, издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Главный редактор: *Морозова Е. А.*, д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия)

Редакционная коллегия:
Баранова И. В., д-р экон. наук, проф., НГТУ (Новосибирск, Россия).
Бычкова С. М., д-р экон. наук, проф., СПбГАУ (Санкт-Петербург, Россия).
Глушакова О. В., д-р экон. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск, Россия).
Желтов В. В., д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Капогузов Е. А., д-р экон. наук, доцент, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия).
Кисляков М. М., д-р полит. наук, доцент, Кемеровский институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова (Кемерово, Россия).
Кравченко С. А., д-р филос. наук, проф., МГИМО МИД России (Москва, Россия).
Кремер Раймунд, д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала WeltTrends (Потсдам, Германия).
Курбатова М. В., д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Немировский В. Г., д-р социол. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).
Нехода Е. В., д-р экон. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Озерникова Т. Г., д-р экон. наук, проф., БГУ (Иркутск, Россия).
Резник С. Д., д-р экон. наук, проф., ПГУАС (Пенза, Россия).
Силин А. Н., д-р социол. наук, проф., ТюмГНГУ (Тюмень, Россия).
Слинкова О. К., д-р экон. наук, проф., БелГУ (Белгород, Россия).
Солодова Г. С., д-р социол. наук, проф., ИФПР СО РАН (Новосибирск, Россия).
Суслов В. И., д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, ИЭОПП СО РАН (Новосибирск, Россия).
Удальцова М. В., д-р экон. наук, НГУЭУ (Новосибирск, Россия).
Чирун С. Н., д-р полит. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Шабашев В. А., д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Шашкова Я. Ю., д-р полит. наук, доцент, АлтГУ (Барнаул, Россия).

16+

© Кемеровский государственный университет, 2020
© Авторы научных статей, 2020

BULLETIN POLITICAL SOCIOLOGICAL ECONOMIC

2020
vol. 5 no 3

KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

The Journal "Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications. Certificate of registration: PI no. FS 77-67376.

Founded in 2016.

Published 4 times a year.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online)

Address of the founder, publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region, Russia, 650000; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region, Russia, 650000; 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; http://vestnik-pses.kemsu.ru

Subscription indices: 94233 – in the United catalogue "The Press of Russia".

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission.

Perspectives and views expressed in the papers may not coincide with the attitude of the editorial staff The authors of publications are responsible for the scientific content of the articles.

Information for Authors published on the website Edition.

Journal fully funded by Kemerovo State University. Articles are available to all without change, and there are no article processing charges for authors.

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

16+

© Kemerovo State University, 2020
© The authors of scientific articles, 2020

Editor-in-Chief: *E. A. Morozova,* Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board:
I. V. Baranova, Dr. of Economics, Prof., Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).
S. M. Bychkova, Dr. of Economics, Prof., St. Petersburg State Agrarian University (St. Petersburg, Russia).
O. V. Glushakova, Dr. of Economics, Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).
V. V. Zheltov, Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
E. A. Kapoguzov, Dr. of Economics, Assoc. Prof., Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia).
M. M. Kislyakov, Dr. of Political Sci., Assoc. Prof., Kemerovo branch Plekhanov Russian University of Economics (Kemerovo, Russia).
S. A. Kravchenko, Dr. of Philosophy, Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia).
Raimund Krämer, Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
M. V. Kurbatova, Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. G. Nemirovskiy, Dr. of Sociology, Prof., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).
E. V. Nekhoda, Dr. of Economics, Prof., National Research Tomsk State doctor of economic sciences (Tomsk, Russia).
T. G. Ozernikova, Dr. of Economics, Prof., Baikal State University doctor of economic sciences (Irkutsk, Russia).
S. D. Reznik, Dr. of Economics, Prof., Penza State University of Architecture and Construction (Penza, Russia).
A. N. Silin, Dr. of Sociology, Prof., Tyumen State Oil and Gas University (Tyumen, Russia).
O. K. Slinkova, Dr. of Economics, Prof., Belgorod National Research University (Belgorod, Russia).
G. S. Solodova, Dr. of Sociology, Prof., Institute of Philosophy and Law of SB RAS (Novosibirsk, Russia).
V. I. Suslov, Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
M. V. Udaltsova, Dr. of Economics, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia).
S. N. Chirun, Dr. of Political Sci., Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Ya. Yu. Shashkova, Dr. of Political Sci., Assoc. Prof., Altai State University (Barkaul, Russia).
V. A. Shabashev, Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3

Политология

Состояние и перспективы функционирования этических кодексов государственных гражданских служащих в Сибирском федеральном округе: теория и практика
Кисляков М. М., Востриков К. В. 287

Научно-экспертное сообщество и власть: специфика и модели взаимодействия (на примере регионов СФО)
Клименков М. А. 296

Социология

Деструктивное влияние экономической преступности на процесс социализации экономики
Егорышев С. В. 305

Социальное самочувствие сельских хакасов
Лушникова О. Л. 312

Стратегии профессиональной самореализации молодых преподавателей колледжей
Ушаков Д. В. 320

Экономика

Опыт стратегического планирования деятельности организации медицинской науки
Бацина Е. А., Попсуйко А. Н., Артамонова Г. В. 330

О необходимости применения современных инструментов менеджмента как основы повышения эффективности деятельности учреждений культуры
Глушакова О. В. 339

Анализ потребности в рабочей силе на рынке труда моногородов Кузбасса
Кирюхина А. Н., Кобзева О. К., Акельева Д. В. ***350***

Роль практико-ориентированных технологий в образовательном процессе как основа экономического развития общества
Климашина Ю. С., Шипунова В. В., Сабанова Л. Н. 360

Экспаты в российском страховом менеджменте
Козлова О. Н., Долбня Е. А., Васильева М. К. 368

Оценка степени готовности предприятий торговли и сферы услуг к цифровой трансформации
Комарчева О. С., Лысенко Е. А. 375

Оценка доступности финансовых онлайн-услуг населению Кемеровской области – Кузбасса
Лубкова Э. М., Ермолаева Г. С., Шилова А. Э. 387

Конкурентный статус предприятия как фактор производства
Секлецова О. В., Комарчева О. С. 397

Цифровые инструменты управления инновационной инфраструктурой
Ступина А. А., Берг Т. И., Корпачева Л. Н., Федорова А. В. 408

Совершенствование стратегического планирования развития сельского хозяйства региона
Тимофеева Н. С. 417

Цифровая модель регулирования молочной отрасли Республики Тыва
Чернякова И. А. 425

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3

Political Science

State and Prospects of Ethical Codes of Civil Servants in Siberian Federal District as a Factor of Increasing Efficiency of Regional and Federal Administration
Kislyakov M. M., Vostrikov K. V. 294

Scientific-and-Expert Community and Government: Specifics and Models of Interaction in the Siberian Federal District
Klimenkov M. A. 303

Sociology Science

The Destructive Effect of Economic Crime on the Process of Economy Socialization
Egoryshev S. V. 310

Social Well-Being of the Rural Khakas People
Lushnikova O. L. 318

Strategies for Young College Teachers' Self-Realization
Ushakov D. V. 328

Economics Science

Strategic Planning in a Medical Research Organization: Case Study
Batsina E. A., Popsuyko A. N., Artamonova G. V. 337

Modern Management Tools as a Basis for Increasing Efficiency of Cultural Institutions
Glushakova O. V. 348

Labor Demand on the Labor Market of Single-Industry Towns in Kuzbass
Kiryuhina A. N., Kobzeva O. K., Akeleva D. V. 358

Practice-Oriented Technologies in the Educational Process as the Basis for the Economic Development of Society
Klimashina Yu. S., Shipunova V. V., Sabanova L. N. 366

Expats in Russian Insurance Management
Kozlova O. N., Dolbnya E. A., Vasileva M. K. 374

Trade and Service Industry: Readiness Analysis for Digital Transformation
Komarcheva O. S., Lysenko E. A. 385

Evaluation of Availability of Online Financial Services to the Population of the Kemerovo Region (Kuzbass)
Lubkova E. M., Ermolaeva G. S., Shilova A. E. 395

Competitive Status of the Enterprise as a Production Factor
Sekletsova O. V., Komarcheva O. S. 406

Digital Tools for Managing Innovative Infrastructure
Stupina A. A., Berg T. I., Korpacheva L. N., Fedorova A. V. 415

Improving the Strategic Planning of Agricultural Development in the Region
Timofeeva N. S. 423

Digital Regulation Model of the Dairy Industry in the Republic of Tuva
Chernyakova I. A. 431

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-287-295

оригинальная статья

УДК 321

Состояние и перспективы функционирования этических кодексов государственных гражданских служащих в Сибирском федеральном округе: теория и практика

Михаил М. Кисляков [a, @, ID1]; Константин В. Востриков [b, ID2]

[a] Кемеровский государственный медицинский университет, Россия, г. Кемерово

[b] Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева, Россия, г. Кемерово

[@] m.kislyakov@mail.ru

[ID1] https://orcid.org/0000-0002-4450-0432

[ID2] https://orcid.org/0000-0001-9132-9175

Поступила в редакцию 09.03.2020. Принята к печати 02.06.2020.

Аннотация: Предметом исследования являются этические кодексы государственных гражданских служащих, которые должны способствовать повышению эффективности регионального и федерального управления. Цель – проанализировать содержание, проблемы и перспективы использования этических кодексов государственных гражданских служащих. Проведенное исследование базируется на сравнительном анализе и выборочном методе. Рассматриваются этические кодексы, действующие в ряде регионов Сибирского федерального округа, и их влияние на управленческую и политическую практику с точки зрения их эффективного применения. Выделяются основные аспекты, подчеркивающие проделанную законодателями работу, как попытка поднятия престижа государственной службы в регионах и повышения ее качества. Анализируется роль этических кодексов в деятельности регионального государственного служащего. Систематизация этических кодексов основных сибирских регионов позволяет показать попытки региональных органов управления обеспечить высокий престиж государственного служащего в публичном пространстве, в котором происходят сложные и одновременно ответственные многогранные и многоуровневые социально-экономические и политические процессы. Проведенный авторами экспертный опрос и полученные результаты позволяют утверждать, что принятые этические кодексы государственных гражданских служащих в отдельных регионах пока не способствуют повышению эффективности регионального управления, требуется разработка и принятие общефедерального этического кодекса.

Ключевые слова: гражданское общество, региональные органы управления, сравнительный анализ, выборочный метод, нормативные акты, моральное поведение

Для цитирования: Кисляков М. М., Востриков К. В. Состояние и перспективы функционирования этических кодексов государственных гражданских служащих в Сибирском федеральном округе: теория и практика // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 3. С. 287–295. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-287-295

Введение

На современном этапе развития российского государства политическое руководство предпринимает меры по совершенствованию деятельности органов власти. Одним из важнейших направлений является повышение открытости и престижа государственной службы. Общество предъявляет повышенные требования к государственным служащим, в том числе и к моральному облику в рамках профилактики коррупционных проявлений. Поэтому законодательство о государственной службе было дополнено этическими нормативными актами. К сожалению, единого этического кодекса государственных служащих до сих пор нет, однако российские регионы разработали собственные кодексы поведения чиновников.

В современной научной литературе нашли отражение отдельные аспекты поведения государственных гражданских служащих на федеральном уровне. Вопросам коррупции посвящен ряд работ, в частности, рассмотрены проблемы антикоррупционной политики РФ [1]; коррупция и этика служебного поведения государственных гражданских служащих в социально-философском контексте [2]; методология формирования и совершенствования этических кодексов государственных служащих как средства антикоррупционной политики с точки зрения зарубежных и российских подходов [3]; этическая составляющая в противодействии коррупции [4]; этический кодекс как механизм противодействия коррупции [5]; антикоррупционный стандарт поведения государственного служащего [6]; проблемы этических норм в регулировании государственной службы и их роль в противодействии развитию коррупции [7]; кодекс профессиональной этики государственных служащих как средство противодействия коррупции в современной России [8].

Этическое поведение государственных служащих исследуется в следующих аспектах: этика служебных отношений в государственной службе [9; 10]; профессиональная этика государственных служащих и муниципального управления [11]; этические требования к государственному

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-287-295

и муниципальному служащему [12]; этическое регулирование служебного поведения государственных служащих [13]; проблемные вопросы правового регулирования этики профессионального поведения государственных служащих [14]; этика и этикет государственного служащего [15]; ответственность за нарушение норм этики и служебного поведения государственных и муниципальных служащих РФ [16]; этические нормы как часть квалификационных требований к должности государственного служащего [17]; профессиональная этика в механизме государственного управления [18]; проблемы моральных ценностей в контексте государственного управления [19]; проблемы этических отношений в профессиональной деятельности [20].

Также рассмотрены вопросы содержания и соблюдения самого кодекса этики, в частности проведен контент-анализ содержания этических кодексов в РФ на основании федерального законодательства [21]; проанализированы контроль и мониторинг соблюдения кодекса этики и служебного поведения государственных служащих [22]; содержание кодекса этики и служебного поведения государственных и муниципальных служащих [23].

Как показывает анализ научных публикаций, все они посвящены отдельным аспектам этических кодексов и проблеме коррупции среди государственных служащих на федеральном уровне. Однако пока нет работ по анализу этических кодексов государственного служащего на региональном уровне.

Общее и особенное в содержании региональных этических кодексов

На протяжении последних лет в Сибирском федеральном округе (СФО) проводилась масштабная работа, которая предусматривала развитие гражданской службы и повышение престижа государственных служащих. Были разработаны и внедрены нормативно-правовые акты по противодействию коррупции. Кроме того, была востребована законотворческая деятельность по внедрению этических проектов и кодексов. В большинстве субъектов СФО приняты этические кодексы государственного служащего. Рассмотрим их содержание на примере отдельных территорий.

В кодексах Томской и Кемеровской областей понятие «государственные гражданские служащие» Томской (Кемеровской) области заменено на «государственные служащие»; «государственная гражданская служба» Томской (Кемеровской) области – на «государственная служба»[1]. Это связано с попытками сделать данное понятие более универсальным для выявления большего количества этических аспектов поведения в государственном управлении. В кодексе Новосибирской области была проведена такая же унификация понятия, как это было сделано в кодексах соседних регионов.

В кодексе Кемеровской области, в отличие от кодексов Новосибирской[2] и Томкой областей, перечень документов, на основе которых разработан кодекс, указан не в п. 1 гл. I «Общие положения», а в постановлении губернатора Кемеровской области об утверждении кодекса. В гл. I «Общие положения» кодекса Кемеровской области подпункты расположены в другом порядке, нежели в кодексах Новосибирской и Томкой областей, и их 7, а не 8[3]. Можно отметить, что наблюдаются некоторые отличия в структурном формировании данных документов в соответствии с приоритетами местных органов власти.

В гл. II «Основные принципы и правила служебного поведения государственных служащих» различие: подпункт 10 (Новосибирской и Томской областей) или 9 (Кемеровской области) в кодексах Кемеровской и Томской областей разделен на подпункты с буквенной, а в кодексе Новосибирской области – цифровой нумерацией; подпункты 8, 12, 18 (аналогичные з, м, т) и подпункты 17, 21 в кодексе Новосибирской области записаны в редакции, введенной постановлением губернатора области от 24.02.2014 № 28[4]. Можно отметить значительную роль губернаторов регионов в формировании этических кодексов государственных служащих.

В гл. III «Этические правила служебного поведения государственных гражданских служащих» (Новосибирской и Кемеровской областей) и «Правила этики» (Томской области) в подпункте 25 (Новосибирской и Томской областей) или 24 (Кемеровской области): в кодекс Новосибирской области добавлен 5 подпункт: в служебном поведении государственный гражданский служащий воздерживается от поведения (высказываний, жестов, действий), которое может быть воспринято окружающими как согласие принять взятку или как просьба о даче взятки (подпункт дополнительно введен постановлением губернатора области от 30.09.2013 № 243). Можно отметить, что одним из главных мероприятий, на которые направлена реализация данных кодексов, является борьба с коррупцией в органах власти. Этические кодексы усиливают моральную составляющую нормативно-правовых актов, принятых на федеральном и региональном уровнях.

В гл. IV «Ответственность за нарушение положений Кодекса» в кодексе Новосибирской области, кроме Указа

[1] Этический кодекс государственных гражданских служащих Томской области. Принят на конференции государственных гражданских служащих Томской области 19.03.2008. Режим доступа: http://urist-edu.ru/kodex/34847/index.html (дата обращения: 25.02.2020).

[2] О Кодексе этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Новосибирской области (с изм. на 19.10.2017). Постановление Губернатора Новосибирской области от 13.05.2011 № 119. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/5443838 (дата обращения: 25.02.2020).

[3] Кодекс этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Кемеровской области. Утвержден Постановлением Губернатора Кемеровской области от 24.03.2011 № 19-пг. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/990311011 (дата обращения: 25.02.2020).

[4] О Кодексе этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Новосибирской области ...

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-287-295

Президента РФ от 01.07.2010 № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов»[5], имеется ссылка на Постановление Губернатора Новосибирской области от 21.09.2010 № 306 «Об утверждении Положения о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих Новосибирской области и урегулированию конфликта интересов»[6]. В данных кодексах, таким образом, закреплено создание специальных структур, которые будут контролировать соблюдение данных актов, что позволяет надеяться на рассмотрение реальных дел по нарушившим закон государственным служащим.

Кодексы Томской, Новосибирской, Кемеровской областей по структуре и содержанию похожи между собой, т. к. составлены на основе «Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих», одобренного решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23.12.2010 (протокол № 21).

Вместе с тем наблюдаются отличия от «Этического кодекса государственных гражданских служащих, замещающих должности государственной гражданской службы Алтайского края в органах государственной власти Алтайского края, иных государственных органах Алтайского края», т. к. в Алтайском крае кодекс был принят 01.06.2009 до появления типового кодекса[7]. К сожалению, на федеральном уровне по-прежнему отсутствует единый этический кодекс, что, безусловно, придает меньшую законодательную силу местным этическим кодексам.

Основные отличия кодексов Кемеровской области и Алтайского края в том, что кодекс Кемеровской области прописан подробно. Кодекс Алтайского края более краток. В гл. I «Общие положения» кодекса Алтайского края всего 4 пункта (в кодексе Кемеровской области – 7), но смысловое содержание совпадает. Можно сказать, что законодатели Кузбасса более тщательно подошли к разработке этического кодекса, опираясь при этом на опыт разработки кодексов других российских регионов.

Отличается название гл. II: в кодексе Алтайского края – «Правила поведения гражданского служащего при осуществлении профессиональной деятельности», в Кемеровской области – «Основные принципы и правила служебного поведения государственных служащих». Также в кодексе Алтайского края содержание этой главы более сжато по сравнению с кодексом Кемеровской области, но при этом смысловое содержание совпадает. Смысловая унификация произошла на этапах внедрения первых положений этических кодексов в практику.

Гл. III «Этика взаимоотношений гражданского служащего с коллегами, иные правила поведения гражданского служащего» кодекса Алтайского края в отличие от гл. III «Этические правила служебного поведения государственных гражданских служащих» Кемеровской области расписана более подробно. В гл. III кодекса Алтайского края более подробно описывается взаимоотношение руководителя и подчиненных. Гражданский служащий, замещающий руководящую должность, должен:

- точно определять задачи и объем служебных полномочий своих подчиненных в соответствии с занимаемыми ими должностями и их должностными регламентами, не отдавать подчиненным явно невыполнимых распоряжений и не требовать от них исполнения поручений, выходящих за рамки их служебных обязанностей;
- не допускать по отношению к подчиненным необоснованных обвинений, грубости, унижения человеческого достоинства, бестактности;
- не допускать случаев подбора и расстановки кадров по признакам землячества, родства, свойства, дружбы и личной преданности;
- принимать меры для недопущения коррупционно опасных ситуаций, внимательно относиться к финансовым и иным трудностям подчиненных, проводить среди подчиненных воспитательную работу, направленную на профилактику коррупционно опасного поведения;
- давать подчиненным личный пример соблюдения норм настоящего кодекса[8].

В гл. IV «Заключительные положения» кодекса Алтайского края написано, что гражданский служащий несет моральную ответственность за нарушение норм настоящего кодекса; должен понимать, что явное и систематическое нарушение норм настоящего кодекса несовместимо с дальнейшей служебной деятельностью в государственных органах. Таким образом, мы встречаем полное совпадение норм кодексов между собой и частичное (примерно в 40 % в среднем) с федеральными нормативными актами о государственной службе.

Особого внимания в данном случае заслуживает кодекс Республики Бурятия, который содержит нормативные

[5] О внесении изменений в Указ Президента РФ от 12.08.2002 № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих» и в общие принципы, утвержденные этим Указом. Указ Президента РФ от 16.07.2009 № 814 // СЗ РФ. 20.07.2009. № 29. Ст. 3658.

[6] О Кодексе этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Новосибирской области…

[7] Этический кодекс государственных гражданских служащих, замещающих должности государственной гражданской службы Алтайского края в органах государственной власти Алтайского края, иных государственных органах Алтайского края. Принят 07.05.2009 на состоявшейся в Администрации края конференции государственных гражданских служащих Алтайского края. Режим доступа: http://www.inform22.ru/gossluzhba/docs/4315/ (дата обращения: 25.02.2020).

[8] Там же.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-287-295

требования, которые не содержатся ни в томском и алтайском кодексах, ни в федеральном законодательстве, ни даже в рассмотренных нами федеральных кодексах о государственной службе. Бурятский кодекс отличается большей подробностью описываемых норм и большей степенью их этизации с применением большего количества нравственных категорий[9]. Этический кодекс Республики Бурятия в большей степени, чем другие аналогичные кодексы, насыщен моральными статьями, характерными для традиций народов данного региона. К тому же в кодексе этические принципы сначала просто заявляются, а затем каждый отдельно более подробно описывается на примере конкретного поведения и действий. Примечательно, что кодекс Бурятии определяет ответственность за нарушение его требований. Данное положение отсутствует во всех других рассматриваемых кодексах. Только в кодексе Республики Бурятия отмечены такие важные для подобных документов требования (которые есть и в законе), как поведение служащего при возникновении конфликта интересов, соблюдение служащим установленного в государственном органе распорядка работы, обеспечение конфиденциальности информации, ставшей известной гражданскому служащему в связи с исполнением должностных обязанностей, затрагивающей частную жизнь, честь и достоинство гражданина. Только в этом кодексе присутствует замечание об исполнении обязанностей, установленных федеральными законами в сфере государственной службы. Стоит отметить, что бурятские законодатели постоянно совершенствуют нравственные нормы своего этического кодекса, приводя его в соответствие не только с требованиями федерального законодательства, но и с запросами жителей данного региона.

Нужно сказать, что этические кодексы других регионов пытаются внести положения об ответственности государственного служащего. В этом отношении кузбасские законодатели взяли данное положение, в том числе опираясь на опыт других региональных кодексов, прежде всего бурятского. В «Кодексе этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Кемеровской области» в гл. IV «Ответственность за нарушение положений Кодекса» Кемеровской области более подробно говорится об ответственности за нарушения: «Нарушение государственным служащим положений Кодекса подлежит моральному осуждению на заседании комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих и урегулированию конфликта интересов, образованной в государственном органе, а в случаях, предусмотренных федеральными законами, нарушение положений Кодекса влечет применение к государственному служащему мер дисциплинарной, гражданско-правовой, административной или уголовной ответственности»[10]. Однако, как отмечалось выше, бурятский этический кодекс отличает от кемеровского повышенный уровень нравственности, а не только нормативности.

Ведется работа по формированию индивидуальных планов профессионального развития гражданских служащих Кемеровской области. Однако существует и ряд проектов, которые не утверждены или находятся на стадии утверждения.

Государственная служба в Кемеровской области в правовом отношении оформилась с принятием областного закона «О государственных должностях и государственной службе Кемеровской области»[11]. Он был принят немного позже, чем в других регионах России. Многие моменты в деятельности аппарата государственных органов были законодательно прописаны, чего не было в советский период функционирования государственной службы. Позже Постановлением Губернатора Кемеровской области «Об утверждении Положения о комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих Кемеровской области и урегулированию конфликта интересов»[12] деятельность этой комиссии оценена в рамках экспертного опроса, проведенного среди государственных гражданских служащих Кемеровской области.

Проблемы в практике применения региональных этических кодексов

Региональные кодексы имеют интересное отличие от федеральных кодексов: они содержат требования достойного поведения государственных служащих во внеслужебной деятельности, что, на наш взгляд, носит несколько утопический и неправомерный характер. Примечательно, что порой нормы в этих кодексах (например, требование о разговоре по телефону) носят очень ситуативный характер. В результате возникает несоответствие единому принципу построения кодекса: либо это просто общие этические требования к государственным служащим при исполнении ими служебных обязанностей, либо детализация прописанных ситуативных правил поведения.

Для того чтобы оценить практические шаги по внедрению указанных кодексов и отношение к ним, авторами

[9] Кодекс поведения государственных гражданских служащих Республики Бурятия (с изм. на 28.08.2017). Утвержден Указом Президента Республики Бурятия от 15.07.2009 № 259. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/895218774 (дата обращения: 25.02.2020).

[10] Кодекс этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Кемеровской области…

[11] О государственных должностях Кемеровской области и государственной гражданской службе Кемеровской области. Закон Кемеровской области от 01.08.2005 № 103-ОЗ. Режим доступа: http://www.garant.ru/hotlaw/kemerovo/124814/ (дата обращения: 25.02.2020).

[12] Об утверждении Положения о комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих Кемеровской области и урегулированию конфликта интересов. Постановление Губернатора Кемеровской области от 24.09.2010 № 57-пг. Режим доступа: http://uprtmb.ru/index.php?ds=932224 (дата обращения: 25.02.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-287-295

был проведен экспертный опрос среди государственных служащих Томской и Кемеровской областей. При исследовании нами был использован надежно зарекомендовавший себя в прикладной социологии выборочный метод, предполагающий изучение не всей генеральной совокупности – в нашем случае всех государственных служащих, а только части выборочной совокупности, сформированной на основе случайного отбора единиц наблюдения. При исследовании авторами была применена целенаправленная выборка с применением метода стихийной выборки – это обычный опрос по электронной почте. Объектами выборки выступили государственные служащие Томской и Кемеровской областей в 2019 г. Используемый алгоритм выборочного исследования позволил сформировать репрезентативную выборочную совокупность, отражающую основные тенденции генеральной совокупности. Основу выборочной совокупности составили 380 государственных служащих Томской и Кемеровской областей. В Томскую область было разослано более 400 анкет на электронные почты сотрудников региональных органов управления Томской области. Ответы мы получили от 280 респондентов. Также авторами был проведен экспертный опрос среди сотрудников Администрации Кемеровской области (из 300 разосланных анкет были получены ответы от 100 государственных служащих). Возраст респондентов составил 35–55 лет, стаж работы – 5–10 лет. 60 % выборки – мужчины, 40 % – женщины. Все опрошенные имеют высшее образование: гуманитарное – 60 %, техническое – 40 %.

Респондентам был задан ряд вопросов. На вопрос «Известно ли Вам о существовании этических кодексов поведения государственных служащих?» большинство респондентов дали положительный ответ (70 % респондентов Кемеровской области, 80 % – Томской области).

На вопрос «Считаете ли Вы эффективным функционирование кодекса?». В Томской области 92 % респондентов ответили «отчасти, не совсем»; и только 8 % – «да, мне известны случаи, когда кодекс способствовал изменению проблемной ситуации в лучшую сторону». В Кемеровской области доля тех, кто считает, что кодекс способствовал изменению проблемной ситуации, больше – 20 %. Так или иначе, к сожалению, ответы респондентов наглядно демонстрируют пессимизм экспертов в практической реализации этических кодексов. Это связано в большей степени с тем, что действия кодексов применяются органами власти далеко не во всех случаях, избирательно. Естественно, о применении кодексов знает лишь незначительное число служащих, что говорит о низком качестве применения данного документа. Поэтому государственные служащие не придают значения действенности данного кодекса. Тем не менее, несмотря на это, государственные служащие надеются на изменения, которые могут положительно сказаться на реализации положений существующего нормативного документа.

Можно отметить, что общество считает важным моральное поведение не только в органах государственной власти, но и в других общественных местах, в которых распространяется деятельность государственных служащих. При ответе на вопрос «Созданы ли в вашем регионе комиссии по соблюдению норм данного кодекса?» небольшая часть респондентов ответили – «да, мне известна деятельность таких комиссий» (25 % респондентов Кемеровской области, 9 % – Томской области); а большая их часть в Кемеровской и Томской областях ответили «нет, не известна» (75 % и 91 % соответственно). Таким образом, необходима популяризация таких комиссий среди государственных служащих с тем, чтобы они могли наглядно ощущать их деятельность.

На вопрос «Применяли ли региональные органы власти санкции к должностным лицам, которые нарушили нормы кодекса?» лишь незначительная часть респондентов ответили, что слышали о таких случаях (15 % респондентов Кемеровской области, 9 % – Томской области), большинство, а точнее 80 % в Кемеровской области и 89 % в Томской области, указали на то, что никаких санкций не применялось. И лишь 5 % и 2 % соответственно указали, что такие случаи были в их непосредственном окружении.

При ответе на вопрос «Знакомы ли Вы с проектом Единого кодекса государственных служащих Российской Федерации?» примерно одинаковое количество респондентов в обеих областях ответили «да» (7 % респондентов Кемеровской области, 6 % – Томской области) и одинаковое – «нет» (93 % и 94 % соответственно). Это означает, что государственные служащие данных регионов не владеют информацией о том, что законодателями уже несколько лет назад был разработан общефедеральный этический кодекс. Кроме того, нужно отметить, что широкого освещения законодательного процесса, связанного с обсуждением и принятием данного нормативного акта, нет. Отсутствуют комментарии лидеров ведущих парламентских партий о ходе данного процесса, не фиксируются общественные запросы на принятие этого документа, хотя необходимость в нем есть как со стороны общества, так и со стороны государственных гражданских служащих на федеральном и региональных уровнях.

Все вышесказанное подводит государственных служащих к ответу на вопрос о создании единого этического кодекса поведения для региональных государственных служащих. С точки зрения практической деятельности данного института законодатель склоняется в данном случае, на наш взгляд, в сторону целесообразности принятия такого документа, поскольку, во-первых, региональные государственные служащие не имеют различной между собой специфики, которая требует выработки отдельных специфических норм, во-вторых, мы встречаем значительное совпадение между собой норм кодексов.

На вопрос «На ваш взгляд, стоит ли принять единый модельный этический кодекс поведения государственных служащих на общефедеральном уровне для всех

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-287-295

государственных гражданских служащих Российской Федерации?» 60 % респондентов Томской области ответили «да», что больше на 10 %, чем в Кемеровской области. Нужно отметить, что 30 % респондентов Томской области считают – «нет, это дело каждого региона», хотя в Кемеровской области ответ на данный вопрос получил на 10 % меньше. Затруднились с ответом в большей степени респонденты Кемеровской области (30 %), нежели Томской (10 %). Если посмотреть на ответы, данные выше, государственные служащие сомневаются, что такой кодекс может быть принят в ближайшее время.

Как видно из полученных данных, большинство государственных служащих считают необходимым принять Единый кодекс этики государственного служащего на федеральном уровне, т. к. это дало бы некий ориентир для корректировки и применения региональных кодексов в соответствии с российским законодательством. Таким образом, можно отметить повышенный общественный запрос на принятие общефедерального кодекса, который может стать ориентиром для региональных кодексов, а также придать им определенную политико-юридическую силу.

Перспективы принятия общефедерального этического кодекса

Необходимо отметить, что проект Единого кодекса государственных служащих находится на рассмотрении Государственной Думы РФ более десяти лет.

В идеале антикоррупционное поведение государственного гражданского служащего включает в себя ряд требований, в их числе: активность в предотвращении коррупционных проявлений, строгое соблюдение установленных предписаний; исполнение должностных обязанностей в соответствии с регламентом; поведение должно быть корректным, не связанным с проявлением высокомерия, грубости, неуважительного отношения к человеку; хорошая моральная репутация; способность исходить из конституционных положений о правах и свободах человека. На практике же часть государственных гражданских служащих не придерживается этих принципов. Поэтому актуальным остается вопрос о создании единого этического кодекса поведения для региональных государственных служащих. Принятие такого документа было бы вполне оправданным, поскольку, во-первых, региональные государственные служащие не имеют различной между собой специфики, которая требует выработки отдельных специфических норм. Во-вторых, мы встречаем значительное совпадение между собой норм кодексов. В-третьих, вопрос о праве региона на самоопределение в вопросе принятия подобного документа решается уже принятием указа президента о поведении государственных служащих. Только в случае принятия единого кодекса поведения он должен будет сопровождаться созданием соответствующих комиссий, что, очевидно, будет носить более эффективный характер.

Как показывает практика, деятельность некоторых государственных служащих отмечена не только добросовестным выполнением своих должностных обязанностей, но и тем, что население волнует проблемы отчуждения от их насущных проблем, волокита в принятии необходимых решений. Все это свидетельствует о том, что внимание к проблемам служебной этики в Кемеровской и Томской областях, как и в других регионах, есть, но оно очень незначительное, что говорит о необходимости совершенствования законодательства о моральном поведении чиновников как в регионах, так и в целом в стране.

Заключение

Этические кодексы государственных гражданских служащих на региональном уровне, в частности в СФО, пока не стали предметом специальных научных исследований. Большинство опрошенных государственных гражданских служащих Кемеровской и Томской областей указали на существование этических кодексов поведения. Но при этом считают, что нельзя признать эффективным функционирование этих кодексов. Одна из причин такого положения дел – избирательное отношение региональных властей к использованию этических кодексов. В результате государственные гражданские служащие Кемеровской и Томской областей не имеют информации о работе комиссий, осуществляющих контроль за реализацией этических кодексов, и о разработке проекта единого этического кодекса государственных служащих РФ. Тем не менее более половины опрошенных респондентов считают необходимым принятие общефедерального этического кодекса, который должен стать действенным механизмом в борьбе с коррупцией и инструментом контроля морального поведения государственных гражданских служащих не только в регионах, но и в России в целом.

Литература

1. Добрышкина К. В. Проблемы антикоррупционной политики Российской Федерации // Гуманитарные научные исследования. 2019. № 5. Режим доступа: http://human.snauka.ru/2019/05/25849 (дата обращения: 29.05.2019).
2. Захарова Т. Н. Коррупция и этика служебного поведения государственных гражданских служащих в социально-философском контексте // Актуальные вопросы разработки и применения современных практик реализации государственной политики в области противодействия коррупции: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Челябинск, 25 ноября 2016 г.) Челябинск, 2017. Т. 1. С. 233–237.
3. Ирхин Ю. В. Методология формирования и совершенствования этических кодексов государственных служащих как средства антикоррупционной политики: зарубежные и российские подходы // Актуальные проблемы научного

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-287-295

обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам Второй Всерос. науч. конф. (Екатеринбург, 29 сентября – 1 октября 2015 г.) Екатеринбург, 2016. С. 227–245.
4. Мусаев Э. Этическая составляющая в противодействии коррупции // Право.by. 2017. № 3. С. 110–114.
5. Сафонов О. И. Этический кодекс как механизм противодействия коррупции // Современные тенденции в государственном управлении, экономике, политике, праве: сб. докладов Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов (Ростов-на-Дону, 17 ноября 2016 г.) Ростов н/Д, 2016. С. 438–445.
6. Платов Е. В. Антикоррупционный стандарт поведения государственного служащего // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 4. С. 192–197.
7. Тхаркахо А. А., Гоциева М. И., Бунтовский С. Ю. Этические нормы в регулировании государственной службы и их роль в противодействии развитию коррупции // Аллея науки. 2018. Т. 5. № 9. С. 650–653.
8. Ямщиков С. В., Ивлева А. С. Кодекс профессиональной этики государственных служащих как средство противодействия коррупции в современной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С. 120–126. DOI: 10.23672/SAE.2020.2.56060
9. Бунтовский С. Ю., Хайдарова А. А., Коншин А. И. Этика служебных отношений // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 12-2. С. 170–174. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-11909
10. Филичкин С. Л. Этика в государственной службе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2018. № 9. С. 23–27.
11. Гоцева А. В. Профессиональная этика государственных служащих и муниципального управления // Тенденции развития науки и образования: сб. науч. тр. по мат-лам III Междунар. науч.-практ. конф. (Смоленск, 20 января 2020 г.) Смоленск, 2020. С. 65–68.
12. Дедешко Д. С., Ковалева Н. Н. Этические требования к государственному и муниципальному служащему // Экономика. Образование. Право. Научные исследования состояния и развития современного общества: сб. науч. тр. по мат-лам Междунар. науч.-практ. конф. (Волгоград, 1–31 октября 2016 г.) Волгоград, 2016. С. 430–434.
13. Кирилина И. А. Проблемы этического регулирования служебного поведения государственных служащих // Эволюция общественных отношений в процессе российской модернизации: социетальный и региональный аспекты: сб. ст. X Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 30–31 октября 2017 г.) Пенза, 2017. С. 83–86.
14. Смоленский М. Б., Миллеров Е. В. К проблемным вопросам правового регулирования этики профессионального поведения государственных служащих // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 5. С. 81–83.
15. Парнюк Р. А. Этика и этикет государственного служащего // Инновационная наука. 2019. № 3. С. 197–200.
16. Филонов В. И., Горлач М. Ю. Ответственность за нарушение норм этики и служебного поведения государственных и муниципальных служащих Российской Федерации // Вестник государственного и муниципального управления. 2017. № 1. С. 11–15. DOI: 10.12737/article_5901db43b1d402.11668287
17. Ховалыг А.-С. Р. Этические нормы как часть квалификационных требований к должности государственного служащего // Инновационная наука. 2020. № 1. С. 70–72.
18. Казеева Ю. Н. Профессиональная этика в механизме государственного управления // Социум и жизненное пространство личности (междисциплинарные аспекты): сб. ст. II Всерос. науч.-практ. конф. (Пенза, 27–28 марта 2019 г.) Пенза, 2019. С. 30–32.
19. Соколов В. М. Моральные ценности россиян в контексте государственного управления // Коммуникология. 2015. Т. 3. № 1. С. 89–99.
20. Mažeikis G., Perov V. Moralinės legitimacijos reikšmė kritinės teorijos požiūriu // PROBLEMOS. 2015. № 87. P. 44–59.
21. Акимова А. М., Лазутина Е. М., Писчурникова В. С. Контент-анализ содержания этических кодексов в Российской Федерации (на примере двух документов федерального уровня управления) // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2018. № 2. С. 213–216.
22. Валькович О. Н., Хуажева Б. Р. Проблемы контроля и мониторинга соблюдения кодекса этики и служебного поведения государственных служащих // Экономика устойчивого развития. 2019. № 4. С. 46–50.
23. Сизганова Е. Ю. Анализ содержания кодекса этики и служебного поведения государственных и муниципальных служащих // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 4. С. 171–174.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-287-295

original article

State and Prospects of Ethical Codes of Civil Servants in Siberian Federal District as a Factor of Increasing Efficiency of Regional and Federal Administration

Mikhail M. Kislyakov [a, @, ID1]; Konstantin V. Vostrikov [b, ID2]
[a] Kemerovo State Medical University, Russia, Kemerovo
[b] Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, Russia, Kemerovo
[@] m.kislyakov@mail.ru
[ID1] https://orcid.org/0000-0002-4450-0432
[ID2] https://orcid.org/0000-0001-9132-9175

Received 09.03.2020. Accepted 02.06.2020.

Abstract: The research featured the Ethical Codes of state civil servants, which are to improve the efficiency of regional and federal management. The research objective was to analyze the content, problems, and prospects of Ethical Codes of civil servants as a factor in improving the efficiency of regional and federal management. The study was based on a comparative analysis and a sample method. The article considers the Ethical Codes introduced in several Siberian districts and their impact on the managerial and political practice. The Codes were an attempt of Siberian authorities to raise the prestige of public service in the local society with its complex economic and political processes. The authors conducted an expert survey, which suggests that the Ethical Codes adopted in the Siberian districts failed to improve the regional management. Therefore, a Federal Code of Ethics is necessary.

Keywords: civil society, regional government bodies, comparative analysis, sampling method, regulations, moral behavior

For citation: Kislyakov M. M., Vostrikov K. V. State and Prospects of Ethical Codes of Civil Servants in Siberian Federal District as a Factor of Increasing Efficiency of Regional and Federal Administration. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(3): 287–295. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-287-295

References

1. Dobryshkina K. V. Problems of anti-corruption policy in the Russian Federation. *Humanitarian scientific research*, 2019, (5). Available at: http://human.snauka.ru/2019/05/25849 (accessed 29.05.2019). (In Russ.)
2. Zakharova T. N. Corruption and the ethics of service behavior of public civil servants in social-philosophical context. *Topical issues of development and application of modern practices of implementation of state policy in the field of anti-corruption*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Chelyabinsk, November 25, 2016. Chelyabinsk, 2017, vol. 1, 233–237. (In Russ.)
3. Irkhin Yu. V. Methodology of formation and improvement code of ethical for public servants as means of anti-corruption policy: foreign and Russian approaches. *Topical problems of scientific support of state policy of the Russian Federation in the field of anti-corruption*: Proc. Second All-Russian Sci. Conf., Ekaterinburg, September 29 – October 1, 2015. Ekaterinburg, 2016, 227–245. (In Russ.)
4. Musayev E. The ethical component of countering corruption. *Pravo.by*, 2017, (3): 110–114. (In Russ.)
5. Safonov O. I. Ethical code as a mechanism against corruption. *Modern trends in public administration, economy, politics, law*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. of young scientists, post-graduates, and students, Rostov-on-Don, November 17, 2016. Rostov-on-Don, 2016, 438–445. (In Russ.)
6. Platov E. V. Anti-corruption standard of behavior of state officers. *Jurist-Pravoved,* 2019, (4): 192–197. (In Russ.)
7. Tkharkakho A. A., Gotsieva M. I., Buntovskiy S. Y. Ethical norms in the regulation of public service and their role in countering the development of corruption. *Alleia nauki*, 2018, 5(9): 650–653. (In Russ.)
8. Yamshchikov S. V., Ivleva A. S. Code of professional ethics for civil servants as a means of combating corruption in modern Russia. *Humanities, Social-economic and Social Sciences*, 2020, (2): 120–126. (In Russ.) DOI: 10.23672/SAE.2020.2.56060
9. Buntovskiy S. Y., Khaydarova A. A., Konshin A. I. Ethics of service relations. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2019, (12-2): 170–174. (In Russ.) DOI: 10.24411/2500-1000-2019-11909
10. Filichkin S. L. Ethics in public service. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2018, (9): 23–27. (In Russ.)
11. Gotseva A. V. Professional ethics of civil servants and municipal administration. *Trends in the development of science and education:* Proc. III Intern. Sci.-Prac. Conf., Smolensk, January 20, 2020. Smolensk: Naukosphera, 2020, 65–68. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-287-295

12. Dedeshko D. S., Kovaleva N. N. Ethical requirements for state and municipal employee. *Economy. Education. Right. Scientific research of the state and development of modern society*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Volgograd, October 1–31, 2016. Volgograd, 2016, 430–434. (In Russ.)
13. Kirilina I. A. The problems of ethical regulation of official behavior of civil servants. *Evolution of social relations in the process of Russian modernization: social and regional aspects*: Proc. X Intern. Sci.-Prac. Conf., Penza, October 30–31, 2017. Penza, 2017, 83–86. (In Russ.)
14. Smolensky M. B., Millerov E. V. Problematic issues of legal regulation of ethics of professional behavior of public servants. *Nauka i obrazovanie: khoziaistvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie*, 2019, (5): 81–83. (In Russ.)
15. Parniuk R. A. Ethics and etiquette of a public servant. *Innovatsionnaia nauka*, 2019, (3): 197–200. (In Russ.)
16. Filonov V. I., Gorlach M. Y. Responsibility for violation of the norms of ethics and official behavior of state and municipal employees of the Russian Federation. *Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*, 2017, (1): 11–15. (In Russ.) DOI: 10.12737/article_5901db43b1d402.11668287
17. Hovalyg A.-S. R. Ethical standards as part of the qualification requirements for the position of public servant. *Innovatsionnaia nauka*, 2020, (1): 70–72. (In Russ.)
18. Kazeeva Yu. N. Professional ethics in the mechanism of public administration. *Society and life space of the individual (interdisciplinary aspects)*: Proc. II All-Russian Sci.-Prac. Conf., Penza, 27–28 March, 2019. Penza, 2019, 30–32. (In Russ.)
19. Sokolov V. M. Moral values of the Russians within the context of state management. *Communicology*, 2015, 3(1): 89–99. (In Russ.)
20. Mažeikis G., Perov V. Moralinės legitimacijos reikšmė kritinės teorijos požiūriu. *PROBLEMOS*, 2015, (87): 44–59.
21. Akimova A. M., Lazutina E. M., Pischurnikova V. S. Content analysis of the content of ethical codes in the Russian Federation (on the example of two documents of the federal level of management). *GosReg. Gosudarstvennoe regulirovanie obshchestvennyh otnoshenij*, 2018, (2): 213–216. (In Russ.)
22. Valkovich O. N., Khuazheva B. R. Problems of control and monitoring compliance with the code of ethics and the official behavior of state officers. *Economics of sustainable development*, 2019, (4): 46–50. (In Russ.)
23. Sizganova E. Yu. Analysis of the content of the ethics code and official behavior of state and municipal employees. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, 2019, (4): 171–174. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-296-304

оригинальная статья
УДК 323.3

Научно-экспертное сообщество и власть: специфика и модели взаимодействия (на примере регионов СФО)

Михаил А. Клименков [a, @, ID]
[a] Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
[@] m.klimenkov1993@mail.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0002-3160-7732

Поступила в редакцию 06.03.2020. Принята к печати 05.05.2020.

Аннотация: Предпринята попытка в первом приближении исследовать проблемы в выстраивании взаимодействия между представителями научного сообщества и власти на примере пяти регионов СФО (Кемеровской, Новосибирской и Томской областей, Алтайского края и Республики Тыва). Цель – выявить и охарактеризовать доминирующую модель в выстраивании взаимодействия между представителями научного сообщества и власти в СФО. Основным методом, используемым при проведении исследования, стал метод полуструктурированного экспертного интервью, во время которого были опрошены 34 респондента – представители научного сообщества, реализующие экспертную и аналитическую функции научного знания. Применение метода позволило выявить уровень субъектности региональных научных сообществ как групп экспертов в процессе принятия политических и государственных решений, а также выделить модели и специфику в выстраивании взаимодействия между учеными и властью. В ходе проведения исследования были выявлены основные проблемы, мешающие выстраиванию эффективного и партнерского взаимодействия между экспертами и властью, среди которых основные: доминирование в регионах режима электорального-авторитаризма и слабо выраженная экспертная функция у большей части представителей научного сообщества региона. В результате исследования было отмечено, что во взаимодействии между экспертным сообществом и властью в СФО доминирует неформальная (неинституционализированная) модель взаимодействия, основной характеристикой которой является слабая включенность широких слоев экспертного сообщества в реализации экспертно-аналитической деятельности.

Ключевые слова: научное сообщество, экспертное сообщество, публичная политика, политический процесс, региональная политика

Для цитирования: Клименков М. А. Научно-экспертное сообщество и власть: специфика и модели взаимодействия (на примере регионов СФО) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 3. С. 296–304. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-296-304

Введение

В настоящее время достаточно актуальной для исследований российской и зарубежной политической науки является проблема осмысления роли и места экспертных сообществ и их влияния на политические процессы в странах с разными политическими режимами. Поддержание интереса к изучению проблемы, как представляется, вызвано происходящими с середины XX в. трансформациями в структуре общества (переход к информационному обществу) и развитием экономики (переход в постиндустриальную стадию развития), что, в свою очередь, изменило роль экспертного и научного знания. Как следствие, появилось множество научных работ, преимущественно американских авторов, среди которых можно выделить теоретические работы Э. Тоффлера [1], Д. К. Гэлбрейта [2] и Д. Белла [3]. Ученые обосновывали мнение, что в новой складывающейся общественно-политической системе повысится роль научного знания, а значит, повысится роль носителей данного знания, а именно ученых. На сегодняшний день становится отчетливо видно все происходящие в общественно-политическом пространстве трансформации, в рамках которых впервые за несколько десятков лет неполитические акторы (в том числе и экспертные сообщества) смогли получить доступ к участию в поле публичной политики.

У данного процесса существует и определенная специфика. Например, на данный момент ряд американских ученых отмечает снижение роли экспертного знания в участии и реализации американской внутренней и внешней политики. Так, американский политолог Т. Николс ввел в научный оборот термин *гибель экспертного знания* (*The Death of Expertise*) [4]. Ученый констатирует, что в современной политической системе США произошла утрата доверия к экспертам и их замена лжеэкспертами. По мнению ученого, данному процессу способствовало, прежде всего, развитие интернет-технологий и трансформация сферы образования в США. В силу этих факторов в США наблюдается процесс обесценивания экспертного знания в любой области, что, в свою очередь, стирает любые границы между профессионалами и дилетантами.

В виду обозначенной проблемы становится особо актуальным исследование потенциала и роли отечественного научного сообщества в общественно-политических процессах. Неизбежно встает ряд вопросов: насколько

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-296-304

отечественное научное сообщество допущено к реализации экспертной функции и насколько оно квалифицировано в этом плане в складывающейся общественно-политической обстановке.

Концептуальные основы исследования

В отечественной науке тема роли экспертов в политических процессах освещена достаточно подробно. Можно найти множество научных работ, посвященных осмыслению роли и места отечественного научного сообщества. Среди них выделим исследования, проведенные А. Ю. Сунгуровым [5–7]. Анализируя отечественный опыт, ученый выявил основные модели взаимодействия между властью и экспертным сообществом [6], формы организации экспертного сообщества и условия для появления и развития институтов участия экспертных сообществ в политических процессах [7]. Следует отметить и группу ученых Высшей школы экономики, под руководством Н. Ю. Беляевой [8; 9], которые первыми разработали и применили методику для исследований российских аналитических сообществ. Проблемы коммуникации между государством и экспертными сообществами подробно освещает А. С. Макарычев [10].

В целом можно говорить, что в российской политической науке проблема участия экспертных сообществ получила достаточно подробное освещение. Однако подчеркнем, что в большинстве исследований под экспертным сообществом подразумевают в основном разнородную массу, состоящую из экспертов, аналитиков и консультантов, работающих в разных областях и напрямую не связанных с научной деятельностью. Вследствие этого существует пробел в исследовании данного направления, связанный с более глубоким изучением стратификационной составляющей данных групп. Поэтому в настоящем исследовании фокус будет смещен именно на представителей академического и вузовского сообществ в аспекте реализации экспертной функции. Далее для удобства будет использоваться термин *научно-экспертное сообщество* – небольшая группа ученых, активно принимающих участие в общественно-политических процессах в качестве экспертов, аналитиков и консультантов на разных коммуникативных площадках.

Приступая к изучению роли ученых в региональной политике, следует упомянуть, что на современные модели и формы взаимодействия научного сообщества и власти оказывает серьезное влияние историческая и социокультурная традиция российской государственности. Для научного сообщества и государства в целом характерна диспропорция позиций и статусов, которая проявляется в том, что в российской истории государство всегда играло лидирующую роль во взаимодействии с научным сообществом, поскольку выступало инициатором создания первых научных обществ и Академии наук и впоследствии финансировало их деятельность [11]. Специфика, складывающаяся во взаимодействии на протяжении десятков лет, наложила отпечаток и на современную модель взаимодействия. По-прежнему основополагающим является фактор доминирования государства.

Партнерское и эффективное взаимодействие между наукой и властью возможно только при демократической форме правления, при которой у научного сообщества больше шансов стать реальным актором поля публичной политики. При авторитарной власти шансы на включение любого актора поля публичной политики смещаются к нулю. К данному выводу пришли американские ученые Дж. Г. МакГэнн и Э. К. Джонсон, которые на протяжении нескольких лет исследовали деятельность экспертно-аналитических структур, именуемых в американской политической науке *think thanks*, в странах демократического и авторитарного типа. Ученые пришли к выводу, что все аналитические сообщества и экспертно-аналитические структуры разного вида вырастают из демократии и могут успешно функционировать лишь в условиях гражданского общества [12]. Отчасти подтверждает данный вывод и российский исследователь Д. Г. Зайцев, указывая на то, что феномен аналитических центров напрямую связан с развитием плюрализма, демократии и гражданского общества [13].

Применительно к специфике России отметим, что в среде научного сообщества до сих пор достаточно дискуссионным остается вопрос о том, насколько демократичны институты власти в России. Данную проблему, как представляется, удобнее рассмотреть через призму складывающегося регионального политического режима. Термин *региональный политический режим* появился в научной дискуссии относительно недавно [14; 15]. Важно подчеркнуть, что в данной дискуссии ученые указывают, что складывающийся режим вбирает в себя как признаки демократии, так и некоторые черты авторитаризма. Следуя методологии, разработанной для сравнительного исследования региональных политических режимов Р. Ф. Туровским, принято использовать четыре оси: автономия – зависимость, демократия – авторитаризм, моноцентризм – полицентризм, консолидация – конкуренция [16]. В соответствии с данной схемой в среде ученых сложилось мнение, что региональный политический режим сместился за последние годы в сторону моноцентризма, основной характеристикой которого является концентрация власти в руках губернатора, осуществляющего контроль над законодательной властью, федеральными структурами в регионе и местным самоуправлением.

Отрицательным проявлением централизации, по мнению А. Ю. Дергачева, является приведение к определенным стандартам институционального и нормативного оформления власти, что повлияло на устранение многообразия субъектов политики внутри регионов и специфику политического поведения и ориентаций политической культуры [17]. Следствием смещения регионального политического режима в сторону моноцентризма является усиление авторитарных тенденций в российских

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-296-304

регионах, а это снижает потребность в альтернативных властным сценариях развития, поступающих от различных акторов поля публичной политики [18]. В этой связи спрос на участие экспертов и аналитиков в региональной политике будет снижаться.

Результаты исследования

В условиях преобладания моноцентричного политического режима в российских регионах доминирует ярко выраженная асимметрия позиций. Асимметрия проявляется в том, что специфику запроса на научно-экспертное сопровождение формирует политическая сфера (преимущественно региональные органы исполнительной власти). При отсутствии запроса существующие предложения, идеи, стратегии, как правило, оказываются невостребованными.

Политическая сфера определяет и то, в какой степени она готова допустить ученых до предметного взаимодействия по наиболее сложным и актуальным вопросам. Данный факт подтверждает проведенный опрос среди представителей научного сообщества. Респондентам (34 человека) был задан вопрос: На какие субъекты поля публичной политики Вы ориентированы? Ответы распределились следующим образом: органы исполнительной власти – 88 %, органы законодательной власти – 15 %, органы местного самоуправления – 10 %, политические партии – 12 %, общественные организации – 35 %, СМИ – 47 %.

Рассматривая аспект взаимодействия с внешней средой, можно увидеть, что наиболее сильной и значимой в системе координат обозначена связка *ученый – органы исполнительной власти*. Это позволяет сделать вывод, что научно-экспертное сообщество в своей деятельности преимущественно ориентировано на региональные органы исполнительной власти. В регионах долгие годы складывалась ситуация, при которой единственным заказчиком выступала власть в лице исполнительных органов. Данный выбор понятен, если брать во внимание, что органы государственной власти не только обладают потенциальным интересом к экспертно-аналитическим продуктам, но и финансовыми возможностями для их заказа.

Следствием отсутствия спроса в привлечении внешних экспертов при разработке государственной политики является наличие малого количества экспертно-аналитических структур при органах власти, в рамках которых происходило бы реальное, а не имитационное взаимодействие. Как показало исследование, в регионах хоть и существуют экспертные площадки при органах власти, оценки респондентов указывают скорее на декоративный характер их деятельности. В некоторых случаях наличие подобных структур граничит с чисто имитационной функцией. Так, в Республике Тыва функционирует Совет по научной и научно-технической деятельности, в Новосибирской области – Общественная палата Новосибирской области, в Кемеровской области – Экспертный совет при губернаторе и Общественная палата Кемеровской области, в Томской области – экспертные советы при администрации и Общественная палата Томской области, в Алтайском крае – общественные советы разного уровня при исполнительных органах власти.

О невостребованности экспертно-аналитических структур в регионах говорит и опрос респондентов, где в подавляющем большинстве ответов отчетливо видно, что региональные власти не заинтересованы в получении экспертно-аналитической информации и потому не создают условий для появления и развития экспертных структур. Вот мнение одного из экспертов: «В настоящее время властям в Алтайском крае не нужны советы извне, нет необходимости в получении экспертных заключений, и, как следствие, ученые вынуждены вариться в собственном кругу, нет запроса, нет механизма донесения идей и предложений до власти» (интервью с профессором А. Алтайский край, май 2019 г.).

В подтверждение данного мнения интересно рассмотреть опыт Алтайского края, когда отдельные представители научного сообщества края предприняли попытку создания крупной экспертно-аналитической структуры при губернаторе: «В конце 90-х гг. в Алтайском крае представители экспертного сообщества из числа ученых высказывали предложения о создании структуры при администрации Алтайского края (Аналитическое управление), схожая структура называется сейчас "Аналитический департамент". Основной задачей же данной структуры было как раз наладить взаимодействие между чиновниками и экспертами, чтобы при принятии системных решений учитывались не только экономические последствия, но и социальные. Постоянное взаимодействие планировалось наладить с ведущими экспертными площадками, которые в основном сосредоточены в вузах региона. Удалось реализовать данный проект лишь с приходом к власти М. С. Евдокимова. Голос ученых был услышан и в 2005 г. была создана структура "Аналитическое управление" при администрации края. Предполагалось, что по ряду вопросов, где нет экспертов, взаимодействие будет осуществляться с Сибирской академией наук и другими научными центрами, в том числе и зарубежными. Однако позже, после прихода новой власти, данную структуру посчитали ненужной и ликвидировали ее. Сейчас, в настоящее время, новый губернатор, к сожалению, предложения о восстановлении "Аналитического управления" пока воспринимает с настороженностью. Мне видится, причина кроется в том, что губернатор – новый человек у нас в регионе и все предложения от региональных сил воспринимает с настороженностью» (интервью с профессором Б. Алтайский край, май 2019 г.).

Другой пример, иллюстрирующий невостребованность экспертных структур, являет Кемеровская область. В частности, после протестных движений в России в 2011–2013 гг. в Кемерове была предпринята попытка создания на базе Кемеровского государственного университета крупной экспертной структуры, в которую бы

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-296-304

входили ряд факультетов, включая направления политологии, социологии, истории. Предполагалось, что основной сферой деятельности экспертной структуры являлась бы систематичная оценка и прогнозирование протестных настроений на территории области, а также подготовка практических рекомендаций для администрации в плане снижения протестных настроений. Но попытка не увенчалась успехом. После спада протестных настроений потребность в данной структуре автоматически отпала.

Надежды на выстраивание взаимодействия на постоянной основе в среде научного сообщества в экспертной плоскости были связаны с приходом нового губернатора в Кемеровской области. Губернатор после вступления в должность инициировал создание Экспертного совета при Губернаторе Кемеровской области. Основной задачей совета являлась подготовка предложений по вопросам стратегического и социально-экономического развития Кемеровской области на период до 2035 г.[1] В состав рабочих групп экспертного совета вошло немалое количество представителей научного сообщества региона. Можно выделить ряд наиболее значимых имен: А. Ю. Просеков, Г. Е. Мекуш, А. И. Копытов и др. Если приводить общую статистику, то из 180 приглашенных экспертов 26 представителей, так или иначе, связаны с наукой. Исходя из этого можно предположить, что представители научного сообщества имеют возможность донести свои рекомендации до лиц, принимающих решения, и внести вклад в экспертную оценку разрабатываемых программ.

Респонденты, участвующие в опросе, скептически оценивают работу данного института. Главной причиной этого, как представляется, является фактическая исключенность регионального научного сообщества из разработки стратегии развития региона. Ученые, входя в экспертный совет, лишь участвуют в стратегических сессиях по обсуждению целей, задач и приоритетов развития региона, но этим все ограничивается. Прислушиваются ли к рекомендациям экспертного совета органы исполнительной власти и основные разработчики стратегии социально-экономического развития Кемеровской области – вопрос остается открытым.

Не лучшим образом выглядит и ситуация в Томской области. Единственными примерами взаимодействия науки и власти респонденты назвали экспертные советы при администрации Томской области и коммуникативную площадку при Общественной палате Томской области (ОП ТО). Эффективность работы данных структур оценивают низко. В подтверждение данной позиции можно привести количественный состав данных советов: в 8 существующих советах имена ученых фигурируют в редких случаях, а доминирующую роль играют представители бизнеса. Что касается результатов работы данных структур, «Экспертный совет по внутренней политике», например, за 2018 г. собирался всего 7 раз. Данный факт, скорее, свидетельствует о невостребованности данной структуры или о том, что экспертно-аналитический продукт вырабатывается в закрытом формате и его результаты не публикуются.

Эксперты оценили работу коммуникативной площадки при ОП ТО более высоко, нежели экспертные советы при администрации области. Данный институт, действительно, объединяет экспертов из числа представителей регионального научного сообщества. Например, из 42 членов ОП ТО шестого созыва, 12 являются учеными, а руководит ОП ТО известный российский ученый Е. Л. Чойнзонов. В состав совета входят два представителя научного сообщества, а именно: доктор политических наук, зав. кафедрой политологии философского факультета Томского государственного университета (ТГУ), директор Института политических исследований А. И. Щербинин, а также доктор технических наук, профессор В. И. Сырямкин[2].

Ситуация в республике Тыва мало чем отличается от других регионов. Как показал опрос, никто из респондентов не смог назвать независимой экспертно-аналитической структуры в республике. Большинство называли в качестве постоянного партнера власти в плане экспертных консультаций и взаимодействий Совет по научной и научно-технической деятельности и Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве республики Тыва (ТИГПИ). Основной задачей Совета является подготовка научно обоснованных рекомендаций и предложений по разработке и практической реализации научной и научно-технической политики республики. Пожалуй, данная структура является единственным примером институционального взаимодействия между представителями науки и власти, в рамках которой ученые могут доносить свои идеи до органов государственной власти. В ходе проведения серии интервью эксперты отметили, что центром объединения политологов республики является ТИГПИ. В процессе реализации стратегии социально-экономического развития республики до 2030 г. коллектив института проводит прикладные социологические исследования по вопросам социально-экономического и общественно-политического развития Республики Тыва по направлениям выявления электоральных предпочтений граждан и оценки межэтнических и межконфессиональных отношений, вносит предложения по пространственному развитию Республики Тыва, научному обоснованию центров экономического роста и т. д.[3]

[1] Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 года. Режим доступа: https://кузбасс-2035.рф (дата обращения: 15.02.2020).

[2] Общественная палата Томской области. Режим доступа: https://opalata.tomsk.gov.ru/ (дата обращения: 15.02.2020).

[3] Государственное задание // Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве республики Тыва. Режим доступа: http://tigpi.ru/gosudarstvennoe-zadanie/ (дата обращения: 15.02.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-296-304

Важнейшей проблемой в развитии экспертного сообщества в СФО является отсутствие независимых экспертных площадок и структур, где происходил бы обмен мнениями и обсуждение наиболее острых вопросов региональной политики. При этом стоит отметить, что само наличие относительно независимых экспертных структур или площадок дает возможность публично участвовать в общественно-политических процессах и доносить свои идеи и взгляды до общественности и власти.

Наиболее позитивная ситуация с наличием независимых экспертных площадок складывается в Новосибирской области, поскольку именно здесь существует целый ряд экспертных площадок и структур, участвуя в которых ученые могут доносить свои экспертные мнения до общественности. Одним из ярких примеров самоорганизации экспертов и аналитиков и, пожалуй, единственным примером реально действующей дискуссионной площадки является созданный в 2019 г. Экспертный клуб Новосибирска (ЭКН). ЭКН представляет собой дискуссионную площадку, в рамках которой ученые, бизнес, общественность и представители местных СМИ обсуждают наиболее значимые проблемы региона в различных форматах, начиная от неформальных встреч и заканчивая экспертизами различных городских проектов и инициатив.

Инициаторами создания данной дискуссионной площадки выступили ученые-политологи И. Г. Козлов, И. А. Лихоманов и С. В. Козлов. Основная миссия ЭКН состоит в развитии институтов гражданского общества и повышении интереса граждан к участию в общественно-политических процессах г. Новосибирска. Важно, что ЭКН не является политической организацией с единым центром принятия решений, данная структура являет собой дискуссионную площадку, где эксперты могут свободно обсуждать наиболее значимые проблемы. Вполне обоснованно можно утверждать, что именно данная структура являет собой реального медиатора, поскольку в различных форматах ее работы обеспечивается взаимодействие между экспертами, обществом и представителями власти. Данный институт, как представляется, является наиболее важным с точки зрения генерации экспертного потенциала региона и может явить собой пример, по которому в дальнейшем могут самоорганизоваться ученые в других регионах.

Интересен и пример создания экспертной структуры одним из видных ученых Новосибирской области В. И. Козодоем. Во время предвыборной кампании на пост мэра г. Новосибирска была создана экспертная структура Институт исторических и социально-политических исследований (ИИиСПИ). Но после выборной кампании данная структура так и не получила своего развития. Основным направлением ее деятельности предполагалось проведение и открытая публикация исторических и социально-политических исследований, преимущественно связанных с выборными кампаниями Новосибирской области. Основу структуры должны были составить наиболее активные ученые политологи, социологи и историки. Создание данной структуры иллюстрирует уникальный пример объединения ряда крупных ученых Новосибирской области, в деле публичного представления своей позиции по актуальным для Новосибирска вопросам.

Руководитель ИИиСПИ В. И. Козодой имеет богатый опыт не только в научной деятельности, но и в политической сфере. Помимо того, что В. И. Козодой является ученым, он длительное время занимал пост вице-губернатора области, а также был депутатом городского совета. В настоящее время он выдвинул свою кандидатуру на пост мэра Новосибирска, что также является уникальным событием для всего СФО, когда из числа представителей научного сообщества выдвигается кандидатура на такой довольно важный и высокий пост.

Третья структура, которую необходимо выделить, – это филиал Фонда развития гражданского общества (ФРГО) под руководством К. А. Антонова. В своей основе филиал ФРГО в Новосибирске собирает и обрабатывает аналитический материал по рейтингу социального самочувствия регионов России и рейтингу оценки эффективности губернаторов. Руководитель Новосибирского филиала ФРГО ведет активную общественную деятельность и несколько раз в год организовывает круглые столы с участием представителей научно-экспертного сообщества. На одной из крайних встреч, прошедшей в конце 2019 г. была проведена межрегиональная научно-практическая конференция «За рамками политических институтов: актуальные практики гражданского активизма в современной Сибири», главной темой обсуждения которой стало тесное взаимодействие различных общественных институтов и власти.

В других регионах СФО ситуация с независимыми экспертно-аналитическими структурами обстоит гораздо хуже. В Республике Тыва они отсутствуют. В Новосибирской области такие площадки представляют ЭКН, ФРГО, Экспертный клуб «Сибирь-Евразия», в Кемеровской области – межрегиональный фонд «Сибирская политика», в Томской области – кафедра политологии на базе ТГУ, в Алтайском крае – кафедра политологии Алтайского государственного университета, Алтайская школа политических исследований, Центр Политического Консалтинга.

Несмотря на то, что в ходе проведения исследования удалось выявить ряд экспертных площадок, существующих в каждом отдельно взятом регионе, оценки респондентов указывают на их имитационный или эпизодический характер деятельности. Единственным уникальным примером является создание межрегионального фонда «Сибирская политика» [19; 20], в рамках которого произошло объединение ряда наиболее активных ученых из Кемерова,

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-296-304

Новосибирска, Томска и Барнаула[4]. Важно подчеркнуть, что создание независимой экспертно-аналитической структуры позволило объединить около 20 экспертов из числа наиболее активной части научного сообщества регионов (политологов, историков и экономистов).

По причине малого количества институтов участия научно-экспертного сообщества в экспертно-аналитической деятельности основное взаимодействие происходит на неформальной или неинституционализированной основе. По полученным данным становится видно, что из-за отсутствия экспертно-аналитических структур как независимых или общественных, так и при органах государственной власти взаимодействие выстраивается по принципу наличия личностных связей. Респондентам было предложено оценить частоту контактов с лицами, принимающими решения, за последние 3 года. Опрос показал, что 91 % участников контактируют со знакомыми чиновниками и политиками, меньшая доля (85 %) – с государственными служащими (главами министерств и ведомств, руководителями администраций и территориальных образований). Контакты с представителями СМИ и журналистами поддерживают 44 % опрошенных, с представителями регионального законодательного собрания (депутатами, членами аппарата) – 35 %, с членами политических партий – 30 %. К представителям негосударственных организаций обращаются в 15 % случаев.

Доминирование неинституционализированной модели взаимодействия во многом не позволяет большей части научно-экспертного сообщества выстраивать коммуникацию с органами государственной власти, хотя и дает некоторую возможность включенным в данный процесс ученым доносить свои экспертные мнения до лиц, принимающих решения, но прислушиваются ли к этим мнениям при принятии решений – неизвестно. Вследствие этого оставшейся наиболее активной части научно-экспертного сообщества, чтобы быть услышанными властью, приходится вступать в коалицию с другими акторами поля публичной политики (выступать приглашенными экспертами на различных площадках как при органах власти, так и электронных СМИ региона).

Существует и еще один канал, позволяющий быть включенными в экспертно-аналитическую деятельность при органах власти в перспективе. На данный момент есть немало представителей научного сообщества, которые направляют свои усилия на повышение своей медийности путем ведения личных блогов (в telegram-каналах и на Facebook), а также комментируя текущую политическую повестку для электронных СМИ.

Интересно мнение одного из представителей научного сообщества Новосибирской области: «В Новосибирске есть традиции гражданского актива и гражданского участия, существуют традиции и высокая степень социальной активности акторов. Отдельные представители гражданского общества являются значимыми акторами в общественно-политическом поле» (интервью с профессором В. Новосибирская область, ноябрь 2019 г.). Еще можно привести мнение респондента из Алтайского края: «В настоящее время можно говорить о том, что эксперты Алтайского края являются лидерами общественного мнения, к их выступлениям в СМИ люди прислушиваются, и население их обсуждает» (интервью с профессором Г. Алтайский край, июнь 2019 г.).

Данную группу можно обозначить как политических комментаторов или лидеров общественного мнения, в основном они работают в режиме Онлайн по отношению к актуальной политической обстановке. В связи с быстрым развитием медиа наиболее активная часть научного сообщества использует данный инструмент для повышения своей медийности, как правило, через комментирование политической обстановки по наиболее острым общественным проблемам, складывающимся в регионе. В ходе исследования удалось выявить, что в Новосибирской и Кемеровской областях, в Алтайском крае ряд ученых на постоянной основе комментируют наиболее важные для регионов проблемы.

И здесь существует проблема в том, что эта деятельность всего-навсего сводится к комментированию политической обстановки, однако реальных аналитических и управленческих продуктов большая часть научного сообщества не создает. Все это позволяет говорить, что научное сообщество не включено в процесс экспертно-аналитической деятельности, подавляющая его часть все же занимается исключительно теорией и не реализует экспертную функцию научного знания. Негативным проявлением отсутствия институтов и практик взаимодействия между властью и наукой является малая численность экспертов-профессионалов из числа ученых, кто реально способен давать ценные и практико-ориентированные предложения по решению актуальных общественно-политических проблем.

На данную ситуацию повлияли как минимум два фактора. Во-первых, отсутствие практик привлечения представителей науки к решению региональных проблем со стороны органов власти. Во-вторых, проблема связана с распространяющейся тенденцией, при которой представители научного сообщества, сконцентрированные в вузах, просто не имеют времени на проведение исследований, посвященных практической стороне. Связано это с возрастающей учебной нагрузкой преподавателей, что в итоге приводит к утрате исследовательской традиции в среде научного сообщества. Мнение одного из респондентов: «Сейчас большая часть научного сообщества

[4] Соучредитель межрегионального Фонда социально-экономических и общественно-политических исследований «Сибирская политика» И. Украинцев: «Мы откликнулись на запрос общества на получение информации о реальной картине в территориях» // Интерфакс. 27.04.2017. Режим доступа: http://www.interfax-russia.ru/Siberia/exclusives.asp?id=828137 (дата обращения: 26.09.2019).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-296-304

не в состоянии предложить практико-ориентированных моделей ни по одной проблеме, научное сообщество – это теоретики, работающие на высоком уровне рефлексии – не занимается мониторингом реальной ситуации, и, как следствие, им нечего предложить органам власти» (интервью с профессором Д. Кемеровская область, май 2019 г.).

Подтверждает данное мнение и другой респондент: «Научное сообщество, сконцентрированное в вузах, закабалено большой нагрузкой и в основном концентрируется на выполнении должностных обязанностей. Ученым просто некогда заниматься практико-ориентированными исследованиями, и, как следствие, его компетентность снижается. Утрачивается исследовательская традиция и среда. Поэтому сегодня вузы – это вещь в себе, как говорят феноменологии. Воспитанное поколение вузовских работников, если проводит исследования, то только для защиты диссертации» (интервью с профессором Е. Новосибирская область, май 2019 г.)

Итак, в среде научного сообщества большинство ученых работают исключительно по части теории, не занимаются мониторингом реальной ситуации в регионах и не могут предложить управленческий экспертно-аналитический продукт. Данную тенденцию отмечают респонденты из всех участвующих в опросе регионов, однако следует отметить, что все же во всех исследуемых регионах СФО существуют эксперты из научного сообщества, способные разрабатывать экспертно-аналитический продукт высокого уровня. Их число невелико и не превышает 30 человек.

Заключение

Усиление авторитарных тенденций в исследуемых регионах снижает потребность в альтернативных властным сценариях развития, повестке дня и конкретных предложениях. Соответственно, спрос на участие представителей научно-экспертного сообщества в экспертно-аналитической деятельности остается низким. Но при нарастании авторитарных тенденций в исследуемых регионах все же присутствуют, хоть и на минимальном уровне, разнообразные практики взаимодействия между научным сообществом и властью. Модель, по которой выстраивается взаимодействие, можно обозначить как неинституционизированную или неформальную. В такой модели взаимодействия представители научного сообщества, работающие в сфере экспертно-аналитической деятельности, практически исключены из процесса коммуникации с властными субъектами, соответственно, влияние, оказываемое ими на региональную политику, стремится к нулю.

Немногочисленные независимые экспертно-аналитические структуры общей картины не меняют, поскольку подавляющая часть научно-экспертного сообщества, реализующая инструментальную функцию научного знания, остается за рамками взаимодействия и не имеет возможности донесения своих идей и рекомендаций до лиц, принимающих государственные решения на уровне региона. Существующие экспертно-аналитические структуры в настоящее время находятся на стадии становления и развития, основной их деятельностью является освещение и комментирование политической обстановки в регионе, в редких случаях – разработка экспертного продукта. Малые группы ученых, тесно связанных с региональной властью, также не оказывают должного воздействия, т. к. встроенность в существующую в регионе систему коммуникации с властью определяет наличие личных и неформальных связей с политическими субъектами. Данные критерии позволяют небольшой группе ученых не только привлекаться в качестве экспертов, но и участвовать в подготовке конкретных исследовательских и управленческих продуктов на уровне региона.

При данной модели взаимодействия представители научно-экспертного сообщества являются не субъектами поля публичной политики, а агентами, полностью зависимыми в своих действиях от властей. Вследствие этого большей части научного сообщества региона, не встроенной в данную коммуникацию, чтобы быть услышанной, приходится вступать в коалицию с другими акторами поля публичной политики, развивать свою медийность посредством электронных СМИ, собственных интернет-сайтов и различных каналов коммуникации (Facebook, Telegram).

Конечно, при всех сложностях и проблемах реализации научным сообществом экспертной функции (зацикленность на теории, нехватка практиков) и взаимодействия с властью (низкий спрос на участие экспертов), представляется, что именно из числа представителей научного сообщества может формироваться региональный экспертный потенциал. Во-первых, ученые обладают рядом признаков экспертов: профессиональной подготовкой, специализированным образованием и высоким доверием среди населения и власти. Во-вторых, наличие теоретического багажа позволит снабдить всех участников экспертного обсуждения информацией, которая поможет снизить системные ошибки при принятии определенных политических решений.

Литература

1. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI в. / пер. с англ. В. В. Белоскокова; под ред. П. С. Гуревича. М.: АСТ, 2003. 669 с.
2. Гэлбрэйт Д. К. Новое индустриальное общество. М.: АСТ; Транзиткнига; СПб.: Terra Fantastica, 2004. 602 с.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт соц. прогнозирования / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 2004. 783 с.
4. Николс Т. Смерть экспертизы: как Интернет убивает научные знания / пер. с англ. Т. Л. Платоновой. М.: Бомбора; Эксмо, 2019. 367 с.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-296-304

5. Сунгуров А. Ю. Как возникают политические инновации «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. М.: РОССПЭН, 2015, 382 с.
6. Сунгуров А. Ю., Карягин М. Е. Российское экспертное сообщество и власть: основные формы взаимодействия // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 144–159. DOI: 10.17976/jpps/2017.03.10
7. Сунгуров А. Ю. Экспертное сообщество, фабрики мысли и власть: опыт трех регионов // Полис. Политические исследования. 2014. № 2. С. 72–87.
8. Аналитические сообщества в публичной политике: глобальный феномен и российские практики / отв. ред. Н. Ю. Беляева. М.: РАПН; РОССПЭН, 2013. 253 с.
9. Беляева Н. Ю., Зайцев Д. Г. «Фабрики мысли» и центры публичной политики как субъекты экспертного обеспечения политики // Полития. 2008. № 4. С. 139–151.
10. Макарычев А. С. Государства, экспертные сообщества и режимы знания-власти // Полит. наука. 2015. № 3. С. 9–26.
11. Брэдли Д. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество / науч. ред. А. С. Туманова. М.: Новый хронограф; Леонид Янович, 2012. 446 с.
12. McGann J. G., Johnson E. C. Comparative think tanks, politics and public policy. Edward Elgar Pub, 2005. 304 p.
13. Зайцев Д. Г. Аналитические центры в политике. Характеристика и оценка влияния на политический процесс. Саарбрюккен: Lambert Academic Publishing, 2010. 208 с.
14. Гайворонский Ю. О. Региональные политические режимы в России: концептуальные новации и возможности измерения // Полития. 2015. № 2. С. 21–37.
15. Шуликов А. О. Региональные политические режимы в России, проблемы классификации // Развитие теории и практики управления социальными и экономическими системами: мат-лы восьмой Междунар. науч.-практ. конф. (Петропавловск-Камчатский, 23–25 апреля 2019 г.) Петропавловск-Камчатский, 2019. С. 180–184.
16. Туровский Р. Ф. Региональные политические режимы в современной России: сравнительный анализ // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2013. № 1. С. 73–82.
17. Дергачев А. Ю. Политический режим в России в постсоветский период (региональный аспект) // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. 2018. № 6. С. 12–16.
18. Чирун С. Н. Проблемы функционирования регионального политического режима на примере Кемеровской области // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 253–268. DOI: 10.17223/1998863X/44/24
19. Матвеева Е. В., Украинцев И. С. Критерии и оценка эффективности работы института муниципальной власти в Кемеровской области (по результатам регионального исследования) // Инновационное развитие муниципальных образований: мат-лы V Междунар. науч.-практ. конф. (Чита, 17 февраля 2017 г.) Чита, 2017. С. 120–125.
20. Матвеева Е. В., Митин А. А., Алагоз А. В. Институт общественного контроля в региональном политическом пространстве: современное состояние и перспективы развития // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 191–202. DOI: 10.17223/1998863X/43/18

original article

Scientific-and-Expert Community and Government: Specifics and Models of Interaction in the Siberian Federal District

Mikhail A. Klimenkov [a, @, ID]
[a] Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
[@] m.klimenkov1993@mail.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0002-3160-7732

Received 06.03.2020. Accepted 05.05.2020.

Abstract: The present research featured the problems of interaction between scientific community and the local authorities in five regions of the Federal Siberian district: Kemerovo, Novosibirsk, and Tomsk regions, the Altai Territory, and the Republic of Tuva. The research objective was to identify and describe the dominant model of interaction between the scientific community and the authorities in Siberia. The study was based on the method of semi-structured expert interviews, which involved 34 scientists. The authors identified the level of subjectivity of regional scientific communities as groups of experts in the process of making political and state decisions. They also described the models and specifics in building interaction between scientists and the local authorities. The article introduces the main challenges to the process of building up an effective and collaborative relationship, namely the prevailing electoral-authoritarian regime and a weak expert

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-296-304

function of the scientific community. The interaction was mostly represented by an informal (non-institutionalized) model with a poor involvement of expert community.

Keywords: scientific community, expert community, public policy, political process, regional policy

For citation: Klimenkov M. A. Scientific-and-Expert Community and Government: Specifics and Models of Interaction in the Siberian Federal District. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki,* 2020, 5(3): 139–304. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-139-304

References

1. Toffler A. *Power shift: Knowledge, wealth, and violence in the early XXI century*, tr. Beloskokov V. V.; ed. Gurevich P. S. Moscow: AST, 2003, 669. (In Russ.)
2. Galbraith J. K. *The new industrial state*. Moscow: AST; Tranzitkniga; St. Petersburg: Terra Fantastica, 2004, 602. (In Russ.)
3. Bell D. *The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting*, ed. Inozemtsev V. L. Moscow: Academia, 2004, 783. (In Russ.)
4. Nichols T. *The death of expertise: the campaign against established knowledge and why it matters*, tr. Platonova T. L. Moscow: Bombora; Eksmo, 2019, 367. (In Russ.)
5. Sungurov A. Yu. *As there are political innovations "thought factories" and other institutions-mediators*. Moscow: ROSSPEN, 2015, 382. (In Russ.)
6. Sungurov A. Yu., Karyagin M. E. Russian expert community and government: main forms of interaction. *Polis. Political Studies*, 2017, (3): 144–159. (In Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2017.03.10
7. Sungurov A. Yu. The expert community, think tanks and power: experience of three regions. *Polis. Political Studies*, 2014, (2): 72–87. (In Russ.)
8. *Analytical communities in public policy: global phenomenon and Russian practices,* ed. Belyaeva N. Yu. Moscow: RAPN; ROSSPEN, 2013, 253. (In Russ.)
9. Belyaeva N. Yu., Zaytsev D. G. "Thought factories" and public policy centers as subjects of expert policy support. *Politeia*, 2008, (4): 139–151. (In Russ.)
10. Makarychev A. S. State experts and modes of knowledge-power. *Political Science (RU)*, 2015, (3): 9–26. (In Russ.)
11. Bradley J. *Voluntary associations in tsarist Russia*, ed. Tumanova A. S. Moscow: Novyi khronograf; Leonid Ianovich, 2012, 446. (In Russ.)
12. McGann J. G., Johnson E. C. *Comparative think tanks, politics and public policy*. Edward Elgar Pub, 2005, 304.
13. Zaitsev D. G. *Analytical centers in politics. Characterization and assessment of influence on the political process.* Saarbrucken: Lambert Academic Publishing, 2010, 208. (In Russ.)
14. Gaivoronsky Yu. O. Regional political regimes in Russia: conceptual innovations and measurement possibilities. *Politeia*, 2015, (2): 21–37. (In Russ.)
15. Shulikov A. O. Regional political regimes in Russia, the problems of classification. *Development of the theory and practice of management of social and economic systems*: Proc. 8 Intern. Sci.-Prac. Conf., Petropavlovsk-Kamchatsky, April 23–25, 2019. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2019, 180–184. (In Russ.)
16. Turovsky R. F. Regional political regimes in modern Russia: a comparative study. *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*, 2013, (1): 73–82. (In Russ.)
17. Dergachev A. Yu. The political regime in Russia in the post-Soviet period (regional aspect). *Interekspo GEO-Sibir*, 2018, (6): 12–16. (In Russ.)
18. Chirun S. N. Problems of the functioning of the regional political regime on the example of Kemerovo oblast. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2018, (44): 253–268. (In Russ.) DOI: 10.17223/1998863X/44/24
19. Matveeva E. V., Ukraintsev I. S. Criteria and assessment of efficiency of work of the institute of municipal authorities in the Kemerovo region (results of regional study). *Innovative development of municipalities*: Proc. V Intern. Sci.-Prac. Conf., Chita, February 17, 2017. Chita, 2017, 120–125. (In Russ.)
20. Matveeva E. V., Mitin A. A., Alagoz A. V. Institute of public control in the regional political landscape: current state and prospects for development. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2018, (43): 191–202. (In Russ.) DOI: 10.17223/1998863X/43/18

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-305-311

оригинальная статья

УДК 316.4(332.1); 343.9

Деструктивное влияние экономической преступности на процесс социализации экономики*

Сергей В. Егорышев [a, @]

[a] Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Россия, г. Уфа

[@] egorishev@vegu.ru

Поступила в редакцию 17.06.2020. Принята к печати 17.07.2020.

Аннотация: В последние два десятилетия проблема социализации экономики в России приобретает все более возрастающий интерес как с гносеологической, так и с прикладной точки зрения. В литературе социализация экономики рассматривается и как общецивилизационная закономерность социально-экономического развития, и как ключевая составляющая мировой экономической трансформации, и как важнейшее условие формирования социальной экономики и социального государства. Вместе с тем исследования и практика развития страны свидетельствуют о крайне низких темпах осуществления социализации российской экономики, что обуславливается деструктивным влиянием на этот процесс целого ряда факторов, среди которых весьма заметен криминальный фактор, в частности преступность в экономической сфере. Цель исследования состояла в том, чтобы на основе сравнительного анализа статистического материала за период с 2012 года по 2019 год, опираясь в методологическом плане на подходы социологической и криминологической науки, рассмотреть состояние, тенденции и последствия экономической преступности на уровне России и одного из ведущих ее регионов – Республики Башкортостан – и показать то деструктивное влияние, которое эта преступность оказывает на процессы социализации экономики, существенно их замедляя. Свидетельством этому служат высокий уровень коррупционных преступлений, преступлений в сфере экономической деятельности и связанных с операциями с недвижимостью, а также возрастающий материальный ущерб, наносимый экономическими преступлениями, от трети до половины которых относятся к категории тяжких и особо тяжких. В свою очередь, будучи успешно реализуемым, процесс социализации экономики создаст условия для более успешного противодействия экономической преступности, сужения масштаба и снижения силы действия детерминирующих эту преступность факторов. Результаты исследования могут учитываться при разработке планов и программ социально-экономического развития регионов, в практике противодействия преступности экономической направленности и как сопоставительный материал для исследований по аналогичной тематике.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, регион, особенности экономической преступности, тенденции экономической преступности, последствия преступности

Для цитирования: Егорышев С. В. Деструктивное влияние экономической преступности на процесс социализации экономики // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 3. С. 305–311. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-305-311

Введение

Результатом все возрастающего исследовательского интереса к проблеме социализации экономики как общецивилизационной закономерности социально-экономического развития и условий формирования социальной экономики и социального государства стала публикация целого ряда монографий и научных статей. М. М. Матвеев [1], Е. А. Шутаева [2], Г. Ф. Биглова [3], В. К. Левашов [4], Ю. Г. Быченко и Л. В. Логинова [5] и ряд других исследователей предложили не только теоретико-методологические подходы к пониманию этого феномена, но и рассмотрели особенности его проявления на общенациональном и региональном уровнях [6]. В частности, в рамках крупного регионального исследования социологами и специалистами междисциплинарных направлений Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН (ИСЭИ УФИЦ РАН) г. Уфа была проведена содержательная проработка особенностей социально-экономического развития региона с учетом современных рисков и угроз социально-экономического развития общества.

С позиции предмета настоящего исследования существенное методологическое значение имеют опубликованные результаты анализа условий и направлений реализации процесса социализации экономики, детерминирующих его факторов и критериев оценки достигнутого уровня [7; 8].

Исследователями предложен целый ряд определений понятия *социализация экономики*, каждое из которых содержит те или иные общие и специальные характеристики данного феномена. Поэтому, абстрагируясь от разночтений, присоединимся к мнению, согласно которому

* Статья отражает результаты исследования, приведенного в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075–01211–20–01 на 2020 год.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-305-311

социализация экономики – это процесс взаимной интеграции частного и общественного секторов хозяйственной жизнедеятельности, в рамках которых формируется приоритет развития человека и условий его жизнедеятельности. Этот процесс знаменует собой этап развития экономической системы, по завершении которого экономика приобретает характеристику высокой социальной ориентированности и ответственности [6, с. 18]. Такая ответственность в равной мере относится к государству и бизнесу.

Говоря о современной России, специалисты отмечают, что социализация экономики в стране находится на низком уровне, т. к. в социальной сфере сохраняется широкий круг проблем и противоречий, обусловливающих конфликт интересов, как в системе *богатые – бедные*, так и в триаде *общество – государство – бизнес* [5, с. 266]. Одной из таких социальных проблем, выступающих деструктивно влияющими факторами на развитие общества в целом и отдельных его сфер, включая экономическую и социальную, выступает фактор преступности [9], а относительно процесса социализации экономики – экономическая преступность.

Новизной исследовательского подхода выступает возможность формирования по итогам эмпирических наблюдений социальных индикаторов оценки и проявления экономической преступности, когда существование «ситуаций осуществления преступности» выступает в современном российском обществе в качестве устойчивого показателя деструктивного развития, одновременно проявляющегося в различных сферах социальной, политической, экономической и правовой.

Методы исследования. Основным методом исследования выступил вторичный анализ статистических данных, который позволил охарактеризовать состояние и динамику экономической преступности на федеральном и региональном уровнях.

Результаты

Рассмотрим тезисно характер и последствия такого влияния. Уголовная статистика в силу ряда не только объективных причин фиксирует снижение общего уровня преступности, включая экономическую, в целом по стране (табл. 1[1]).

Так, в России в 2012 г. было зарегистрировано 172975 преступлений в сфере экономики, в 2013 г. – 141229; в 2014 г. – 107314; в 2015 г. – 112400; в 2016 г. – 108754; в 2017 г. – 105087; в 2018 г. – 109463, в 2019 г. – 104927 преступлений. Тенденции роста демонстрируют преступления, совершаемые в сфере экономической деятельности. Стабильным является уровень преступлений, связанных с недвижимостью, совершаемых в сфере внешнеэкономической деятельности. Незначительно за период с 2016 г. по 2019 г. снизилось число преступлений тяжкого и особо тяжкого характера, в финансово-кредитной системе, против собственности. Но в целом, по сравнению с 2012 г., уровень экономической преступности стал заметно ниже. Исключение составляют преступления, совершаемые в сфере экономической деятельности.

Табл. 1. Состояние преступности в экономической сфере России, 2012–2019 гг.

Tab. 1. State of economic crime in Russia, 2012–2019

Виды совершаемых преступлений	2012	2016	2018	2019
Тяжкие и особо тяжкие	99227	65134	64736	63285
Против собственности	72004	34673	33873	32596
В сфере экономической деятельности	34405	28967	36543	37788
Связанные с потребительским рынком	30066	9882	10182	8566
В финансово-кредитной системе	51433	28884	29833	29779
В сфере внешнеэкономической деятельности	1863	971	950	1112
Связанные с недвижимостью	11093	6362	7372	7340
Всего преступлений экономической направленности	172975	108754	109463	104927

Вместе с тем в стране налицо тенденция роста величины материального ущерба, причиненного в результате преступлений экономической направленности. В 2012 г. ущерб составил 144847935 тыс. руб., в 2016 г. – 397979027 тыс. руб., в 2018 г. – 403811653 тыс. руб., в 2019 г. – 447180900 тыс. руб.[2] И это без преступлений коррупционной направленности, последствия которых не только существенно замедляют процесс социализации экономики, но и составляют ему сильную угрозу [10].

В регионах преступность, включая экономическую, имеет свои особенности. Так, в Республике Башкортостан, в сравнении с 2012 г., наблюдается снижение уровня преступлений экономической направленности: в 2012 г. зарегистрировано 7038 подобных преступлений; в 2013 г. – 2095; в 2014 г. – 2363; в 2015 г. – 2064; в 2016 г. – 2779, в 2018 г. – 2456 преступлений (табл. 2[3]). Тенденцию роста демонстрируют лишь преступления в сфере недвижимости, больше стало преступлений в сфере экономической деятельности.

[1] Составлена по: Состояние преступности в России за январь – декабрь 2012 года. М.: Главный информационный аналитический центр МВД РФ, 2013. 50 с.; Состояние преступности в России за январь – декабрь 2016 года. М.: Главный информационный аналитический центр МВД РФ, 2017. 53 с.; Состояние преступности в России за январь – декабрь 2018 года. М.: Главный информационный аналитический центр МВД РФ, 2019. 62 с.; Состояние преступности в России за январь – декабрь 2019 года. М.: Главный информационный аналитический центр МВД РФ, 2020. 65 с.

[2] Там же.

[3] Составлена по: Итоги деятельности МВД по РБ // МВД по Республике Башкортостан. Режим доступа: https://02.мвд.рф/slujba/itogi-dejatelnosti/итоги-деятельности=мвд-по-рб-за-2012-г. (дата обращения: 01.10.2019).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-305-311

Табл. 2. Преступления экономической направленности в Республике Башкортостан, 2012–2018 гг.

Tab. 2. Economic crime in the Republic of Bashkortostan, 2012–2018

Виды совершаемых преступлений	2012	2014	2016	2018
Тяжкие и особо тяжкие	4070	1545	1278	1203
Против собственности	3480	725	653	698
В сфере экономической деятельности	1094	585	514	625
Связанные с потребительским рынком	1354	344	109	60
В финансово-кредитной системе	1954	864	599	460
В сфере внешнеэкономической деятельности	57	7	3	12
Связанные с недвижимостью	619	211	198	681
Всего преступлений экономической направленности	7038	2363	2179	2456

Обращают на себя внимание высокий уровень тяжких и особо тяжких преступлений (50 % от всех совершенных в регионе) и «передовые» позиции республики по преступлениям экономической направленности в Приволжском федеральном округе (в 2012 г. – 2 место после Нижегородской области и в 2016 г. – 2 место после Республики Татарстан).

В регионе также ощутим материальный ущерб, причиненный преступлениями экономической направленности. В 2012 г. он составил 4021751 тыс. руб., в 2013 г. – 2287439 тыс. руб., в 2014 г. – 1682712 тыс. руб., в 2015 г. – 1479713 тыс. руб., в 2016 г. – 2921041 тыс. руб., в 2018 г. – 3549857 тыс. руб. Ущерб, нанесенный этими преступлениями, растет, что отражается на темпах и возможностях социально-экономического развития региона и всей страны.

В России же в целом материальный ущерб от указанных преступлений составил в 2018 г. 403,8 млрд руб., а в 2019 г. – 447,2 млрд руб., что составляет более 70 % от объема материального ущерба, причиненного всеми совершенными преступлениями (2018 г. – 563,1 млрд руб.; 2019 г. – 627,7 млрд руб.). В общей же структуре преступности экономические преступления составляли в указанные годы лишь 5,5 % и 5,2 %.

Среди преступлений экономической направленности, деструктивно влияющих на процесс социализации экономики, особо следует указать на противоправные действия коррупционного характера. Современному состоянию коррупции в стране посвящено много специальной и публицистической литературы. Коррупция составляет одну из ведущих тем, обсуждаемых СМИ. В общественном сознании сформировалось устойчивое представление о массовом проявлении этой формы социальной девиации, поразившей все сферы жизни общества и государственной деятельности, включая правоохранительную.

Проведенный сотрудниками ИСЭИ УФИЦ РАН в октябре 2019 г. опрос 826 уфимских студентов показал, что 42 % респондентов считают коррупцию сильно проявляющимся явлением в социальной среде города. 34 % указали на среднюю и 17 % – на малую меры проявления коррупции. Только 7 % молодых людей, участвующих в опросе, не видят проявлений коррупции. В социальной среде, как отмечают специалисты, на протяжении последних лет острота восприятия проявлений коррупции все более утрачивается, а воздействующая сила в плане создания обстановки нетерпимости к коррупции как социальному явлению ослабевает; возник своего рода синдром привыкания к ней, более того, значительной частью социума сообщения о разоблачении воспринимаются как попытки одних представителей политической элиты ослабить позиции своих конкурентов и укрепить свое собственное положение, обеспечив продвижение в номенклатурной иерархии [11, с. 142–143]. А это свидетельствует о политизации коррупции. Несмотря на все, противодействие коррупции оказывается как органами правоохраны, так и институтами гражданского общества, прежде всего СМИ.

Если обратиться к статистике (табл. 3[4]), то нельзя увидеть устойчивую тенденцию снижения числа регистрируемых преступлений коррупционного характера как на уровне всей страны, так и рассматриваемого нами региона. В дополнение к данным можно привести цифры, отражающие коррупционную преступность в России в 2019 г.: всего зарегистрировано 23427 подобных преступлений, что на 183 факта больше, нежели в 2018 г. Из них случаев взятничества (получение и дача взятки) – 7162, что на 1051 факт больше, чем за предыдущий год. В 2019 г. было выявлено 990 фактов коммерческого подкупа, что на 250 случаев больше, чем в 2018 г.[5]

Процент результативности противодействия коррупции со стороны правоохранительных органов, что отражено

Табл. 3. Динамика преступлений коррупционной направленности в РФ и Республике Башкортостан, 2012–2018 гг.

Tab. 3. Dynamics of corruption crimes in the Russian Federation and the Republic of Bashkortostan, 2012–2018

Виды преступлений	2012		2016		2018	
	РФ	РБ	РФ	РБ	РФ	РБ
Взятничество	9758	255	9984	327	6111	293
Коммерческий подкуп	1212	104	1165	148	740	36
Всего таких преступлений	49513	1690	27050	549	23234	915

[4] Составлена по: Состояние преступности в России за январь – декабрь 2012 года…; Состояние преступности в России за январь – декабрь 2016 года…; Состояние преступности в России за январь – декабрь 2018 года…; Итоги деятельности МВД по РБ…

[5] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года…

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-305-311

в официальной статистике и выражается в раскрываемости преступлений коррупционной направленности, достаточно высок: 2012 г. – 87 %; 2016 г. – 90,1 %; 2018 г. – 86,4 %, 2019 г. – 87,9 %. Но в общественном сознании преобладает критическая оценка противокоррупционной практики.

Так, около трети (27 %) уфимских студентов не ощущают эффективности проводимой в городе профилактики коррупции. Считают эту эффективность низкой 28 %, средней – 20 %, а высокой – 9 %, 6 % затруднились с ответом.

Необходимо согласиться со специалистами, подчеркивающими тезис о том, что «криминальная составляющая не является главенствующей в определении понятия коррупции, т. к. данное явление представляется неизмеримо более сложным в социальном, экономическом и политическом плане, в силу чего решить проблему борьбы с нею посредством воздействия на ее элементы только правовыми средствами вряд ли удастся» [11, с. 141].

В силу выраженной латентности многообразных проявлений коррупции непросто выявить коррупционные факты, установить и доказать их преступный (криминальный) характер.

В сфере экономики повсеместное распространение получили криминальный лоббизм, корыстный сговор должностных лиц, инвестирование коммерческих структур за счет бюджета в ущерб интересов общества и государства, экономически невыгодная для государства передача его имущества в управление коммерческим организациям, создание лжепредприятий, незаконные внешнеэкономические действия, совмещение государственной и муниципальной службы с участием в работе коммерческих субъектов, незаконное выделение и получение льготного кредитования для поддержания хозяйственной деятельности, направленной далеко не на насущные потребности населения.

Экономическая преступность, включая коррупцию, представляет угрозу общецивилизационной тенденции социализации экономики и связанному с нею формированием социального государства не только своими разрушающими последствиями. Эта преступность оказывает тормозящее действие, потому что эти процессы при их успешном развитии существенно ограничат масштаб проявления и возможности субъектов коррупции. Это очевидно, если обратиться к имеющимся в литературе трактовкам социального государства. В. К. Левашов пишет: «История убедительно показывает, что эффективное социальное государство возникает при условии взаимодействия членов общества, свободно организованных в исторически сложившемся социально-национальном пространстве, с политикой государства, направленной на согласование интересов, создание материальных условий и духовных фактов реализации потребностей» [12, с. 258].

Поэтому даже ретроспективный взгляд на коррупционную пораженность отечественных общественных отношений позволяет говорить, что в нашей стране социальное государство и социальная экономика имеют далекую перспективу для реализации.

Современная преступность в экономической сфере характеризуется высокой адаптивностью к существующим и создающимся правовым, финансово-экономическим и социальным барьерам [13, с. 8–9; 14], чему в значительной мере способствует деятельность, направленная против интересов государственной службы органов местного самоуправления. Так, в России против интересов госслужбы и органов местного самоуправления в 2012 г. совершено 31010 преступных деяний; в 2016 г. – 17477; в 2018 г. – 13262, в 2019 г. – 13949 преступлений[6].

Сходны либо близки по значениям показатели ряда российских исследователей, которые отмечают, что в России, как и в большинстве мировых государств, «наиболее распространенным видом экономических преступлений является незаконное присвоение активов (72 % респондентов в России и 64 % респондентов в мире)» [14, с. 202]. Это обосновывается авторами тем, что такая распространенность данного вида экономических преступлений связана с более легким выявлением, по сравнению с другими видами. В то же время коррупция, взяточничество и киберпреступность – сложные преступления. Часто они носят выраженный латентный и трудно устанавливаемый характер. Для таких преступлений и их воспроизводства существуют объективные социально-экономические условия и социально-психологические факторы [15–17], а также эта преступность тесно связана с другими ее видами и формами проявления деструктивной девиации [18; 19].

Заключение

Отраженные в статье некоторые результаты проведенного исследования свидетельствуют, хотя и не в полной мере, о деструктивном влиянии экономической преступности на процесс социализации экономики. Актуализируется спрос на качественную и постоянную диагностику оценки содержания экономической преступности в динамическом процессе экономического развития общества. Полагаем, что динамика измерения и быстрота общественного отклика на процессы, связанные с экономической преступностью в стране и отдельных регионах, должны располагаться в прямой зависимости от «прозрачности» этой информации, возможности ее «называть» и использовать в рамках работы соответствующих социально-экономических и политических институтов. Конкретнее это влияние продемонстрируют факты, которые будут получены далее в ходе анализа характера влияния преступлений экономического характера непосредственно

[6] Состояние преступности в России за январь – декабрь 2012...; Состояние преступности в России за январь – декабрь 2016 года ... ; Состояние преступности в России за январь – декабрь 2018 года...; Состояние преступности в России за январь – декабрь 2019 года ...

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-305-311

на направления и критерии процесса социализации экономики страны в целом и регионов в отдельности.

Исследование, в том числе методами социологического и статистического анализа, условий и факторов социализации экономики плодотворно и под углом зрения выявления и анализа тех из них, которые деструктивно влияют на этот процесс. Это влияние является не только прямым и очевидным, оно часто бывает опосредованным и латентным, разной силы действия и разновременным в проявлении последствий. В то же время в условиях повсеместного использования цифровых информационных коммуникаций несомненно возрастает влияние гражданского участия в процессах мониторинга экономических преступлений, что будет содействовать экономической социализации. В международной исследовательской и правовой практике существует множество различных подходов и примеров централизованного противодействия экономическим и криминальным преступлениям, имеющим выходы на экономическую социализацию населения территорий [20; 21].

Преступность влияет на демографические процессы (например, людские потери от преступлений в стране в 2018 г. составили 26 тыс. человек, в 2019 г. – почти 24 тыс. человек), на состояние общественного сознания (чувство тревоги, озабоченности), на ценностные ориентации людей, особенно молодежи (ценности криминальной субкультуры), о чем, в частности, свидетельствует тот факт, что рецидивная преступность среди несовершеннолетних составляет 25 %, на выбор целей и средств жизнедеятельности (преступное поведение) и на многое другое, что так или иначе может быть связано с реализацией общецивилизационной тенденции социализации экономики.

Реализация политики социально-экономического развития, включая социализацию экономики, предполагает достижения социально терпимого уровня преступности в стране. В таком случае целесообразно говорить о формировании системы гражданско-правового контроля, базирующейся на результатах комплексной системы, включающей в том числе инструменты социологического анализа и сопровождения.

Литература

1. Матвеев М. М. Необходимость социализации рыночной экономики // Экономика, предпринимательство и право. 2011. № 7. С. 3–11.
2. Шутаева Е. А. Социализация экономики как одна из ключевых составляющих мировой экономической трансформации // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Экономика и управление. 2014. Т. 27. № 1. С. 186–194.
3. Биглова Г. Ф. Социализация экономики: от проблемы собственности до гуманизации труда // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2018. № 3. С. 121–130. DOI: 10.31107/2075-1990-2018-3-121-130
4. Левашов В. К. Российское государство и общество в период либеральных реформ. М.: ЦСПиМ, 2013. 456 с.
5. Быченко Ю. Г., Логинова Л. В. Социализация экономики в России: проблемы и перспективы // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2009. Т. 1. № 1. С. 262–272.
6. Социализация экономики как фактор социального развития региона / под общ. ред. Ф. С. Файзуллина. Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН, 2019. 297 с.
7. Тарандо Е. Е. Социализация собственности как тенденция экономического развития // Проблемы современной экономики. 2011. № 2. С. 55–58.
8. Тонышева Л. Л., Трофимова Ю. В. Регулирование развития социально ориентированной экономики региона. Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. 169 с.
9. Егорышев С. В. Деструктивное влияние социальной девиации на развитие регионального социума (на примере Республики Башкортостан) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2019. № 3. С. 17–26. DOI: 10.15593/2224-9354/2019.3.2
10. Цена преступности (методология ее определения) / под ред. Н. А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2014. 213 с.
11. Осипов Г. В., Осадчая Г. И., Левашов В. К., Черной Л. С., Капто А. С., Карепова С. Г., Зубок Ю. А., Чупров В. И., Мчедлова Е. М., Стрельцова Я. Р., Климовицкий С. В., Богданов И. Я., Дзуцев Х. В., Касьянов В. В., Рыбаковский Л. Л., Сигарева Е. П., Рязанцев С. В., Маньшин Р. В., Якунин В. И., Орлова И. Б., Бесхмельницын М. И., Рогачев С. В., Мерзликин Н. В., Кислицына О. А. Социология и экономика современной социальной реальности. М.: ИСПИ РАН, 2014. 306 с.
12. Левашов В. К. Социально-политическая устойчивость общества: теория, измерения, стратегии. М.: Научный мир, 2010. 370 с.
13. Гилинский Я. И. Преступность: что это? Кто виноват? Что делать? // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 6–13. DOI: 10.24420/KUI.2019.39.71.001
14. Кузнецова Е. И., Филатова И. В. Экономическая преступность и ее влияние на экономическую безопасность // Вестник экономической безопасности. 2017. № 3. С. 201–204.
15. Лист Ф. фон. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. М.: Инфра-М, 2009. 110 с.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-305-311

16. Овчинский А. С., Чеботарева С. О. Матрица преступности. М.: Инфра-М, 2008. 112 с.
17. Ферри Э. Уголовная социология. М.: Инфра-М, 2009. 658 с.
18. Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали (1914). СПб.: Изд-во РХГИ, 1999. 446 с.
19. Гилинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., исп. и доп. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. 525 с.
20. Morgan R. Exploring the mandatory life sentence for murder. By Barry Mitchell and Julian V. Roberrts. [Oxford: Hart. 2012. xix and 175 p. ISBN 978-1-84946-228-0.] // The Cambridge Law Journal. 2013. Vol. 72. P. 446–448.
21. Brown R. L. Economic security in an aging Canadian population // Canadian Journal on Aging / La Revue canadienne du vieillissement. 2011. Vol. 30. № 3. P. 391–399. DOI: https://doi.org/10.1017/S0714980811000432

original article

The Destructive Effect of Economic Crime on the Process of Economy Socialization*

Sergey V. Egoryshev [a, @]
[a] Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, Russia, Ufa
[@] egorishev@vegu.ru

Received 17.06.2020. Accepted 17.07.2020.

Abstract: Over the past two decades, the problems of the economy socialization have gained increasing interest of Russian scientists. Economy socialization is 1) a civilizational regularity of socio-economic development, 2) a key component of the world economic transformation, 3) an essential condition for the formation of a social economy and social state. Unfortunately, Russia has a very low rate of economy socialization as a result of economic crime. The study was based on various sociological and criminological approaches. Its objective was to conduct a comparative analysis of statistical material for 2012–2019 and describe the state, trends, and consequences of economic crime in Russia and in the Republic of Bashkortostan in order to show its destructive impact on economy socialization. The research featured corruption, economic crimes, and real estate crimes. One third or even a half of all economic crimes are classified as serious or extremely serious and cause great material damage. If properly implemented, the economy socialization can create conditions for a more successful counteraction to economic crime. The results of the study can be useful in road-mapping regional socio-economic development, combating economic crime, or as comparative material for related research.

Keywords: socio-economic development, region, features of economic crime, trends of economic crime, consequences of crime

For citation: Egoryshev S. V. The Destructive Effect of Economic Crime on the Process of Economy Socialization. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(3): 305–311. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-305-311

Reference

1. Matveev M. M. The need for socialization of market economy. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo,* 2011, (7): 3–11. (In Russ.)
2. Shutaeva E. A. Socialization of the economy as one of the key components of the global economic transformation. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriia: Ekonomika i upravlenie*, 2014, 27(1): 186–194. (In Russ.)
3. Biglova G. F. Socialization of the economy: from ownership issues to the humanization of labour. *Nauchno-issledovatelskii finansovyi institut. Finansovyi zhurnal*, 2018, (3): 121–130. (In Russ.) DOI: 10.31107/2075-1990-2018-3-121-130
4. Levashov V. K. *The Russian state and society during the period of liberal reforms*. Moscow: TsSPiM, 2013, 456. (In Russ.)
5. Bychenko Yu. G., Loginova L. V. Russia's economy socialization: problems and prospects. *Vestnik Saratov state technical university*, 2009, 1(1): 262–272. (In Russ.)
6. *Socialization of the economy as a factor in the social development of the region*, ed. Faizullin F. S. Ufa: ISEI UFITs RAN, 2019, 297. (In Russ.)

* The article introduces the research results obtained as part of state assignment No. 075-01211-20-01 performed by Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, in 2020.

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-305-311

7. Tarando E. E. Socialization of property as a tendency of economic development. *Problems of modern economics*, 2011, (2): 55–58. (In Russ.)
8. Tonysheva L. L., Trofimova Yu. V. *Regulation of the development of the socially oriented economy of the region*. Tyumen: TiumGNGU, 2011, 169. (In Russ.)
9. Egoryshev S. V. Destructive impact of social deviation on the development of regional community (the case of the Republic of Bashkortostan). *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, 2019, (3): 17–26. (In Russ.) DOI: 10.15593/2224-9354/2019.3.2
10. *The cost of crime (determination methodology)*, ed. Lopashenko N. A. Moscow: Iurlitinform, 2014, 213. (In Russ.)
11. Osipov G. V., Osadchaya G. I., Levashov V. K., Chernoi L. S., Kapto A. S., Karepova S. G., Zubok Yu. A., Chuprov V. I., Mchedlova E. M., Streltsova Ya. R., Klimovitsky S. V., Bogdanov I. Ya., Dzutsev Kh. V., Kasyanov V. V., Rybakovsky L. L., Sigareva E. P., Ryazantsev S. V., Manshin R. V., Yakunin V. I., Orlova I. B., Beskhmelnitsyn M. I., Rogachev S. V., Merzlikin N. V., Kislitsyna O. A. *Sociology and economics of contemporary social reality*. Moscow: ISPI RAN, 2014, 306. (In Russ.)
12. Levashov V. K. *Socio-political sustainability of society: theory, measurements, and strategies*. Moscow: Nauchnyi mir, 2010, 370. (In Russ.)
13. Gilinskiy Ya. I. Crime: what is it? Who is guilty? What to do? *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 2019, (1): 6–13. (In Russ.) DOI: 10.24420/KUI.2019.39.71.001
14. Kuznetsova E. I., Filatova I. V. Economic crime and its impact on economic security. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti*, 2017, (3): 201–204. (In Russ.)
15. Liszt F. fon. *The tasks of criminal policy. Crime as a socio-pathological phenomenon*. Moscow: Infra-M, 2009, 110. (In Russ.)
16. Ovchinskii A. S., Chebotareva S. O. *Crime matrix*. Moscow: Infra-M, 2008, 112. (In Russ.)
17. Ferri E. *Criminal Sociology*. Moscow: Infra-M, 2009, 658. (In Russ.)
18. Sorokin P. A. *Crime and punishment, feat and reward. Sociological study on the main forms of social behavior and morality (1914)*. St. Petersburg: Izd-vo RKhGI, 1999, 446. (In Russ.)
19. Gilinskiy Ya. I. *Deviantology: a sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicide, and other "deviations"*, 2nd ed. St. Petersburg: Iuridicheskii tsentr Press, 2007, 525. (In Russ.)
20. Morgan R. Exploring the mandatory life sentence for murder. By Barry Mitchell and Julian V. Roberrts. [Oxford: Hart. 2012. xix and 175 p. ISBN 978-1-84946-228-0.]. *The Cambridge Law Journal*, 2013, 72: 446–448.
21. Brown R. L. Economic security in an aging Canadian population. *Canadian Journal on Aging / La Revue canadienne du vieillissement*, 2011, 30(3): 391–399. DOI: https://doi.org/10.1017/S0714980811000432

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-312-319

оригинальная статья
УДК 316.334.52

Социальное самочувствие сельских хакасов

Ольга Л. Лушникова [a, @]
[a] Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия, г. Абакан
[@] oltolt@mail.ru

Поступила в редакцию 26.05.2020. Принята к печати 19.06.2020.

Аннотация: Основную часть хакасов составляет сельское население, поэтому от социального самочувствия этой группы в целом зависит сохранение коренного населения республики Хакасия. В нынешних условиях из-за кризисного состояния сельских территорий увеличивается миграционный поток из села в город, наряду с этим наблюдается и обратная миграция, которая особенно характерна для представителей титульного этноса региона. Проживание в городе накладывает определенный отпечаток: меняет отношение к жизни, привычки, образ жизни, – что, в свою очередь, сказывается на социальном самочувствии. В статье предпринята попытка сравнить социальное самочувствие хакасов, которые когда-то жили в городе, и хакасов, которые никогда не жили в городе. Результаты показали, что бывшие городские хакасы хуже оценивают условия жизни в селе, но отличаются более осознанным отношением к жизни и оптимистичными ожиданиями будущего. Хакасы, которые всегда проживали в селе, с одной стороны, менее удовлетворены своей жизнью, не ожидают улучшений жизни, с другой – стараются прилагать усилия, чтобы жить лучше. Есть вероятность, что такие установки будут служить фактором сохранения коренного сельского населения Хакасии.

Ключевые слова: эмоциональное состояние, удовлетворенность, условия жизни, ожидания будущего, сельский житель

Для цитирования: Лушникова О. Л. Социальное самочувствие сельских хакасов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 3. С. 312–319 DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-312-319

Введение

Некоторые исследователи предлагают включать измерения социального самочувствия в интегральную характеристику развития сельских территорий [1, с. 158]. С. А. Шавель и Л. П. Галич отмечают, что социальное самочувствие является наиболее чувствительным показателем, отражающим не только индивидуальный жизненный тонус, но и восприятие собственного положения в обществе, а также состояние самого социума, в котором живет индивид [2, с. 84]. Ухудшение социального самочувствия можно рассматривать как показатель снижения уровня жизни, неудовлетворенности, пассивности, пессимистичных настроений сельского населения, что может послужить толчком к перемене места жительства (чаще – к переезду в город). Поскольку без сохранения сельского населения невозможно развитие сельских территорий, целесообразно отслеживать изменения социального самочувствия. Хотя существует и альтернативная точка зрения, согласно которой миграция сельского населения в города свидетельствует о поступательном развитии общества [3, с. 137].

По представлению Т. Н. Протасовой, добровольный отток молодого и трудоспособного населения является показателем социального самочувствия [4, с. 373]. В нынешних условиях темпы миграции из села в город достаточно высоки, однако и обратная миграция имеет место быть, например у хакасов – титульного этноса Хакасии.

Вообще хакасы – преимущественно сельское население, две трети (61,6 %) из них проживают в сельской местности[1]. Наряду с этим хакасы, по сравнению с представителями других национальностей, проживающими на территории региона, отличаются низкой миграционной активностью. Миграционные процессы 1970-х гг. показали, что они реже были склонны менять место жительства [5, с. 58], чаще переезжали из сел в более крупные села [6, с. 149]. Статистические данные 2000-х гг. доказывают, что хакасы чаще мигрируют из города в село, а русские – из села в город[2]. Конечно, хакасы переезжают и в город, но процесс адаптации у них проходит сложно [7, с. 4]. Представители титульного этноса отличаются некоторой инертностью, поэтому выбор сельской местности для них представляется упрощенной стратегией выживания [8, с. 118].

Очевидно, переезд в город накладывает определенный отпечаток: меняются привычки, образ жизни и отношение к ней, приоритеты, – что естественным образом сказывается и на изменении социального самочувствия.

[1] Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. В 11 т. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. С. 575.

[2] Население Республики Хакасия за 2001–2011 годы. Абакан: Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия, 2012. С. 16.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-312-319

Цель статьи – сравнить социальное самочувствие сельских хакасов, которые имели опыт проживания в городе, и тех хакасов, которые никогда не жили в городских условиях.

Теоретические основы

С. И. Григорьев считает, что российское село и сельский житель парадоксальным образом стали главными показателями масштабов и остроты того кризиса, который пережила наша страна на рубеже XX–XXI столетий [9, с. 39]. Кризисные явления затронули все стороны жизнедеятельности сельского человека (экономическую, трудовую, культурную, бытовую, семейную и др.), что, естественно, сказалось на общем социальном самочувствии. Безусловно, значимый фактор ухудшения самочувствия сельчан – отсутствие работы, стабильных источников дохода. С. А. Соловченков и И. В. Калинина предостерегают, что вследствие отсутствия рабочих мест происходит общее снижение уровня и качества жизни сельского населения, что потенциально может стать источником социальной напряженности [10, с. 128]. М. Л. Белоножко и О. М. Барбаков отмечают, что более половины своего времени сельчане тратят на физический труд, отсюда вытекает немаловажность условий труда как элемента жизнедеятельности, являющегося одновременно и показателем социального самочувствия [11, с. 2537].

Исследование Л. В. Намруевой и С. В. Землянской доказывает, что существует прямая связь между экономической ситуацией и материальным положением жителей [12, с. 485]. Н. В. Забелина считает, что мощным фактором эффективного экономического роста региона и повышения уровня жизни населения является инфраструктура [13, с. 35], поэтому при исследовании социального самочувствия важно учитывать условия жизнедеятельности сельских жителей (наличие рабочих мест, качество медицинского обслуживания, наличие детских садов, состояние дорог, возможность культурного досуга и др.). С. Ю. Андреев отмечает, что на первое место выходит проблема выживания и создания благоприятных условий для жизни детей [14, с. 57], поэтому целесообразным представляется изучение оценки имеющихся условий самими сельчанами.

Некоторые исследователи рассматривают социальное самочувствие в обобщенном виде. Согласно мнению Л. В. Кашкиной, социальное самочувствие представляет некую обобщающую характеристику внутреннего ощущения комфортности психологического и соматического состояния индивида [15, с. 43]. Безусловно, позитивный эмоциональный настрой, ощущение себя здоровым, оптимистичное отношение к жизни – значимые индикаторы самочувствия, однако они не могут в полной мере отражать общее социальное самочувствие, т. к. ограничиваются преимущественно субъективно-эмоциональной сферой личности. Л. И. Михайлова, например, конкретизирует, что самочувствие зависит от здоровья, обустроенности семьи, жизни и быта, от характера и качества включенности в социальную жизнь во всех ее сферах, от степени удовлетворенности социальными благами [16, с. 46]. Вообще удовлетворенность (как общая, так и отдельными сторонами жизни) рассматривается в качестве важного показателя социального самочувствия. Например, М. О. Пучкова и С. О. Лебедева считают, что социальное самочувствие представляет собой индикатор реакции населения на социальные преобразования, который определяется степенью удовлетворения их социальных потребностей [17, с. 34].

По мнению А. Ю. Дитятева, кризисные явления представляют собой объективную причину для пессимистических прогнозов относительно будущего [18, с. 100]. Отсутствие позитивных ожиданий от будущего продуцирует негативные жизненные стратегии сельчан, пресекая возможные интенции к улучшению жизни. Поэтому значимым показателем самочувствия можно считать представления о собственном будущем материальном положении по отношению к окружающим [19, с. 60].

Резюмируя, социальное самочувствие можно определить как совокупный показатель, отражающий социально-психологическое состояние, степень удовлетворенности основных потребностей (в том числе удовлетворенность внешними условиями) и ожидания ближайшего будущего.

Методы и материалы

Эмпирической базой послужили материалы опроса, который проводился в рамках гранта президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук. Для решения одной из задач проекта были опрошены сельские жители хакасской национальности старше 18 лет, проживающие в сельских поселениях Хакасии (n=500). Опрос проводился во всех сельских районах республики методом формализованного интервью по месту жительства. Среди опрошенных 300 человек имели опыт проживания в городе, 200 – никогда не жили в городе. Чтобы провести сравнение, респонденты были разделены на две равные группы по 200 человек (в первой группе количество опрошенных было сокращено, чтобы группы получились равными). В опроснике были использованы некоторые вопросы из анкет исследований «Сельская жизнь» (2015) и «Жизненный мир россиян» (2014), разработанных под руководством Ж. Т. Тощенко [20]. Оценка социального самочувствия производилась по индикаторам:

1. Эмоциональное состояние: оценка состояния здоровья, общая удовлетворенность жизнью, отношение к жизни в селе.

2. Удовлетворенность (жилищными условиями, работой, материальным достатком, отношениями в семье, возможностями проведения досуга).

3. Оценка условий жизнедеятельности (наиболее острые проблемы): безработица, ветхое жилье, медицинское обслуживание, доступность детских садов, доступность транспорта, преступность, проблема пьянства.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-312-319

4. Ожидания будущего: оценка возможности улучшения собственного материального положения, общие ожидания будущего.

Оценка социального самочувствия осуществлялась следующим образом: высчитывались отдельные показатели по каждому индикатору (например, для оценки эмоционального состояния использовались показатели оценки состояния здоровья, общей удовлетворенности жизнью и отношения к жизни в селе). Далее, например для оценки уровня удовлетворенности, высчитывались показатели удовлетворенности каждой стороной жизни по формуле:

$$\frac{((2A+B)-(C+2D))}{n},$$

где A – количество положительных ответов (полностью удовлетворен), B – количество относительно положительных ответов (скорее удовлетворен), C – количество относительно отрицательных ответов (скорее удовлетворен), D – количество отрицательных ответов (полностью не удовлетворен), n – количество ответивших на вопрос. Затем высчитывалось среднее арифметическое. Вычисление показателей других индикаторов производилось аналогичным способом. Использовался анализ корреляций по Пирсону (r). Обработка данных осуществлялась с помощью прикладного пакета для обработки статистических данных IBM SPSS Statistics 19.

Результаты

Почти все индикаторы социального самочувствия (кроме оценки условий жизни) у бывших горожан немного выше, чем у сельчан, которые никогда не жили в городе (рис. 1). Связано ли это с тем, что первые имели опыт проживания в городе? Конечно, такие хакасы имеют возможность сравнить жизнь в селе и в городе, но это не означает, что их выбор места жительства объясняется только тем, что в селе жить лучше (так считают 45,8 %). 29,6 % бывших горожан не видят особых различий между селом и городом, считая, что жить везде одинаково. Каждый четвертый хакас, который жил какое-то время в городских условиях, полагает, что жить лучше в городе, но только каждый десятый – что там легче жить. Более половины (57 %) бывших городских жителей считают, что легче жить все-таки в сельской местности.

Вероятно, опыт проживания в городских условиях дает возможность делать акцент на преимуществах сельской жизни, которые в сравнении с трудностями города кажутся более привлекательными, что в некотором смысле повышает социальное самочувствие бывших горожан. Можно также предположить, что проживание в городе формирует более осознанное отношение к жизни в сельской местности. Каждый третий бывший горожанин ответил, что ему нравится жить на природе и работать на земле (36,5 %), среди сельчан, которые никогда не жили в городе, так считает каждый четвертый (25 %). Большие части представителей групп (62 % бывших горожан и 45 % постоянно проживающих в селе) просто привыкли жить в деревне. Полученные результаты в некотором смысле согласуются с данными исследования «Сельская жизнь». В этом исследовании 77,1 % опрошенных сельчан из числа тех, кто не хотел бы уехать из села в город (составляют 29,6 % от общего числа опрошенных), объясняют это нежелание тем, что «привыкли, здесь родина, здесь живут родные и близкие» [20, с. 309]. Наряду с этим среди хакасов, когда-то проживавших в городе, почти в два раза больше тех, кому не нравится жить в деревне, и, если бы была возможность, они переехали бы в город (15 % и 8,5 % соответственно).

Влияние города сказывается и на состоянии здоровья сельских хакасов, или точнее, на особенностях их образа жизни. Превалирующая часть опрошенных оценивают свое здоровье как вполне нормальное: 55,5 % постоянно проживающих в селе и 48 % имеющих опыт проживания в городе иногда болеют «обычными» болезнями. В то же время 18,5 % и 19,5 % представителей групп соответственно имеют серьезные хронические заболевания, 2,5 % и 2 % имеют инвалидность. Однако среди разных возрастных групп наблюдаются различия. Исследователи отмечают, что в сельской местности в 3,6 раза чаще, чем в городской, умирают просто от старости, что можно объяснить либо особенным здоровьем сельчан, либо отсутствием у них привычки или возможности чаще обращаться к врачу [21, с. 124]. Среди хакасов, никогда не проживавших в городе, почти каждый четвертый ощущает себя полностью здоровым (23,5 %), причем 42,6 % из них – молодежь (от 18 до 24 лет). Среди бывших горожан каждый третий считает себя полностью здоровым (30,5 %), но при этом 45,9 % из них – это сельские жители в возрасте от 35 до 44 лет; молодых сельчан среди них только 26,2 %. Было интересно понять, почему среди хакасов, которые когда-то жили в городе, оказалось мало «здоровой» молодежи. Единственное объяснение, которое мы нашли, связано с частотой употребления алкоголя, причем среди женщин. Оказалось, что среди бывших горожанок (в возрасте от 18 до 24 лет) только 19 % не употребляют алкоголь, среди сельчанок этого же возраста таковых больше половины – 55,6 %.

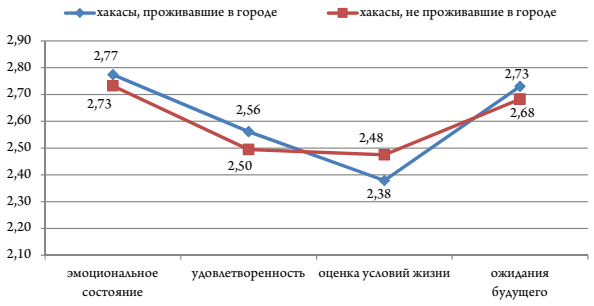

Рис. 1. Индикаторы социального самочувствия сельских хакасов
Fig. 1. Indicators of social well-being of rural Khakas people

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-312-319

Конечно, нельзя делать вывод, что проживание в городских условиях влияет на частоту употребления алкоголя. Настораживает другое: молодое население репродуктивного возраста склонно к частому употреблению алкоголя и не отличается хорошим здоровьем, а ведь именно от этой категории зависит воспроизводство сельского населения, в том числе коренного.

Поскольку употребление алкоголя связано с денежными расходами, можно было бы предположить, что среди бедных сельчан (денег не хватает даже на питание или хватает только на питание) удельный вес часто употребляющих алкоголь будет меньше. Но оказалось, что часто употребляющих алкоголь (каждую неделю – несколько раз в месяц) сельчан примерно одинаковое количество среди разных категорий опрошенных (бедных, обеспеченных и зажиточных). Вместе с тем обнаружилось, что наиболее тесно употребление алкоголя коррелирует с другой вредной привычкой – курением (r=0,425**)[3]. Среди курящих сельских хакасов половина (49 %) употребляют алкоголь часто, среди некурящих таковых всего 14,4 %. Кроме того, употребление алкоголя отрицательно (хотя и слабо) коррелирует с удовлетворенностью работой (r=–0,149**). Другими словами, чем больше хакасы довольны своей работой, тем реже они употребляют алкоголь.

В целом значительная часть опрошенных хакасов удовлетворена своей работой, хотя и не во всем (68 % бывших горожан и 59,5 % хакасов, не проживавших в городе). Полностью удовлетворенных своей работой немного: 10 % и 8,5 % соответственно. Если сравнивать полученные данные с результатами исследования «Жизненный мир россиян» [20, с. 331], то видно, что среди сельского населения на общероссийском уровне полностью удовлетворенных почти в два раза больше – каждый пятый (20 %), хотя удельный вес не удовлетворенных своей работой тоже больше – 18,8 % (ср. 7,5 % проживавших в городе и 12,5 % никогда не проживавших в городе).

С одной стороны, сельские хакасы меньше выказывают явную неудовлетворенность своей работой, с другой стороны, они не демонстрируют и полной удовлетворенности, выбирая «золотую середину». Среди хакасов, которые никогда не жили в городе, почти каждый пятый затруднился с ответом на этот вопрос. Если сравнивать уровень удовлетворенности разными сторонами жизни, то все опрошенные менее всего удовлетворены своим материальным достатком (рис. 2). Каждому десятому (9,5 %) сельчанину денег не хватает даже на питание, 22,8 % опрошенных средств хватает только на питание. Хакасы, всегда проживавшие в селе, отличаются более низкой удовлетворенностью (даже отношениями в семье), что, скорее всего, является свидетельством пониженного социального самочувствия. Единственная сторона жизни, которой они удовлетворены больше – досуг. Возможно, бывшие горожане, сравнивая возможности проведения досуга в городской среде, понимают, что в селе таких возможностей меньше, и поэтому выказывают неудовлетворенность. Вероятно, по этой же причине бывшие горожане хуже оценивают разные условия жизни в селе (рис. 3).

Рис. 2. Удовлетворенность сельских хакасов разными сторонами жизни

Fig. 2. Satisfaction of rural Khakas people by different aspects of life

Рис. 3. Оценка условий жизни по степени наиболее актуальных проблем

Fig. 3. Estimation of living conditions by the degree of the most important problems

Наиболее острыми проблемами для всех сельских хакасов являются отсутствие работы и недостаточная доступность детских садов. Вероятно, отсутствие возможности устроить детей в сад уменьшает возможность сельчан работать полный рабочий день. В условиях кризиса это один из жизненно важных вопросов. Вообще данные социологических исследований свидетельствуют о том, что значительная часть населения демонстрирует готовность к воспитанию большего числа детей по сравнению с практикой сегодняшнего дня, а ключевыми ограничениями на пути повышения рождаемости остаются социально-экономические проблемы [22, с. 63]. Вполне возможно, что решение проблемы доступности детских садов могло бы улучшить социальное самочувствие сельских жителей, предоставив возможность удовлетворить потребность в рождении и воспитании детей в более полном объеме.

[3] * – p≤0,05; ** – p≤0,01.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-312-319

Что касается ожиданий будущего, на первый взгляд, кажется, что хакасы, когда-то проживавшие в городе, настроены более оптимистично. Почти половина (47 %) из них выражает надежду на то, что жизнь улучшится, меньше среди них тех, кто на большее не рассчитывает (13 %, ср. 18,5 % коренных сельчан). Среди хакасов, которые никогда не жили в городе, число опрошенных, выражающих надежду на улучшение своей жизни, меньше – всего 36 %, однако число сельчан, которые ответили, что прилагают усилия, чтобы жить лучше, больше (хотя и ненамного): 41 % против 38 %. Возникает вопрос: является надежда на лучшее показателем оптимизма для хакасов, которые когда-то жили в городе или выражением некоторой мечтательности [23, с. 100]? Есть и малая группа жителей села, которых все устраивает: это 2 % имеющих опыт жизни в городе и 4,5% не имеющих такого.

Общий показатель социального самочувствия сельских хакасов больше всего коррелирует с оценкой изменений, которые произошли в их жизни за последние три года (у бывших горожан r=0,529**; у сельчан, не проживавших в городе, r=0,397**). Больше половины (56 %, ср. 38,5 % не проживавших в городе) бывших городских жителей отмечают положительные изменения в своей жизни, тогда как почти половина (48 %, ср. 31 % проживавших в городе) хакасов, не проживавших в городе, считают, что их жизнь за это время не изменилась. Если сравнивать результаты исследования с данными «Жизненного мира россиян» [20, с. 347], более половины (54,6 %) всего сельского населения тоже полагают, что их жизнь осталась прежней. Примечательно, что на общероссийском уровне значительно меньше сельских жителей, которые отмечают положительные изменения в своей жизни (18,6 %). Об ухудшении уровня своей жизни заявили 13 % бывших городских жителей и 13,5 % коренных сельчан, в общероссийском разрезе такую реакцию выявили 19,3 % респондентов.

Конечно, самочувствие сельских хакасов коррелирует и с уровнем их материального достатка (у бывших горожан r=0,402**, у сельчан, не проживавших в городе, r=0,232*). Однако оказалось, что у бывших городских жителей социальное самочувствие коррелирует с уровнем их образования (r=0,333**) и уровнем дохода (r=0,311*), а у сельчан, никогда не проживавших в городе, с основным родом деятельности (r=0,341**) и с возрастом (r=–0,214*). Другими словами, у бывших горожан социальное самочувствие больше зависит от экономических факторов (достаток, доход) и варьируется в зависимости от уровня образования; а у сельчан, не имевших опыт проживания в городе, определяется родом их основной деятельности (работающий, безработный, пенсионер и т. д.) и с возрастом ухудшается.

Заключение

Социальное самочувствие является наиболее чувствительным показателем, который отражает не только индивидуальный жизненный тонус, но и восприятие собственного положения в обществе, а также состояние самого социума, в котором живет индивид [2, с. 84]. Поскольку современное село находится в глубоком кризисе, трудно говорить о повышении социального самочувствия. Еще в 2002 г. Л. Д. Гудков и Б. В. Дубин писали, что «село в сегодняшней России представляет собой наиболее депрессивную социальную среду» [24, с. 23]. Затянувшийся кризис особенно негативно сказывается на некоторых коренных народах, большая часть которых проживает в сельской местности, каковыми являются хакасы. Какая-то часть коренного населения мигрирует из села в город, но у хакасов достаточно выражена обратная миграция. Отношение к жизни у хакасов, которые имели опыт проживания в городе, отличается от восприятия жизни хакасами, которые всегда проживали в сельской местности. Поскольку у первых есть возможность сравнения условий жизни, можно было бы предположить, что социальное самочувствие у них несколько хуже. Действительно, они хуже оценивают условия жизни в селе, но, несмотря на это, отличаются более позитивным эмоциональным настроем, осознанным отношением к жизни и вполне оптимистичным взглядом на будущее. Социальное самочувствие хакасов, которые всегда жили в селе, характеризуется некоторой противоречивостью. Казалось бы, они менее удовлетворены своей жизнью, но принимают имеющиеся условия; не ожидают особых улучшений жизни, но стараются прилагать усилия, чтобы жить лучше. Возможно, реализация этого стремления в будущем будет способствовать повышению социального самочувствия и послужит фактором сохранения титульного этноса Хакасии.

Литература

1. Русановский В. А., Вяльшина А. А., Блинова Т. В. Социальное самочувствие и экономическое положение сельского населения: социально-демографический анализ // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2019. № 3. С. 158–163.
2. Шавель С. А., Галич Л. П. Социальное самочувствие населения Беларуси и России: компаративный социологический анализ // Социология. 2012. № 1. С. 76–95.
3. Быченко Ю. Г., Шабанов В. Л. Современная миграция сельского населения: особенности, направления, последствия // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 2. С. 136–142.
4. Протасова Т. Н. Оценка места жительства как фактор формирования миграционных установок жителей Кузбасса // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4. № 4. С. 367–375. DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-4-367-375

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-312-319

5. Чуднова В. И., Кожуховская Н. Ф. Население Саянского ТПК. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. 120 с.
6. Белошапкина В. Н. Роль миграции в освоении хакасами нетрадиционных профессий // Торжество ленинской национальной политики: мат-лы Всесоюз. науч. конф. (7–8 декабря 1972 г.) Абакан, 1973. С. 143–154.
7. Остапенко Л. В. Социально-экономические аспекты адаптации русских и хакасов к условиям трансформирующегося общества (по материалам этносоциологического исследования в Хакасии): информационно-аналитический бюллетень № 1. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. Центр по изучению межнациональных отношений, 2003. 26 с.
8. Лушникова О. Л. Факторы адаптации мигрантов из сельской местности (на примере одного из народов Сибири – хакасов) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 106–122. DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.635
9. Григорьев С. И. Социология жизненных сил российского села и сельского жителя в начале XXI века // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 39–43.
10. Соловченков С. А., Калинина И. В. Село приграничного региона: проблемы и социальные настроения // Региональные проблемы. 2017. Т. 20. № 4. С. 123–128.
11. Белоножко М. Л., Барбаков О. М. Социальное самочувствие сельского населения северного региона России // Фундаментальные исследования. 2013. № 10-11. С. 2534–2538.
12. Намруева Л. В., Землянская С. В. Социальное самочувствие сельских жителей как фактор развития аграрной отрасли (по материалам анкетных опросов 1996 и 2016 гг. в Республике Калмыкия) // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6. № 2В. С. 477–489.
13. Забелина Н. В. Региональные проблемы развития социальной инфраструктуры села // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 28. С. 30–37.
14. Андреев С. Ю. Анализ социального самочувствия сельских жителей Краснодарского края // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2007. № 30. С. 47–58.
15. Кашкина Л. В. Социальное самочувствие населения монопрофильного города // Арктика и Север. 2012. № 8. С. 43–48.
16. Михайлова Л. И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. 2010. № 3. С. 45–50.
17. Пучкова М. О., Лебедева С. О. Социальное самочувствие горожан как социологическая проблема // Научный потенциал студенчества в XXI веке: мат-лы III Междунар. науч. студ. конф. (Ставрополь, 24–25 апреля 2009 г.). Ставрополь, 2009. Т. 2. С. 34.
18. Дитятев А. Ю. Методологический потенциал концепции социального настроения в изучении феноменов оптимизма и пессимизма в современном обществе // Теория и практика общественного развития. 2011. № 5. С. 100–102.
19. Асланова О. А. Социальное самочувствие: измерительный инструментарий, показатели и социальные критерии // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 59–63.
20. Смыслы сельской жизни / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. 365 с.
21. Быченко Ю. Г., Долгова Е. М., Шабанов В. Л. Система сельского здравоохранения как фактор развития демографических ресурсов сельского сообщества // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2013. № 2. С. 122–126.
22. Рязанцев С. В., Зоидов К. Х. Демографическое будущее России // Международные процессы. 2013. Т. 11. № 1. С. 63–75.
23. Эфендиев А. Г., Болотина И. Л. Современное российское село: на переломе эпох и реформ. Опыт институционального анализа // Мир России. 2002. Т. 11. № 4. С. 83–125.
24. Гудков Л. Д., Дубин Б. В. Сельская жизнь: рациональность пассивной адаптации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 6. С. 23–37.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-312-319

original article

Social Well-Being of the Rural Khakas People

Olga L. Lushnikova [a, @]
[a] Khakas Research Institute of Language, Literature, and History, Russia, Abakan
[@] oltolt@mail.ru

Received 26.05.2020. Accepted 19.06.2020.

Abstract: The Khakas people are mainly rural. As a result, the preservation of the indigenous population of the Republic of Khakassia depends on the social well-being of its village dwellers. The migration flow from rural to urban areas is currently increasing because the village is going through a crisis. However, the ethnic community is responsible for the "reverse" migration. Urban experience changes attitudes, habits, and lifestyle, thus affecting the social well-being. The article attempts to compare the social well-being of the Khakas people with some urban experience and those with no such experience. The ex-urban residents proved unsatisfied with rural living conditions but demonstrated a more conscious life attitude and optimistic expectations. The rural old timers appeared less satisfied with their lives and more pessimistic. However, they were more willing to improve their living conditions, which might help to preserve the indigenous rural population of Khakassia.

Keywords: emotional condition, satisfaction, living conditions, future expectation, rural resident

For citation: Lushnikova O. L. Social Well-Being of the Rural Khakas People. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(3): 312–319. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-312-319

References

1. Rusanovskiy V. A., Vyalshina A. A., Blinova T. V. Social sensitivity and economic situation of rural population: social and demographic analysis. *Regionalnye agrosistemy: ekonomika i sotsiologiia*, 2019, (3): 158–163. (In Russ.)
2. Shavel S. A., Galich L. P. Social well-being of the population of Belarus and Russia: comparative sociological analysis. *Sotsiologiia*, 2012, (1): 76–95. (In Russ.)
3. Bychenko Yu. G., Shabanov V. L. Modern migration of rural population: trends and consequences. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta*, 2012, (2): 136–142. (In Russ.)
4. Protasova T. N. Residency assessment as a factor of migration tenets of Kuzbass residents. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2019, 4(4): 367–375. (In Russ.) DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-4-367-375
5. Chudnova V. I., Kozhukhovskaia N. F. *Population of Sayan regional production complex*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1979, 120. (In Russ.)
6. Beloshapkina V. N. The role of migration in mastering of non-traditional occupations by the Khakas people. *The triumph of the Lenin's national policy*: Proc. All-Union. Sci. Conf., December 7–8, 1972. Abakan, 1973, 143–154. (In Russ.)
7. Ostapenko L. V. *Social and economic aspects of adaptation of Russians and Khakas people to the conditions of a transforming society (based on the materials of an ethno-sociological study in the Republic of Khakassia)*. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN. Tsentr po izucheniiu mezhnatsionalnykh otnosheniĭ, 2003, 26. (In Russ.)
8. Lushnikova O. L. Adaptation factors of migrants from rural area: peoples of Siberia case study (the Khakas people). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020, (2): 106–122. (In Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.635
9. Grigoryev S. I. Sociology of the vital forces of the Russian village and rural population at the beginning of the XXI century. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2010, (9): 39–43. (In Russ.)
10. Solovchenkov S. A., Kalinina I. V. Countryside problems and social mood in the border region. *Regionalnye problemy,* 2017, 20(4): 123–128. (In Russ.)
11. Belonozhko M. L., Barbakov O. M. Social well-being of the rural population of a northern region of Russia. *Fundamentalnye issledovaniia*, 2013, (10-11): 2534–2538. (In Russ.)
12. Namrueva L. V., Zemlyanskaya S. V. Social well-being of rural residents as a factor of development of agrarian sector (on the basis of questionnaire surveys 1996 and 2016 in the Republic of Kalmykia). *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii,* 2017, 6(2B): 477–489. (In Russ.)
13. Zabelina N. V. Regional problems of the development of the social infrastructure of rural areas. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*, 2014, (28): 30–37. (In Russ.)
14. Andreev S. Yu. Analysis of social well-being of rural dwellers of Krasnodar region. *Politematicheskij setevoj elektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2007, (30): 47–58. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-312-319

15. Kashkina L. V. Social well-being of the population of the mono-specialized city. *Arktika i Sever*, 2012, (8): 43–48. (In Russ.)
16. Mikhailova L. I. Social moods and reception of future by Russians. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2010, (3): 45–50. (In Russ.)
17. Puchkova M. O., Lebedeva S. O. Social well-being of citizens as a sociological problem. *Scientific potential of students in the XXI century*: Proc. III Intern. Sci. Stud. Conf., Stavropol, April 24–25, 2009. Stavropol, 2009, vol. 2, 34. (In Russ.).
18. Dityatev A. Yu. Methodological potential of the concept of social mood in studying of phenomena of optimism and pessimism in modern society. *Teoria i praktika obshchestvennogo razvitia*, 2011, (5): 100–102. (In Russ.)
19. Aslanova O. A. Social well-being: measuring instruments, indicators and social criteria. *Teoria i praktika obshchestvennogo razvitia*, 2012, (2): 59–63. (In Russ.)
20. *Meanings of rural life*, ed. Toshchenko Zh. T. Moscow: Tsentr sotsialnogo prognozirovaniia i marketinga, 2016, 365. (In Russ.)
21. Bychenko Yu. G., Dolgova Ye. M., Shabanov V. L. System of agricultural health care as a factor of agricultural society resources demographic development. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta*, 2013, (2): 122–126. (In Russ.)
22. Riazantsev S. V., Zoidov K. Kh. Russia's demographic future. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2013, 11(1): 63–75. (In Russ.)
23. Efendiev A. G., Bolotina I. L. Contemporary Russian village: at the turning point of epochs and reforms. The experience of institutional analysis. *Mir Rossii*, 2002, 11(4): 83–125. (In Russ.)
24. Gudkov L. D., Dubin B. V. Rural life: rationality of passive adaptation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, 2002, (6): 23–37. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-320-329

оригинальная статья
УДК 316.477

Стратегии профессиональной самореализации молодых преподавателей колледжей

Дмитрий В. Ушаков [a, @]
[a] Новокузнецкий педагогический колледж, Россия, г. Новокузнецк
[@] dima_1983_24@mail.ru

Поступила в редакцию 27.04.2020. Принята к печати 11.09.2020.

Аннотация: Актуальным в социологической науке становится изучение социальной специфики, структуры, механизмов самореализации молодых преподавателей. Самореализация зависит от выбора человеком стратегии своей профессиональной деятельности. Цель работы – изучение стратегий профессиональной самореализации молодых преподавателей. Исследование проводилось на основе разработанного автором гибридного исследовательского комплекса, включающего комбинации техник количественного и качественного анализа: методы включенного наблюдения, глубинного интервью, опроса экспертов, контент-анализа нормативных документов. В результате были определены три вида адаптивных стратегий профессиональной самореализации молодых преподавателей: стратегия обреченности на успех, стратегия протестной самореализации и стратегия вынужденной самореализации. Представлены их характеристики. Анализируются особенности профессиональной самореализации молодых преподавателей, определяется связь социального успеха и стратегии профессиональной самореализации. Отмечается, что стратегии адаптивного типа вынуждают молодого преподавателя соответствовать ожиданиям социального окружения, что противоречит смыслам процесса самореализации. Гуманистическая стратегия неадаптивного типа основана на свободе выбора форм и режима работы преподавателя, сохраняет физическое и психическое здоровье личности, сберегает человеческие ресурсы педагогического коллектива.

Ключевые слова: адаптивные стратегии, здоровьесберегающие стратегии, профессиональная деятельность, гуманистическая стратегия профессиональной самореализации, гибридный исследовательский комплекс

Для цитирования: Ушаков Д. В. Стратегии профессиональной самореализации молодых преподавателей колледжей // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 3. С. 320–329. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-320-329

Введение

Профессия преподавателя раскрывает перед человеком широкий спектр возможностей для реализации личностного потенциала. Самореализация определяет степень успешности в профессиональной деятельности. Социальный смысл успеха фиксируется формулой: чем успешнее самореализация человека, тем выше его социальный статус. Успешность профессиональной самореализации предполагает построение карьеры, высокий уровень квалификации, подтвержденный званиями и должностями, высокую оплату труда, победы в профессиональных конкурсах. Наличие этих достижений, по мнению общества, определяет успешность человека в профессиональной деятельности. Такой специалист признается профессиональным сообществом успешным. Достижениями определяется эффективность деятельности профессионала, показатели легко поддаются квалиметрическим процедурам и конвертируются в материальный успех. Но это внешняя, измеряемая сторона успешности, она определяется социальными ожиданиями общества. Это поверхностный уровень реализации знаний и опыта профессионала.

Структура самореализации включает не только внешнюю сторону реализации в жизни и профессиональной карьере. Латентное содержание процесса самореализации связано с глубинными смысловыми выборами человека, с чувством удовлетворения от реализации планов, актуализации опыта, раскрытия творческого личностного или профессионального потенциала. В процессах самореализации заложен механизм достижения не только социального успеха, но и внутреннего личностного роста, а также управления своим здоровьем. Самореализация – это здоровьесберегающий процесс развития личности. Стратегии самореализации становятся элементами бережливых технологий адаптации молодого преподавателя к своей профессии. Востребованность социологического изучения процесса самореализации связана с необходимостью научного определения меры достижений (выполнения показателей) в работе преподавателя. Требования к выполнению показателей должны быть сбалансированы и ограничены творческим осмыслением педагогической миссии, реализацией права на выбор собственных ориентиров и предпочтений, своего понимания смысла профессионального успеха. Мы считаем, что смысл успеха профессиональной деятельности заключается в соотношении социального признания заслуг человека и его личным ощущением удовлетворения от выполняемой работы. Методологическая проблема заключается в сложности измерения глубинных (смысловых) процессов профессиональной самореализации.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-320-329

Профессиональная самореализация – это процесс сотворчества и содеятельности с другими людьми, с ближним или дальним окружением. Это баланс между удовлетворенностью от профессиональной деятельности и показателями социального успеха (статусы, награды, звания). Профессиональную самореализацию можно рассматривать как вид личностной самореализации человека. Она основана на саморазвитии и актуализации профессиональных талантов. Профессиональная самореализация помогает молодому преподавателю изменять курс профессиональных достижений в зависимости от жизненных ситуаций, траекторий, осмысления своего предназначения (миссии).

Оценка достижений определяется значимой для человека социальной группой. Агенты социального окружения (родственники, друзья, коллеги) во многом определяют планку социальных притязаний индивида, подталкивая его к выбору различных стратегий личностного роста, вынуждая выполнять социальные и профессиональные требования (стандарты поведения, квалификация, стратегии построения карьеры). Таким образом, перед человеком встает глубокий смысловой выбор между желанием достичь успеха, выраженного в одобряемых и понятных для его социального окружения атрибутах и символах (звания, награды, признание в сообществе коллег), и обретением счастья от самостановления (профессионального, личностного), получением удовольствия от выполнения любимого дела. Это противоречие вынуждает человека адаптироваться с помощью выбора адаптивных стратегий.

Стратегия – это генеральная линия поведения человека, соответствующая его смыслам, ориентирам, жизненным установкам. Это «динамическая, саморегулирующаяся система социокультурных представлений личности о собственной жизни, ориентирующая и направляющая ее поведение в течение длительного времени» [1, с. 102]. Т. И. Заславская, рассматривая трансформационное поведение как социокультурный процесс, определяет спектр стратегий поведения от социально полезных («достижительных») до асоциальных («стратегии регрессивного типа», «разрушительные стратегии», «достижительные стратегии деструктивного типа»). Подчеркивается неоднозначность, двойственность стратегии адаптивного типа [2]. По мнению Л. Ю. Логуновой, актор имеет всего лишь одну стратегию, адаптационную, – приспособление к вызову, который создает ситуация [3, с. 24–25]. Выбирая такую стратегию, человек подчиняет себя ожиданиям социального окружения, добивается одобрения и признания, набирая внешние атрибуты успешности. В профессиональной деятельности работник вынужден избирать адаптивные стратегии, приспосабливаясь к требованиям руководства и ожиданиям профессионального сообщества.

Реализуя себя в рамках адаптационной стратегии, человек удовлетворяет социальные запросы общества, демонстрируя порядочность, респектабельность. Профессиональная реализация призвана убедить членов социальной группы, что сотруднику организации можно доверять ответственные поручения. Это маркеры социальной презентации своих возможностей. Реализация обретает часть *само-*, когда человек начинает осознавать, что его судьба связана с переходом возможностей в действительность. И это определяет еще одну проблему – проблему измерения успеха, сущность которого не сводима к внешним (видимым) презентациям и социальным возможностям.

Неочевидный успех есть степень удовлетворенности человеком своей деятельностью, определяемая тем, что человек *сам* считает своими достижениями, содержанием его опыта, показателями здоровья, эмоциональной зрелости. Самореализация может считаться успешной, если внешние оценки социального успеха совпадают с усилиями человека по актуализации внутренних процессов самораскрытия, получения удовольствия от реализации планов, связанных с профессиональными достижениями [4, с. 54]. Результат самореализации – обретение счастья от самостановления (профессионального, личностного), которое, по мнению К. Р. Роджерса, – не конечный пункт бытия, но путь, процесс бытия и развития личности, проживания и актуализации своих чувств [5, с. 27]. Профессиональная самореализация преподавателя есть гарант хорошего самочувствия человека, исполняющего миссию передачи социального опыта младшим поколениям. Стратегия профессиональной самореализации – это альтернатива стратегиям адаптивного типа. Самореализация – выбор линии поведения для адаптации среды к своим потребностям.

Практика оценивания эффективности деятельности преподавателя с позиций выполнения различных показателей ориентирует на количественный результат, образ успешного профессионала предполагает результативность в смыслах очевидности, «видимости» в рамках стратегии адаптивного типа. Такая «эффективность» обеспечивает рейтинг образовательного учреждения. Когда творчество подменяется эквилибром достижений, политика ориентации на показатели в оценке качества работы преподавателя искажает смыслы учительства. Это объяснимо: количество любви и заботы к ученику невозможно подсчитать, но количество наград – легко. Рейтинг, а не ученик становится главным объектом попечения менеджеров от образования. Участие в профессиональных и творческих конкурсах, конференциях, публикация статей, выполнение задач, поставленных администрацией учебных заведений, является сегодня основным направлением деятельности преподавателей. Ценность общения преподавателей со своими учениками подменяется дистанционными формами обучения. Высокие достижения в выполнении рейтинговых показателей приветствуются администрацией учебных заведений и преподносятся как профессиональный успех. Но этот успех суть адаптации преподавателя к требованиям администрации.

При всей видимости успеха высокая результативность способствует накоплению усталости, эмоциональному выгоранию. Гонка за результатом выматывает людей и часто становится причиной ухода молодых преподавателей из педагогической профессии, что подтверждает

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-320-329

наше исследование. Стратегия вынужденной адаптации определяется принуждением человека к исполнению «показателей эффективности», сводит к нулю стремление к самовоплощению и творчеству, превращая педагогический процесс в производственный конвейер по оказанию образовательных услуг.

Для человека нормально стремление к обретению счастья, поиску смыслов своего существования, удовлетворению социальных и духовных потребностей. Но для него также важно социальное признание его внутренних достижений. Это приводит к необходимости выбора стратегии профессиональной деятельности. Стратегия достиженческого (адаптивного) типа ориентирует на демонстрацию профессиональных заслуг, приносит удовольствие от побед, но практически блокирует ощущение удовлетворения (счастья) от внутреннего роста. Стратегия самореализации (неадаптивный тип) приносит уверенность в своем выборе профессиональных возможностей, смыслов выполнения своей миссии, но редко дает видимые результаты, которые ожидает от индивида социальное окружение. Первая приносит известность, но истощает внутренние резервы организма. Вторая – сохраняет здоровье, но не гарантирует прибавку к зарплате и повышение социального статуса. Эти профессиональные стратегии определяют управленческую проблему построения сопровождающей технологии профессиональной самореализации, объединяющей достоинства и преимущества двух стратегий.

Методы и материалы

Исследование профессиональной самореализации молодых преподавателей проводилось на базе Новокузнецкого педагогического колледжа (НПК) в 2017–2018 гг. Респонденты (8 человек) были отобраны методом квотной выборки (возраст – до 35 лет, стаж работы в системе образования – не более 10 лет, наличие высшего образования).

Методы исследования составил гибридный исследовательский комплекс [6], основанный на комбинации техник количественного и качественного анализа: включенное наблюдение, глубинное интервью, анализ документов (оценочные листы преподавателей – 32 документа), контент-анализ нормативно-правовых документов регионального и федерального уровней, определяющих профессиональные требования к педагогическим работникам (5 документов), экспертный опрос (представители администрации – 8 человек), анкетный опрос (студенты колледжа – 25 человек). В исследовании сопоставлялись числовые и смысловые показатели.

Индикаторы анализа для качественных методик включали возможность оценки преподавателями своей профессиональной деятельности, саморефлексии относительно удовлетворенности работой в колледже, отношения к рейтинговым показателям, а также представления планов и предпочтительного выбора форм профессионального творчества. В качестве критериев успешности процесса профессиональной самореализации мы определили продуктивность профессиональной деятельности молодого преподавателя. Так, в числе показателей оказались, во-первых, награды, звания, победы в профессиональных конкурсах, количество научных публикаций, оценки, касающиеся вопросов уважения, доверия к молодым преподавателям со стороны коллег, администрации и обучающихся колледжа; во-вторых, удовлетворенность от выполнения профессиональной деятельности (индивидуальное понимание смыслов педагогической деятельности и представления о самореализации).

Для анализа эмпирических данных мы выбрали три группы индикаторов:

1) социально значимые критерии (успешность педагогического труда), сопряженные с «очевидными» показателями;
2) профессионально значимые критерии (уровень профессионального мастерства, уважение студентов, оценка руководства, отношения с коллегами);
3) личностно значимые показатели (здоровье, удовлетворительное эмоциональное состояние, эмоциональный комфорт при выполнении профессиональных обязанностей, удовлетворенность процессом и результатом педагогической деятельности).

Методологической опорой исследования процессов самореализации стала феноменологическая теория (К. Р. Роджерс [5], В. Дильтей [7], Э. Гуссерль [8], В. Э. Франкл [9]), постулаты философии жизни (М. Шелер [10]). Самореализация приобретает духовную составляющую, трансформирующуюся в сферу переживаний ценностей и смыслов социального взаимодействия. В феноменологической философии и социологии самореализация определяется как способ постижения окружающего мира [8], процесс самопознания, определяющий особенности жизненного опыта [11], самотранценденция, самодистанцирование [9; 10]. Самореализация предполагает духовную активность личности – самонаблюдение (интроспекция) и эмпатическое понимание [5; 7].

В психологии самореализация понимается как самоопределение в мире, выбор жизненного пути [12–15]. Очевидна связь самореализации с раскрытием личностных характеристик, оформлением системы ценностей (К. Гольдштейн, И. Э. Бекешкина, М. А. Недашковская, Л. В. Сохань, В. А. Тихонович, В. И. Шинкарук), работой над личностным духовным и физическим самосовершенствованием (Г. С. Батищев, А. И. Яценко, С. С. Батенин). В социуме самореализация проявляется через деятельность (труд, общение и взаимоотношения), становится показателем и условием достижения личностью социальной зрелости [13, с. 209; 16, с. 306], определяет условия физического и социального здоровья человека.

В рамках теоретических рассуждений и эмпирических социологических исследований современных отечественных и зарубежных социологов самореализация рассматривается как комплексное социальное явление, осмысляется с позиции ее проявления в системе мотивов

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-320-329

или ценностей человека. Анализируются процесс, структура, механизмы, стратегии, критерии, уровни и результат самореализации. В социологической концепции И. В. Солодниковой самореализация трактуется как процесс самоосуществления, личностного роста, выстраивания своего уникального жизненного пути в конкретных социокультурных условиях [17].

Особенности процесса самореализации в трудовой деятельности и профессиональном сообществе рассматриваются в исследованиях А. Г. Здравомыслова и В. А. Ядова, которые отмечают, что одним из ведущих мотивов в трудовой деятельности человека становится реализация своих способностей [18]. В. С. Магун и Г. А. Монусова обратили внимание на доминирование ценностей результата труда как формы проявления самореализации [19, с. 522]. Самореализации в трудовой и профессиональной деятельности посвящены социологические исследования, проводящиеся под руководством Д. Л. Константиновского, представляющего данный процесс в формате образовательных и профессиональных траекторий построения жизненного пути [20]. Связь профессиональной самореализации с социальным успехом обосновывается в работах В. И. Ильина, рассматривающего индивидуальные механизмы построения «профессиональной колеи» как индивидуальной траектории достижения социального успеха [21; 22].

Связь самореализации и социального успеха характерна и для современной западной социологии. *Self-made Man* – человек, который добился всего сам, человек который сделал себя. Эта идея, являясь идеологическим стержнем современного западного общества, находит отражение во многих работах современных американских исследователей. К примеру, К. Вельцель и Р. Инглхард подчеркивают, что ценности самореализации и самовыражения значимы в современном постиндустриальном обществе [23]. О связи самореализации и социального признания пишут А. Хоннет [24], Э. Энгдаль [25].

Мы считаем, что самореализацию личности можно рассматривать с двух позиций: 1) с точки зрения внутренней свободы личности, принимающей решения; 2) с точки зрения достижения жизненного успеха. Такое понимание связывает внутренний духовный рост человека с социальным восхождением, признанием.

Успех определяется через совокупность социальных достижений личности: материальное благополучие, приобретенный социальный статус, степень влиятельности, кредитности, признаваемые достойными и достаточными в конкретной культуре [26]. Уровень социальной успешности устанавливается наиболее значимой для человека социальной группой, «достоинство» определяется ожиданиями группы. Профессиональная успешность зависит от оценок коллег. По сути, это «планка» социальных притязаний, на овладение которой подталкивают агенты социального окружения (родственники, друзья, коллеги). Человек в социальном смысле признается сообществом «достойным» своих достижений. На этом основаны требования реализации. Это успех для других. Ориентация на социальный успех склоняет человека к реализации потенциальных возможностей.

Самореализация – это отказ от демонстрации успеха социальному окружению, собственный выбор профессиональной судьбы. Самореализация – это творчество, любое творчество – это бунт. Парадокс заключается в том, что такой профессионал не вписывается в формат классических традиций управления, но появление таких профессионалов классиками управления приветствуется. У теоретиков от социологии управления и практиков от педагогики появляется искушение заменить постулаты и терминологию теорий «третьей силы», определяющих процесс самореализации, правилами принципов бюрократической организации или методиками воспитания.

Администрация образовательных организаций требует от преподавателя выполнения установленных показателей. Преподаватель, пытаясь завоевать репутацию хорошего специалиста, адаптируется к требованиям, которые устанавливает социальное окружение. Социальные ожидания коллег ориентируют на выбор адаптивных стратегий, позволяющих приспособиться к требованиям профессиональных стандартов. Мы называем их вынужденными стратегиями достиженческого (адаптивного) типа. Эти стратегии вариативны.

Стратегия обреченности на успех. Представление личности об успехе совпадает с представлениями администрации колледжа и вышестоящих управленческих структур. Жизнь человека подчинена реализации ожиданий членов значимых для него социальных групп (семья, друзья, коллеги по работе, вышестоящие начальники). Реализуя эту стратегию, человек исходит из общепринятых символов жизненного успеха. Стремясь соответствовать социальным ожиданиям других, человек вступает в конфликт со своими внутренними представлениями о жизненных ценностях. Ожидания окружающих обязывают выполнять правила ролевого поведения. Это обеспечивает предсказуемость поведения, контроль за членами сообщества. «Выбор социальной роли в рамках модели не может быть произвольным… Изменить стратегическую модель крайне непросто. Окружение привыкло видеть личность в определенном образе, оно будет сопротивляться изменениям в этом образе» [3, с. 25]. Пытаясь добиться уважения окружающих (или просто сохранить за собой место работы), преподаватель старается получить награды, должности, победы в конкурсах, символы признания, подчиняя свою жизнь требованиям успешной профессиональной деятельности. Следствие выбора такой стратегии – погоня за иллюзией счастья в виде сомнительных символов достижений, развал в личной жизни, профессиональные заболевания. Это стратегия ложной самореализации. Борьба за достижения и награды – это ложная цель, т. к. быстрая смена правил игры со стороны вышестоящего начальства связана с навязыванием новых достижений, имеющих отношение к эффективному

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-320-329

менеджменту. Эта бесконечная гонка за успехом, понимаемым в смыслах выполнения показателей, приводит к физическому и эмоциональному истощению человека. Больного человека успех не радует. Самореализация – это здоровьесберегающий процесс, сопровождающийся чувством радости.

Стратегия протестной самореализации выбирается человеком в случае конфликта его представлений о профессиональном успехе с представлениями общности. Это самореализация под девизом *Через тернии к звездам!*; сложный путь самоутверждения. Личность обретает известность через социальный протест. Это манипуляция вниманием окружающих. Человек ведет оригинальный, но не всегда социально полезный образ жизни. Такие люди патологически конфликтны, часто имеют различные зависимости, не могут создать крепкие отношения с близкими. Иногда они выбирают асоциальные стили жизни или становятся воплощением морализаторства. В некотором смысле такие индивиды обретают счастье, но достигают известности и самореализуются за счет негативных эмоций, получают достижения и награды путем «выбивания» того, что заслужено непосильным трудом или игрой на слабых чувствах, пуская слезу, взывая к жалости, требуя справедливости. Такой сомнительный успех связан с потерей репутации, что противоречит смыслам самореализации – укреплению авторитета, имиджа, обретению новых социальных связей за счет честной профессиональной работы, в том числе и в педагогической сфере.

Стратегия вынужденной самореализации. Ориентируясь на ожидания ближайшего окружения, в выборе поведенческих практик человек руководствуется собственными интересами. Это провоцирует конфликты молодого преподавателя с коллегами. Но независимость поведения, как правило, вызывает симпатию у воспитанников, укрепляет самоуважение. Выбор такой стратегии стимулирует человека к накоплению социального опыта в профессиональной и личностной сферах, но не всегда приводит к финансовому благополучию. Эта стратегия предполагает более широкие перспективы для реализации своих творческих замыслов, чем стратегия обреченности на успех. Преподаватель может проявить профессиональную гибкость, освоить разные технологии профессиональной деятельности, изучить альтернативные профессиональные программы. Это практики «широкого забрасывания сети» в поисках территорий для творческого самовыражения. Преподаватель сам определяет для себя наиболее значимые направления деятельности, смыслы успеха. Очевидно желание человека не функционировать, но испытывать чувство счастья [27]. Как правило, удовлетворенность профессиональной деятельностью и преодоление конфликтов делают человека стрессоустойчивым, расширяют достижительные перспективы, не ограничивая рамками педагогической профессии. Критерий самореализации – постоянный профессиональный, творческий и духовный рост, расширение границ социального и эмоционального опыта. Эта стратегия адаптации позволяет человеку осмыслить свой опыт.

Из рассмотренных вариантов лишь стратегия вынужденной самореализации является основой для формирования стратегии неадаптивного типа – личного выбора смыслов успеха профессиональной деятельности. Сопровождающие социальные технологии управления профессиональной деятельностью могут быть направлены на переключение поведения человека с адаптивных стратегий реализации (стратегии обреченности на успех и стратегии протестной самореализации) на неадаптивную (гуманистическую) стратегию. Неадаптивность означает свободу выбора собственных смыслов успеха в профессиональной деятельности.

Адаптивные стратегии самореализации достиженческого типа ориентируют человека на демонстрацию профессиональных заслуг, приносят удовольствие от побед, но блокируют ощущение удовлетворения (счастья) от внутреннего становления. Данные стратегии приносят известность (в позитивных и негативных смыслах), но направленность человека на результат истощает внутренние резервы его организма, делает человека нервозным, испуганным из-за опасности не соответствовать стандартам. Выбор неадаптивной (гуманистической) стратегии дарит чувство внутреннего спокойствия, уверенности от возможности собственного выбора, собственного понимания успешности, сохраняет здоровье, но редко приносит видимые результаты (увеличение дохода, карьерный рост).

Результаты

Результаты исследования показали, что у преподавателей, выбирающих неадаптивные стратегии для профессионального творчества, хорошее здоровье (отсутствуют больничные листы за 2017–2018 гг., нет жалоб на здоровье), студенты проявляют к ним доверие и уважение (согласно опросам обучающихся). Преподаватели выбирают творческие проекты, привлекая к участию в них студентов. Четыре человека активно занимаются самообразованием, обучаясь в высших учебных заведениях. Двое имели свои собственные бизнес-проекты. Они дистанцировались от общих планов по выполнению показателей, избирательно подходили к различным направлениям педагогической работы, подчас игнорируя некоторые должностные обязанности, по их мнению, лишенные всякого смысла. Согласно результатам наблюдения, они практически не принимали участие в праздничных мероприятиях, организованных для поддержания корпоративного духа администрацией, считая, что это пустая трата времени. Однако в тех случаях, когда их личные цели совпадали с целями администрации учреждения, преподаватели демонстрировали высокие профессиональные результаты, работоспособность, хорошее самочувствие, желание проявить себя, поддержать руководство.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-320-329

В интервью преподаватели с высокой степенью самореализации говорили, что «*профессиональные конкурсы дают возможность показать себя, повысить свое профессиональное мастерство и предоставляют возможность карьерного роста*». Эти люди считают важным продемонстрировать свое свободолюбие, независимость, но жесткая организационная структура образовательных учреждений, административные и дисциплинарные требования ограничивают пространство для действий тех, кто ставит свои профессиональные интересы выше, чем рейтинги организации. Сообщество фактически выдавливает талантливых людей, если их творчество не работает на рейтинг образовательного учреждения. Такое творчество не поддается квалиметрии, его трудно отразить в показателях эффективности, переформатировать в баллы, конвертировать в стимулирующие выплаты. Сотрудники, ориентированные на процессы самореализации, демонстрируют коллегам альтернативную реальность в профессиональной деятельности, раздражают своей самодостаточностью, независимостью. Дальнейшая судьба преподавателей с высоким уровнем самореализации – увольнение. Трое преподавателей ушли из образовательной организации в сферу бизнеса, открыли образовательные проекты. Это ресурс, который остался не востребован организацией.

Преподаватели, практикующие адаптивные стратегии, стараются зарекомендовать себя хорошими специалистами. Они берут на себя дополнительные обязанности, активно участвуя во всех направлениях деятельности, определяемых администрацией. Итогом такой погони за результатом становились хроническая усталость и ухудшение здоровья. Эта группа преподавателей в интервью жаловалась на свою личную жизнь, плохое состояние здоровья, потерю интереса к работе. Результат, выраженный в виде более высоких стимулирующих выплат за интенсивность труда, возможности приобрести материальные символы успешности, не приносил удовлетворения, требовал дополнительных энергетических затрат. При сопоставлении результатов опроса студентов и оценок сотрудников администрации мы заметили корреляцию: чем выше была оценка профессиональных качеств преподавателя со стороны администрации, тем ниже были оценки их профессионализма со стороны студентов (у преподавателей с высокой степенью самореализации корреляция обратная: их высоко оценивают студенты, но недолюбливает начальство).

Преподаватели, выбирающие адаптивные стратегии в профессиональной деятельности, превращались в вечно недооцененных администрацией жалобщиков. Постоянная работа на рейтинги отнимала их силы, не оставляя возможности собственному профессиональному развитию и самореализации. В интервью они жаловались: «*Какая может быть самореализация?! Я не знаю, хватит ли сил мне в 26 лет выдержать нагрузку 36 часов в неделю! Самореализация была бы, если бы у меня оставалось немного свободного времени, а за ставку мне платили бы заработную плату, хотя бы равную МРОТ*». Серьезный дискомфорт вызывала зависимость от оценок администрации. На вопрос: Что в профессиональной деятельности приносит Вам самые неприятные эмоции или заставляет Вас переживать? – звучали такие ответы: «*Когда мной недовольно руководство, я всегда сильно переживаю*»; «*Документация, большое количество бумаг, забирает все мое время. Очень боюсь разочаровать начальство*». У респондентов наблюдалось постоянное чувство тревоги, ощущение неудачи, отсутствие удовлетворенности своей деятельностью. «*Полностью отдаюсь своей работе. Но ощущение, что, сколько бы я не перерабатывал, я все равно ничего не успею. Я всегда что-то не успеваю, всегда что-то не сделал или сделал плохо, или вообще не так! Я всегда в чем-то виноват! Такая работа просто съедает меня!*», – жалуется молодой мужчина. «*После рабочего дня сил хватает на то, чтобы дойти до дома и просто лечь спать. Я не понимаю, для чего я работаю. Постоянно работая на результат, тратя свое личное время для подготовки студентов, выматываясь, подчиняя всю свою жизнь работе… Эта работа не нужна никому, никто ее не замечает*». Включенное наблюдение показало, что из 8 преподавателей, поступивших в аспирантуру, только двое защитили диссертацию, остальные были вынуждены из-за загруженности прекратить обучение[1].

Адаптивные стратегии вынуждают соответствовать ролевым ожиданиям окружающих. Профессиональный успех не всегда связан с процессом самореализации. Награды, победы в конкурсах, публикации – это показатели успешности, установленные структурами управления учреждениями образования. Но закон «Об образовании в Российской Федерации» не устанавливает в качестве обязательного ни одно из требований стандарта. Закон обязывает педагога «систематически повышать свой профессиональный уровень и проходить аттестацию на соответствие занимаемой должности в порядке, установленном законодательством об образовании»[2]. В разъяснениях Центрального Совета профсоюза работников народного образования и науки РФ, уточняющих процедуру проведения аттестаций педагогических работников, подчеркивается, что «отсутствие высшего образования, ученой степени или каких-либо иных наград и достижений не может стать причиной отказа преподавателю при установлении первой или высшей квалификационной

[1] Включенное наблюдение за профессиональным становлением молодых преподавателей НПК осуществлялось автором в 2014–2020 гг., выборка квотная (15 молодых преподавателей возрастом до 35 лет со стажем работы в системе образования не более 10 лет, имеющие высшее образование).

[2] Об образовании в Российской Федерации. ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Ст. 48 // СПС КонсультантПлюс.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-320-329

категории»[3]. Не содержит дополнительных требований, кроме вышеуказанных, и профессиональный стандарт, разработанный для педагогов профессионального обучения, профессионального образования[4].

Согласно Приказу Министерства образования и науки РФ, устанавливающему порядок проведения аттестации педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, присвоение квалификационной категории проводится по желанию работников[5]. Этим же приказом устанавливаются критерии, в соответствии с которыми преподавателям присваивается первая и высшая квалификационные категории. Данные критерии предполагают владение преподавателями современными образовательными технологиями и методиками, эффективное применение их на практике, стабильные результаты освоения обучающимися образовательных программ, личный вклад в повышение качества образования на основе совершенствования методов обучения и воспитания. Присвоение квалификационной категории зависит от соответствия претендента основному критерию – успехам и достижениям учеников, участию в методических объединениях. Выполнение показателей в качестве требования к преподавателю заявлено на уровне Министерства образования и науки Кузбасса[6]. На эти требования опираются чиновники от образования, определяя рейтинг образовательной организации.

Рейтинг достижений, собственно, нужен для расчета стимулирующих выплат руководителю образовательного учреждения, но требование достижений становится основным инструментом управления для работы всего педагогического коллектива[7]. Поэтому администрация образовательных учреждений старается ориентировать педагогов на достиженческие стратегии обреченности на успех с целью повышения рейтинга образовательного учреждения, создавая в коллективе атмосферу погони за высоким результатом. Это становится одной из причин высокой нагрузки, приводящей к истощению ресурсов педагогического коллектива. Квалиметрическое отношение к процессу обучения лишает этот процесс радости самораскрытия, самопостижения, самовоплощения [28].

Достижение – это событие. Рейтинговые критерии ориентируют на некую ступень профессионального развития, задачу, которая подменяет цель – трансляцию опыта младшим поколениям. Результаты исследования показали связь погони за достижениями с ростом неудачных событий в жизни педагогов. Проблемы в семейной жизни, рост количества больничных листов, потеря денег свидетельствуют об опасности погони за достижениями. У преподавателей с адаптивными стратегиями за три года наблюдений обнаружилась тенденция к росту заболеваний, согласно картине роста предоставленных больничных листов. В личных беседах эти преподаватели отмечали, что работа не оставляет им возможности наладить отношения с близкими, загруженность делами приводит к конфликтным ситуациям в семье. Некоторые преподаватели, не справляясь с такой нагрузкой, вообще ушли из педагогической профессии. Такой режим работы ограничивает возможности самореализации. Выдавая «на-гора» тонны переделанных программ, участий в конкурсах, заработанных для образовательного учреждения денег, преподаватель теряет возможность спокойного осмысления своей миссии. Работа становится токсичной для человека, которого директор рассматривает в качестве инструмента для получения стимулирующих выплат за повышение рейтинга образовательного учреждения.

Таким образом, стратегия, расширяющая профессиональные возможности молодого преподавателя, обеспечивающая поддержку процессам самореализации, – это гуманистическая стратегия неадаптивного типа. Она обеспечивает человеку свободный выбор форм, ритма и режима деятельности, горизонтов достижений. Эта стратегия провоцирует конфликты. Человеку приходится отстаивать свое право на свободный выбор. Но результаты исследования свидетельствуют, что, преодолевая сопротивление начальства, предлагая собственные правила игры, человек остается в согласии с собственными ценностями и смыслами профессиональной деятельности. Эта гармония сохраняет здоровье, удовлетворенность профессиональной деятельностью и личной жизнью, индивидуальное понимание смыслов успеха.

Заключение

Процесс самореализации молодых преподавателей должен поддерживаться администрацией учебных заведений и приобретать форму ресурсосберегающей технологии, основанной на свободе выбора форм и смыслов педагогической

[3] Разъяснения по применению Порядка проведения аттестации педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность. Утв. Приказом Минобрнауки РФ от 07.04.2014 № 276 // СПС КонсультантПлюс.

[4] Об утверждении профессионального стандарта «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования». Приказ Минтруда РФ от 08.09.2015 № 608н // СПС КонсультантПлюс.

[5] Об утверждении Порядка проведения аттестации педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность. Приказ Минобрнауки РФ от 07.04.2014 № 276 // СПС КонсультантПлюс.

[6] О рейтинговой оценке подведомственных профессиональных образовательных организаций. Приказ Департамента образования и науки Кемеровской области от 23.01.2018 № 79 // КРИРПО. Режим доступа: http://www.krirpo.ru/activity-2/monitoring/reitingPOO/docs/polozhenie_23.01.2018.pdf (дата обращения: 28.10.2019).

[7] Об утверждении рейтинга подведомственных профессиональных образовательных организаций по результатам их деятельности в 2017 году. Приказ Департамента образования и науки Кемеровской области от 05.03.2018 № 398 // Министерство образования и науки Кузбасса. Режим доступа: https://образование42.рф/documents/900/ (дата обращения: 28.10.2019).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-320-329

деятельности. Сопровождение и измерение профессиональной самореализации может осуществляться с помощью сочетания количественно-качественных методов на основе фиксации количественных характеристик объекта и анализа субъективных оценок респондентов.

Профессиональная самореализация содержит в себе мощный потенциал профессионального развития. Она невозможна, если целью педагогического труда является работа, направленная на выполнение рейтинговых показателей. Затруднительным становится и выбор форм профессиональной деятельности, если направления педагогической работы заранее определены для преподавателя вышестоящими инстанциями. Образ успешного преподавателя-функционера, выполняющего требования администрации в ущерб собственным профессиональным интересам, противоречив. Такой успех не гарантирует удовлетворенность человека своей работой. Центральным звеном образовательного процесса должно быть взаимодействие учителя и учеников. Высокие рейтинги образовательных учреждений вторичны и могут быть хорошим дополнением к репутации учебного заведения.

Адаптивные стратегии плохо совместимы с процессом профессионального роста. Сопровождающие управленческие технологии призваны объединить достоинства и преимущества адаптивных стратегий (ориентация на дисциплину, целеустремленность в выполнении профессиональных задач) и гуманистической стратегии самореализации (свобода выбора творчества, самодостаточность, самоопределение в профессии). Задача социальной технологии сопровождения профессиональной самореализации – переключение человека с нерезультативных достижительных стратегий на стратегию гуманистического типа – стратегию выбора профессионального пути.

Литература

1. Резник Т. Е., Резник Ю. М. Жизненные стратегии личности // Социологические исследования. 1995. № 12. С. 100–105.
2. Заславская Т. И. Современное российское общество. М.: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве РФ; Дело, 2004. 398 с.
3. Логунова Л. Ю. Социокультурные основания социальной и политической мобилизации // Политическое сознание и поведение: эволюция и мобилизация / отв. ред. Л. Л. Шпак. Кемерово: ИНТ, 2016. С. 5–51.
4. Логунова Л. Ю., Маженина Е. А., Ушаков Д. В. Проблемы профессиональной самореализации молодых преподавателей // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 4. С. 52–59.
5. Роджерс К. Р. Становление личности: Взгляд на психотерапию. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 414 с.
6. Logunova L. Yu., Mazhenina E. A., Nyatina N. V. Methods of collecting and analyzing of civil initiatives to improve the life-support system // Advances in social science, education and humanities research: Proc. Intern. Conf. Communicative Strategies of Information Society. (Санкт-Петербург, 26–27 октября 2018 г.) СПб., 2019. Т. 289. С. 45–49. DOI: 10.2991/csis-18.2019.9
7. Дильтей В. Описательная психология. СПб.: Алетейя; Кренов, 1996. 153 с.
8. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменолог. Философию / пер. с нем. Д. В. Скляднева. СПб.: Владимир Даль; Фонд ун-т, 2004. 398 с.
9. Франкл В. Э. Человек в поисках смысла / под общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 366 с.
10. Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии / сост. П. С. Гуревич; под общ. ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 31–95.
11. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира / пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой. М.: Ин-т Фонда «Обществ. мнение», 2003. 334 с.
12. Кон И. С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. 335 с.
13. Абульханова К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
14. Мэй Р. Истоки экзистенциального направления в психологии и его значение // Экзистенциальная психология. Экзистенция: новое измерение в психиатрии и психологии / под общ. ред. Ю. Злобина; пер. М. Занадворова, Ю. Овчинниковой. М.: Апрель-пресс; ЭКСМО-пресс, 2001. 105–140 с.
15. Бьюдженталь Дж. Наука быть живым: Диалоги между терапевтом и пациентами в гуманист. терапии / пер. с англ. А. Б. Фенько. М.: Класс, 1998. 323 с.
16. Психология личности в трудах отечественных психологов / сост. Л. В. Куликов. СПб.: Питер, 2000. 476 с.
17. Солодникова И. В. Социализация личности: сущность и особенности на разных этапах жизни // Социологические исследования. 2007. № 2. С. 32–39.
18. Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Человек и его работа в СССР и после. М.: Аспект Пресс, 2003. 484 с.
19. Магун В. С., Монусова Г. А. Иерархии трудовых ценностей в европейских странах // XIV Апрельская Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: сб. тр. Междунар. науч. конф. (Москва, 2–5 апреля 2014 г.) М., 2014. Кн. 3. С. 516–526.
20. Константиновский Д. Л. Окончание школы, намерения и реальность: что хотели – что получили // Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования / Д. Л. Константиновский, М. А. Абрамова, Е. Д. Вознесенская, Г. С. Гончарова, В. Г. Костюк, Е. С. Попова, Г. А. Чередниченко. М.: ЦСП и М, 2015. С. 184–209.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-320-329

21. Ильин В. И. Профессия как индивидуальная жизненная колея: концептуализация категории // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 4. С. 515–528.
22. Ильин В. И. Анатомия социального успеха в географическом пространстве // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2014. № 6. С. 29–33.
23. Welzel C., Inglehart R. Agency, values, and well-being: a human development model // Social Indicators Research. 2010. Vol. 97. P. 43–63. DOI: 10.1007/s11205-009-9557-z
24. Кукарцева М. А. Аксель Хоннет – социальный теоретик и социолог // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 38–45.
25. Engdahl E. A theory of the emotional self: from the standpoint of a neo-Meadian. Örebro: Örebro University, University Library, 2005. 149 p.
26. Терелянская И. В. Концепт понятия «социальная успешность» в социально-психологическом и историческом контекстах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11: Естественные науки. 2015. № 4. С. 90–97. DOI: 10.15688/jvolsu11.2015.4.10
27. Логунова Л. Ю., Уткина А. Н., Коваленок Я. Г., Ушаков Д. В. Технологии благополучия деятельности преподавателя: проблемы измерения и понимания // Artium magister. 2019. Т. 19. № 1. С. 21–30.
28. Донских О. А., Логунова Л. Ю. Учитель и ученик: счастье человеческого общения // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 4. С. 60–71. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-4-60-71

original article

Strategies for Young College Teachers' Self-Realization

Dmitry V. Ushakov [a, @]
[a] Novokuznetsk Pedagogical College, Russia, Novokuznetsk
[@] dima_1983_24@mail.ru

Received 27.04.2020. Accepted 11.09.2020.

Abstract: The research into social peculiarities, structure, and mechanisms of young teachers' self-realization is a relevant issue in modern sociological studies. The present paper features professional strategies that self-realization patterns. The research objective was to study strategies for professional self-realization employed by young teaching personnel of colleges. It was based on an authentic hybrid research complex, which included a combination of quantitative and qualitative analysis techniques: methods of included observation, in-depth interviews, expert interviews, and content analysis of regulatory documents. The analysis revealed three types of adaptive strategies for professional self-realization of young teachers: Strategy of Success, Strategy of Remonstrative Self-Realization, and Strategy of Forced Self-Realization. The article emphasizes the connection between social prosperity and the chosen strategy. Adaptive strategies force young teachers to comply with expectations of their social environment, which disagrees with the concept of self-realization. The humanistic non-adaptive strategy based on a free choice of patterns and modes of the teacher's work, which makes it possible to preserve physical and psychological health and save human resources.

Keywords: adaptive strategies, heath-preserving strategies, professional activity, humanistic self-realization strategy, hybrid set of research

For citation: Ushakov D. V. Strategies for Young College Teachers' Self-Realization. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(3): 320–329. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-320-329

References

1. Reznik T. E., Reznik Yu. M. Life strategies of personality. *Sociological Studies*, 1995, (12): 100–105. (In Russ.)
2. Zaslavskaja T. I. *Modern Russian society*. Moscow: Akad. nar. khoz-va pri Pravitelstve RF; Delo, 2004, 398. (In Russ.)
3. Logunova L. Yu. Sociocultural bases of social and political mobilization. *Political consciousness and behavior: evolution and mobilization*, ed. Shpak L. L. Kemerovo: INT, 2016, 5–51. (In Russ.)
4. Logunova L. Yu., Mazhenina E. A., Ushakov D. V. Problems of professional self-realization of young teachers. *Professional Education in Russia and Abroad*, 2019, (4): 52–59. (In Russ.)
5. Rogers C. R. *On becoming a person: A therapist's view of psychotherapy.* Moscow: EKSMO-Press, 2001, 414. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-320-329

6. Logunova L. Yu., Mazhenina E. A., Nyatina N. V. Methods of collecting and analyzing of civil initiatives to improve the life-support system. *Advances in social science, education and humanities research:* Proc. Intern. Conf. Communicative Strategies of Information Society, St. Petersburg, October 26–27, 2018. St. Petersburg, 2019, vol. 289, 45–49. DOI: 10.2991/csis-18.2019.9
7. Dilthey W. *Descriptive psychology*. St. Petersburg: Aleteija; Krenov, 1996, 153. (In Russ.)
8. Husserl E. *Die krisis der europäischen wissenschaften und die transzendentale phänomenologie*, tr. Skliadnev D. V. St. Petersburg: Vladimir Dal; Fond un-t, 2004, 398. (In Russ.)
9. Frankl V. E. *Man's search for meaning*, eds. Gozman L. Ia., Leontev D. A. Moscow: Progress, 1990, 366. (In Russ.)
10. Scheler M. Die stellung des menschen im kosmos. *The problem of man in Western philosophy*, comp. Gurevich P. S., ed. Popov Iu. N. Moscow: Progress, 1988, 31–95. (In Russ.)
11. Schutz A. *Der sinnhafte aufbau der sozialen welt*, trs. Alkhasov A. Ia., Mazlumianova N. Ia. Moscow: In-t Fonda "Obshchestv. mnenie", 2003, 334. (In Russ.)
12. Kon I. S. *In search of yourself: personality and self-consciousness*. Moscow: Politizdat, 1984, 335. (In Russ.)
13. Abulkhanova K. A. *The life strategy*. Moscow: Mysl, 1991, 299. (In Russ.)
14. May R. The origins of the existential trend in psychology and its significance. *Existential psychology. Existence: a new dimension in psychiatry and psychology*, ed. Zlobin Iu., trs. Zanadvorov M., Ovchinnikova Iu. Moscow: Aprel-press; EKSMO-press, 2001, 105–140. (In Russ.)
15. Bugental J. *The search for existential identity: patient-therapist dialogues in humanistic therapy*, tr. Fenko A. B. Moscow: Klass, 1998, 323. (In Russ.)
16. *Psychology of personality in the works of domestic psychologists*, comp. Kulikov L. V. St. Petersburg: Piter, 2000, 476. (In Russ.)
17. Solodnikova I. V. Socialization of personality: essence and specifics of various life stages. *Sociological Studies*, 2007, (2): 32–39. (In Russ.)
18. Zdravomyslov A. G., Iadov V. A. *People and their work in the USSR and after*. Moscow: Aspekt Press, 2003, 484. (In Russ.)
19. Magun V. S., Monusova G. A. Hierarchies of labor values in European countries. *XIV April International Scientific Conference on Economic and Social Development*: Proc. Intern. Sci. Conf., Moscow, April 2–5, 2014. Moscow, 2014, book 3, 516–526. (In Russ.)
20. Konstantinovskiy D. L., Abramova M. A., Voznesenskaya E. D., Goncharova G. S., Kostyuk V. G., Popova E. S., Cherednichenko G. A. *New meanings in educational strategies of youth: 50 years of research*. Moscow: TsSP i M, 2015, 184–209. (In Russ.)
21. Ilyin V. I. The profession as an individual life path dependency: a conceptualizing of the category. *Journal of Social Policy Studies*, 2015, 13(4): 515–528. (In Russ.)
22. Ilyin V. I. Anatomy of social success in geographic space. *Telescope: Journal of sociological and marketing research*, 2014, (6): 29–33. (In Russ.)
23. Welzel C., Inglehart R. Agency, values, and well-being: a human development model. *Social Indicators Research,* 2010, 97: 43–63. DOI: 10.1007/s11205-009-9557-z
24. Kukartseva M. A. Axel Honneth – social theorist and sociologist. *Sociological Studies*, 2014, (4): 38–45. (In Russ.)
25. Engdahl E. *A theory of the emotional self: from the standpoint of a neo-Meadian*. Örebro: Örebro University, University Library, 2005, 149.
26. Terelyanskaya I. V. Concept of "social success" in socio-psychological and historical contexts. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 11: Estestvennye nauki*, 2015, (4): 90–97. (In Russ.) DOI: 10.15688/jvolsu11.2015.4.10
27. Logunova L. Yu., Utkina A. N., Kovalenok Ya. G., Ushakov D. V. Technologies for well-being of the teacher's professional activity: problems of measurement and understanding. *Artium magister*, 2019, 19(1): 21–30. (In Russ.)
28. Donskikh O. A., Logunova L. Yu. Teacher and pupil: happiness of interaction. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2019, 28(4): 60–71. (In Russ.) DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-4-60-71

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/ 2500-3372-2020-5-3-330-338

оригинальная статья

УДК 338.984; 614.2

Опыт стратегического планирования деятельности организации медицинской науки

Екатерина А. Бацина [a, @, ID1]; Артем Н. Попсуйко [a, ID2]; Галина В. Артамонова [a, ID3]

[a] Научно-исследовательский институт комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний, Россия, г. Кемерово

[@] baciea@kemcardio.ru

[ID1] https://orcid.org/0000-0002-4123-006X

[ID2] https://orcid.org/0000-0002-5162-0029

[ID3] https://orcid.org/0000-0003-2279-3307

Поступила в редакцию 26.05.2020. Принята к печати 25.06.2020.

Аннотация: Фундаментальная и прикладная ценность стратегического планирования состоит в формировании технологий перспективного развития организаций с учетом существующих трендов и состояния деловой среды. Перед современными учреждениями здравоохранения поставлены задачи обеспечения высокого качества предоставления медицинских услуг, достижения стратегических целей развития отрасли на основе анализа и обобщения лучших российских и мировых практик организации здравоохранения. Цель проведенного исследования заключалась в предоставлении опыта стратегического планирования организации медицинской науки. В ходе исследования использовались методы анализа и синтеза, обобщения и абстрагирования, а также элементы системного анализа для формализации способа управления процессом стратегического планирования. В статье представлен опыт стратегического планирования ФГБНУ «Научно-исследовательский институт комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний», в котором стратегическое планирование является процессом установления глобальных целей и поддержания стратегического потенциала меняющимся требованиям к российским научным и медицинским организациям. Уникальность опыта стратегического планирования в указанном учреждении состоит в том, что данный процесс организационно и функционально встроен в модель системы менеджмента качества учреждения, включающую четырнадцать процессов, распределенных по блокам. С целью эффективной работы по основным направлениям деятельности в учреждении разрабатывается стратегическая карта на определенный период (год или два года), которая является инструментом обеспечения согласованности действий основных заинтересованных сторон. В научной медицинской организации процесс стратегического целеполагания определяется необходимостью решения вопросов развития фундаментальных и прикладных исследований одновременно с оказанием медицинской помощи. Результаты исследования позволили авторам сделать вывод о возможности эффективной реализации описываемого процесса только после качественной адаптации существующих методов стратегического планирования к специфике деятельности организации. На современном этапе стратегическое планирование является единственным способом формального прогнозирования будущих проблем и возможностей развития организаций медицинской науки.

Ключевые слова: система менеджмента качества, стратегическая карта, стратегические цели, матрица ответственности, стратегический потенциал, миссия и политика в области качества

Для цитирования: Бацина Е. А., Попсуйко А. Н., Артамонова Г. В. Опыт стратегического планирования деятельности организации медицинской науки // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 3. С. 330–338. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-330-338

Введение

Процесс стратегического планирования (СП) все чаще обращает на себя внимание со стороны как теоретиков, так и практиков современного менеджмента [1–5]. Интерес обусловлен поиском лучших методик, концепций и подходов, способных обеспечить организациям долгосрочное устойчивое развитие [6]. Фундаментальная и прикладная ценность СП состоит в формировании технологий перспективного развития организаций с учетом существующих трендов и состояния деловой среды. Стоит отметить, что СП не является синонимом стратегического менеджмента, а является его неотъемлемой составляющей [7].

В настоящее время в научно-теоретической мысли можно встретить исследования, связанные с изучением особенностей СП в системе управления здравоохранением региона, роли СП на рынке услуг здравоохранения, взаимосвязи реформирования здравоохранения и СП, использования маркетинговых инструментов анализа при реализации методик СП [8]. При этом встречаются единичные исследования по вопросам применения технологий СП в медицинских организациях [9].

Перед современными учреждениями здравоохранения поставлены задачи обеспечения высокого качества предоставления медицинских услуг, достижения стратегических

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-330-338

целей развития отрасли на основе анализа и обобщения лучших российских и мировых практик организации здравоохранения. Важным остается обеспечение высоких мировых стандартов оказания медицинской помощи, в том числе на основе стандартов ISO, локальных нормативных и правовых актов Минздрава России.

Методологическим каркасом авторского подхода к СП послужили идеи классиков менеджмента и собственное видение процесса на основе анализа практики деятельности Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Научно-исследовательский институт комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний» (НИИ КПССЗ) в данном направлении [7]. Так, смысл СП, по мнению П. Ф. Друкера и Дж. А. Макьярелло, раскрывается через «непрерывный процесс принятия текущих предпринимательских решений (связанных с высокими рисками) на систематической основе и с максимальным пониманием их вероятного будущего. СП – процесс систематической организации усилий, необходимых для воплощения принятых решений в жизнь, а также оценка результатов этих решений по сравнению с исходными ожиданиями путем организованной систематической обратной связи» [10, с. 199]. В понимании природы стратегического планирования П. Ф. Друкером, на наш взгляд, обнаруживается определенное созвучие принципам системы менеджмента качества, а именно ориентация на потребителя, принятие решений на основе фактических данных, управление взаимоотношениями и риск-ориентированный подход. Поэтому научная и прикладная ценность авторского подхода видится в развитии методологии стратегического планирования с опорой на принципы, закрепленные в стандарте ISO 9001:2015, и в возможности адаптации существующих инструментов стратегического планирования к особенностям медицинской организации, осуществляющей свою деятельность на принципах данного стандарта. Этим обусловлена актуальность выбора цели настоящего исследования.

Современный этап развития СП характеризуется многообразием инструментов, обеспечивающих процесс его реализации. Ряд авторов [11; 12] делают акцент на программно-целевом методе СП, обеспечивающем разработку конкретных мероприятий по достижению ключевых целей. Л. С. Мельникова и Н. Н. Сисигина [13] в своей работе демонстрируют интересный опыт применения такого инструмента, как *мастерская стратегического планирования*. Мастерская – это дискуссия в организованных тематических группах, в ходе которой участниками решаются основополагающие вопросы, формируются предварительные планы действий в отношении стратегического планирования организации. В. И. Гайдук и Э. Е. Такахо выделяют три основных блока используемого инструментария: стратегический анализ, разработка стратегии и разработка стратегического плана [14], авторы также обращают внимание на использование программно-целевых, экономико-математических методов и методов сетевого планирования.

Обзор существующих инструментов и методов СП доказывает их многообразие, вариативность и возможность их адаптации к медицинским организациям в зависимости от специфики профиля и направления деятельности.

Особое значение СП приобретает в учреждениях здравоохранения, выполняющих функции межтерриториальных центров оказания высокотехнологической специализированной медицинской помощи. Процесс адаптации существующих инструментов и методов СП к таким организациям требует межпредметного и кросс-функционального подходов [7].

В своей статье П. В. Магданов дает определение стратегическому плану, который, по его мнению, представляет собой совокупность обоснованных стратегических решений, выраженных с помощью целей, показателей и мероприятий (проектов) [15]. К. В. Штоколова анализирует основные стратегические инструменты управления ОБУЗ «Офтальмологическая больница». Главная задача учреждения, по мнению автора, заключается в повышении качества жизни пациентов благодаря сохранению и возвращению им высокого зрения. Стратегические цели: обеспечить качественное, безопасное и экономически эффективное лечение глаз; быть клиникой выбора для лечения и диагностики; быть предпочтительным партнером для медицинских страховых организаций и оперативного лечения глаз. Миссия ОБУЗ «Офтальмологическая больница» заключается в поддержании зрения пациентов на необходимом уровне [16].

Н. М. Сергеева и С. В. Трофимова демонстрируют опыт ОБУЗ «Курская городская детская поликлиника № 7». Высшим руководством учреждения было принято решение совершенствовать деятельность медицинской организации по следующим направлениям: разработка документов стратегического планирования учреждения (миссии, целей, задач и ценностей); расширение перечня оказываемых медицинских услуг; усиление конкурентных позиций; кадровая и финансовая стратегии; внедрение системы менеджмента качества [17].

Н. П. Карпова и др. в качестве примера приводят японские компании, где абсолютно естественным является наличие специального отдела по разработке стратегических планов и стратегий на 30–50 лет вперед [18].

Н. Н. Зубарева освещает в статье проект «Организация стратегического управления в медицинских организациях области». Его цель – обеспечение вовлеченности в процесс стратегического планирования и бережливого управления не менее 50 % сотрудников медицинских организаций к концу 2019 г. Проект был инициирован Департаментом здравоохранения и социальной защиты населения Белгородской области и рассчитан на один год. Показательными в этом случае являются некоторые методы достижения цели, такие как проведение стратегических сессий по разработке миссии и стратегии и наполнение стендов информацией о миссии медицинского учреждения и кодексе поведения медицинских работников в помещениях в не менее 70 % медицинских организаций [19].

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-330-338

Задача дня, по мнению Н. А. Кузнецовой и М. В. Тресковой, – определение стратегического направления, позволяющего установить баланс интересов населения, государства и самих учреждений здравоохранения [9].

Цель данной статьи – представить опыт стратегического планирования в организации медицинской науки.

Методы и база исследования. В работе использовались методы анализа и синтеза, обобщения и абстрагирования, а также элементы системного анализа для формализации способа управления процессом СП. База исследования – НИИ КПССЗ – научная медицинская организация, где реализуются оригинальные новые медицинские технологии, в основу которых заложены результаты фундаментальных и поисковых научных исследований высококвалифицированных сотрудников. НИИ КПССЗ успешно сочетает медицинскую, научную и образовательную деятельность. С 2011 г. в организации внедрена система менеджмента качества (СМК) по требованиям стандарта ISO 9001. В 2019 г. НИИ КПССЗ стал лауреатом Премии Правительства РФ в области качества.

Результаты

В НИИ КПССЗ стратегическое планирование представляет собой процесс установления глобальных целей и поддержания стратегического потенциала в меняющихся требованиях к российским научным и медицинским организациям. Кроме того, СП рассматривается в качестве деятельности по анализу и долгосрочному планированию основных направлений работы НИИ КПССЗ, координации работы подразделений для достижения целей на основе сформулированной миссии и политики в области качества.

В практике СП наиболее востребованным и эффективным инструментом достижения целей организации является стратегическая карта (СК), которая, по мнению Р. С. Каплана и Д. П. Нортона, предоставляет собой универсальный и последовательный способ описания стратегии таким образом, чтобы можно было не только устанавливать цели и показатели, но и управлять ими. В качестве таких сбалансированных показателей выступают финансы; заинтересованность клиента; внутренние процессы; организационный потенциал [20]. Опыт применения СК в системе СП НИИ КПССЗ показал свою эффективность благодаря гибкому подходу в использовании данного инструмента. В период с 2011 г. по 2019 г. содержание СК трансформировалось под влиянием изменения условий деловой среды (рис.).

Изменения содержания СК, показанные на рисунке, наглядно иллюстрируют возможную гибкость данного инструмента. Стратегическая карта НИИ КПССЗ формируется по образу традиционной СК Каплана-Нортона. В связи с началом реформы контрольно-надзорной деятельности в 2017 г. возникла объективная потребность включения системы управления рисками в классическую схему сбалансированных показателей. В новых условиях СК выступает не только инструментом реализации стратегии организации, но и обеспечивает управляемость рисков в долгосрочной перспективе. Последнее прослеживается в наличии четкой взаимосвязи между возможными рисками и производимыми мероприятиями по основным сбалансированным показателям СК.

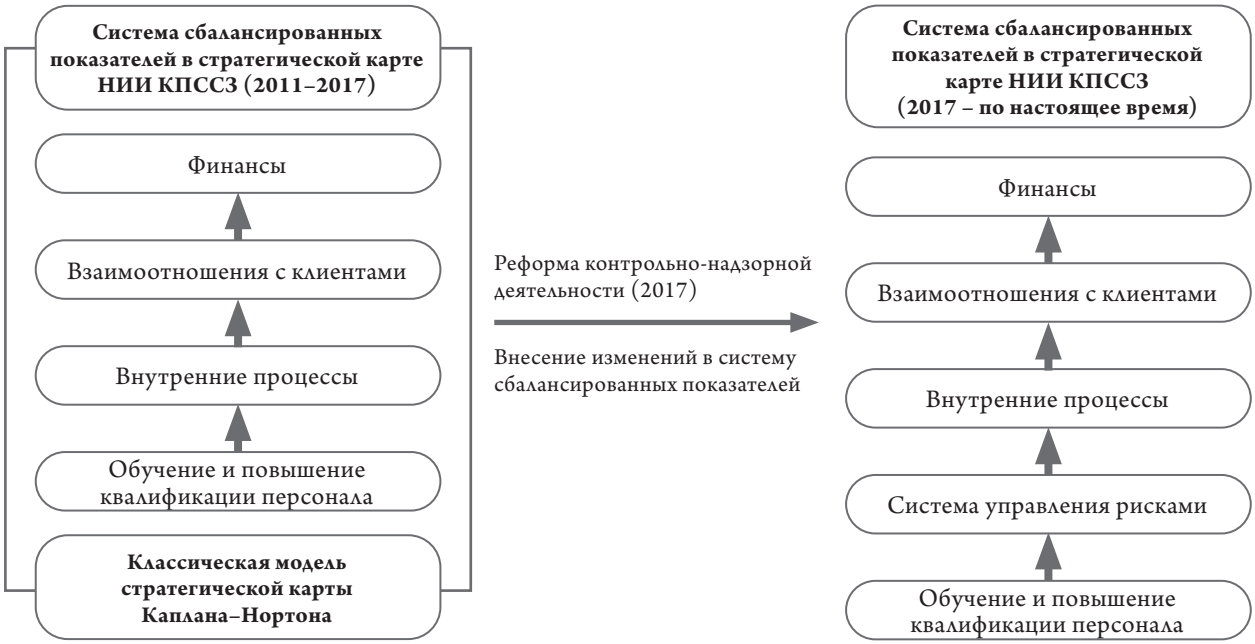

Рис. Трансформация содержания стратегической карты НИИ КПССЗ, 2011–2020 гг.

Fig. Transformation of the content of the road map in the Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases, 2011–2020

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-330-338

Дальнейшее развитие содержания СК связывается авторами с изменением законодательства в области обеспечения требований Росздравнадзора по обеспечению качества и безопасности медицинской деятельности. Формирование СК подразумевает отражение максимального количества информации СП, соответствующей требованиям контролирующих органов, внутренних заинтересованных сторон и СМК.

Процесс СП организационно и функционально встроен в модель СМК НИИ КПССЗ, которая включает четырнадцать процессов, распределенных по четырем блокам:

1. Управление: стратегическое планирование.

2. Измерение, анализ и улучшение: оценка удовлетворенности потребителя, внутренний аудит.

3. Процессы жизненного цикла продукции: тактическое планирование, научно-исследовательский процесс, лечебно-диагностический процесс, проектирование и разработка медицинских изделий.

4. Процессы обеспечения: управление документами и записями, обеспечение ресурсами, управление персоналом, управление инфраструктурой, управление оборудованием и средствами измерений, управление производственной средой, информационно-техническое обеспечение.

Система управления СП НИИ КПССЗ обеспечивает единство, преемственность и каскадированность стратегических целей. Опираясь на методологию системного анализа, рассмотрим ее основные элементы: субъект, объект управления, внешние контролируемые и неконтролируемые воздействия.

Особенной чертой управления процессом СП НИИ КПССЗ является его взаимосвязь с СМК. Субъектом управления являются лидеры и высшее руководство НИИ КПССЗ. Объектом управленческого воздействия выступают основные направления деятельности НИИ КПССЗ: научно-исследовательский, лечебно-диагностические процессы, проектирование и разработка медицинских изделий.

Внешнюю деловую среду управления СП НИИ КПССЗ составляют потребители и поставщики медицинских услуг, контрольно-надзорные органы, обеспечивающие контроль за соблюдением законодательства и экспертизу качества медицинских услуг. Управляемость взаимодействия всех участников процесса СП обеспечивается системой документационного обеспечения.

Остановимся подробнее на субъектах управления системой СП НИИ КПССЗ. При формулировке и реализации стратегических целей лидеры учреждения опираются на т. н. партисипативную модель публичного управления, которая предполагает «привлечение работников к управлению предприятием и базируется на предпосылке, что человек является не только исполнителем определенной функции, но и проявляет заинтересованность в том, как организована его работа и в каких условиях он трудится, а также как его работа сказывается на деятельности всего хозяйствующего объекта» [21, с. 36]. В практике деятельности НИИ КПССЗ указанная выше модель реализуется через развитие механизма обратной связи с персоналом для получения полной информации об условиях его работы и потребностях для улучшений.

Одной из особенностей целеполагания в СП является то, что стратегические цели определяются высшим руководством и лидерами организации, что является исходной ценностью СП. Их видение формирует миссию и будущий образ учреждения, которые в дальнейшем получают развитие и формализуются в виде стратегий, программ или иных инструментов СП. Миссия и политика в области качества разрабатываются единой командой, где главная роль отведена директору НИИ КПССЗ как владельцу процесса СП, в которую входят заместители по направлениям, руководители структурных подразделений. В табл. 1 представлена матрица ответственности лидеров учреждения за этапы СП.

Табл. 1. Матрица ответственности стратегического планирования
Tab. 1. Responsibility matrix of strategic planning

Этап СП	Директор	Заместители директора по направлениям	Руководители структурных подразделений
Стратегическое планирование	В	–	–
Анализ данных	–	О	И
Анализ со стороны высшего руководства	–	О	И
Определение стратегических целей	–	О	И
Разработка политики в области качества	–	О	И
Формулировка миссии	О	И	И

Прим.: В – владелец процесса, О – ответственный, И – исполнитель.

Целеполагание в процессе СП определяется базовыми документами заинтересованных сторон, что является необходимым условием обеспечения релевантности целей, к ним относятся: Приоритетные направления развития науки, технологий и техники РФ и Перечень критических технологий РФ (Указ Президента РФ от 07.07.2011 № 899); Стратегия научно-технологического развития РФ (Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642); Программа фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг. (распоряжение Правительства РФ от 03.12.2012 № 2237-р).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-330-338

Лидеры организуют и осуществляют постоянный сбор и анализ применяемых данных для оценки возможностей улучшения. С целью эффективной работы по основным направлениям деятельности в НИИ КПССЗ разрабатывается СК на определенный период (год или два года), которая является инструментом обеспечения согласованности действий основных заинтересованных сторон. СК НИИ КПССЗ базируется на миссии и политике в области качества.

В НИИ КПССЗ проект СК формирует представитель руководства по качеству с привлечением владельцев процессов и ведущих специалистов учреждения, состав которых определяют директор и его заместители по направлениям. СК доводится до сведения руководителей структурных подразделений, которые могут вносить изменения и предложения в установленный срок.

За период 2011–2019 гг. ключевые направления, обозначенные на рисунке, сохранили свою актуальность и были дополнены риск-ориентированным подходом. На основе анализа высшим руководством результативности СМК формат СК модернизировался. В табл. 2 можно проследить за трансформацией СК.

Таким образом, за 2011–2019 гг. СК приобрела максимально удобную и информативную структуру, в которой содержится полный перечень составляющих для каждой стратегической цели и мероприятий. Можно проследить, как с течением времени подход к СП становился осознанней и эффективней. В табл. 3 представлена структура СК, применяемая в НИИ КПССЗ с 2019 г. На протяжении анализируемого периода 2011–2019 гг. целевые показатели стратегических целей достигались, и цели переквалифицировались в достигнутые (архивные) (табл. 4).

В научной медицинской организации процесс стратегического целеполагания определяется необходимостью решения вопросов развития фундаментальных и прикладных исследований одновременно с оказанием медицинской помощи. Поэтому приоритетной целью НИИ КПССЗ выступает получение новых и углубление имеющихся знаний в области кардиологии, ангиологии и сердечно-сосудистой хирургии, организации специализированной медицинской помощи, направленных на сохранение и укрепление здоровья человека, развитие здравоохранения и медицинской науки, подготовку высококвалифицированных научных и медицинских кадров.

Многолетний опыт развития СМК НИИ КПССЗ доказывает правильность формирования миссии, а стратегические цели ориентированы на повышение устойчивости и конкурентоспособности организации во всех видах деятельности за счет принятия политики:

- обеспечения условий качественной медицинской помощи и безопасности медицинской деятельности для пациента;
- повышения компетенции и удовлетворенности персонала учреждения;
- развития интегрированной системы управления учреждением;
- сокращения потерь при обеспечении ресурсами подразделений учреждения;
- обеспечения информационной безопасности деятельности учреждения;
- обеспечения благоприятных условий производственной среды;
- поддержания финансовой устойчивости учреждения;
- обеспечения правовой безопасности учреждения.

Достижение стратегических целей реально только в случае постоянного анализа как внутренней, так и внешней ситуации на всех уровнях управления для последующей разработки мероприятий. Доля выполненных мероприятий по СК в НИИ КПССЗ за 2011–2018 гг. варьируется в пределах 67–93 % (табл. 5).

Табл. 2. Трансформация стратегической карты НИИ КПССЗ, 2011–2019 гг.

Tab. 2. Transformation of the road map of the Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases, 2011–2019

Графа СК	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Цель	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Подцель	+	+	+	+	+	–	–	–	–
Показатель	+	+	+	+	+	+	–	–	–
Мероприятие	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Срок выполнения мероприятия	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Ответственный	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Связь с процессами СМК	–	–	–	–	–	–	+	+	+
Свидетельство достижения цели (целевой показатель мероприятия)	–	–	–	–	–	–	+	+	+
Ключевые показатели цели	–	–	–	–	–	–	+	+	+
Частота мониторинга мероприятия	–	–	–	–	–	–	–	+	+
На какой риск ориентировано мероприятие	–	–	–	–	–	–	–	+	+

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-330-338

Табл. 3. Стратегическая карта целей СМК НИИ КПССЗ на 2019 г.

Tab. 3. Road map of the objectives of the Quality Management System in the Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases, 2019

Стратегические цели СМК НИИ КПССЗ на 2019 г.						
Связь с процессами СМК	**Мероприятия**	**Целевой показатель**	**На какой риск ориентировано мероприятие**	**Частота мониторинга**	**Сроки**	**Ответственный**
Цель 1. Ключевые показатели:						
	Мероприятие 1					

Табл. 4. Достигнутые (архивные) стратегические цели НИИ КПССЗ, 2011–2019 гг.

Tab. 4. Achieved (archived) strategic goals of the Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases, 2011–2019

№	Цель	Результаты	Год достижения цели
1	Обеспечение финансовой стабильности учреждения	Лимиты финансирования не превышены	2013
2	Формирование системы эффективного закупа материальных ценностей	Разработан и внедрен рациональный алгоритм закупа материальных ценностей	2014
3	Развитие информационного пространства НИИ КПССЗ	Модернизирован сайт, внедрены новые ресурсы на общем портале учреждения	2015
4	Развитие управленческих технологий на основе требований ISO 9001:2008	Проведена коррекция документированных процедур, разработан регламент архивирования документов, проведены семинары для внутренних аудиторов	2015
5	Обеспечить соответствие СМК требованиям стандарта ISO 9001:2015	Успешно пройден надзорный аудит	2016
6	Обеспечить минимизацию рисков простоя и внеплановых ремонтов дорогостоящего научного и медицинского оборудования, узлов жизнеспособности, рационального использования ресурсов	Создана единая база медицинского и научного оборудования, разработан порядок формирования плана закупки запасных частей и планового ремонта оборудования, достигнуты положительные исходы по претензиям поставщикам	2017
7	Развитие Фонда молодых ученых	Привлеченные средства	2017
8	Развитие журнала НИИ КПССЗ	Дорожная карта развития журнала	2017
9	Усилить межинститутское (межучережденческое) взаимодействие в области инновационных научных проектов, приоритетных видов медицинской деятельности, популяризации учреждения	Совместный приказ, дорожные карты по сотрудничеству	2017
10	Повысить качество научных результатов на основе внутренних приоритетов учреждения и современных требований	Внутренняя экспертиза проектов, экспертиза заявок на гранты	2018

Табл. 5. Выполнение мероприятий стратегической карты НИИ КПССЗ, 2011–2019 гг.

Tab. 5. Implementation of the road map activities, 2011–2019

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Количество целей	10	8	10	9	10	11	10	8	9
Количество мероприятий	33	24	18	18	25	24	35	48	41
Выполнение мероприятий, % от плана	84	85	76	77	79	87	67	93	75

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-330-338

Показатель выполнения запланированных мероприятий свидетельствует об эффективности процесса СП и о правильности выбора инструментов для достижения стратегических целей. Все случаи невыполнения мероприятий по СК оцениваются с точки зрения причин, целесообразности и актуальности на последующий период.

Важно понимать, что процесс СП в научной медицинской организации существует в единстве научно-исследовательских и лечебных целей, которые получают свое отражение в содержании СК.

Заключение

Процесс СП в научной медицинской организации обеспечивает понимание коллективом единства целей, целесообразности внедрения нововведений и изменений для устойчивого развития организации. Результативным инструментом эффективного СП является составление СК, представляющей собой визуализацию видения медицинской организации (главных ее целей) и основных стратегических задач, решение которых отнесено к компетенциям разных структурных подразделений: основных, отвечающих за виды деятельности, и функциональных, т. е. финансово-экономических, кадровых, хозяйственных и иных служб. Благодаря развитому стратегическому мышлению лидеров и вовлеченности персонала СМК организации работает отлаженно и четко, охватывая все процессы учреждения. На современном этапе СП представляется единственным способом формального прогнозирования будущих проблем и возможностей развития организаций медицинской науки.

Важным представляется развитие подхода к управлению процессом СП с учетом повышенного внимания к измеримости результатов деятельности медицинских организаций. Ответ на требование количественного измерения качества и организации лечебно-диагностического процесса предполагает научное осмысление применимости существующих экономико-статистических методов и моделей к деятельности медицинской организации в целом и процессу СП в особенности.

В этих условиях становится очевидной необходимость развития системы стратегического целеполагания с учетом каскадирования количественных ориентиров деятельности между различными уровнями организации системы здравоохранения. Приоритетным здесь является достижение целевых ориентиров национального проекта «Здравоохранение» и их отражение в локальных стратегиях медицинских учреждений. Достижение ключевых целей в области развития национальной системы здравоохранения видится в совершенствовании классических инструментов СП, в том числе СК, а также в использовании лучших практик СМК.

Литература

1. Паньшин Б. Н. Методология и практика современного менеджмента // Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2011. № 3. С. 113–117.
2. Лидерман Е. М. Применение системы стратегических показателей в организации медико-реабилитационных центров регионального уровня (теоретико-методологический анализ) // Менеджер здравоохранения. 2017. № 3. С. 9–16.
3. Мироненко В. О. Стратегическое планирование, его значение и этапы // Молодой ученый. 2017. № 12. С. 331–333.
4. Афиногенов Д. А., Кочемасова Е. Ю., Сильвестров С. Н. Стратегическое планирование: проблемы и решения // Мир новой экономики. 2019. Т. 13. № 2. С. 23–31. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-2-23-31
5. Татенко Г. И. Использование концепции стратегических карт в системе менеджмента организации // Экономика и менеджмент в условиях нелинейной динамики / ред. А. В. Бабкин. СПб.: СПбПУ, 2017. С. 353–375. DOI: 10.18720/IEP/2017.2/14
6. Осипова М. Ю., Казяева И. А. Стратегический анализ деятельности как инструмент стратегического планирования в практике отечественных предприятий (на примере ПАО «Медоборудование») // Системное управление. 2015. № 4. Режим доступа: http://sisupr.mrsu.ru/2015-4/PDF/Osipova_M_Yu_-_statya_3.pdf (дата обращения: 14.05.2019).
7. Бацина Е. А., Попсуйко А. Н., Артамонова Г. В. Применение основ стратегического менеджмента в практике здравоохранения (обзор) // Сибирский медицинский журнал. 2019. Т. 34. № 4. С. 62–71. DOI: 10.29001/2073-8552-2019-34-4-62–71
8. Наджафова М. Н. О применении стратегического планирования в системе здравоохранения // Иннов: электронный научный журнал. 2018. № 2. Режим доступа: https://www.innov.ru/science/economy/o-primenenii-strategicheskogo-plani/ (дата обращения: 14.05.2020).
9. Кузнецова Н. А., Трескова М. В. Стратегическое планирование в системе управления учреждениями здравоохранения // Вектор экономики. 2017. № 11. Режим доступа: http://vectoreconomy.ru/images/publications/2017/11/economicsmanagement/Kuznetsova_Treskova.pdf (дата обращения: 14.05.2019).
10. Друкер П. Ф., Макьярелло Дж. А. Менеджмент. М.: И. Д. Вильям, 2010. 704 с.
11. Рабаданова М. Р. Стратегическое планирование в системе управления учреждением здравоохранения // APRIORI. Серия: Естественные и технические науки. 2013. № 1.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-330-338

12. Тайгибова Т. Т., Эсетова А. М. Особенности планирования и управления в системе здравоохранения // Economics, Management, Law: Realities and Perspectives: collection of Sci. articles / ed. S. I. Drobyazko. (Париж, 29 апреля 2016 г.) Париж: Les Editions Originale, 2016. С. 237–242.
13. Мельникова Л. С., Сисигина Н. Н. Образ страховой модели здравоохранения глазами участников мастерской стратегического планирования // Медицинские технологии. Оценка и выбор. 2015. № 3. С. 34–40.
14. Гайдук В. И., Такахо Э. Е. Методы и инструменты стратегического планирования // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 103. С. 764–781.
15. Магданов П. В. Стратегический контроль как метод стратегического планирования // Экономика. Налоги. Право. 2015. № 3. С. 51–58.
16. Штоколова К. В. Управление медицинской организацией с использованием методов стратегического анализа // Вектор экономики. 2018. № 12. Режим доступа: http://vectoreconomy.ru/images/publications/2018/12/economicsmanagement/Shtokolova2.pdf (дата обращения: 14.05.2019).
17. Сергеева Н. М., Трофимова С. В. Совершенствование стратегического планирования деятельности учреждения здравоохранения // Региональный вестник. 2017. № 3. С. 8–9.
18. Карпова Н. П., Малявина Ю. С., Катина Е. В. Стратегическое мышление как основа стратегического планирования современных предприятий // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2015. № 57. С. 59–64.
19. Зубарева Н. Н. Организация стратегического управления в медицинских организациях области // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Медицина. Фармация. 2018. Т. 41. № 4. С. 591–599. DOI: 10.18413/2075-4728-2018-41-4-591-599
20. Каплан Р. С., Нортон Д. П. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. М.: Олимп-Бизнес, 2003. 304 с.
21. Артемов О. Ю., Овчинников С. А., Овчинникова Н. В. Партисипативная модель менеджмента как эффективная форма привлечения работников к управлению современными организациями // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2014. № 3. С. 36–46.

original article

Strategic Planning in a Medical Research Organization: Case Study

Ekaterina A. Batsina [a, @, ID1]; Artem N. Popsuyko [a, ID2]; Galina V. Artamonova [a, ID3]
[a] Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases, Russia, Kemerovo
[@] baciea@kemcardio.ru
[ID1] https://orcid.org/0000-0002-4123-006X
[ID2] https://orcid.org/0000-0002-5162-0029
[ID3] https://orcid.org/0000-0003-2279-3307

Received 26.05.2020. Accepted 25.06.2020.

Abstract: The fundamental and applied value of strategic planning is in the formation of technologies for the long-term development of organizations based on the existing trends and business environment. Modern healthcare institutions are to use the best domestic and foreign practices in order to provide high-quality medical services, achieve strategic goals, and develop healthcare industry. The research objective was to share experience in strategic planning of a medical research organization. The authors used methods of analysis, synthesis, generalization, and abstraction, as well as elements of system analysis, to formalize the process of strategic management. The article describes the strategic planning conducted at the Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases (Kemerovo, Russia). Strategic planning is a process of setting key goals and maintaining the strategic potential of changing requirements for Russian scientific and medical organizations. The described experience is unique in that the strategic planning is organizationally and functionally integrated into the model of quality management system, which includes 14 processes grouped in several blocks. The Institute develops a road map for one or two years, which agrees the actions of the main stakeholders. In a scientific medical organization, the process of strategic goal setting is determined by the need to conduct research while simultaneously providing medical care. The authors believe that the described process can be implemented only after the existing strategic planning methods have been adapted to the specifics of the organization. At the present stage, strategic planning is the only way to formally predict future problems and opportunities for the development of medical research organizations.

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-330-338

Keywords: quality management system, strategic map, strategic goals, responsibility matrix, strategic potential, mission and policy in the field of quality

For citation: Batsina E. A., Popsuyko A. N., Artamonova G. V. Strategic Planning in a Medical Research Organization: Case Study. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(3): 330–338. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-330-338

References

1. Panshin B. N. Methodology and practice of modern management. *Vesnik BDU. Seryia 3, Gistoryia. Filasofiia. Psikhalogiia. Palitalogiia. Satsyialogiia. Ekanomika. Prava*, 2011, (3): 113–117. (In Russ.)
2. Liderman E. M. The application of the system of strategic indicators in health and rehabilitation centers at the regional level (theoretical-methodological analysis). *Manager of Health Care,* 2017, (3): 9–16. (In Russ.)
3. Mironenko V. O. Strategic planning, its significance, and stages. *Molodoi uchenyi*, 2017, (12): 331–333. (In Russ.)
4. Afinogenov D. A., Kochemasova E. Yu., Silvestrov S. N. Strategic planning: challenges and solutions. *Mir novoi ekonomiki,* 2019, 13(2): 23–31. (In Russ.) DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-2-23-31
5. Tatenko G. I. The use of the concept of strategy maps in the management system of the organization. *Economics and management in the context of nonlinear dynamics*, ed. Babkin A. V. St. Petersburg: SPbPU, 2017, 353–375. (In Russ.) DOI: 10.18720/IEP/2017.2/14
6. Osipova M. Y., Kazyaeva I. A. Strategic analysis of activities as a tool for strategic planning in practice domestic enterprises (by the example of PJSC "Medoborudovanie"). *Sistemnoe upravlenie*, 2015, (4). Available at: http://sisupr.mrsu.ru/2015-4/PDF/Osipova_M_Yu_-_statya_3.pdf (accessed 14.05.2019). (In Russ.)
7. Batsina E. A., Popsuyko A. N., Artamonova G. V. Application of the basics of strategic management in healthcare practice (review). *The Siberian Medical Journal*, 2019, 34(4): 62–71. (In Russ.) DOI: 10.29001/2073-8552-2019-34-4-62–71
8. Nadzhafova M. N. The use of strategic planning in the healthcare system. *Innov: elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 2018, (2). Available at: https://www.innov.ru/science/economy/o-primenenii-strategicheskogo-plani/ (accessed 14.05.2020). (In Russ.)
9. Kuznetsova N. A., Treskova M. V. Strategic planning in the control system health institutions. *Vektor ekonomiki*, 2017, (11). Available at: http://vectoreconomy.ru/images/publications/2017/11/economicsmanagement/Kuznetsova_Treskova.pdf (accessed 14.05.2019). (In Russ.)
10. Drucker P. F., Maciariello J. A. *Management*. Moscow: I. D. Viliam, 2010, 704. (In Russ.)
11. Rabadanova M. R. Strategic planning in the control system of healthcare institution. *APRIORI. Seriia: Estestvennye i tehnicheskie nauki,* 2013, (1). (In Russ.)
12. Taygibova T. T., Esetova A. M. Features of strategic planning and management in health. *Economics, Management, Law: Realities and Perspectives: collection of Sci. articles*, ed. Drobyazko S. I., Paris, April 29, 2016. Paris: Les Editions Originale, 2016, 237–242. (In Russ.)
13. Melnikova L. S., Sisigina N. N. The view of insurance healthcare model by participants of strategic planning workshop. *Medical Technologies. Assessment and Choice*, 2015, (3): 34–40. (In Russ.)
14. Gayduk V. I., Takakho E. E. Methods and tools of strategy planning. *Politematicheskij setevoj elektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2014, (103): 764–781. (In Russ.)
15. Magdanov P. V. Strategic control as a method of strategic planning. *Ekonomika. Nalogi. Pravo,* 2015, (3): 51–58. (In Russ.)
16. Shtokolova K. V. The management of the medical organization using the methods of strategic analysis. *Vektor ekonomiki,* 2018, (12). Available at: http://vectoreconomy.ru/images/publications/2018/12/economicsmanagement/Shtokolova2.pdf (accessed 14.05.2019). (In Russ.)
17. Sergeeva N. M., Trofimova S. V. Improving the strategic planning of the health care institution. *Regionalnyi vestnik*, 2017, (3): 8–9. (In Russ.)
18. Karpova N. P., Maliavina Iu. S., Katina E. V. Strategic thinking as the basis of strategic planning of modern enterprises. *Sborniki konferentsii NITS Sotsiosfera*, 2015, (57): 59–64. (In Russ.)
19. Zubareva N. N. The organization of strategic management in medical organizations of the region. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Meditsina. Farmatsiia*, 2018, 41(4): 591–599. (In Russ.) DOI: 10.18413/2075-4728-2018-41-4-591-599
20. Kaplan R. S., Norton D. P. *Balanced scorecard. From strategy to action*. Moscow: Olimp-Biznes, 2003, 304. (In Russ.)
21. Artemov O. Iu., Ovchinnikov S. A., Ovchinnikova N. V. Participatory management model as an effective way of attracting workers to the management of modern organizations. *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, 2014, (3): 36–46. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-339-349

оригинальная статья
УДК 658.012:355.043:330.526.36

О необходимости применения современных инструментов менеджмента как основы повышения эффективности деятельности учреждений культуры

Ольга В. Глушакова [a, @]
[a] Сибирский государственный индустриальный университет, Россия, г. Новокузнецк
[@] trinity@ktk.company

Поступила в редакцию 08.04.2020. Принята к печати 15.06.2020.

Аннотация: Рассмотрено содержание официально принятых подходов к оценке эффективности деятельности учреждений культуры. Сделан вывод, что используемая система показателей в основном ориентирована на количественную оценку и не позволяет учесть отсроченные социальные и экономические эффекты, связанные с изменением качества человеческого капитала, что требует ее расширения со стороны регулятора. Соответствие либо несоответствие критериям эффективности служит основанием для предоставления учреждениям культуры субсидии на выполнение государственного (муниципального) задания. В условиях усиления глобальной неопределенности и появления принципиально новых вызовов развития происходит смещение акцентов бюджетного финансирования. В связи с высокой изменчивостью внешней среды повышение эффективности деятельности учреждений культуры возможно обеспечить только за счет применения современных инструментов менеджмента. *Предмет исследования* – официально принятые подходы к оценке эффективности деятельности учреждений культуры. *Цель* – обоснование необходимости применения современных инструментов менеджмента как основы повышения эффективности деятельности учреждений культуры и разработка практических рекомендаций по их применению с учетом высокой изменчивости внешней среды и появления принципиально новых вызовов развития. Использован институциональный подход, *методы* анализа, синтеза, сравнения. В *результате* исследования разработаны практические рекомендации по использованию современных инструментов менеджмента и применению национальных стандартов. Результаты могут применяться в управленческой деятельности топ-менеджмента учреждений культуры, в том числе при реализации творческих проектов. Использование системного и процессного подходов при реализации творческих проектов, методологии PDCA, бенчмарк анализа и GAP-анализа, обоснование ключевых показателей эффективности реализации каждого конкретного творческого проекта и ориентация на стандарты позволят развить динамические способности учреждений культуры и повысить их стратегическую гибкость в условиях высокой изменчивости внешней среды.

Ключевые слова: ключевые показатели эффективности, инструменты стратегического менеджмента, динамические способности организации, стратегическая гибкость, внешняя среда организации, внутренняя среда организации

Для цитирования: Глушакова О. В. О необходимости применения современных инструментов менеджмента как основы повышения эффективности деятельности учреждений культуры // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 3. С. 339–349. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-339-349

Введение

Сфера культуры относится к разряду тех сфер, эффективность функционирования которых оценивать наиболее сложно. Действительно, если критериями эффективности деятельности коммерческой организации служат показатели рентабельности затрат, активов, капитала и т. п., то как, к примеру, оценить эффективность реализации театром такого творческого проекта, как постановка новой оперы или спектакля, креативность режиссерского замысла, нестандартность используемых при постановке спектакля подходов, уровень актерского мастерства исполнителей? Возможно, именно этот факт является причиной игнорирования топ-менеджментом учреждений сферы культуры современных инструментов управления. Однако усиление бюджетных ограничений, связанных не только с высокой изменчивостью внешней среды, но и с появлением принципиально новых вызовов развития, обусловливают необходимость изменения подходов к управленческой деятельности в сфере культуры как со стороны регулятора, так и со стороны топ-менеджмента самих учреждений. Исследованием различных аспектов эффективности деятельности учреждений культуры занимались Е. М. Зеленская [1; 2], О. И. Карепина и С. Н. Меликсетян [3], А. Д. Евменов и П. А. Булочников [4] и др. Но необходимость повышения эффективности деятельности учреждений культуры в контексте развития их динамических способностей и стратегической гибкости в целом ими не рассматривалась. Внимание исследователей также не фокусировалось на необходимости применения современных инструментов менеджмента в практике управления учреждениями культуры в целях повышения эффективности деятельности.

Одним из перспективных направлений развития теории стратегического менеджмента выступают динамические способности организации, исследование которых

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-339-349

послужило основанием для развития одноименной концепции. Стратегическая гибкость организации, ее умение реагировать на изменения, по мнению исследователей, определяется ее динамическими способностями. Мы разделяем эту точку зрения. Проблематикой динамических способностей организации занимались J. A. Schumpeter [5], E. T. Penrose [6], R. M. Cyert и J. G. March [7], J. B. Barney [8], D. J. Teece [9–12], G. P. Pisano [12], S. G. Winter [13] и др. Несмотря на многообразие подходов к исследованию (организационный, ресурсный, компетентностый, поведенческий и др.), ответ на вопрос о том, за счет чего организации достигают конкурентных преимуществ, не потерял своей актуальности.

D. J. Collis выделяет три уровня динамических способностей [14]. Первый, функциональный, необходим для поддержания бизнес-процессов. Второй отражает необходимость динамического улучшения организационных бизнес-процессов. Креативный, или предпринимательский, уровень состоит в опережающей разработке стратегий развития на основе идентификации рыночных ценностей тех или иных ресурсов. В работах J. A. Schumpeter отражен предпринимательский аспект динамических способностей, которые проявляют себя в поиске «новых комбинаций» или «креативного разрушения» [5]. R. Amit и P. J. H. Schoemaker связывают динамические способности с процессом продуктовых инноваций как реакции организации на изменение потребностей рынка [15]. M. Zollo и S. G. Winter при изучении динамических способностей организации фокусируют внимание на деятельности ее сотрудников, т. е. на человеческом факторе [16], что, на наш взгляд, заслуживает особого внимания, поскольку поддержанием бизнес-процессов на определенном уровне или их улучшением, поиском новых комбинаций при изменении внешнего окружения и опережающей разработкой стратегий развития занимается именно человек – активный элемент социально-экономической системы любой организации.

Методы и материалы

В соответствии с действующим законодательством большинство учреждений, представляющих сферу культуры, имеют статус бюджетных или автономных. Поскольку целями деятельности таких организаций не является получение прибыли, то и подходы к оценке эффективности их деятельности должны быть совершенно иные. Например, автономное учреждение как некоммерческая организация может осуществлять предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность. Причем деятельность эта осуществляется только в том случае, если ее результаты служат достижению целей автономной организации, ради которых она создана, если она соответствует указанным целям и указана в его учредительных документах[1].

Таким образом, одним из критериев эффективности деятельности бюджетной или автономной организации, функционирующей в сфере культуры, служит ее способность привлекать дополнительное финансирование, о котором можно судить по доле средств, полученных от деятельности, приносящей доход, в общем объеме доходов.

Регулятором деятельности учреждений культуры на федеральном уровне выступает Министерство культуры РФ (Минкультуры РФ), на уровне субъектов РФ – соответствующие профильные органы государственной власти субфедерального уровня, на уровне муниципальных образований – профильные органы местного самоуправления. Так, в Новосибирской области регуляторную функцию в отношении учреждений культуры осуществляет Министерство культуры Новосибирской области, в Кемеровской области – Министерство культуры и национальной политики Кузбасса. На уровне г. Новосибирска эти полномочия возложены на Департамент культуры, спорта и молодежной политики мэрии г. Новосибирска, на уровне г. Кемерово – на Управление культуры, спорта и молодежной политики администрации г. Кемерово.

Финансовое обеспечение деятельности учреждений культуры осуществляется за счет субсидии на выполнение государственного (муниципального) задания, предоставляемой из бюджета того или иного уровня, в зависимости от того, на базе имущества какого публично-правового образования бюджетное или автономное учреждение создано, а также средств, полученных за счет приносящей доход деятельности. Помимо субсидий на выполнение государственного (муниципального) задания, из бюджетов разных уровней бюджетным и автономным организациям могут предоставляться субсидии на иные цели, использование которых строго контролируется учредителем и Федеральным казначейством. К таким субсидиям относятся и средства бюджетов на осуществление государственных капитальных вложений.

Можно выделить пакет документов, ориентированных на оценку эффективности деятельности учреждений культуры. В декабре 2012 г. был утвержден план мероприятий «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности сферы культуры» и дорожная карта его реализации[2]. Извлечение из перечня целевых показателей (индикаторов), предусмотренных дорожной картой, представлено в таблице 1. За основу измерения эффективности в дорожной карте приняты показатели, характеризующие увеличение интереса со стороны потребителей услуг, выражающееся

[1] Об автономных учреждениях. ФЗ от 03.11.2006 № 174-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

[2] Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности сферы культуры». Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2012 № 2606-р (ред. от 28.04.2015) // Кодекс. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/902392009 (дата обращения: 04.04.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-339-349

в положительной динамике в основном количественных характеристик деятельности учреждений культуры.

Годом позднее Приказом Минкультуры РФ утвержден план мероприятий по реализации дорожной карты «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности сферы культуры»[3] в отношении подведомственных федеральных учреждений культуры с детализацией значений индикаторов по кварталам и закреплением за каждым мероприятием ответственных лиц.

Для органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления Минкультуры РФ утвердил методические рекомендации для учреждений культуры, их руководителей и работников[4], в том числе и для театров. Согласно Методическим рекомендациям для органов государственной власти субфедерального уровня и органов местного самоуправления, показатели эффективности целесообразно разработать для каждого типа учреждений культуры, что представляется справедливым, поскольку данный подход позволяет учесть специфику деятельности каждого конкретного учреждения. Например, критериями эффективности деятельности театров могут служить показатели:

1) количества новых и капитально-возобновленных спектаклей (всего единиц);

2) количества публичных показов спектаклей (всего единиц);

3) количества зрителей согласно реализованным билетам (человек). Данные о числе зрителей указывает в отчете та организация, которая производила продажу билетов (которой принадлежит билетная книжка);

4) средней заполняемости зала на стационаре (процентов) (для учреждений, ведущих билетное хозяйство, согласно реализованным билетам) и др.

Здесь мы также наблюдаем в основном количественный подход к оценке эффективности деятельности театра.

В письме Минкультуры РФ от 5 августа 2014 г. были сформулированы Методические рекомендации по взаимоувязке системы отраслевых показателей эффективности деятельности в сфере культуры от федерального

Табл. 1. Перечень целевых показателей (индикаторов), %

Tab. 1. List of target indicators, %

Целевой показатель (индикатор)	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
1) увеличение количества посещений театрально-концертных мероприятий (по сравнению с предыдущим годом)	3,1	3,2	3,3	3,5	3,8	4,0	4,2
2) увеличение количества библиографических записей в сводном электронном каталоге библиотек России (по сравнению с предыдущим годом)	1,7	1,8	1,9	2,0	2,1	2,2	2,3
3) увеличение доли объектов культурного наследия, информация о которых внесена в электронную базу данных единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, в общем количестве объектов культурного наследия	27,0	30,0	35,0	40,0	46,0	50,0	52,0
...	...	...	...	...	...	...	...
6) увеличение численности участников культурно-досуговых мероприятий (по сравнению с предыдущим годом)	6,5	6,6	6,7	6,8	7,0	7,1	7,2
7) повышение уровня удовлетворенности граждан РФ качеством предоставления государственных и муниципальных услуг в сфере культуры	70,0	71,0	74,0	78,0	83,0	88,0	90,0
...	...	...	...	...	...	...	...
18) увеличение посещаемости учреждений культуры (по отношению к 2012 г.)	–	5,0	10,0	15,0	20,0	25,0	30,0

[3] Об утверждении плана мероприятий Министерства культуры Российской Федерации по реализации Плана мероприятий («дорожной карты») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности сферы культуры», утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2012 г. № 2606-р, в отношении подведомственных федеральных государственных учреждений культуры и соответствующих категорий работников. Приказ Минкультуры РФ от 31.05.2013 № 611 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ. Режим доступа: https://legalacts.ru/doc/prikaz-minkultury-rossii-ot-31052013-n-611-ob-utverzhdenii/ (дата обращения: 04.04.2020).

[4] Об утверждении Методических рекомендаций по разработке органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления показателей эффективности деятельности подведомственных учреждений культуры, их руководителей и работников по видам учреждений и основным категориям работников. Приказ Минкультуры РФ от 28.06.2013 № 920 // Гарант. Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70327762/ (дата обращения: 04.04.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-339-349

уровня до конкретного учреждения и работника и определены показатели эффективности деятельности театров, показатели деятельности основных категорий работников театров и порядок их дезагрегирования[5].

Очевидно, что соответствие или несоответствие критериям эффективности учреждений культуры служит основанием для принятия или непринятия главным администратором бюджетных средств, в ведении которого находится учреждение культуры, решения о предоставлении субсидии на выполнение государственного (муниципального) задания. Для оценки эффективности деятельности учреждений культуры со стороны регулятора, на наш взгляд, необходимо расширение перечня ключевых показателей эффективности (*Key Performance Indicators – KPI*) за счет введения дополнительных показателей, ориентированных не только на количественную, но и на качественную оценку.

Учреждения сферы культуры выполняют ни с чем не сравнимые воспитательную и образовательную функции, адекватная реализация которых оказывает непосредственное влияние на качество человеческого капитала в плане его повышения. Как справедливо отмечает Е. М. Зеленская, социальная эффективность деятельности учреждений культуры проявляется в создании экстерналий развития для индивида и общества в целом, улучшении качества жизни, повышении престижа территории [1, с. 176]. По нашему убеждению, эффективное функционирование учреждений культуры должно обеспечивать формирование таких отсроченных социальных эффектов, как изменение когнитивной структуры личности (новые ценности, развитие чувства сопереживания (эмпатии), улучшение нравственного здоровья), снижение уровня различного рода правонарушений и преступлений и, как следствие, повышение экономической, экологической, социальной устойчивости развития территории.

Анализ финансового обеспечения реализации приоритетных национальных проектов, инициированных президентом РФ в 2018 г. (табл. 2), позволяет заключить, что объем средств, направляемых на развитие сферы культуры – один из минимальных, несмотря на тот факт, что в Основах государственной культурной политики[6] культура возведена в ранг национальных приоритетов и признана важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности РФ.

Табл. 2. Национальные (НП) и федеральные (ФП) проекты, реализуемые в РФ

Tab. 2. National (NP) and federal (FP) projects implemented in the Russian Federation

Наименование НП	Количество ФП, реализуемых в рамках НП	Финансовое обеспечение, млрд руб.
Здравоохранение	8	1725,8
Образование	10	784,5
Демография	5	3105,2
Культура	3	113,5
Безопасные и качественные автомобильные дороги	4	4779,7
Жилье и городская среда	4	1066,2
Экология	11	4041,0
Наука	3	636,0
Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы	5	481,5
Цифровая экономика	6	1634,9
Производительность труда и поддержка занятости	3	52,1
Международная кооперация и экспорт	5	956,8
Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры	11	6348,1

Основная проблема состоит в том, что исполнение задуманных финансовых планов зачастую сдерживается ситуацией на внешних сырьевых рынках и усилением глобальной неопределенности. Речь идет о дестабилизации мировой экономики в связи с масштабным распространением коронавирусной инфекции в начале 2020 г. В этот период времени цены на нефть марки *Brent* на фьючерсных торгах опускались ниже 25 долларов за баррель, марки *WTI* – ниже 21 доллара[7], марки *Urals* по состоянию на 1 марта 2020 г. – до 10,43 долларов (минимальный уровень с февраля 1999 г.)[8]. Заметим, что цены на нефть марки *Urals* и природный газ выступают основой для построения прогнозов социально-экономического развития

[5] О направлении Методических рекомендаций по взаимоувязке системы отраслевых показателей эффективности деятельности в сфере культуры от федерального уровня до конкретного учреждения и работника. Письмо Минкультуры РФ от 05.08.2014 № 166-01-39/04-НМ // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ. Режим доступа: https://legalacts.ru/doc/pismo-minkultury-rossii-ot-05082017-n-166-01-3904-nm/ (дата обращения: 04.04.2020).

[6] Об утверждении Основ государственной культурной политики. Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 // СПС КонсультантПлюс.

[7] Цены на нефть выросли после обвала // РИА Новости. 19.03.2020. Режим доступа: https://ria.ru/20200319/1568861264.html (дата обращения: 20.03.2020).

[8] Стоимость российской нефти Urals опускалась до $10 за баррель // Ведомости. 02.04.2020. Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/business/news/2020/04/02/826890-10 (дата обращения: 04.04.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-339-349

территорий, а также среднесрочных и долгосрочных бюджетных прогнозов в РФ.

Обращение к Единому порталу бюджетной системы РФ, на котором публикуются данные об исполнении федерального бюджета в режиме реального времени, показало, что по состоянию на 26 марта 2020 г. расходы федерального бюджета существенно превысили доходы (4,4 трлн руб. и 3,7 трлн руб. соответственно)[9]. Этот разрыв в условиях борьбы с COVID-19 и предоставления дополнительной финансовой помощи региональным бюджетам будет увеличиваться. Усиление разбалансированности бюджетов наблюдается и на субфедеральном, и муниципальном уровнях. Очевидно, что в данной ситуации вероятность неисполнения расходных обязательств бюджетов многократно возрастает.

Глобальная неопределенность оказывает существенное влияние на нормальное функционирование организаций всех секторов национальной экономики. Сфера культуры не является исключением. Помимо возможного снижения объемов бюджетных ассигнований, на ситуацию в сфере культуры оказывает существенное влияние кардинальное смещение графика показов спектаклей, концертных мероприятий и т. п. в связи с введением мер, направленных на сдерживание коронавирусной инфекции. С подобными вызовами учреждения культуры еще не сталкивались.

Результаты

Как уже было отмечено, одним из наиболее значимых инструментов стратегического управления выступает стратегия (как документ), в которой определяются миссия, видение, ценности организации, раскрываются особенности сложившейся в ней корпоративной культуры, формулируются цели развития, действия, направленные на сохранение лидерства, отражается содержание проводимой политики и ключевые показатели эффективности (KPI), по которым эффективность реализации стратегии, собственно, и оценивается.

Изучение официальных сайтов ряда театров государственного и муниципального значения позволило автору статьи сделать вывод, что указанные учреждения культуры в своей деятельности, как правило, не используют стратегии как инструмент стратегического управления. Вместе с тем применение современных инструментов менеджмента и ориентация на стандарты, на наш взгляд, будут способствовать повышению эффективности деятельности каждого конкретного учреждения и сферы культуры в целом.

Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии принят ряд национальных стандартов, которые, на наш взгляд, должны быть приняты во внимание топ-менеджментом всех учреждений сферы культуры, в том числе и театров (табл. 3).

Табл. 3. Национальные стандарты РФ, актуальные для менеджмента организаций сферы культуры

Tab. 3. National standards of the Russian Federation in the management of cultural organizations

№	Наименование стандарта	Дата утверждения и введения в действие	Область применения	Комментарий автора статьи
Имеют потенциал для повышения эффективности деятельности организаций сферы культуры в целом				
ГОСТ Р ИСО 9000-2015	Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь	утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28.09.2015 № 1390-ст. Дата введения в действие 01.11.2015	применим ко всем организациям, независимо от размера, сложности или бизнес-модели	устанавливает основные понятия и принципы менеджмента качества, которые могут использоваться организациями, стремящимися к устойчивому успеху. Стандарт представляет четко определенную систему менеджмента качества на основе структуры, которая объединяет установленные основные понятия, принципы, процессы и ресурсы
ГОСТ Р ИСО 9004-2019	Менеджмент качества. Качество организации. Руководство по достижению устойчивого успеха организации	утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 20.08.2019 № 514-ст. Дата введения в действие 01.11.2020	содержит руководство по достижению устойчивого успеха организациями в сложной, взыскательной и постоянно меняющейся среде в соответствии с принципами менеджмента качества, приведенными в ИСО 9000-2015. Применим к любой организации, независимо от размера, типа и рода деятельности	рекомендует использовать в практике управления организацией процессный подход, методологию бенчмаркинга, самооценку с целью установления уровня зрелости системы менеджмента организации, описывает содержание стратегии как документа и вводит понятие *качество организации*, которое неразрывно связано с ее устойчивым успехом

[9] Электронный бюджет. Режим доступа: http://budget.gov.ru/epbs/faces/page_home?_adf.ctrl-state=17da70kpht_103&regionId=50 (дата обращения: 26.03.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-339-349

№	Наименование стандарта	Дата утверждения и введения в действие	Область применения	Комментарий автора статьи
ГОСТ Р ИСО 10014-2008	Менеджмент организации. Руководящие указания по достижению экономического эффекта в системе менеджмента качества	утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 18.12.2008 № 472-ст. Дата введения в действие 01.12.2009	предназначен для высшего руководства организации. Стандарт содержит примеры достижимых результатов и необходимых для их получения методов и инструментов менеджмента	устанавливает руководящие указания для достижения экономического эффекта от применения восьми принципов менеджмента качества (ориентация на потребителя; лидерство руководителя; вовлечение работников; процессный подход; системный подход; постоянное улучшение; принятие решений, основанное на фактах; взаимовыгодные отношения с поставщиками). Цель – предоставление высшему руководству информации, необходимой для эффективного применения принципов менеджмента и выбора методов и инструментов для обеспечения успешной деятельности организации. Стандарт рекомендует при самооценке использовать GAP-анализ как метод стратегического анализа, направленный на преодоление разрывов между плановыми показателями и их фактическими значениями, и методологию *PDCA* (*Plan-Do-Check-Act*)
Имеют потенциал для повышения эффективности конкретных проектов, реализуемых организациями сферы культуры				
ГОСТ Р 54869-2011	Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом	утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 22.12.2011 № 1582-ст. Дата введения в действие 01.09.2012	устанавливает требования к управлению проектом для обеспечения эффективного достижения целей проекта, которые распространяются на управление любыми проектами и могут быть применены для проектов, реализуемых юридическими или физическими лицами, которые могут осуществляться на договорной основе или быть реализованы внутри организации	выделяет процессы управления проектом (инициация, планирование, организация исполнения, контроль и завершение проекта), содержит требования к функциональным областям управления (управление содержанием, сроками проекта, рисками, затратами, персоналом и т. п.)
ГОСТ Р 54870-2011	Проектный менеджмент. Требования к управлению портфелем проектов	утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 22.12.2011 № 1583-ст. Дата введения в действие 01.09.2012	требования настоящего стандарта могут быть применены для управления любыми портфелями проектов независимо от характеристик компонентов, входящих в портфель	устанавливает требования к управлению портфелем проектов на этапах его формирования и реализации. Предметом стандартизации являются выходы процессов управления портфелем проектов. Стандарт не содержит требований к методам реализации процессов управления портфелями проектов

Необходимо иметь в виду, что эффективность каждого конкретного учреждения культуры во многом определяется эффективностью реализации отдельных проектов. Для театров такими проектами являются новые или возобновляемые постановки, за счет которых происходит обновление репертуара в целом. Поэтому, на наш взгляд, помимо разработки стратегии и определения ключевых показателей эффективности на уровне учреждения, весьма полезно фокусировать внимание именно на документировании процессов проекта и ключевых показателях его реализации. Подходы к документированию подробно изложены в Национальном стандарте РФ «Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом», а в более сжатом виде с комментариями автора статьи – в таблице 4. Если одновременно реализуется несколько проектов, то в данной ситуации весьма полезен Национальный стандарт РФ «Проектный менеджмент. Требования к управлению портфелем проектов». Любой проект, в частности творческий, согласно Национальному стандарту РФ ГОСТ Р 54869-2011, подразумевает менеджмент пяти основных процессов и связанных с ними подпроцессов (подпроцессы 2.1–2.8).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-339-349

Табл. 4. Содержание основных процессов менеджмента согласно Национальному стандарту РФ ГОСТ Р 54869-2011

Tab. 4. Basic management processes according to the National Standard of the Russian Federation GOST R 54869-2011

Процесс		Содержание процесса	Комментарий автора статьи
1. Процесс инициации проекта		проект инициируется заказчиком, в качестве которого выступает юридическое или физическое лицо, являющееся владельцем продукта проекта	цель – формальное открытие проекта. На данном этапе озвучивается наименование проекта, обосновываются причины его инициации, цели и продукты, дата инициации и наименование заказчика
2. Процесс планирования проекта	2.1. Планирование содержания проекта	формулируются требования к продукту проекта со стороны заказчика и других заинтересованных сторон, назначение продукта проекта, его характеристики. Оценивается возможность выполнения требований к проекту, сформулированных заказчиком, определяются методы приемки продукта проекта, оцениваются допущения и исключения, касающиеся продукта проекта	при планировании содержания проекта необходимо определить KPI его реализации. Для каждого конкретного проекта KPI должны быть свои, поскольку система KPI определяется содержанием конкретного проекта. Необходимо осознавать, что понятие *заинтересованные стороны* шире понятия *потребитель*. К заинтересованным сторонам относятся органы государственной власти, министерства, ведомства, которые оказывают непосредственное влияние на устойчивость организации или возможность реализации конкретного проекта. Например, решение о предоставлении субсидии на выполнение государственного (муниципального) задания может быть принято или не принято главным распорядителем бюджетных средств; могут быть внесены изменения в действующее налоговое законодательство в части увеличения и уменьшения налоговых ставок, введения новых налогов и сборов и т. п. Методы приемки зависят от содержания продукта проекта. Если продукт проекта – спектакль, то методом приемки данного продукта, как правило, является предпоказ, содержание которого оценивает компетентная комиссия. В качестве допущений и исключений при реализации такого проекта могут быть приняты, например, участие в постановке не только профессиональных артистов, но и студентов театральных вузов, перенос даты завершения проекта в связи с форс-мажорными обстоятельствами и т. п.
	2.2. Разработка расписания (календарного плана) проекта	описываются виды работ проекта с указанием длительности их выполнения и сроков завершения, закрепления ответственных лиц за конкретными видами работ	при разработке расписания (диаграммы Ганта) важно понимать, какие работы могут быть выполнены параллельно, а какие – последовательно. Параллельное выполнение работ позволит сократить сроки реализации проекта. Но ряд работ требует строго определенной последовательности их выполнения (невозможно, например, построить дом, не подготовив фундамент или исполнить музыкальную партию, предварительно не выучив ее). Календарный план проекта должен включать дату инициации проекта и дату завершения проекта, а также контрольные события, позволяющие отслеживать выполнение конкретного вида работы в рамках проекта. При этом важно сформулировать требования к видам работ проекта в целях верификации их выполнения, иными словами – когда конкретный вид работ можно считать выполненным
	2.3. Планирование бюджета проекта	определяется и документируется структура статей бюджета проекта, определяется плановая стоимость всех ресурсов (материальных и человеческих), стоимость выполнения работ, порядок финансирования проекта	подход к документированию статей бюджета проекта определяется источником его финансирования. Если таковым выступает субсидия на выполнение государственного (муниципального) задания, то структура статей бюджета проекта должна быть представлена в разрезе кодов бюджетной классификации расходов. Если же финансовое обеспечение поступает из внебюджетных источников, то отражение статей бюджета проекта в разрезе кодов бюджетной классификации расходов не является обязательным
	2.4. Планирование персонала проекта	документируются роли участников проекта, их функции и полномочия; определяется численный и квалификационный состав команды проекта, требования к условиям труда; определяются основные члены команды проекта	управление человеческими ресурсами выступает основой устойчивого успеха организации. Понятие роль необходимо рассматривать с позиции выполнения участниками проекта конкретных видов работ, связанных с реализацией процессов проекта

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-339-349

Процесс		Содержание процесса	Комментарий автора статьи
2. Процесс планирования проекта	2.5. Планирование закупок в проекте	проводится анализ необходимости закупки продукции и услуг для достижения целей проекта. Если проведение закупок целесообразно, то должны быть определены требования к закупаемой продукции (услугам). Принципиально важны такие параметры закупки, как стоимость, качество, сроки поставки. Должны быть определены требования к процессу приемки продукции (услуг) в целях ее верификации, запланированы мероприятия по выбору и оценке поставщиков на основе определенных критериев	процесс закупок должен быть организован заблаговременно, поскольку от момента инициации закупки до ее осуществления проходит достаточно длительное время. При планировании закупок необходимо руководствоваться положениями закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд»[10]
	2.6. Планирование реагирования на риски проекта	идентифицируются риски реализации проекта, оценивается их значимость (от менее существенных до более существенных), планируются действия, направленные на минимизацию рисков	при оценке значимости рисков можно прибегнуть к методу экспертных оценок. Идентификация рисков по уровню значимости может быть реализована экспертами исходя из имеющегося практического опыта, например, по десятибалльной шкале (10 баллов – очень высокий уровень риска, 1 балл – очень низкий уровень риска, 0 баллов – риск отсутствует). Завершающим этапом реализации проекта по постановке спектакля выступает его премьера. Однако, по причине обстоятельств непреодолимой силы (например, COVID-19) дата премьеры может отодвинуться на неопределенный срок. В данной ситуации топ-менеджменту театра необходимо предусмотреть возможность указанного риска и реагирование на него – переход к новому формату взаимодействия со зрительской аудиторией
	2.7. Планирование обмена информацией в проекте	определяется круг участников информационного обмена, потребность каждого участника в определенной информации с учетом выполняемых им видов работ, методы и средства распространения информации по проекту	например, на завершающем этапе постановки спектакля проводятся генеральные прогоны, на которых показ максимально приближен к реальным условиям (задействуются декорации, звуковое, световое оформление, актеры используют костюмы и грим). Чтобы генеральный прогон состоялся, все его участники должны быть проинформированы о месте, времени и дате проведения. Средствами распространения информации могут быть социальные сети, мессенджеры, методом – создание в социальной сети закрытых групп участников проекта
	2.8. Планирование управления изменениями проекта	выявляются изменения в процессе реализации проекта, которые согласуются с заказчиком и руководителем проекта, информация об изменениях доводится до всех заинтересованных сторон	важно иметь четкое представление о том, какие изменения в процессе реализации проекта могут возникнуть. Например, изменение сроков выполнения конкретных видов работ, замена участников (по причине болезни, низкой исполнительской дисциплины и т. п.), изменение требований к проекту со стороны заказчика, изменение объемов финансирования (например, секвестирование субсидии на выполнение государственного (муниципального) задания или бюджета проекта). Ряд корректировок возможен только на этапе разработки концепции проекта и начальном этапе его реализации, когда стоимость внесения изменений низкая. На завершающем этапе реализации проекта внесение изменений либо не представляется возможным, либо их стоимость слишком высока, неоправданно удорожает бюджет проекта, что может быть признано заказчиком нецелесообразным

[10] О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд. ФЗ от 05.04.2013 № 44-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-339-349

Процесс	Содержание процесса	Комментарий автора статьи
3. Организация исполнения проекта	контролируется выполнение запланированных работ, идентифицируются продукты проекта, проводится осуществление изменений, корректирующих и предупреждающих действий, актуализация документов по проекту	при документировании процесса организации исполнения проекта отражается следующая информация: каким образом и где выполняются запланированные работы, какие продукты (результаты) получены в процессе выполнения работ проекта, какие изменения были внесены в проект при выполнении конкретных видов работ, какие корректирующие и предупреждающие действия были выполнены при управлении изменениями и рисками реализации проекта, в какой части были актуализированы документы по проекту (например, расписание проекта, конкретный раздел пояснительной записки проекта)
4. Контроль исполнения проекта	контролируется соответствие видов работ и продуктов проекта установленным требованиям, описываются корректирующие и предупреждающие действия, которые были выполнены при проведении контрольных мероприятий по видам работ и продукту проекта	проводится GAP-анализ: оцениваются разрывы между фактическими и запланированными значениями KPI по проекту в целом. Контролируется соответствие видов отдельных работ установленным требованиям. Например, один из видов работ при постановке музыкального спектакля – ознакомление исполнителей с литературным (либретто) и музыкальным (клавир) материалом. В качестве требования к данному виду работ может быть определено умение ориентироваться в литературном и музыкальном материале, что, собственно, и выступает предметом контроля. Требованиями к выучиванию материала самостоятельно, а затем с концертмейстером могут быть определены знание музыкального материала наизусть и наличие у концертмейстера свободного времени для проведения занятия с исполнителем. Таким образом, при проведении контроля выполнения данного вида работ акцент делается на безошибочном исполнении музыкальной партии с учетом всех нюансов, отраженных композитором в партитуре (например, соблюдение динамических оттенков). При идентификации ошибок должны быть приняты меры по их устранению
5. Завершение проекта	формальное закрытие проекта. Проводится и документально оформляется приемка продукта проекта заказчиком; производится закрытие всех договоров по проекту, если таковые имеются; окончание проекта оформляется документально; формируется архив проекта; команда проекта и основные заинтересованные стороны информируются об окончании проекта	в качестве документов по проекту могут выступать пояснительная записка к проекту, которая подписывается заказчиком и исполнителем, акт о приемке выполненных работ, на основании которого заказчиком проекта производится окончательный расчет с исполнителем проекта

Заключение

Использование организациями сферы культуры инструментов стратегического менеджмента и следование Национальным стандартам позволит улучшить динамические способности и стратегическую гибкость каждой конкретной организации, расширит ее финансовые возможности и сформирует умение приспосабливаться не только к изменчивости внутренней и внешней среды, но и к принципиально новым глобальным вызовам, например COVID-19, с которым многие страны и регионы мира столкнулись в 2020 г.

Литература

1. Зеленская Е. М. Эффективность деятельности учреждений культуры: анализ показателей и обзор методик оценки // Экономика Северо-Запада. Проблемы и перспективы развития. 2017. № 3-4. С. 174–188.
2. Зеленская Е. М. Эффективность в сфере культуры: кластерный анализ социально-экономических показателей деятельности российских театров // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2018. Т. 17. № 1. С. 8–25. DOI: 10.15826/vestnik.2018.17.1.001
3. Карепина О. И., Меликсетян С. Н. Бюджетное финансирование и контроль эффективности расходов в учреждениях культуры // Международный бухгалтерский учет. 2017. Т. 20. № 14. С. 810–827. DOI: 10.24891/ia.20.14.810
4. Евменов А. Д., Булочников П. А. Управление эффективностью функционирования организаций сферы культуры // Экономика и управление. 2018. № 11. С. 29–37.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-339-349

5. Schumpeter J. A. The theory of economic development: an inquiry into profits, capital, credit, interest, and the business cycle. Cambridge: Harvard University Press, 1934. 255 p.
6. Penrose E. T. Biological analogies in the theory of the firm // The American Economic Review. 1952. Vol. 42. № 5. P. 804–819.
7. Cyert R. M., March J. G. A behavioral theory of the firm. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1963. 268 p.
8. Barney J. B. Organizational culture: can it be a source of sustained competitive advantage? // The Academy of Management Review. 1986. Vol. 11. № 3. P. 656–665.
9. Teece D. J. A dynamic capabilities-based entrepreneurial theory of the multinational enterprise // Journal of International Business Studies. 2014. Vol. 45. P. 8–37. DOI: 10.1057/jibs.2013.54
10. Teece D. J. Business models, business strategy and innovation // Long Range Planning. 2010. Vol. 43. № 2. P. 172–194. DOI: 10.1016/j.lrp.2009.07.003
11. Teece D. J. The dynamic capabilities and strategic management: organizing for innovation and growth. Oxford: Oxford University Press, 2009. 286 p.
12. Teece D. J., Pisano G. P. The dynamic capabilities of firms: an introduction // Industrial and Corporate Change. 1994. Vol. 3. № 3. P. 537–556. DOI: 10.1093/icc/3.3.537-a
13. Winter S. G. Understanding dynamic capabilities // Strategic Management Journal. 2003. Vol. 24. № 10. P. 991–995. DOI: 10.1002/smj.318
14. Collis D. J. Research note: how valuable are organizational capabilities? // Strategic Management Journal. 1994. Vol. 15. № 1. P. 143–152. DOI: 10.1002/smj.4250150910
15. Amit R., Schoemaker P. J. H. Strategic assets and organizational rent // Strategic Management Journal. 1993. Vol. 14. № 1. P. 33–46. DOI: 10.1002/smj.4250140105
16. Zollo M., Winter S. G. Deliberate learning and the evolution of dynamic capabilities // Organization Science. 2002. Vol. 13. № 3. P. 339–351. DOI: 10.1287/orsc.13.3.339.2780

original article

Modern Management Tools as a Basis for Increasing Efficiency of Cultural Institutions

Olga V. Glushakova [a, @]
[a] Siberian State Industrial University, Russia, Novokuznetsk
[@] trinity@ktk.company

Received 08.04.2020. Accepted 15.06.2020.

Abstract: The present research featured official methods of efficiency assessment of cultural institutions. The existing system focuses on quantitative assessment and does not take into account the delayed social and economic effects associated with the quality of human capital. Therefore, the current system of indicators requires expansion. Cultural institutions acquire state or municipal support based on their compliance to efficiency criteria. The author analyzed the financial support provided for implementation of priority national projects. The amount of funds for the development of the cultural sphere appeared to be one of the smallest. The current global uncertainty and new challenges caused the budget funding focus to shift. Taking into consideration the growing variability of external environment, cultural institutions can become efficient only by using modern management tools. The author studied official approaches to assessing the efficiency of cultural institutions. The research objective was to justify the need to use modern management tools in order to increase the efficiency of cultural institutions. The study was based on the institutional approach, as well as the methods of analysis, synthesis, and comparison. The paper introduces some practical recommendations for the use of modern management tools and the application of national standards. The results can be of some interest to top management of cultural institutions. The author proposes systemic and process approaches for implementation of creative projects. She believes that PDCA methodology, benchmark and GAP analyses, and the method of key performance indicators will develop the dynamic capabilities of cultural institutions and increase their strategic flexibility in conditions of high external variability.

Keywords: key performance indicators, tools of strategic management, dynamic capabilities of organization, strategic flexibility, external environment of the organization, internal environment of the organization

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-339-349

For citation: Glushakova O. V. Modern Management Tools as a Basis for Increasing Efficiency of Cultural Institutions. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(3): 339–349. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-339-349

References

1. Zelenskaya E. M. Performance measurement of cultural organizations: analysis of indicators and overview of methods. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiia*, 2017, (3-4): 174–188. (In Russ.)
2. Zelenskaya E. M. Performance in cultural sphere: cluster analysis of socio-economic performance indicators of russian theatres. *Vestnik UrFU. Seriia ekonomika i upravlenie*, 2018, 17(1): 8–25. (In Russ.) DOI: 10.15826/vestnik.2018.17.1.001
3. Karepina O. I., Meliksetyan S. N. Budget financing and cost-effectiveness monitoring of cultural institutions. *Mezhdunarodnyi bukhgalterskii uchet*, 2017, 20(14): 810–827. (In Russ.) DOI: 10.24891/ia.20.14.810
4. Evmenov A. D., Bulochnikov P. A. Organizational performance management in the cultural sector. *Ekonomika i upravlenie*, 2018, (11): 29–37. (In Russ.)
5. Schumpeter J. A. *The theory of economic development: an inquiry into profits, capital, credit, interest, and the business cycle*. Cambridge: Harvard University Press, 1934, 255.
6. Penrose E. T. Biological analogies in the theory of the firm. *The American Economic Review,* 1952, 42(5): 804–819.
7. Cyert R. M., March J. G. *A behavioral theory of the firm*. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1963, 268.
8. Barney J. B. Organizational culture: can it be a source of sustained competitive advantage? *The Academy of Management Review*, 1986, 11(3): 656–665.
9. Teece D. J. A dynamic capabilities-based entrepreneurial theory of the multinational enterprise. *Journal of International Business Studies*, 2014, 45: 8–37. DOI: 10.1057/jibs.2013.54
10. Teece D. J. Business models, business strategy and innovation. *Long Range Planning*, 2010, 43(2): 172–194. DOI: 10.1016/j.lrp.2009.07.003
11. Teece D. J. *Dynamic capabilities and strategic management: organizing for innovation and growth*. Oxford: University Press, 2009, 286.
12. Teece D. J., Pisano G. P. The dynamic capabilities of firms: an introduction. *Industrial and Corporate Change*, 1994, 3(3): 537–556. DOI: 10.1093/icc/3.3.537-a
13. Winter S. G. Understanding dynamic capabilities. *Strategic Management Journal*, 2003, 24(10): 991–995. DOI: 10.1002/smj.318
14. Collis D. J. Research note: how valuable are organizational capabilities? *Strategic Management Journal*, 1994, 15(S1), 143–152. DOI: 10.1002/smj.4250150910
15. Amit R., Schoemaker P. J. H. Strategic assets and organizational rent. *Strategic Management Journal,* 1993, 14(1): 33–46. DOI: 10.1002/smj.4250140105
16. Zollo M., Winter S. G. Deliberate learning and the evolution of dynamic capabilities. *Organization Science*, 2002, 13(3): 339–351. DOI: 10.1287/orsc.13.3.339.2780

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-350-359

оригинальная статья
УДК 331.523

Анализ потребности в рабочей силе на рынке труда моногородов Кузбасса*

Анжелика Н. Кирюхина [a, @, ID]; Ольга К. Кобзева [a]; Дарья В. Акельева [a]
[a] Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
[@] oop.vo.ef@gmail.com
[ID] https://orcid.org/0000-0001-8605-1332

Поступила в редакцию 15.03.2020. Принята к печати 22.05.2020.

Аннотация: Состояние занятости на региональных рынках труда является реальным определяющим фактором экономического развития территории. Актуальность темы обусловлена проблемой создания рабочих мест на рынке труда Кузбасса в городских поселениях с монопрофильной направленностью. Предмет исследования – открытые вакансии в моногородах Кемеровской области, цель – выявление областей профессиональной деятельности с наибольшим дефицитом персонала в моногородах Кемеровской области. Проанализированы вакансии 24 моногородов региона. Использована база вакансий, размещенных на сайте Министерства труда и занятости Кузбасса. Вакансии сгруппированы в соответствии с реестром областей и видов профессиональной деятельности. Представлена профессионально-квалификационная структура открытых вакансий по уровню и профилю образования. Отдельно рассмотрены моногорода со статусом территории опережающего социально-экономического развития. Проведено сравнение свободных рабочих мест в городах, имеющих данный статус, с программами их развития. Как показали результаты исследования, предприятиям региона требуются специалисты преимущественно технического профиля со средним профессиональным образованием, что свидетельствует о нехватке квалифицированных рабочих. В моногородах области наблюдается преобладание открытых вакансий в здравоохранении, транспорте и промышленности. Результаты рекомендовано использовать для повышения эффективности работы служб занятости населения и образовательных учреждений Кемеровской области.

Ключевые слова: вакансия, Кемеровская область, профессионально-квалификационная структура, занятость, безработица, интернет-источник, сайт поиска работы

Для цитирования: Кирюхина А. Н., Кобзева О. К., Акельева Д. В. Анализ потребности в рабочей силе на рынке труда моногородов Кузбасса // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 3. С. 350–359. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-350-359

Введение

Рынок труда как сложный распределительный механизм, обеспечивающий прикрепление работников к рабочим местам, имеет особое место в современной экономике и оказывает влияние не только на производительность и темпы роста, но и на многие другие показатели экономики [1; 2]. Экономический рост и повышение благосостояния в первую очередь связаны с воспроизводством рабочей силы и тенденциями развития сферы занятости населения России и ее регионов. Анализ общероссийского рынка труда и макроэкономических тенденций не учитывает и не отражает специфики состояния региональных рынков труда. Между тем состояние занятости на региональных рынках труда является реальным определяющим фактором экономического развития региона [3, с. 17].

Важным явлением, характеризующим нестабильность в стране и имеющим циклический характер развития, выступает безработица [4; 5]. Изучение и решение проблемы незанятости людей является важным и очень актуальным аспектом в политике любой страны [6, с. 5]. Проблема занятости в настоящее время имеет высокую значимость в связи с тем, что не каждый специалист, обладая даже высокими профессиональными навыками, имеет возможность благоприятно трудоустроиться [7]. Это серьезная социальная проблема, которая возникает в рыночной экономике [8]. По данным Росстата, в среднем показатель безработицы по России за период с января 2019 г. по январь 2020 г. составил 4,6 %. Уровень безработицы в Кузбассе превысил средний по России и составил 4,9 %[1].

Особенно актуальны проблемы занятости в городах с монопрофильной направленностью экономики. Высокий уровень безработицы, низкий уровень доходов населения, сокращение численности населения, рост социальной напряженности – ключевые социальные проблемы моногородов. В таких городах имеется одно или несколько градообразующих предприятий, и от того, насколько

* Статья написана в рамках III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию освоения Кузбасса, «Управление организациями в современной экономике». Специальная тема: «Цифровая трансформация управления».

[1] Эксперты определили уровень безработицы в Кузбассе // Газета Кемерова. 28.01.2020. Режим доступа: https://gazeta.a42.ru/lenta/news/72473_eksperty-opredelili-uroven-bezraboticy-v-kuzbasse/ (дата обращения: 29.01.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-350-359

эффективно они функционируют, насколько развита их инфраструктура и эффективно построена система местного самоуправления, зависит уровень занятости населения.

Моногорода являются основообразующей частью Кемеровской области, в них проживает около 70 % населения [9]. Статус моногорода имеют 24 муниципальных образования. Кемеровскую область вполне можно назвать регионом моногородов. Существуют отличительные признаки моногородов: эти населенные пункты создаются вблизи промышленных предприятий и зависимы друг от друга; жизнедеятельность населения моногорода зависит от градообразующего предприятия [10, с. 20]. Такая зависимость увеличивает риски ухудшения их социально-экономического положения.

Одной из мер поддержки со стороны Правительства РФ стало присвоение некоторым моногородам статуса территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) – экономической зоны «со льготными налоговыми условиями, упрощенными административными процедурами и другими привилегиями», создаваемой «для привлечения инвестиций, ускоренного развития экономики и улучшения жизни населения» [11, с. 12]. Поддержка на федеральном уровне помогает городам развиваться, она направлена на выведение моногородов из зоны риска, на обеспечение стабильного экономического развития [12]. Статус ТОСЭР рассматривается как способ стимулирования промышленного и инновационного развития [13, с. 128]. Из 24 моногородов Кузбасса четырем присвоен статус ТОСЭР (табл. 1[2]).

Предприятиям-резидентам, созданным в рамках программы ТОСЭР, присущ особый льготный налоговый режим. При этом одним из условий получения статуса предприятия-резидента является создание не менее 10 рабочих мест. Это оказывает существенное влияние на экономику городов, помогает им развиваться, а безработным гражданам – трудоустраиваться.

Поскольку в моногородах сформирована монопрофильная занятость, наиболее высокому риску несбалансированности рынка труда подвержены именно территории монопрофильных муниципальных образований, а проблемы занятости являются особо актуальными и требуют тщательного научного анализа. В связи с этим целью исследования является выявление областей профессиональной деятельности с наибольшим количеством вакансий в моногородах Кемеровской области и их профессионально-квалификационной структуры; предметом – открытые вакансии в моногородах Кемеровской области.

Методы и материалы

Нами были изучены интернет-источники, которые содержат информацию о вакантных рабочих местах, поскольку в настоящее время онлайн-поиск работы стал наиболее предпочтительным методом среди соискателей [14]. Использование интернет-технологий значительно упростило процессы найма и поиска работы. Тенденция повышения актуальности Интернета обуславливает необходимость изучения его различных инструментов (сайты, социальные сети, чат-боты и т. д.), которые помогают в трудоустройстве граждан. Преимуществами проведения первичных исследований в интернет-среде являются быстрота проведения, экономичность, широта охвата (Интернет позволяет получить доступ к разным группам потребителей, разной географической удаленности) [15, с. 36].

На начальном этапе исследования были изучены наиболее популярные интернет-источники, предоставляющие информацию об открытых вакансиях для работников и работодателей: Работа.ру, HeadHunter, Интерактивный портал Министерства труда и занятости населения Кузбасса. Вакансии на перечисленных сайтах незначительно отличались друг от друга. Согласно ст. 25 закона «О занятости населения в Российской Федерации»[3], работодатели обязаны содействовать проведению государственной политики занятости населения и ежемесячно предоставлять органам службы занятости населения информацию о наличии открытых вакансий для размещения на сайте. Поэтому для более детального анализа вакансий был выбран официальный ежедневно обновляемый источник – Интерактивный портал Министерства труда и занятости Кузбасса (ранее: Департамент труда и занятости Кемеровской области)[4].

Табл. 1. Города со статусом ТОСЭР

Tab. 1. TASED towns

Город	Дата присвоения статуса ТОСЭР	Градообразующее предприятие	Численность населения	Площадь, км^2
Анжеро-Судженск	19.09.2016	ООО «Шахтоуправление Анжерское»	71787	119,2
Новокузнецк	16.03.2018	ООО «ЕВРАЗ ЗСМК»	552445	424,27
Юрга	07.07.2016	ООО «ЮМЗ»	81733	44,8
Прокопьевск	03.12.2018	АО «СУЭК-Кузбасс»	196406	227,5

[2] Составлено по данным Инвестиционного портала Кузбасса. Режим доступа: https://keminvest.ru/sections/5c1a8d19be33195525000045 (дата обращения: 10.05.2019).

[3] О занятости населения в Российской Федерации. Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 (ред. от 02.12.2019) // СПС КонсультантПлюс.

[4] Интерактивный портал Министерства труда и занятости населения Кузбасса. Режим доступа: http://ufz-kemerovo.ru/ (дата обращения: 01.02.2019).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-350-359

Для исследования выбраны вакансии 24 моногородов Кемеровской области. Все вакансии сгруппированы в соответствии с реестром областей и видов профессиональной деятельности[5] отдельно для каждого города. Анализ проводился в феврале – июне 2019 г. Применены метод теоретического анализа, позволяющий выделить и рассмотреть отдельные стороны, свойства явлений, признаки, особенности исследуемых объектов; анализ информационных данных интернет-источников; статистические методы; графические и табличные методы представления данных.

Результаты

Экономика большинства городов Кемеровской области базируется на работе промышленных предприятий. К приоритетным отраслям развития региона относятся добыча полезных ископаемых (угля и железной руды), металлургическое производство, машиностроение, химическое производство, развитие транспортной инфраструктуры, сельское хозяйство и производство продуктов питания [16, с. 126].

Наибольшую потребность в работниках испытывают здравоохранение (20,9 %), транспорт (20,1 %) и промышленность (18,7 %). Высокий удельный вес также занимают добыча и переработка угля, руд и других полезных ископаемых (14,9 %) и сервис, оказание услуг населению (11,2 %). Меньшие доли приходятся на сферы строительства и ЖКХ (6 %), безопасности (3,7 %), образования и науки (3,7 %).

В здравоохранении преобладают вакансии медсестер и высококвалифицированных врачей в государственных медучреждениях. На транспорте больше всего требуются водители в государственные пассажирские автотранспортные предприятия (ГПАТП), в промышленности, добыче и переработке угля – машинисты, слесари-ремонтники, сварщики, горнорабочие, электрослесари подземные.

Анализ банка вакансий в разрезе моногородов показал преобладание вакансий от общего их числа в следующих областях профессиональной деятельности: промышленность – в Салаире (77,8 %), Топках (37 %), Мысках (21,2 %), Краснобродском (23 %), Тайге (26 %); добыча, переработка угля, руд и других полезных ископаемых – в Осинниках (50 %), Киселевске (18,1 %), Ленинске-Кузнецком (28,2 %), Полысаеве (54,5 %), Междуреченске (30,7 %); транспорт – в Белове (21,9 %), Белогорске (25,6 %), Новокузнецке (19,5 %), Тайге (26 %); электроэнергетика – в Калтане (33,1 %); обеспечение безопасности – в Мариинске (32,6 %); сервис, оказание услуг населению – в Шерегеше (21,3 %).

Высокий удельный вес вакансий промышленности вызван, прежде всего, наличием развитого промышленного сектора в моногородах и созданием там рабочих мест в рамках приоритетного проекта «Комплексное развитие моногородов». Анализ профессионально-квалификационной структуры исследуемых вакансий в моногородах позволяет ранжировать потребность в работниках по уровню и профилю образования (рис.) [17].

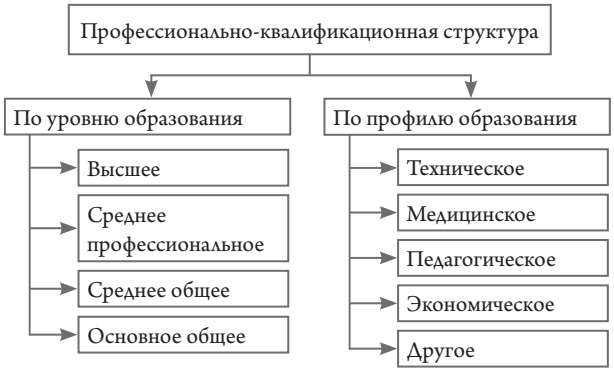

Рис. Профессионально-квалификационная структура

Fig. Vocational qualification structure

Образование как интеллектуальный ресурс является движущей силой современного общества. Оно создает потенциал развития населения и определяет пути его продвижения вперед [18]. Данные свидетельствуют о наибольшей востребованности специалистов со средним профессиональным образованием, т. к. его удельный вес составляет 51,31 %, на втором месте специалисты с высшим образованием – 23,23 %, далее работники со средним общим образованием (11 классов) – 17,24 %. Наименьшее количество открытых вакансий для работников с основным общим образованием (9 классов) – 8,22 %.

В моногородах Кемеровской области преобладает спрос на профессии технического профиля – 59,02 %. Высокий спрос на специалистов с медицинским образованием (17,09 %). Наименьшая доля вакансий приходится на педагогических работников (5,15 %) и на работников с экономическим образованием (1,11 %). Специалисты технического профильного образования в основном требуются для обслуживания электроэнергетики, транспортной и железнодорожной инфраструктуры.

Денежной компенсацией за труд в зависимости от квалификации работника является заработная плата. В большинстве случаев работодатели предлагают заработную плату в диапазоне от 14 тыс. руб. до 25 тыс. руб. (удельный вес вакансий – 59,69 %). Вакансии с заработной платой 25–36 тыс. руб. составляют 20,42 %. Удельный вес вакансий с заработной платой до 14 тыс. руб. – 11,73 %, в основном это вакансии на неполный рабочий день. Далее идут вакансии с зарплатой 36–47 тыс. руб. (5,61 %). Наименьшая доля рабочих мест с заработной платой свыше 47 тыс. руб. (2,55 %) – это вакансии на руководящие должности с высокой степенью ответственности.

[5] Реестр областей и видов профессиональной деятельности. Режим доступа: https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-oblastey-i-vidov-professionalnoy-deyatelnosti/ (дата обращения: 01.02.2019).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-350-359

Как уже отмечалось, особое место в перечне моногородов занимают муниципальные образования со статусом ТОСЭР. Рассмотрим основные позиции программ развития четырех кузбасских городов ТОСЭР и состояние открытых в них вакансий.

Анжеро-Судженск

В Анжеро-Судженске на 2020–2024 гг. запланированы следующие инвестиции в промышленность:

1) реализация проекта по производству широкоформатной фанеры;
2) строительство мясоперерабатывающего комбината;
3) разработка нового месторождения кварцитов.

Планируется возобновление функционирования Анжерского фанерного комбината, который находился на стадии банкротства на конкурсном производстве. В настоящее время завод выставлен на торги, ведутся работы по поиску инвесторов.

С момента присвоения городу статуса ТОСЭР в число его резидентов вошел ряд предприятий[6]. Деятельностью ООО «ЛесПромМакс» и ООО «Аверс-Лес-Инвест» является распиловка и строгание древесины. ООО «Анжеро-Судженский мелькомбинат» специализируется на производстве продуктов мукомольной и крупяной промышленности, ООО «Морион» – лекарственных препаратов и материалов, применяемых в медицинских целях, ООО «Мир» – прочей неметаллической минеральной продукции, не включенной в остальные группировки.

Из имеющихся вакансий больше всего приходится на промышленность – 33,5 %, строительство и ЖКХ – 23,5 %, сельское хозяйство, лесное хозяйство, охоту – 17 %. Низкие значения имеют следующие отрасли: транспорт – 7 %, электроэнергетика – 5 %, сервис, оказание услуг населению и здравоохранение – по 4 %, образование и административно-управленческая, офисная деятельность – по 2 %, связь, информационные и коммуникационные технологии и финансы и экономика – по 1 %.

Среди предприятий города вакансии распределились следующим образом. Доля открытых вакансий на предприятиях, созданных в рамках программы ТОСЭР, составляет 44,87 %: ООО «ЛесПромМакс» (33,33 %) и ООО «Аверс-Лес-Инвест» (11,54 %).

Уже существующие промышленные предприятия предлагают 55,13 % вакансий: ООО «Анжеромаш» (33,33 %), ООО «Молочная перерабатывающая компания» (2,56 %), ООО «Анжерские колбасы» (1,28 %), ООО «Сибирский колос» (12,82 %), ООО «Лесоперерабатывающая компания» (5,14 %). Градообразующее предприятие «Шахтоуправление Анжерское» ликвидировано6 ноября 2018 г., что объясняет отсутствие вакансий в отрасли добычи и переработки угля. Высокий удельный вес вакансий в этих областях обусловлен стратегией социально-экономического развития города, направленной на строительство жилья, развитие инфраструктуры, строительство нефтеперерабатывающего и лесопромышленного комплекса.

Для промышленности наиболее востребованы работники следующих профессий: инженер-технолог (9 вакансий), инженер-конструктор (6 вакансий), электрослесарь (слесарь) и дежурный по ремонту оборудования (8 вакансий).

Новокузнецк

Согласно инвестиционному паспорту города, одной из самых перспективных инвестиционных ниш Новокузнецка считается промышленность, а именно: производство строительных материалов, химическое, пищевое, текстильное и швейное производства.

Стратегия социально-экономического развития Новокузнецкого городского округа до 2035 г. направлена на развитие транспортной, коммуникационной и инженерной инфраструктур, совершенствование экологической системы города. Развитие транспортной инфраструктуры предполагает:

1) реконструкцию Абагуровского моста через р. Томь;
2) строительство моста через р. Кондому;
3) ремонт 18 участков автомобильных дорог города;
4) запуск новых видов городского транспорта (беспилотный транспорт, развитие водного и авиатранспорта) и т. д.

В рамках реализации стратегии социально-экономического развития планируется реализация проекта по производству синтетических газов ООО «ЭР Ликид Кузбасс», а также модернизация и развитие уже существующих производственных предприятий. В первую очередь это касается металлургических производств, т. к. требования к экологической безопасности пересматриваются и выходят на новый уровень – становятся более жесткими. К таким предприятиям относятся АО «ЕВРАЗ ЗСМК», АО «РУСАЛ Новокузнецк», АО «Органика», ПАО «Межрегиональная распределительная сетевая компания Сибири» – «Кузбассэнерго-РЭС», ООО «Сибирская горно-металлургическая компания», ООО «Антрацит», ООО «Горный инструмент».

В настоящее время в г. Новокузнецке в рамках ТОСЭР создано 23 предприятия, более половины из них – промышленные. В таблице 2 представлены промышленные предприятия – резиденты ТОСЭР г. Новокузнецка[7].

[6] Анжеро-Судженск // Инвестиционный портал Кузбасса. Режим доступа: https://keminvest.ru/ru/pages/589bdc3c77686f15082d0000 (дата обращения: 10.05.2019).

[7] Новокузнецк // Инвестиционный портал Кузбасса. Режим доступа: https://keminvest.ru/ru/pages/5c48370ebe33191997002c97 (дата обращения: 10.05.2019).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-350-359

Табл. 2. Предприятия – резиденты ТОСЭР Новокузнецка
Tab. 2. Resident enterprises of Novokuznetsk TASED

Предприятие	Описание деятельности
ООО «РудтехПродакшн»	Производство машин и оборудования для добычи полезных ископаемых и строительства
ООО «НПО Антрацит-Машиностроение»	
ООО «ТехноТРОН»	
ООО «Сибирский центр стекла»	Формирование и обработка листового стекла
ООО «Новокузнецкий стеклоперерабатывающий завод»	
ООО «СибГласс-Новокузнецк»	
ООО «ПромРадиатор-НК»	Производство радиаторов и котлов центрального отопления
ООО «Теплотрон»	
АО «Энергия Холдинг»	Производство электрического оборудования
ООО «ГРАНД»	Производство минеральных тепло- и звукоизоляционных материалов и изделий
ООО «Социальный партнер»	Обработка отходов резины
ООО «Сибирский Марлевый Комбинат»	Производство лекарственных препаратов и материалов, применяемых в медицинских целях
ООО «СпецТехЗавод»	Обработка металлов и нанесение покрытий на металлы
ООО «Монолит»	Производство товарного бетона
ООО «Сервисная угольная компания»	Производство электрической распределительной и регулирующей аппаратуры
ООО «Элисса»	Производство прочих изделий из гипса, бетона или цемента
ООО «Завод инновационного машиностроения»	Производство и ремонт инновационного горно-шахтного оборудования
ООО «Фабрика сладкого декора»	Производство жировых и сахаристых масс, сухих функциональных смесей для предприятий кондитерской промышленности

Наибольшая доля вакансий Новокузнецка приходится на промышленность и транспорт – по 19,5 % и здравоохранение – 12,5 %. Новокузнецк – один из железнодорожных узлов Кузбасса, поэтому требуются специалисты на железнодорожный транспорт. Высокий удельный вес здравоохранения вызван спросом на медсестер (284 вакансии). Сфера строительства и ЖКХ предоставляет 12,3 % вакансий, сервиса и оказания услуг населению – 9 %, обеспечения безопасности – 7 %, электроэнергетики – 5 %, образования, административно-управленческой и офисной деятельности, финансов и экономики – по 2 %. Градообразующими в Новокузнецке являются металлургические предприятия, однако доля вакансий в области металлургического производства занимает лишь 9,2 %, что говорит о занятости рабочих мест.

Доля вакансий предприятий, созданных в рамках программы ТОСЭР, составляет 22,63 %: АО «Энергия Холдинг» (22,35 %) и ООО «Теплотрон» (0,28 %). Уже существующие промышленные предприятия – 77,37 %: ПАО «Межрегиональная распределительная сетевая компания Сибири» – «Кузбассэнерго-РЭС» (4,47 %), АО «Кузнецкие ферросплавы» (27,93 %), АО «Органика» (13,41 %), АО «РУСАЛ Новокузнецк» (6,42 %), ООО «Горный инструмент» (5,87 %), ООО «СибПромМаш» (1,68 %), АО «Завод Универсал» (10,89 %), АО «ЕВРАЗ ЗСМК» (4,75 %), ООО «Завод строительных изделий» (1,96 %). Доля открытых вакансий предприятий, созданных в рамках программы ТОСЭР, в 3 раза ниже, чем доля уже существующих промышленных предприятий.

Юрга

Основной задачей инвестиционного и промышленного развития Юрги является разработка действенных механизмов по привлечению инвестиций в экономику города. За 2016–2018 гг. в рамках программы ТОСЭР зарегистрировано 4 предприятия – резидента г. Юрги[8]. Это ООО «Объединенная деревообрабатывающая Торгово-промышленная компания», занимающаяся производством фанеры, деревянных фанерованных панелей и аналогичных слоистых материалов, древесных плит из древесины и других одревесневших материалов; ООО «Текстильная фабрика "Сибирь"», производящая трикотажное и вязаное полотно, спецодежду и т. д.; ООО «Юргинская фабрика нетканых материалов», специализирующаяся на производстве нетканых текстильных материалов и изделий из них, кроме одежды; НАО «Томский машиностроительный завод», деятельностью которого является производство автотранспортных средств.

Открытые вакансии г. Юрги преобладают в областях здравоохранения – 27,5 %, промышленности – 24,3 %, сервиса – 8,2 %. Самыми востребованными профессиями являются медсестра (30 вакансий) и врач (66 вакансий).

[8] Юрга // Инвестиционный портал Кузбасса. Режим доступа: https://keminvest.ru/ru/pages/595f00a0be33190c3900000d (дата обращения: 10.05.2019).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-350-359

Менее востребованы работники области обеспечения безопасности – 8 %, электроэнергетики – 7 %, металлургического производства, финансов и экономики – по 6 %, образования – 5 %, строительства и ЖКХ и транспорта – по 4 %.

ООО «Юргинская фабрика нетканых материалов», созданная в рамках программы ТОСЭР, предлагает 1,82 % рабочих мест. Уже действующие промышленные предприятия дают 98,18 % вакансий: ООО «Юргинский машзавод» (54,92 %), ОАО «Юргинский гормолзавод» (2,46 %), ООО «Спецпром» (4,10 %), ООО «Агротех» (3,28 %), «Юргинский ферросплавный завод» (филиал АО «Кузнецкие ферросплавы») (34,43 %).

Таким образом, практически все вакансии представлены уже действующими предприятиями, в основном градообразующим предприятием – «Юргинским машзаводом». Доля вакансий на предприятиях – резидентах ТОСЭР незначительна, т. к. эти предприятия еще только начинают свою деятельность и не вышли на полную мощность. Например, НАО «Томский машиностроительный завод» стал резидентом Юрги в декабре 2018 г., но на полную мощность планирует выйти только к 2024 г. Предприятие будет выпускать экскаваторы Амфибия для работы в нефтеперерабатывающей и добывающей отрасли.

Прокопьевск

В целях развития промышленного комплекса Прокопьевска и создания условий для устойчивого роста экономического потенциала на территории города планируется реализовать различные инвестиционные проекты, продукция которых будет отличаться высокой конкурентоспособностью, удовлетворять рыночные потребности, способствовать импортозамещению. Проекты запланированы к осуществлению на 2017–2024 гг. В настоящее время в Прокопьевске в рамках программы ТОСЭР создано 3 предприятия-резидента: ООО «Трансинтермаш» (производство подъемно-транспортного оборудования), ООО «Прокопьевский литейно-механический завод» (литье стали) и ООО «Лего» (производство изделий из бетона для использования в строительстве)[9].

Градообразующее предприятие Прокопьевска – АО «СУЭК-Кузбасс». Вакансии в области добычи угля составляют лишь 3 %, что говорит о занятости рабочих мест. Больше всего вакансий представлено в здравоохранении – 41 %, транспорте – 21 % и промышленности – 12 %. Самыми востребованными являются профессии врача (188 вакансий) и медсестры (208 вакансий). Преимущественно требуются водители пассажирского транспорта и легковых автомобилей (142 вакансии), по 1/3 от вакансий требуется в Прокопьевское ГПАТП Кемеровской области и Управление вневедомственной охраны войск национальной гвардии России по Кемеровской области. Невысокий процент вакансий размещен работодателями сфер строительства и ЖКХ – 6 %, сервиса, оказания услуг населению – 5 %, образования и электроэнергетики – по 4 %. По 1 % рабочих мест имеется в области финансов и экономики, социального обслуживания, обеспечения безопасности и юриспруденции.

Вакансии промышленных предприятий Прокопьевска полностью представлены уже действующими промышленными предприятиями: ООО «ОМТ» (37,78 %), ООО «Металло-Механический Завод» (20 %), ООО «Электропром» (17,78 %), ООО «ТриТэкс» (11,11 %), ООО «Горэкс-Светотехника» (6,67 %), ООО «Инструмент» (3,33 %), ООО «Оливия» (3,33 %). Спрос на специалистов у предприятий, созданных в рамках программы ТОСЭР, отсутствует, т. к. проекты резидентов находятся на стадии осуществления.

Обобщенные результаты сравнения вакантных рабочих мест на предприятиях, созданных в рамках программы ТОСЭР, и уже действующих предприятиях приведены в таблице 3.

Табл. 3. Сравнение вакансий действующих предприятий, %

Tab. 3. Vacancies vs. residents of TASED, %

Удельный вес вакансий промышленных предприятий	Анжеро-Судженск	Новокузнецк	Юрга	Прокопьевск
Действующие предприятия	55,13	77,37	98,18	100,00
Предприятия – резиденты ТОСЭР	44,87	22,63	1,82	–

Предприятия, созданные в рамках программы ТОСЭР, размещают меньшее число вакансий, чем действующие промышленные предприятия. Это можно объяснить тем, что некоторые предприятия – резиденты ТОСЭР еще находятся на стадии строительства и не осуществляют подбор сотрудников. Реализация программы поддержки моногородов позволит создать дополнительные рабочие места.

Заключение

Наибольший дефицит персонала в моногородах Кемеровской области испытывает здравоохранение, что совпадает с официальными статистическими данными: Кемеровская область находится в списке регионов с дефицитом обеспеченности врачами (показатель 34,4 на 10 тыс. человек населения), тогда как обеспеченность врачами

[9] Прокопьевск // Инвестиционный портал Кузбасса. Режим доступа: https://keminvest.ru/ru/pages/5c496002be3319199d00368e (дата обращения: 10.05.2019).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-350-359

по России в 2018 г. составила 37,4 на 10 тыс. человек населения[10]. Это обусловлено низкой заработной платой в здравоохранении (предложение заработной платы на вакансию медсестры в среднем составляет 14664 руб.), а также нежеланием молодых специалистов распределяться в малые города. Фактором наличия большого количества вакансий врачей и медсестер можно назвать высокий коэффициент совместительства (в Новокузнецке он составляет 2,27). Зачастую участковые-терапевты и фельдшеры совмещают должности узких специалистов. В России врачи всех специализаций работают более чем на одну ставку (от 1,25 ставки), в среднем – на 1,45 ставки[11].

Второе место по числу открытых вакансий занимает сфера транспорта, где преобладают вакансии водителей в ГПАТП, водителей большегрузных автомобилей и железнодорожного транспорта. Кадровый дефицит в этой области профессиональной деятельности обусловлен низкой заработной платой и тяжелыми условиями труда. Водителям ГПАТП предлагают заработную плату в диапазоне 15–25 тыс. руб. Проблемам дефицита квалифицированных кадров транспортной отрасли, повышения престижа рабочих специальностей, создания механизма социальной защиты работников транспорта и смежных отраслей была посвящена VI Международная конференция «Кадровая политика», состоявшаяся в конце 2019 г. в Санкт-Петербурге. В ее работе приняли участие статс-секретарь заместитель министра транспорта РФ Сергей Аристов, представители Совета Федерации РФ, Государственной думы РФ, органов федеральной и региональной власти[12].

Открытые вакансии в промышленности отражают региональную специфику предприятий моногородов Кузбасса – добыча, переработка угля, руд и других полезных ископаемых. Отсутствие вакансий на градообразующих предприятиях большинства моногородов свидетельствует о занятости рабочих мест. Некоторые предприятия уже ликвидированы или находятся на стадии банкротства. В результате реализации программы поддержки моногородов были созданы дополнительные рабочие места, но доля их вакансий невелика.

Согласно исследованию профессионально-квалификационной структуры вакансий, предприятиям требуются специалисты со средним профессиональным образованием (51 % вакансий) с техническим профилем (59 % вакансий). От работников требуется высокая квалификация, специальные знания, умения и навыки, что свидетельствует о нехватке квалифицированных рабочих. Среди исследуемых вакансий были выбраны те, в которых промышленные предприятия испытывают наибольшую потребность. Составлен перечень топ-30 вакансий в промышленности:

1) битумщик;
2) вальцовщик;
3) взрывник;
4) газорезчик;
5) горномонтажник подземный;
6) горнорабочий очистного забоя;
7) горнорабочий подземный;
8) изготовитель блоков и панелей из кирпича;
9) инженер по бурению;
10) инженер-технолог;
11) комплектовщик панелей;
12) машинист буровой установки;
13) машинист горных выемочных машин;
14) машинист (кочегар) котельной;
15) машинист крана;
16) машинист насосных установок;
17) машинист установок обогащения и брикетирования;
18) обвальщик;
19) проходчик;
20) слесарь по сборке металлоконструкций;
21) слесарь-ремонтник промышленного оборудования;
22) слесарь-ремонтник;
23) слесарь механосборочных работ;
24) станочник деревообрабатывающих станков;
25) токарь;
26) формовщик изделий, конструкций и строительных материалов;
27) фрезеровщик;
28) электрогазосварщик;
29) электросварщик ручной сварки;
30) электрослесарь подземный.

Моногорода являются индикатором проблем современной российской экономики, показывая кадровый голод в сфере здравоохранения и транспорта, монопрофильную занятость населения. Основная доля вакансий промышленных предприятий приходится на профессии, связанные с тяжелым физическим трудом, вредными или опасными условиями производства. В сложившейся ситуации предприятиям моногородов по-прежнему требуются государственные меры поддержки для модернизации производства и решения кадровых проблем.

[10] Обеспеченность врачами (всего) в 2018 году // Национальный медицинский исследовательский центр терапии и профилактической медицины. Режим доступа: https://org.gnicpm.ru/obespechennost-vrachami-vsego-v-2018-godu (дата обращения: 01.03.2020).

[11] Результаты исследования зарплаты врачей государственных медучреждений России // Врачи РФ. 01.12.2017. Режим доступа: https://vrachirf.ru/company-announce-single/40047 (дата обращения: 14.03.2020).

[12] Кадровый дефицит // Транспорт России. 31.01.2014. Режим доступа: http://transportrussia.ru/item/2004-kadrovyj-defitsit.html (дата обращения: 14.03.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-350-359

Литература

1. Азиева Р. Х. Теоретический анализ рынка труда: сущность и особенности // Sciences of Europe. 2018. № 29-1. С. 21–23.
2. Губарь О. В. Ринок праці України: реалії, проблеми і перспективи розвитку // International Journal of Innovative Technologies in Economy. 2018. Т. 1. № 5. С. 36–39. DOI: 10.31435/rsglobal_ijite/01062018/5657
3. Орцханова М. А., Полонкоева Ф. Я., Китиева М. И. Современный рынок труда России: анализ и особенности развития // Colloquium-journal. 2019. № 3-7. С. 17–19.
4. Чупанова Х. А. Причины безработицы на современном рынке труда и пути ее преодоления // Вестник РМАТ. 2018. № 4. С. 42–44.
5. Žofčinová V., Hrabovská Z. Problems of unemployment through the employment policy in the labour market: the case of the Slovak Republic and the Czech Republic // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 5. С. 103–119. DOI: 10.17323/1999-5431-2019-0-5-103-119
6. Аллахверанов Э. И. Проблема безработицы // Colloquium-journal. 2019. № 18-6. С. 5–6. DOI: 10.24411/2520-6990-2019-10602
7. Сардарян А. Р., Петроченко А. А. Современное состояние и проблемы рынка труда в странах ЕАЭС // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18. № 1. С. 19–27. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-1-19-27
8. Хомидов К. К. Socioeconomic characteristics of employment in Uzbekistan // Инновационная наука. 2019. № 7-8. С. 64–66.
9. Лысковская Н. С., Кирюхина А. Н. Тенденции развития моногородов на примере Кемеровской области // Пищевые инновации в биотехнологии: сб. тез. VI Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Кемерово, 16 мая 2018 г.) Кемерово, 2018. С. 344–345.
10. Пятшева Е. Н. Особенности функционирования моногородов России // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 2. С. 18–34. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-2-18-34
11. Улицкая Н. Ю., Акимова М. С., Кокорева Т. П. Территория опережающего социально-экономического развития как фактор развития территории и привлекательности для резидента // Стратегии бизнеса. 2017. № 10. С. 12–16.
12. Макарова Е. А., Кирюхина А. Н. Инвестиционный потенциал туристской привлекательности Шерегеша // Пищевые инновации в биотехнологии: сб. тез. VI Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. (Кемерово, 16 мая 2018 г.) Кемерово, 2018. С. 346–347.
13. Иванова О. П., Антонов Г. Д. ТОСЭР в моногородах // ЭКО. 2017. № 3. С. 120–133.
14. Faberman R. J., Kudlyak M. What does online job search tell us about the labor market? // Economic Perspectives. 2016. № 1. P. 1–15.
15. Зеркалий Н. Г. Перспективные области проведения первичных исследований потребителей в интернет-среде // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2016. № 3. С. 36–40.
16. Серебряков Е. В., Пьянкова Л. А. Дисбаланс между спросом и предложением рабочей силы в Кемеровской области в 2018 году // Символ науки. 2019. № 1. С. 125–127.
17. Нанавян А. М. Структура населения по уровню образования и насыщенность отраслей экономики кадрами // Экономическая наука современной России. 2016. № 2. С. 68–77.
18. Kasradze T., Zarnadze N. Enhancing workforce competitiveness through improving quality of education – an indispensable means for overcoming poverty // International Journal of Innovative Technologies in Economy. 2018. Vol. 1. № 5. P. 19–21. DOI: 10.31435/rsglobal_ijite/01062018/5654

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-350-359

original article

Labor Demand on the Labor Market of Single-Industry Towns in Kuzbass*

Anzhelika N. Kiryukhina [a, @, ID]; Olga K. Kobzeva [a]; Daria V. Akeleva [a]
[a] Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
[@] oop.vo.ef@gmail.com
[ID] https://orcid.org/0000-0001-8605-1332

Received 15.03.2020. Accepted 22.05.2020.

Abstract: The state of employment on regional labor markets determines the economic development of the region. The present research owes its relevance to the problem of creating jobs on the Kuzbass labor market. The study involved data on vacancies offered in 24 local single-industry towns and posted on the website of the Department of Labor and Employment of the Kemerovo Region. The vacancies were grouped according to the register of spheres and types of professional activity. The professional qualification structure of the open vacancies was classified by the level and profile of education. A separate study was conducted for single-industry towns that possess the status of the territory of advanced social and economic development. The authors compared the open vacancies in these towns with the corresponding municipal development programs. The research objective was to identify areas of professional activity with the greatest shortage of personnel in Kuzbass single-industry towns. Enterprises in the region appeared understaffed with technical specialists with secondary vocational education. Most open vacancies were in the spheres of healthcare, transport, and industry. The study revealed a need to increase the prestige of qualified workers. The results can improve the efficiency of the employment service and educational institutions.

Keywords: vacancies, Kemerovo region, vocational qualification structure, employment, unemployment, Internet sources, job search sites

For citation: Kirukhina A. N., Kobzeva O. K., Akeleva D. V. Labor Demand on the Labor Market of Single-Industry Towns in Kuzbass. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(3): 350–359. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-350-359

References

1. Azieva R. H. Theoretical analysis of the labor market: the essence and features. *Sciences of Europe*, 2018, (29-1): 21–23. (In Russ.)
2. Gubar O. V. The labor market of Ukraine: realities, problems, and prospects of development. *International Journal of Innovative Technologies in Economy,* 2018, 1(5): 36–39. (In Ukr.) DOI: 10.31435/rsglobal_ijite/01062018/5657
3. Orskhanova M. A., Polonkoeva F. Ya., Kitieva M. I. Modern labor market in Russia: analysis and characteristics of development. *Colloquium-journal*, 2019, (3-7): 17–19. (In Russ.)
4. Chupanova Kh. A. Reasons for unemployment on the job market today and ways out. *Vestnik RMAT*, 2018, (4): 42–44. (In Russ.)
5. Žofčinová V., Hrabovská Z. Problems of unemployment through the employment policy in the labour market: the case of the Slovak Republic and the Czech Republic. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniia*, 2019, (5): 103–119. DOI: 10.17323/1999-5431-2019-0-5-103-119
6. Allakhveranov E. I. The problem of unemployment. *Colloquium-journal*, 2019, (18-6): 5–6. (In Russ.) DOI: 10.24411/2520-6990-2019-10602
7. Sardaryan A. R., Petrochenko A. A. The current state and problems of the labor market in the EAEC countries. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law,* 2018, 18(1): 19–27. (In Russ.) DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-1-19-27
8. Khomidov K. K. Socioeconomic characteristics of employment in Uzbekistan. *Innovatsionnaia nauka*, 2019, (7-8): 64–66.
9. Lyskovskaia N. S., Kiryukhina A. N. Tendencies of development of single-industry towns based on the case of the Kemerovo region. *Food innovations in biotechnology:* Proc. VI Intern. Sci. Conf. students, postgraduates, and young scientists, Kemerovo, May 16, 2018. Kemerovo, 2018, 344–345. (In Russ.)
10. Pyatsheva E. N. The functioning features of single-industry towns in Russia. *RGGU/RSUH Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, 2019, (2): 18–34. (In Russ.) DOI: 10.28995/2073-6304-2019-2-18-34
11. Ulitskaya N. Yu., Akimova M. S., Kokoreva T. P. The territory of advancing socio-economic development as a factor of development of the territory and attractions for the resident. *Strategii biznesa*, 2017, (10): 12–16. (In Russ.)

* The article was written for the III All-Russian Scientific and Practical Conference "Management of organizations in the modern economy" dedicated to the 300th Anniversary of Kuzbass Exploration, topic: Digital Management Transformation.

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-350-359

12. Makarova E. A., Kiryukhina A. N. Investment potential of tourist attractions in Sheregesh. *Food innovations in biotechnology*: Proc. VI Intern. Sci. Conf. students, postgraduates, and young scientists, Kemerovo, May 16, 2018. Kemerovo, 2018, 346–347. (In Russ.)
13. Ivanova O. P., Antonov G. D. Priority social and economic development areas in factory-based towns. *ECO*, 2017, (3): 120–133. (In Russ.)
14. Faberman R. J., Kudlyak M. What does online job search tell us about the labor market? *Economic Perspectives*, 2016, (1): 1–15.
15. Zerkaliy N. G. High-potential fields of primary consumer research in the Internet. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informacionnyh tekhnologij*, 2016, (3): 36–40. (In Russ.)
16. Serebriakov E. V., Pyankova L. A. Imbalance between demand and supply of labor in the Kemerovo region in 2018. *Simvol nauki*, 2019, (1): 125–127. (In Russ.)
17. Nanavyan A. M. Structure of population by level of education and saturate of branches of economy by personnel. *Economic science of contemporary Russia*, 2016, (2): 68–77. (In Russ.)
18. Kasradze T., Zarnadze N. Enhancing workforce competitiveness through improving quality of education – an indispensable means for overcoming poverty. *International Journal of Innovative Technologies in Economy*, 2018, 1(5): 19–21. DOI: 10.31435/rsglobal_ijite/01062018/5654

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-360-367

оригинальная статья
УДК 33+378.14

Роль практико-ориентированных технологий в образовательном процессе как основа экономического развития общества

Юлия С. Климашина [a, @]; Вера В. Шипунова [a]; Людмила Н. Сабанова [a]
[a] Сибирский государственный индустриальный университет, Россия, г. Новокузнецк
[@] positivism@rambler.ru

Поступила в редакцию 27.04.2020. Принята к печати 20.06.2020.

Аннотация: Цель – на основе анализа российского и зарубежного опыта использования различных методов активного обучения определить основной вектор развития образования, направленный на устойчивое взаимодействие реального сектора экономики и государства в образовательном процессе для повышения качества образования. Современная цифровая образовательная среда в высшей школе должна быть нацелена на создание условий всестороннего развития и формирование широких возможностей для качественной подготовки обучающихся с использованием современных практико-ориентированных технологий. Сегодня общество требует от образования сохранения его фундаментальности, вместе с тем реформы в этой сфере постоянно вносят коррективы в содержательную часть, что проявляется в сокращении аудиторных часов и увеличении объема самостоятельной работы. Рассмотрены основные проблемы и перспективы подготовки кадров в системе высшего образования и формирования необходимых компетенций всех участников образовательного процесса с целью устойчивого экономического развития общества в условиях глобальной цифровизации. Авторским коллективом разработан и описан механизм взаимодействия участников интегрированной системы *наука – бизнес – производство – государство – общество* в образовательном процессе с использованием практико-ориентированных технологий для повышения конкурентоспособности выпускников вузов на рынке труда и качества образования. Применение данного механизма в учебных заведениях на практике будет способствовать повышению вовлеченности обучающихся в учебный процесс, а также позволит отвечать современным реалиям изменения общества, основной приоритет которого – адаптация к быстро меняющимся условиям труда.

Ключевые слова: глобализация экономики, непрерывное образование, цифровизация высшего образования, управление процессом обучения, активное обучение

Для цитирования: Климашина Ю. С., Шипунова В. В., Сабанова Л. Н. Роль практико-ориентированных технологий в образовательном процессе как основа экономического развития общества // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 3. С. 360–367. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-360-367

Введение

Основу написания статьи составили работы, обобщающие опыт интегративных процессов в системе образования. В работах Г. М. Романцева, Е. М. Дорожкина, И. В. Осиповой, О. В. Тарасюк [1], И. П. Смирнова, В. А. Полякова, Е. В. Ткаченко [2] лежит идея о тесной взаимосвязи науки, бизнеса, производства и общества в целом. Основные направления интеграции профессионального и общего образования выделены в работах М. Н. Берулавы [3], Н. А. Рыбакиной [4], О. И. Поповой [5]. Особенности развития и обучения нового информационного общества были рассмотрены в работах отечественных (Л. М. Куприяновой и О. Н. Ефимовой [6], Е. В. Митягиной и Н. С. Долгополовой [7]) и зарубежных (F. Pucciarelli и A. Kaplan [8], S. Shin, T. A. Brush и J. W. Saye [9], M. Farashahi и M. Tajeddin [10], I. Han, M. Eom и W. S. Shin [11], J. Almeida, A. D. Daniel и C. Figueiredo [12], A. Toffler [13], A. Avramenko [14], R. C. Zelin [15], J. M. F. Mendoza, A. Gallego-Schmid и A. Azapagic [16]) авторов.

Изменения, методично осуществляемые в высшей школе посредством проводимых реформ[1], обусловливают необходимость пересмотра теоретических и методологических основ всей системы управления образовательным процессом за счет внедрения инноваций и практико-ориентированных технологий. Система высшего образования продуктивна только тогда, когда применение инноваций в образовательном процессе заключается не только в использовании различных программных продуктов (1С Предприятие, Клиент-Банк, ИНЭК-Аналитик и др.) на практических и лабораторных занятиях, но и в выстраивании тесных взаимосвязей с работодателями, государством и обществом [2–4]. Это необходимо учитывать уже на начальных этапах при формировании основной образовательной программы как комплексного норма-

[1] Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 38.03.01 Экономика (уровень бакалавриата). Приказ Минобрнауки РФ от 12.11.2015 № 1327 // СПС КонсультантПлюс; Об использовании дистанционных образовательных технологий. Приказ Минобрнауки РФ от 06.05.2005 № 137 // СПС КонсультантПлюс.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-360-367

тивного документа высшего образования, который регламентирует не только цели, задачи, процесс обучения, но и, самое главное, результат деятельности образовательного учреждения через набор знаний, умений и навыков обучающихся, полученных на выходе.

Проблемой современного высшего образования является слабая адаптация образовательных программ к задачам подготовки специалистов к рабочему процессу непосредственно на производстве или в офисе. В число объективных причин, по которым вузы выпускают специалистов «вчерашнего дня», входит постоянное отставание учебного процесса от реалий общественной жизни. В этой связи представляется неизбежной модернизация высшего образования с целью повышения качества обучения, увеличения доступности образования, обеспечения гармоничного развития отдельной личности и информационного общества в целом. Вузы должны быть готовы к тому, что пришло новое поколение абитуриентов и что необходимо в корне менять способы и методы преподавания профильных дисциплин через активное использование практико-ориентированных технологий в учебном процессе с учетом особенностей и потребностей общества и рынка труда [12; 14].

Такие структуры, как производство и бизнес, уже давно хотят получить выпускника – специалиста-практика, готового незамедлительно приступить к выполнению своих трудовых обязанностей, без дополнительных затрат на его обучение. Эту проблему можно и нужно нивелировать за счет активного включения в учебный процесс представителей различных структур от государственных органов до реального сектора экономики. Этому способствует решение практико-ориентированных кейсов [17; 18], проведение семинаров и мастер-классов представителями тех структур, в которые планируют поступать выпускники вузов.

Методы и материалы. Теоретической базой исследования послужила научная и учебная литература, отражающая российский и международный опыт использования в образовательном процессе практико-ориентированных технологий и выстраивания взаимосвязей между вузами, обществом, производством и бизнесом [4; 8; 12; 14; 17–20]. При изучении достоинств и недостатков, возможностей применения практико-ориентированных технологий в образовательном процессе в условиях глобализации экономики использовались методы сравнительного анализа и синтеза для выявления закономерностей развития отдельных видов технологий и причинно-следственных связей между ними. При постановке цели и задач авторским коллективом был использован абстрактно-логический метод, в процессе проведения дискуссии применялись эвристические и логические методы.

Результаты

В эпоху цифровизации перед вузами встала серьезная проблема: как в таких условиях работать с обучающимися. Темп поступления информации[2] [21] из разных источников такой, что для ее усвоения современным обучающимся детали не нужны, нужна общая картинка, т. н. клиповое мышление [7], которое позволяет усваивать большой объем информации, не зацикливаясь на деталях, а воспринимая только общую мысль. Визуализация информации с помощью картинок и видео ускоряет ее обработку [18]. Фильмы, мультфильмы, сериалы, рекламные ролики, новости и даже компьютерные игры показывают сцены маленькими блоками, которые часто сменяют друг друга без логической связи. Все это приводит к фрагментарному восприятию информации: еще не усвоив одну тему, современный человек переключается на другую [22]. Такое восприятие позволяет повысить скорость обработки и фильтрации информации без перегрузки мозга, однако оно не позволяет современным обучающимся анализировать ситуацию, проводить взаимосвязи, структурировать и строить мысли в логичном порядке. Необходимо отметить, что у современных обучающихся утрачивается способность аналитического и критического мышления [13]. Вышеописанные особенности восприятия информации молодым поколением ставят перед высшими образовательными учреждениями задачу перевода системы образования на качественно новый уровень.

Традиционные методы преподавания и донесения информации до обучающихся не работают и не позволяют им усваивать знания. Они направлены на другой тип мышления – системный, который был характерен студентам до формирования информационного общества [6]. К традиционным методам обучения в вузе относятся чтение лекций, проведение дискуссионных семинаров и практических занятий, проведение лабораторных работ. Как правило, эти методы подразумевают монотонное и последовательное изложение материала, позволяющее прийти к какому-то заключению. Но поскольку у обучающихся с клиповым мышлением восприятие информации происходит фрагментарно и визуально, без анализа, на занятиях они не могут ее воспринять.

На основании из вышесказанного нами сделан вывод о необходимости менять методы и способы преподавания и донесения информации до современных обучающихся согласно требованиям нового информационного общества. Современное образование требует введения активных методов обучения [9; 15; 23].

Современное образование нуждается в модернизации путем пересмотра теоретических и методологических основ процесса обучения для обеспечения устойчивого экономического развития общества. Сегодня выпускники

[2] How much information? 2003. Режим доступа: https://groups.ischool.berkeley.edu/archive/how-much-info-2003/ (дата обращения: 05.04.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-360-367

вузов, чтобы быть успешно трудоустроенными, должны обладать не только профессиональными и общекультурными компетенциями, но и бизнес-компетенциями, такими как способность предлагать и разрабатывать бизнес-идеи, находить нетрадиционные решения и оценивать текущую ситуацию, предлагать релевантные решения [10; 11; 16]. На сегодняшний день свобода самовыражения и выбора образовательной траектории обучающихся является приоритетной в выборе учебного заведения. Определение степени вовлеченности и предоставление возможности конструирования собственного образования в зависимости от потребностей специальности для индивидуальной и творческой самореализации обучающихся – задача, стоящая перед высшим образованием.

Одним из наиболее приоритетных направлений развития высшего образования видится использование практико-ориентированных технологий в образовательном процессе, т. е. гармоничное сочетание теоретических знаний в решении практических вопросов с применением интегрированной системы *наука – бизнес – производство – государство – общество* в образовательной траектории [2–4; 12; 14].

Среди задач, стоящих перед высшей школой, более приоритетной, по мнению авторского коллектива, является задача формирования у обучающихся позитивной устойчивой мотивации к учебной деятельности, такой, которая вдохновляла бы их на упорную систематическую учебную работу. Бесспорно, без этой мотивации деятельность обучающегося становится нерезультативной, и, как следствие, выпускник не востребован на рынке труда.

Практико-ориентированные технологии – это специальный набор методов, позволяющий осуществлять целенаправленный процесс освоения обучающимся образовательной программы через формирование у него навыков практической деятельности за счет выполнения реальных задач. Применение практико-ориентированных технологий в образовательном процессе следует рассматривать как необходимое условие интеллектуального, творческого и нравственного развития обучающегося. Основные характеристики таких технологий – диагностичность целей обучения и обязательная итоговая рефлексия преподавателей и обучающихся. Четкой границы между методами и технологиями обучения не существует, однако следует отметить, что понятие *технология* более широкое, оно включает в себя совокупность всех методов для достижения наилучшего результата. К числу наиболее часто применяемых в высшей школе технологий можно отнести метод кейсов, деловые и ролевые игры, метод проектов, тренинги, метод иллюстраций и др.

В основу отбора практико-ориентированных технологий из большого числа существующих авторским коллективом были положены два основных критерия: во-первых, повышение эффективности усвоения учебного материала; во-вторых, повышение интереса к процессу обучения. Наряду с остальными, ни в коей мере не приуменьшая роль других, выделим виды практико-ориентированных технологий [9; 10; 18], которые, на наш взгляд, обязательно должны быть включены в образовательный процесс.

Деловая игра должна использоваться в учебном процессе в большей степени в исследовательских целях. Именно посредством деловых игр происходит диагностика индивидуальных качеств обучающихся и выработка механизма организации процесса принятия ими решений. Такая деятельность успешно объединяет в себе несколько методов активного обучения: экспертный, аналитический, экспериментальный, синхронного и диахронного анализа и др. Цель деловой игры в большей мере, нежели цель практического или лабораторного задания в традиционном виде, соответствует реальным потребностям обучающихся, имитируя ситуацию на производстве, в коллективе.

Деловая игра, несомненно, сглаживает присущую многим учебным курсам междисциплинарность и условность учебного предмета в сравнении с реальностью профессиональной деятельности. Она служит основой для принятия релевантных решений и дает возможность их оригинальной трактовки, помогает осмыслить полученные результаты, поскольку есть возможность увидеть последствия и реальный результат принятых решений, протестировать альтернативные решения.

Использование ***кейс-технологии*** как технологии профессионально-ориентированного обучения в высшей школе представляет собой сложный процесс, плохо поддающийся какому-либо описанию и тем более алгоритмизации. По своей природе она интерактивна, т. к. изначально вводит обучаемых в субъект-субъектные отношения, предоставляя широкую возможность проявить активность, инициативу, самостоятельность [10; 16]. Данная технология в большей степени влияет на повышение уровня вовлеченности обучающихся в образовательный процесс, формируя их интерес и профильную мотивацию посредством погружения участников образовательного процесса в компетентностное обучение.

Бизнес-кейсы приобретают все большую значимость в учебном процессе ведущих вузов [9; 16]. Если образование в целом – это «долгосрочная инвестиция», то от бизнес-образования (которое уже сегодня становится главным конкурентом высшего образования) ждут достаточно быстрых и, главное, измеримых результатов в течение одного-двух лет. Реальный сектор экономики уже не смотрит на оценки в дипломе выпускника, ему необходимо понимать, какими знаниями, умениями и навыками обладает претендент на работу. Для многих компаний становится нормой оплачивать работникам дорогостоящие курсы в бизнес-образовании, где обучение проходит в 90 % случаев на основе использования бизнес-кейсов. Компании понимают, что они вкладывают деньги в свое будущее, повышая производительность труда работников, а те замотивированы пониманием, как повысится уровень их заработной платы после

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-360-367

окончания таких курсов и получения аттестата. Это новый тренд, который высшая школа не должна упускать из поля зрения. Необходимо включать в образовательные программы проведение бизнес-семинаров и решение бизнес-кейсов, обязательно приводя доказательства в виде цифр и конкретной статистики того, к каким результатам приводит данная практико-ориентированная технология с помощью мониторинга потребностей рынка труда в специалистах.

В ближайшее время бизнес-образование расширит свои границы и перестанет быть атрибутом исключительно предпринимателей и менеджеров высшего звена, постепенно встраиваясь в образовательный процесс высшей школы. В условиях жесткой конкуренции и политики укрупнения вузов, проводимой государством, закрытия филиалов и представительств «выживет» тот, кто быстрее выйдет на этот вектор развития. Бизнес-технологии позволяют моделировать организационные процессы, доказывая обществу, что практико-ориентированные технологии уже вышли на один уровень с привычными финансовой грамотностью и IT-технологиями.

Главная задача ***бизнес-симуляции*** состоит в решении ряда взаимосвязанных проблем для достижения определенного результата [10]. Бизнес-симуляция позволяет каждому обучающемуся попробовать себя в определенной деловой роли и оценить эффективность принятых экономических, производственных и управленческих решений. Компьютерные бизнес-симуляторы дают возможность использовать особенности клипового мышления, т. к. сделаны в виде компьютерной игры. Вместе с тем они развивают аналитическое и системное мышление, учат критически оценивать ситуацию, т. е. развивают те навыки, которых не хватает современным обучающимся.

В идеале, отвечая реалиям современного мира, преподаватель высшей школы должен все больше и больше не просто транслировать академические знания, а иллюстрировать их применение на реальных бизнес-кейсах, кейс-технологиях, бизнес-симуляциях и пр., создавая новые знания под конкретные запросы, требующие релевантных решений. Рассматривая систему профессионального образования в контексте взаимодействия с обществом и бизнесом, следует понимать образование как отрасль, результаты деятельности которой возможно оценить только в перспективе, а эффект, который получает человек и общество, трудно количественно оценить напрямую.

В основу предлагаемого механизма взаимодействия участников образовательного процесса заложена взаимосвязь государства, бизнеса, работодателей, преподавателей и выпускников для налаживания тесных деловых контактов не только во время обучения, но и по его завершении. Результатом исследования является разработанный авторами механизм взаимодействия участников интегрированной системы в образовательном процессе с активным применением практико-ориентированных технологий, состоящий из трех этапов (рис.).

Рис. Механизм коллаборации участников интегрированной системы в образовательном процессе

Fig. Collaboration mechanism for participants of the integrated system in the educational process

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-360-367

1 этап. Чтобы высшее образование отвечало потребностям современного общества, необходимо начать с пересмотра теоретической и методологической основы процесса обучения в высшей школе. Создание открытого информационного образовательного пространства должно стать первым шагом на пути к формированию общей интегрированной системы. Существуют различные площадки, такие как *Zoom* и *Moodle*, но они не способны выдержать большое количество пользователей одномоментно. Внедрение и широкое использование в учебном процессе практико-ориентированных технологий требует от вуза не только подготовки материально-технической базы, но и порой серьезной переподготовки кадрового состава многих кафедр вуза [24].

2 этап. Создание интегрированной системы взаимодействия невозможно без четко выработанной взаимосвязи реального сектора экономики, бизнеса и высшей школы. Вузы должны готовить специалистов по запросам производства, бизнеса и государства. В свою очередь реальный сектор экономики должен оперативно передавать информацию об изменениях в потребностях, происходящих на рынке труда. Высшей школе не стоит оставлять в стороне проблему повышения квалификации. Институты дополнительного образования на сегодняшний день существуют в каждом вузе страны. От организации и проведения занятий на курсах повышения квалификации требуют получение полного спектра необходимой информации в сфере новейших научных достижений, а также передового зарубежного и отечественного опыта по какому-либо профилю. Но, к сожалению, на практике данные курсы порой проводятся весьма формально. Если бы они были практико-ориентированными с использованием кейс и (или) «стади»(*study*) методов, т. е. основанными на имитации проблем, встречающихся в повседневной работе преподавателей, эффективность их проведения и получения бизнес-компетенций была бы в разы выше.

Привлечение специалистов-практиков, несмотря на безусловное повышение качества образования, – очень сложная задача, стоящая перед высшей школой. Во многом это связано с отсутствием у представителей бизнеса мотивации участвовать в образовательном процессе в качестве преподавателей (низкая заработная плата, обязательная повседневная методическая работа, желательное наличие степени и звания). Нельзя не рассмотреть и другую сторону привлечения практиков к образовательному процессу: зачастую для людей бизнеса прочесть семестровый курс – очень сложная задача, требующая много сил и времени, ведь нужно не только знать материал, но и уметь его структурировать и представить обучающимся таким образом, чтобы их заинтересовать. Использование передовых практико-ориентированных технологий опять же максимально сгладит этот процесс.

3 этап. Несомненно, любые предлагаемые для внедрения в учебный процесс механизмы должны нести позитивные изменения для высшего образования в целом. Повышение уровня вовлеченности в образовательный процесс нынешнего поколения обучающихся – одна из главных задач современного образования наравне с повышением качества образования и усилением конкурентоспособности выпускников вузов на рынке труда.

Основу механизма взаимодействия представляет вуз как открытая система. Развитие сбалансированного рынка труда, достигнутое путем согласования интересов и потребностей работодателей и образовательных учреждений, повлечет за собой развитие экономики, рост конкурентоспособности региона и страны, что приведет к реализации социальных целей образовательной деятельности.

Заключение

Перед высшей школой стоит серьезный выбор в построении образовательной траектории: что она должна обеспечить сегодня – узкую специализацию или широкий набор компетенций будущих выпускников. В эпоху цифровизации образование не будет прежним. Новые информационные технологии активно внедряются в обучение, что делает эти процессы взаимозависимыми [25]. По мнению авторов статьи, наиболее оптимальным выходом из сложившейся ситуации является закрепление функции чтения лекций на потоке за преподавателями-теоретиками, а проведение деловых игр, бизнес-кейсов на практических занятиях за представителями бизнеса, что соответствует всем формальным требованиям работы в образовательном учреждении.

Положительная реакция от обучающихся в условиях цифровизации экономики будет проявляться сразу, т. к. современному поколению всегда интересно общение с носителями знаний о реальной жизни, в которую им предстоит войти [25]. Следовательно, повысится не только интерес обучающихся к образовательному процессу, но и их конкурентоспособность и востребованность на рынке труда посредством приобретения в вузе необходимых и достаточных бизнес-компетенций.

Литература

1. Романцев Г. М., Дорожкин Е. М., Осипова И. В., Тарасюк О. В. Опережающее развитие профессионально-педагогического образования как фактор обеспечения национальной безопасности России // Социально-профессиональная мобильность в XXI веке: сб. мат-лов и докл. Междунар. конф. (Екатеринбург, 29–30 мая 2014 г.) Екатеринбург, 2014. С. 43–51.
2. Смирнов И. П., Поляков В. А., Ткаченко Е. В. Новые принципы организации начального профессионального образования. М.: Аспект, 2004. 31 с.
3. Берулава М. Н. Интеграция содержания образования. М.: Совершенство, 1998. 192 с.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-360-367

4. Рыбакина Н. А. Интеграция общего и профессионального образования в контексте парадигмы непрерывного образования // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2013. Т. 9. № 5-2. С. 106–108.
5. Попова О. И. Трансформация высшего образования в условиях цифровой экономики // Вопросы управления. 2018. № 5. С. 158–160.
6. Куприянова Л. М., Ефимова О. Н. Информационное общество: современный этап развития новой экономики // Мир новой экономики. 2014. № 3. С. 71–85.
7. Митягина Е. В., Долгополова Н. С. «Клиповое сознание» молодежи в современном информационном обществе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2009. № 3. С. 53–59.
8. Pucciarelli F., Kaplan A. Competition and strategy in higher education: managing complexity and uncertainty // Business Horizons. 2016. Vol. 59. № 3. P. 311–320. DOI: 10.1016/j.bushor.2016.01.003
9. Shin S., Brush T. A., Saye J. W. Using technology-enhanced cases in teacher education: an exploratory study in a social studies methods course // Teaching and Teacher Education. 2019. Vol. 78. P. 151–164. DOI: 10.1016/j.tate.2018.11.018
10. Farashahi M., Tajeddin M. Effectiveness of teaching methods in business education: a comparison study on the learning outcomes of lectures, case studies and simulations // The International Journal of Management Education. 2018. Vol. 16. № 1. P. 131–142. DOI: 10.1016/j.ijme.2018.01.003
11. Han I., Eom M., Shin W. S. Multimedia case-based learning to enhance pre-service teachers' knowledge integration for teaching with technologies // Teaching and Teacher Education. 2013. Vol. 34. P. 122–129. DOI: 10.1016/j.tate.2013.03.006
12. Almeida J., Daniel A. D., Figueiredo C. The future of management education: the role of entrepreneurship education and junior enterprises // The International Journal of Management Education. 2019. DOI: 10.1016/j.ijme.2019.100318
13. Toffler A. The third wave. N. Y.: William Morrow and Company, 1980. 544 p.
14. Avramenko A. Enhancing students' employability through business simulation // Education + Training. 2012. Vol. 54. № 5. P. 355–367. DOI: 10.1108/00400911211244669
15. Zelin R. C. An exploration of the effectiveness of an audit simulation tool in a classroom setting // American Journal of Business Education. 2010. Vol. 3. № 9. P. 7–12. DOI: 10.19030/ajbe.v3i9.474
16. Mendoza J. M. F., Gallego-Schmid A., Azapagic A. Building a business case for implementation of a circular economy in higher education institutions // Journal of Cleaner Production. 2019. Vol. 220. P. 553–567. DOI: 10.1016/j.jclepro.2019.02.045
17. Syrotyuk S. D., Nguyen P. T., Lydia E. L., Hashim W., Shankar K., Maseleno A. Implementing a practice-oriented learning principle in a higher school // Religacion – Revista De Cienncias Sociales y Humanidades. 2019. Vol. 4. № 18. P. 601–607.
18. Margarov G., Mitrofanova E., Konovalova V., Mitrofanova A., Trubitsyn K. Effectiveness of implementing practice-oriented higher education programs based on stakeholders feedback // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: Proc. Intern. Conf. on Research Paradigms Transformation in Social Sciences (Tomsk, May 18–21, 2017). Tomsk, 2017. Vol. 35. P. 906–914. DOI: 10.15405/epsbs.2018.02.107
19. Dale E. Audiovisual methods in teaching. N. Y.: Dryden Press, 1969. 719 p.
20. Bylieva D., Lobatyuk V., Safonova A., Rubtsova A. Correlation between the practical aspect of the course and the E-learning progress // Education Sciences. 2019. Vol. 9. № 3. DOI: 10.3390/educsci9030167
21. Reinsel D., Gantz J., Rydning J. The digitization of the world: from edge to core. Framingham, MA: IDC, 2018. 27 p.
22. Сабанова Л. Н., Затепякин О. А. Особенности подготовки кадров в условиях цифровой экономики // Современные финансы и цифровая экономика: сб. мат-лов Уральской молодежной конф. (Екатеринбург, 15–16 ноября 2019 г.) Екатеринбург, 2019. С. 243–247.
23. Chernyshev A. Yu. Practical training in MSUCE as one of the basic stages of continuing education in construction // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 142. P. 623–627. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.07.676
24. Локтионова С. А. Проблемы и вектор развития современной научной школы молодых ученых // Вопросы современной науки: проблемы, тенденции и перспективы: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. (Новокузнецк, 5–6 декабря 2019 г.) Новокузнецк, 2019. С. 350–352.
25. Иванова Е. В., Ефремкова Т. И., Шипунова В. В., Сабанова Л. Н. Проблемы и перспективы цифровизации экономики Кемеровской области // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2019. № 1. Режим доступа: https://eee-region.ru/article/5706/ (дата обращения: 02.04.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-360-367

original article

Practice-Oriented Technologies in the Educational Process as the Basis for the Economic Development of Society

Yuliia S. Klimashina [a, @]; Vera V. Shipunova [a]; Liudmila N. Sabanova [a]
[a] The Siberian State Industrial University, Russia, Novokuznetsk
[@] positivism@rambler.ru

Received 27.04.2020. Accepted 20.06.2020.

Abstract: The research objective was to determine the main vector of education development based on the analysis of Russian and foreign experience in using various methods of active learning. This vector is directed at a stable interaction between the real sector of the economy and the state in the educational process in order to improve the quality of education in general. The modern digital environment of higher education should create conditions for comprehensive development and new opportunities for students to receive high quality education based on modern practice-oriented technologies. Modern society needs education to preserve its fundamental nature. However, education reforms change its content, e.g. by reducing classroom hours, focusing on independent learning, etc. The article describes the main problems and prospects of personnel training in higher education and the necessary competences of all participants of educational process aimed at sustainable economic development of society in the context of global digitalization. The authors developed and described the mechanism of interaction between the participants of system *science – business – production – state – society*, integrated in the educational process. The mechanism uses practice-oriented technologies in order to increase the competitiveness of university graduates in the labor market and the quality of education in general. This mechanism will help to involve students in the educational process and face the modern realities of changing society, whose main priority is to adapt to rapidly changing working conditions.

Keywords: globalization of economy, life-long education, digitalization of higher education, management of the learning process, active learning

For citation: Klimashina Yu. S., Shipunova V. V., Sabanova L. N. Practice-Oriented Technologies in the Educational Process as the Basis for the Economic Development of Society. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(3): 360–367. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-360-367

References

1. Romantsev G. M., Dorozhkin E. M., Osipova I. V., Tarasyuk O. V. Anticipatory development of vocational education as the factor of ensuring national security of Russia. *Social and professional mobility in the XXI century*: Proc. Intern. Conf., Ekaterinburg, May 29–30, 2014. Ekaterinburg, 2014, 43–51. (In Russ.)
2. Smirnov I. P., Poliakov V. A., Tkachenko E. V. *New principles of primary vocational education organization*. Moscow: Aspekt, 2004, 31. (In Russ.)
3. Berulava M. N. *Integration of the content of education*. Moscow: Sovershenstvo, 1998, 192. (In Russ.)
4. Rybakina N. A. Integration of general and vocational education in the context of the paradigm of continuing education. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2013, 9(5-2): 106–108. (In Russ.)
5. Popova O. I. Transformation of higher education in the conditions of the digital economy. *Voprosy upravleniya*, 2018, (5): 158–160. (In Russ.)
6. Kupriyanova L. M., Efimova O. N. Information society: the modern stage of development of the new economy. *Mir novoi ekonomiki*, 2014, (3): 71–85. (In Russ.)
7. Mityagina E. V., Dolgopolova N. S. Clipping youth consciousness in modern media society. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriia Sotsialnye nauki,* 2009, (3): 53–59. (In Russ.)
8. Pucciarelli F., Kaplan A. Competition and strategy in higher education: managing complexity and uncertainty. *Business Horizons*, 2016, 59(3): 311–320. DOI: 10.1016/j.bushor.2016.01.003
9. Shin S., Brush T. A., Saye J. W. Using technology-enhanced cases in teacher education: an exploratory study in a social studies methods course. *Teaching and Teacher Education*, 2019, 78: 151–164. DOI: 10.1016/j.tate.2018.11.018
10. Farashahi M., Tajeddin M. Effectiveness of teaching methods in business education: a comparison study on the learning outcomes of lectures, case studies and simulations. *The International Journal of Management Education*, 2018, 16(1): 131–142. DOI: 10.1016/j.ijme.2018.01.003

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-360-367

11. Han I., Eom M., Shin W. S. Multimedia case-based learning to enhance pre-service teachers' knowledge integration for teaching with technologies. *Teaching and Teacher Education*, 2013, 34: 122–129. DOI: 10.1016/j.tate.2013.03.006
12. Almeida J., Daniel A. D., Figueiredo C. The future of management education: the role of entrepreneurship education and junior enterprises. *The International Journal of Management Education*, 2019. DOI: 10.1016/j.ijme.2019.100318
13. Toffler A. *The third wave.* N. Y.: William Morrow and Company, 1980, 544.
14. Avramenko A. Enhancing students' employability through business simulation. *Education + Training*, 2012, 54(5): 355–367. DOI: 10.1108/00400911211244669
15. Zelin R. C. An exploration of the effectiveness of an audit simulation tool in a classroom setting. *American Journal of Business Education*, 2010, 3(9): 7–12. DOI: 10.19030/ajbe.v3i9.474
16. Mendoza J. M. F., Gallego-Schmid A., Azapagic A. Building a business case for implementation of a circular economy in higher education institutions. *Journal of Cleaner Production,* 2019, 220: 553–567. DOI: 10.1016/j.jclepro.2019.02.045
17. Syrotyuk S. D., Nguyen P. T., Lydia E. L., Hashim W., Shankar K., Maseleno A. Implementing a practice-oriented learning principle in a higher school. *Religacion – Revista De Cienncias Sociales y Humanidades*, 2019, 4(18): 601–607.
18. Margarov G., Mitrofanova E., Konovalova V., Mitrofanova A., Trubitsyn K. Effectiveness of implementing practice-oriented higher education programs based on stakeholders feedback. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*: Proc. Intern. Conf. on Research Paradigms Transformation in Social Sciences, Tomsk, May 18–21, 2017. Tomsk, 2017, vol. 35, 906–914. DOI: 10.15405/epsbs.2018.02.107
19. Dale E. *Audiovisual methods in teaching*. N. Y.: Dryden Press, 1969, 719.
20. Bylieva D., Lobatyuk V., Safonova A., Rubtsova A. Correlation between the practical aspect of the course and the E-learning progress. *Education Sciences*, 2019, 9(3). DOI: 10.3390/educsci9030167
21. Reinsel D., Gantz J., Rydning J. *The digitization of the world: from edge to core*. Framingham, MA: IDC, 2018, 27.
22. Sabanova L. N., Zatepyakin O. A. Features of training in the digital economy. *Modern finance and digital economy*: Proc. Ural Youth Conf., Ekaterinburg, November 15–16, 2019. Ekaterinburg, 2019, 243–247. (In Russ.)
23. Chernyshev A. Yu. Practical training in MSUCE as one of the basic stages of continuing education in construction. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2014, 142: 623–627. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.07.676
24. Loktionova S. A. Problems and vector of development of the modern scientific school of young scientists. *Questions of modern science: problems, trends, and prospects*: Proc. III Intern. Sci.-Prac. Conf., Novokuznetsk, December 5–6, 2019. Novokuznetsk, 2019, 350–352. (In Russ.)
25. Ivanova E. V., Efremkova T. I., Shipunova V. V., Sabanova L. N. Problems and prospects of digitalization of the Kemerovo region economy. *Regional Economics and Management: electronic scientific journal*, 2019, (1). Available at: https://eee-region.ru/article/5706/ (accessed 02.04.2020). (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-368-374

оригинальная статья
УДК 331.556.4+368

Экспаты в российском страховом менеджменте*

Ольга Н. Козлова [a, @]; Елена А. Долбня [a]; Мария К. Васильева [a]
[a] Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
[@] kozlova-oliy@mail.ru

Поступила в редакцию 23.03.2020. Принята к печати 05.05.2020.

Аннотация: Рассмотрены вопросы привлечения экспатов в Россию. Использование иностранных работников в страховом менеджменте началось в 90-е годы прошлого века и было связано с формированием рыночных отношений и необходимостью привлечения квалифицированных специалистов из-за рубежа. Работа с экспатами имеет ряд преимуществ: возможность применять передовые бизнес-технологии, повышение имиджа предприятий, обучение персонала. Вместе с тем в таком сотрудничестве существуют и недостатки, главный из которых – значительные расходы, связанные с оплатой труда, содержанием семьи, дополнительными бонусами. Привлечение экспатов не нашло широкого применения в страховом менеджменте РФ, так как страховые рынки существенно различаются в институциональном и отраслевом аспектах. Более того, автоматический перенос зарубежных бизнес-технологий ограничен законодательством, культурными и историческими традициями России. Цель исследования – оценка работы экспатов в России, выявление положительных и отрицательных сторон данного явления как для самих работников, так и для нанимающей страны, а также обоснование ограничения их привлечения в страховом менеджменте. Объект – феномен экспатов на трудовых рынках, предмет – деятельность экспатов на страховом рынке России. Авторами раскрываются причины, которые вызвали отмечаемый в настоящее время отток экспатов со страхового рынка РФ. Сделан вывод об ограниченных возможностях и перспективах привлечения экспатов в страховой менеджмент России.

Ключевые слова: страховой рынок, страховая компания, иностранный работник, ассимиляция, иностранные компании, российские компании

Для цитирования: Козлова О. Н., Долбня Е. А., Васильева М. К. Экспаты в российском страховом менеджменте // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 3. С. 368–374. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-368-374

Введение

Формирование страхового рынка России происходило на фоне таких исторических событий, как распад СССР, кризис 1998 г. и последующих лет, формирование новой законодательной базы, сокращение страхового поля. Принципы страхового менеджмента менялись как на государственном уровне (макроуровне), так и на уровне отдельных страховых организаций (микроуровне). Переход от жесткой централизации и командного стиля руководства к демократическим принципам управления привел к необходимости подготовки менеджеров нового типа, для которых основными качествами были бы компетентность не только в страховом бизнесе, но и смежных областях, профессиональная грамотность, умение оптимизировать управленческие решения, способность усилить имидж компании [1]. Перечисленными компетенциями обладали экспаты – наемные работники, переехавшие из родной страны в другую на время работы.

Актуальность темы заключается в необходимости оценки роли экспатов в развитии российского страхового рынка и аргументации целесообразности их дальнейшего привлечения в Россию. Цель – оценить деятельность экспатов, изучить положительный опыт их привлечения, выявить причины, в силу которых экспаты в настоящее время покидают Россию, и обосновать ограничения в страховом менеджменте. Страховой бизнес обладает рядом страновых, отраслевых, исторических особенностей, которые влияют на возможность, необходимость и результативность привлечения экспатов именно в страховой менеджмент.

Методы и материалы. Основными методами исследования являются исторический и статистический анализ, обобщение информации ранее проведенных социологических и статистических исследований в приложении к рынку труда экспатов. В качестве статистической базы использовались данные Федеральной миграционной службы России (с 2016 г. – Главное управление по вопросам миграции МВД России).

Исторические аспекты привлечения экспатов в Россию

В 90-е гг. XX в. российская экономика, в том числе ее страховая отрасль, столкнулась с новым феноменом – появлением экспатов. Термин *экспат* по значению аналогичен терминам *иммигрант* или *беженец*, однако между

* Статья написана в рамках III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию освоения Кузбасса, «Управление организациями в современной экономике». Специальная тема: «Цифровая трансформация управления».

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-368-374

данными понятиями есть существенное различие. Согласно ФЗ «О беженцах», беженцами являются лица, не являющиеся гражданами РФ, которые в силу опасений стать жертвой преследований по различным признакам находятся вне страны своей гражданской принадлежности, не могут или не желают пользоваться защитой этой страны вследствие опасений; «или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий», не могут или не желают вернуться в нее вследствие опасений[1]. Иммигранты – это «граждане одного государства, поселяющиеся постоянно или на длительное время на территорию другого государства»[2]. Экспатами называют лиц, достигших совершеннолетнего возраста, имеющих высшее образование, переехавших в другую страну ради заработка [2]. Различия между терминами *экспат* и *гастарбайтер* заключаются в том, что гастарбайтеры – это иностранные работники, приехавшие в чужую страну на заработки, как правило, являющиеся выходцами из более бедных в экономическом смысле стран. В связи с этим термин *гастарбайтер* получил негативную окраску и подразумевает неквалифицированную рабочую силу.

Наблюдаемый в 1994–2003 гг. рост привлечения экспатов на страховой рынок РФ объясняется тем, что в эти годы Россия нуждалась в специалистах, разбирающихся в законах рынка, способных выстроить стратегию развития компаний. Поэтому владельцы компаний охотно приглашали на работу иностранных специалистов, а высокая заработная плата, которую приходилось выплачивать экспатам, не являлась препятствием. Для самих экспатов Россия в 1990-е гг. была местом для заработка и выстраивания карьеры в условиях фактического отсутствия конкуренции [3]. Поэтому в указанные годы многие руководящие должности занимали зарубежные специалисты.

Приток экспатов увеличился к концу 2004 г., что связано с ростом российского рынка. Уже к концу 2007 г. темп роста экономики России оказался наибольшим, составив 8 %. Мировой кризис 2008 г. заставил российскую экономику пошатнуться, вместе с этим уменьшился и приток иностранных специалистов. На протяжении 1994–2015 гг. доля иностранных работников в общем числе занятых увеличивалась в благоприятные для экономики России периоды и снижалась в кризисные. Так, в связи с экономическим и политическим кризисами 2014 г. доля экспатов снизилась примерно на 2 %, что связано с высокими затратами работодателей на содержание иностранцев, ведь вместе с выплатой заработной платы им приходилось предоставлять жилье класса люкс, расширенную страховку, юридическую защиту и при необходимости оказывать помощь в переезде семьи.

Отметим, что пользу могут принести не все экспаты, а лишь модернисты, целью которых является построение новой эффективной управленческой модели, сочетающей в себе лучшие стороны европейской и российской моделей управления. Но модернисты составляют меньшую часть всех иностранных специалистов. Наибольшую долю составляют экспаты, которые преследуют цели высокого заработка или насаждения европейской модели управления без учета культурных особенностей России.

До кризиса 2014 г. большая часть высококвалифицированных иностранных специалистов приезжали в Россию из США, Великобритании, Германии и Франции [4]. В настоящее время экспаты активно уезжают из России. Согласно данным Федеральной миграционной службы РФ, с января 2014 г. по начало 2015 г. нашу страну покинули 31 % немецких и 36 % американских специалистов[3]. По статистике МВД, в 2018 г. в России было оформлено 130,14 тыс. разрешений на работу для иностранцев и лиц без гражданства, в том числе высококвалифицированным (28,18 тыс. человек – 21,7 %) и квалифицированным (20,15 тыс. человек – 15,4 %) специалистам[4].

Данные события нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, экспаты не находят применения своему опыту, потому что российское высокотехнологичное производство и промышленность развиваются медленно. С другой стороны, уход экспатов с рынка труда открывает дорогу отечественным специалистам.

Привлечение экспатов в современных реалиях

В мировой экономике найм экспата считается обычной практикой. Развитые государства заинтересованы в привлечении квалифицированной рабочей силы. По оценкам экспертов, наиболее привлекательными для трудоустройства иностранных специалистов являются Китай, Таиланд, Сингапур, Канада. Самым привлекательным местом трудоустройства является Китай, т. к. его экономика сейчас на стадии подъема, возможности трудоустройства высоки, а квалифицированный труд по достоинству ценится работодателями.

В 2017 г. заметно снизилась привлекательность США и Великобритании для иностранных специалистов [5]. Причиной этого стало отношение к иностранцам, резко

[1] О беженцах. ФЗ от 19.02.1993 № 4528-1 // Гарант. Режим доступа: http://base.garant.ru/10105682/ (дата обращения: 04.04.2018).

[2] Иммигранты // Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2003. Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/14983 (дата обращения: 20.03.2018).

[3] Итоговый доклад о миграционной ситуации, результатах и основных направлениях деятельности Федеральной миграционной службы за 2015 год // Главное управление по вопросам миграции МВД России. Режим доступа: https://xn--b1ab2a0a.xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site1/document_file/Itogovyy_doklad_na_19.02.16.pdf (дата обращения: 20.03.2018).

[4] Семенова О. Ю. Миграции поставят планку квалификации // Коммерсантъ. 11.06.2019. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3998297 (дата обращения: 05.03.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-368-374

ухудшившееся после президентских выборов в Америке и референдума о членстве Британии в Евросоюзе. Такое ухудшение связано с волатильностью во внешней и внутренней политике и жизни в США, слабым фунтом и высокой инфляцией, отрицательно отразившейся и на личных финансах экспатов, в Великобритании. В российских организациях экспаты не прижились. Согласно исследованиям, на руководящих должностях работает лишь 13 % иностранных кадров[5].

Наибольшее количество иностранных работников концентрируется в больших городах. В Москве трудятся около 40 % всех экспатов России, из которых 35 % – специалисты высшей квалификации, в Санкт-Петербурге доля иностранных специалистов составляет около 12 %, из них порядка 4 % – специалисты высшей категории. В Московской области сконцентрировано примерно 8 % экспатов. Другими регионами, привлекающими экспатов, являются Краснодарский, Красноярский и Приморский края, Тюменская, Ленинградская, Калужская, Свердловская, Сахалинская области. Там занято еще 23 % квалифицированных иностранных специалистов[6].

Привлечение экспатов в ряде случаев рассматривалось как дань моде. В настоящее время предприниматели вполне освобождены от этого влияния. Однако в сложных ситуациях, когда предпринимателю важно верно и быстро принять решение, предпочтение отдается иностранным специалистам как более компетентным кадрам. Другой вопрос состоит в том, обосновано ли такое предпочтение. В российских экономических вузах в постсоветский период появилось новое поколение научно-педагогических кадров, способных сочетать опыт зарубежных стран и историю собственной страны. Разнообразные образовательные программы, зарубежные стажировки, привлечение к обучению иностранных специалистов позволили российским вузам готовить менеджеров, конкурирующих с западными коллегами. Но существуют страновые и методологические различия в принятии управленческих решений российскими и иностранными специалистами.

Принимая на работу экспата, работодатель должен понимать, что максимальную отдачу от работника он сможет получить только в случае грамотного выстраивания рабочего процесса, преодоления коммуникационного барьера, т. е. при успешном прохождении экспатом периода ассимиляции [6]. Для экспатов в большинстве случаев характерно выстраивание рабочего процесса с помощью четко прописанных процедур, в результате чего достижение результата сводится в единый процесс координации заданных ранее действий. Отклонения и коррективы могут быть восприняты работником как дополнительное поручение. Все это должно оговариваться между работником и работодателем заранее, чтобы исключить недопонимание при оплате труда.

Но рабочий процесс в российских компаниях складывается несколько иным образом. Для разработки управленческих решений в отечественном менеджменте широко используется метод мозгового штурма, когда в собрании участвуют специалисты различных профилей, в отличие от западных стран, где в данный процесс вовлечены работники, непосредственно отвечающие за генерацию идей. Эти рабочие процессы значительно отличаются друг от друга, но оба доказывают свою эффективность, а значит имеют право на существование. В 2015 г. наибольшую долю квалифицированных иностранных работников в России составляли экспаты из Китая (21 %), сербские специалисты (19,5 %) и специалисты из Турции (15,8 %)[7]. Большая часть кадрового потока идет из стран, с которыми Россия имеет дружественные или нейтральные отношения.

Согласно данным одной из крупнейших рекрутинговых компаний *Antal*, проводившей аналитику рынка труда, удовлетворенность и мотивация экспатов местом своего трудоустройства находится на высоком уровне (табл.[8]).

Чтобы привлечь экспатов, в компенсационные пакеты включают различные льготы, объем которых работодатель

Табл. Степень удовлетворенности экспатов работой в российских компаниях, %

Tab. Expats' satisfaction with work in Russian companies, %

Характеристика	Полностью удовлетворен	Скорее удовлетворен	Нейтральное отношение	Скорее неудовлетворен	Полностью неудовлетворен
Работа в целом	23	53	18	6	–
Уровень вознаграждения	22	53	13	9	3
Отношения в коллективе	36	38	22	4	–
Отношения с руководством	34	35	20	9	2
Компенсационный пакет	20	45	26	5	4
Соотношение нагрузки и вознаграждения	15	39	28	16	2
Баланс между работой и личной жизнью	16	28	36	19	1

[5] Коновалова В. Г. Экспаты в России: дань моде или необходимость? // HR-Portal. 13.12.2012. Режим доступа: http://hr-portal.ru/article/ekspaty-v-rossii-dan-mode-ili-neobhodimost (дата обращения: 04.04.2018).

[6] Селина М. В. Экспаты могут помочь российской экономике // Научно-образовательный портал IQ. 21.05.2014. Режим доступа: https://iq.hse.ru/news/177667475.html (дата обращения: 04.04.2018).

[7] Экспаты на российском рынке труда // Antal Russia. Режим доступа: https://antalrussia.ru/upload/medialibrary/365/antal_ekspaty-na-rossiyskom-rynke-truda_2017.pdf (дата обращения: 04.04.2018).

[8] Составлено по данным исследования «Экспаты на российском рынке труда».

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-368-374

определяет индивидуально. Это может быть компенсация мобильной связи, расходов на автомобиль, расходов на жилье, медицинские страховки, гибкий график работы и др. Работодатели могут выплачивать вознаграждения в виде бонусов по итогам финансово-хозяйственной деятельности.

Причиной снижения удовлетворенности иностранных специалистов работой в России является также то, что работодатели стали переходить к «привязке» заработной платы не к иностранной валюте, а к российскому рублю. Если в 2015 г. доля экспатов, получающих заработную плату в российских рублях, составляла 36 %, то в 2017 г. их стало 52 % (28 % получали зарплату в евро, 12 % – в долларах США). С января 2014 г. Россию покинуло как минимум 0,5 млн граждан стран Европы, Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии.

Можно сказать, что отъезду способствуют не только недавние экономические и политический кризисы и осложнения отношений с Западом, но и выросшая квалификация российских менеджеров. Действительно, как было замечено ранее, конкуренция со стороны российских специалистов в настоящее время является существенной, т. к. их квалификация не отстает от иностранной, а мода на экспатов прошла. Кроме того, причиной отъезда экспатов могло стать закрытие подразделений зарубежных компаний в России.

Трудности, возникающие при работе иностранных специалистов в области страхования, связаны с наличием в разных странах особенностей страховых рынков.

В настоящее время страховой бизнес США является самым большим в мире. Примерно 50 % страхового рынка развитых стран подконтрольны американским монополиям. Особенностью страхового рынка Америки является отсутствие централизованного органа управления и закона, регулирующего отношения в области страхования на общегосударственном уровне. Вместо этого в каждом штате существуют отдельные регулирующие органы и страховое законодательство, поэтому возникают различия в видах страхования, минимальном размере капитала страховой компании. Страхование в большинстве штатов является обязательным. Страховые компании Америки могут быть образованы в двух формах: а) акционерного общества; б) общества взаимного страхования.

Великобритания является одним из государств-основоположников страхового дела во всем мире, ее столица на протяжении долгих лет считается мировым финансовым центром, концентрирующим на своей территории страховой бизнес крупнейших мировых компаний. Страховой рынок представлен следующими организационными структурами: а) акционерное общество; б) общество взаимного страхования; в) дружеское общество; г) отделения и представительства иностранных компаний. Деятельность страховых организаций находится под контролем Департамента торговли и промышленности – органа государственного страхового надзора. Правила ведения бизнеса едины для всех компаний.

Страховой рынок Германии представляет собой совокупность государственного социального обеспечения и частного сектора страховых услуг. Государственное социальное страхование является обязательным для всех наемных работников. К нему относятся страхование по старости, на случай безработицы или временной утраты трудоспособности. Структура страхового бизнеса включает клиентов – физических лиц (87 %) и юридических лиц (13 %). Компании, занимающиеся страхованием, не могут заниматься иной деятельностью, однако в настоящее время наблюдается рост конкуренции между коммерческими банками и страховыми компаниями в сфере личного страхования. Страховые компании имеют организационные формы а) общества взаимного страхования; б) государственной страховой корпорации; в) акционерного общества. Государственное регулирование имеет федеральное построение.

Немецкие страховые компании имеют значительный авторитет на мировой арене. Компания *Allianz* начала свое существование еще в 1890 г. и продолжает функционировать по сей день. Она является одной из крупнейших в мире и имеет разряд системно значимой для мировой экономики. Мировую значимость имеют не только страховые, но и перестраховочные компании, к примеру *Munich Re Group*, являющаяся лидером мирового рынка перестрахования.

Такафул – исламское страхование. Первоначально цель его создания заключалась в разработке альтернативной системы страхования непосредственно для мусульман. Исламское страхование является молодым и динамично развивающимся. Во всем мире такафул в среднем распространяется на 35 % быстрее, чем традиционное страхование [7]. Исламское страхование – система, основанная на принципах взаимной помощи и добровольных взносах, предусматривающая добровольное и коллективное распределение рисков среди участников группы. Данная система несет в себе принцип взаимной ответственности. Сформированный страховой фонд служит для защиты участников от возникающих неблагоприятных событий. При возникновении страхового случая у участника такафула из средств фонда производят выплаты страхового возмещения. В случае дефицита страхового фонда участники производят дополнительные взносы. Таким образом, в исламском страховании существует солидарная ответственность участников. Операции, осуществляемые за счет средств фонда, не должны противоречить законам шариата. Все исламские страховые компании находятся под контролем наблюдательного совета, который оценивает правомерность проводимых операций в соответствии с принципами шариата. Запрещенными, согласно законам шариата, являются ростовщичество, умышленная спекуляция и страхование в азартных играх.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-368-374

Страховые рынки стран различаются в институциональном, организационном, управленческом, отраслевом аспектах. Они отражают культурные традиции и исторические особенности каждой страны.

Страховой рынок России стал формироваться в 90-е гг. XX в., в период распада СССР. Это время условно можно разбить на два этапа. Первый этап – с 1991 г. до середины 1990-х гг., когда интенсивно создавались страховые организации, не было законодательных требований к квалификации руководителей, законодательная база только начинала формироваться. К середине 1990-х гг. на страховом рынке функционировало около 3 тыс. страховщиков. В основном это были мелкие компании, предлагающие небольшой ассортимент страховых услуг. Со второй половины 1990-х гг. в России начали активно распространяться различные финансовые схемы (т. н. псевдострахование), которые позволяли, используя пробелы в законодательстве, избежать налогообложения. Этот противоречивый период, с одной стороны, стимулировал спрос на экспатов, но, с другой стороны, их могли привлекать только честные страховщики, заинтересованные в реальном страховании. Приток экспатов в страховой бизнес не мог быть большим, т. к. «псевдострахование» носило массовый характер и не выполняло функции по страховой защите. Грамотные иностранные менеджеры попросту были не нужны.

Тем не менее можно привести примеры карьерного роста экспатов в России. Николаус Фрай, получивший образование в Швейцарии и Франции, работал в лондонских компаниях *McKinsey & Company*, *Acturis Ltd* на высших должностях. Впоследствии стал заместителем исполняющего обязанности генерального директора страховой компании *T'azur*, обслуживающей Бахрейн, Катар, Кувейт, Саудовскую Аравию, Оман, ОАЭ, Египет. На этой должности Н. Фрай получил опыт работы в страховом деле, основанном на законах шариата. Проработав два года на должности соруководителя департамента *OPEX* группы *Allianz* в Германии, в 2015 г. он был назначен генеральным директором страховой компании «Альянс Жизнь», в 2017 г. – главным управляющим директором «Росгосстраха», а в сентябре того же года – генеральным директором компании (до 2019 г.). Основными приоритетами этого периода стали внедрение современных принципов корпоративного управления, борьба с убыточностью в ОСАГО, развитие добровольных видов страхования.

Оценка привлечения экспатов в страховой бизнес позволила сделать выводы о преимуществах и недостатках такого сотрудничества [5, 8]. Среди преимуществ выделим внедрение новых технологий, бизнес-моделей, применяемых в зарубежных компаниях, передачу опыта ведения дел кадровому резерву, повышение имиджа компании, потенциально влияющего на расположение к ней иностранных партнеров, а также то, что экспаты способны стать хорошими управленцами благодаря своему умению создавать команды, рабочие группы, умению ставить четкие цели, задачи и разрабатывать стратегии. Недостатками являются высокие затраты на оплату труда, проживание, бонусы, социальное обеспечение, содержание семьи привлеченного специалиста, невозможность адаптировать некоторые новые бизнес-модели и стратегии к нашей экономической, политической или другой среде, большие временные затраты на оформление экспатов в компанию, неполный учет особенностей, культурных традиций, степени страховой культуры населения России.

В настоящее время возможности привлечения экспатов в страховые компании ограничены особенностями развития страхового рынка России. Основные ограничения, по нашему мнению, сводятся к следующему:

1. Экспаты, как правило, привлекались для поднятия имиджа страховой компании страховщиками, которые имели честный бизнес. Широкое распространение финансовых схем, позволяющих оптимизировать налогообложение в 1990-е гг., не способствовало привлечению зарубежных менеджеров.
2. Развитые зарубежные страны специализируются на страховании жизни, где заняты специалисты высшей квалификации, обладающие знаниями актуарной математики; оценке финансовых рынков и финансовых инструментов. На российском страховом рынке долгое время преобладали краткосрочные рисковые виды страхования, которые требовали принятия иных управленческих решений. Специалисты по долгосрочному страхованию жизни были просто не востребованы.
3. Поскольку привлечение экспатов требует больших финансовых затрат, их услугами могут пользоваться в основном крупные страховщики, имеющие диверсифицированный страховой портфель. В России происходит сокращение числа страховщиков, с рынка уходят небольшие компании, но страховой бизнес все еще не может конкурировать с банками или крупными предприятиями. Немногие страховые организации могут позволить себе пригласить иностранных менеджеров.
4. В последние годы страховой рынок развивался за счет динамичного развития обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО). Сегодня появляются новые виды обязательного страхования, например, страхование гражданской ответственности перевозчиков, владельцев опасных производственных объектов, которые увеличивают сегмент обязательного страхования на рынке. Все виды обязательного страхования имеют социальную направленность, вводятся в соответствии с федеральными законами, которые создают рамки в принятии управленческих решений, прежде всего, для иностранных менеджеров.
5. В России постоянно происходит реформирование органа страхового надзора. Изменение требований, законодательства и нормативной базы создают

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-368-374

внешние риски для страховщиков, с которыми иностранным менеджерам сложно бороться.

6. Подготовка кадров в отечественных вузах, возможность российских студентов обучаться за рубежом, формирование профессорско-преподавательского состава создает конкуренцию для иностранных специалистов, которым надо адаптироваться к российскому страховому законодательству.

Заключение

Привлечение экспатов в страховой бизнес России имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Рост числа иностранных специалистов в 1990-е гг. был связан с потребностями в менеджерах, способных работать в условиях рыночной экономики. В настоящее время происходит отток экспатов из России. Основные причины – подготовка национальных кадров и большие финансовые затраты, отличие структуры отечественного страхового рынка от зарубежных рынков, постоянное изменение страхового законодательства. Привлечение экспатов в страховой менеджмент может дать положительные результаты и преимущества для крупных многопрофильных страховщиков, однако своеобразие страховых рынков каждой страны неизменно сказывается на страховом менеджменте. Учитывая рост страхового рынка России, появление отечественных специалистов в страховом менеджменте, политическую ситуацию, ограниченные финансовые возможности российских страховщиков, можно предположить, что в ближайшее время привлечение экспатов в страховой бизнес будет сокращаться.

Литература

1. Санжаровская Ю. В. Иностранный человеческий капитал: особенности привлечения высококвалифицированных иностранных специалистов // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2014. № 6. С. 142–146.
2. Глущенко О. А. Экспаты в России // Иностранный язык и культура в контексте образования для устойчивого развития: междунар. сб. науч.-метод. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, магистрантов и аспирантов (Псков, 19 апреля 2019 г.) Псков, 2019. С. 164–169.
3. Михайлова А. С. Экспаты на рынке труда мегаполиса (анализ глубинных интервью) // Миграция и социально-экономическое развитие. 2016. Т. 1. № 3. С. 193–200. DOI: 10.18334/migration.1.3.38085
4. Карачаровский В. В., Ястребов Г. А. Иностранные профессионалы в России как агенты модернизации // Общество и экономика. 2013. № 11-12. С. 149–165.
5. Петров Р. В. К вопросу о трудовых мигрантах-экспатах на российском рынке труда // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2017. № 4. С. 118–126.
6. Дворянинова И. С. Экспаты на рынке трудовых ресурсов // Управление человеческими ресурсами в целях устойчивого развития: сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. интернет-конф. (Уфа, 9–13 апреля 2018 г.) Уфа, 2018. С. 79–82.
7. Магомадова М. М. Функции такафула в современных условиях // Теория и практика общественного развития. 2015. № 16. С. 67–69.
8. Цатурова А. Р., Банкаускене О. А. Иностранный человеческий капитал: особенности привлечения иностранных высококвалифицированных специалистов // Неделя науки СПбПУ: мат-лы науч. конф. с междунар. участием (Санкт-Петербург, 19–24 ноября 2018 г.) СПб., 2018. С. 265–268.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-368-374

original article

Expats in Russian Insurance Management*

Olga N. Kozlova [a, @]; Elena A. Dolbnya [a]; Maria K. Vasileva [a]
[a] Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
[@] kozlova-oliy@mail.ru

Received 23.03.2020. Accepted 05.05.2020.

Abstract: The article considers the issues of attracting expats to Russia. They were first employed in insurance management in the 1990s. The process was connected with the formation of market relations and the need to attract qualified foreign specialists. Employing expats has several advantages, e.g. advanced business technologies, improving the image of enterprises, personnel training, etc. However, attracting expats has a number of drawbacks, such as the costs associated with remuneration, family support, and extra bonuses. Employing expats has not found wide application in insurance management, since insurance markets vary significantly in institutional and industrial aspects. The automatic transfer of foreign business technologies is limited by legislation, as well as by cultural and historical traditions of Russia. The research objective was to evaluate the activities of expats in Russia, to identify the positive and negative aspects of this phenomenon both for the expats themselves and the country that attracted them, and to justify the limitations of their involvement in insurance management. The research featured the phenomenon of expats in labor markets and their activities in the Russian insurance market. The study revealed the problems associated with the insurance market of the Russian Federation, as well as some options for attracting expats to the Russian insurance management.

Keywords: insurance market, insurance company, foreign worker, assimilation, foreign companies, Russian companies

For citation: Kozlova O. N., Dolbnya E. A., Vasileva M. K. Expats in Russian Insurance Management. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(3): 368–374. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-368-374

References

1. Sanzharovskaya Ju. V. External human resources: characteristics of the involvement of highly-qualified specialist. *Ekonomika, statistika i informatika. Vestnik UMO*, 2014, (6): 142–146. (In Russ.)
2. Gluschenko O. A. Expats in Russia. *Foreign language and culture in the context of education for sustainable development*: Proc. IV Intern. Sci.-Prac. Conf. teachers, undergraduates, and postgraduates, Pskov, April 19, 2019. Pskov, 2019, 164–169. (In Russ.)
3. Mikhaylova A. S. Expats in the labor market of the megalopolis (analysis of in-depth interviews). *Migration and social development*, 2016, 1(3): 193–200. (In Russ.) DOI: 10.18334/migration.1.3.38085
4. Karacharovskiy V. V., Yastrebov G. A. Foreign professionals in Russia: the agents of modernization. *Obshchestvo i ekonomika,* 2013, (11-12): 149–165. (In Russ.)
5. Petrov R. V. To the question of labor migrants-expats in the Russian labor market. *SEARCH: Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture: a scientific and socio-cultural journal*, 2017, (4): 118–126. (In Russ.)
6. Dvoryaninova I. S. Expatriates in the labor market. *Human resource management for sustainable development:* Proc. Intern. Sci.-Prac. Internet-Conf., Ufa, April 9–13, 2018. Ufa, 2018, 79–82. (In Russ.)
7. Magomadova M. M. The functions of a takaful in modern conditions. *Teoria i praktika obshchestvennogo razvitia*, 2015, (16): 67–69. (In Russ.)
8. Tsaturova A. R., Bankauskene O. A. Foreign human capital: peculiarities of attracting foreign highly qualified specialists. *Science week at St. Petersburg Polytechnic University*: Proc. Sci. Conf. with Intern. participation, St. Petersburg, November 19–24, 2018. St. Petersburg, 2018, 265–268. (In Russ.)

* The article was written for the III All-Russian Scientific and Practical Conference "Management of organizations in the modern economy" dedicated to the 300th Anniversary of Kuzbass Exploration, topic: Digital Management Transformation.

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-375-386

оригинальная статья
УДК 658.6

Оценка степени готовности предприятий торговли и сферы услуг к цифровой трансформации*

Оксана С. Комарчева [a]; Елена А. Лысенко [a, @]
[a] Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
[@] lysenko.elena@bk.ru

Поступила в редакцию 23.03.2020. Принята к печати 17.05.2020.

Аннотация: Сфера торговли и оказания услуг – одна из первых, где произошло внедрение онлайн-формата, что обусловило особое значение цифровой трансформации для этой сферы. Цель исследования – оценить готовность предприятий торговли и сферы услуг к цифровой трансформации на примере Кемеровской области. Оценка степени готовности сетевых компаний, малых предприятий и индивидуальных предпринимателей в сфере торговли и оказания услуг к цифровой трансформации проводилась методом анкетирования. Были проанализированы несколько подходов к определению цифровой трансформации, а также описаны ее ключевые направления: клиентоцентричность, партнерство и коллаборации, использование больших данных, поиск и внедрение инноваций, управление ценностью с помощью диджитализации, развитие внутрикорпоративной и потребительской цифровой культуры. В результате определено, что цифровая трансформация не рассматривается большинством предприятий как стратегическое направление деятельности, а воспринимается как один из инструментов повышения эффективности деятельности. Этот феномен присутствует на уровне крупных сетевых компаний, однако есть примеры высокой степени цифровой трансформации компаний регионального масштаба. Наиболее высокие результаты в этой сфере демонстрируют предприятия, работающие на рынках по продаже товаров повседневного спроса. Рынок предприятий торговли и сферы услуг в целом информационно закрыт, прозрачность данных низкая. Большинство компаний применяет лишь отдельные элементы цифровых технологий. С другой стороны, именно в сфере торговли и оказания услуг присутствует высокая степень готовности потребителей, что наряду с развитием интернет-маркетинга и постоянным совершенствованием цифровых технологий и инструментов обуславливает перспективы дальнейшей цифровой трансформации как непрерывного процесса для повышения конкурентоспособности.

Ключевые слова: цифровизация, конкурентоспособность, интернет-маркетинг, управление ценностью, цифровая культура, стратегические приоритеты

Для цитирования: Комарчева О. С., Лысенко Е. А. Оценка степени готовности предприятий торговли и сферы услуг к цифровой трансформации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 3. С. 375–386. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-375-386

Введение

Цифровая трансформация, или цифровизация, в последние годы является трендом, который определяет как глобальную конкурентоспособность страны, так и конкурентоспособность отдельных участников рынка. Под цифровой трансформацией большинство экспертов понимают изменение моделей бизнеса и социальной сферы под влиянием масштабных цифровых технологий нового поколения, зачастую являющихся сквозными, применяемых для экономики в целом, независимо от отрасли и направления деятельности [1][1]. Внедрение таких технологий, по оценкам Всемирного экономического форума, может повысить производительность труда в компаниях разных сфер примерно на 40 %[2].

Происходит изменение запросов потенциальных потребителей, меняются их поведенческие характеристики, как следствие, прежние бизнес-модели не работают, коммуникация становится глобальной[3]. Это обусловлено новым витком развития цифровых технологий, предусматривающим многократное увеличение количества связей между организациями, гражданами и социально-экономическими системами. Развитие коммуникаций и синхронизированной интеграции ведет к увеличению объема данных, находящихся в обращении. Особенно это актуально

* Статья написана в рамках III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию освоения Кузбасса, «Управление организациями в современной экономике». Специальная тема: «Цифровая трансформация управления».

[1] Аптекман А., Калабин В., Клинцов В., Кузнецова Е., Кулагин В., Ясеновец И. Цифровая Россия: новая реальность. McKinsey & Company, 2017. 132 с.

[2] Digital transformation initiative // World Economic Forum. Режим доступа: http://reports.weforum.org/digital-transformation/wp-content/blogs.dir/94/mp/files/pages/files/dti-executive-summary-20180510.pdf (дата обращения: 15.03.2020).

[3] Рыжков В. Три проблемы на пути к трансформации // KMDA. 11.09.2018. Режим доступа: https://komanda-a.pro/blog/3_problems_of_transformation (дата обращения: 10.03.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-375-386

для сферы услуг, торговли. Драйвером изменений выступает современный потребитель, ведь именно его потребности и возможности определяют спрос на цифровые технологии со стороны компаний, прежде всего, в сфере B2C. Практически каждый человек в современном мире в той или иной степени пользуется цифровыми сервисами, гаджетами, начиная от соцсетей, телевидения и развлечений, заканчивая государственными слугами. Поэтому и бизнес не может работать по-старому, используя традиционные процессы и технологии. В связи с этим цель исследования – оценить готовность предприятий торговли и оказания услуг к цифровой трансформации.

Необходимо отметить, что помимо положительных последствий для экономики и общества в целом оценивают и негативные последствия цифровизации [2]. Опасения вызывает цифровое неравенство, проявляющееся в неравномерном освоении разными группами населения новых технологий. Также к возможным негативным последствиям цифровой трансформации относятся сжатие или полное исчезновение некоторых традиционных рынков, замена части профессий искусственным интеллектом, автоматизированными системами, угроза безопасности в цифровой среде. Тем не менее процесс цифровой трансформации осуществляется, хотя темпы этого процесса в России нельзя назвать высокими [3, с. 90].

Бизнес в России, ориентируясь на внешний и внутренний рынки, стремится к высоким технологиям и прорывным стратегиям, но пока это воплощается в малых масштабах [4, с. 28]. Зачастую происходит путаница в терминологии. Цифровая трансформация воспринимается представителями бизнеса, например, как «знание, какой технологией или сервисом заменить конкретный бизнес-процесс в компании»[4]. Существует несколько определений цифровизации, сгруппированных в докладе НИУ ВШЭ в 2019 г. [1]:

- это новый уровень развития, уклад экономики, основанный на знаниях и цифровых технологиях, ведущий к появлению новых цифровых компетенций, навыков, возможностей в сфере бизнеса, в государстве и обществе в целом (западный подход [5; 6]: трактовка Всемирного банка)[5];
- это совокупность рынков, основанных на цифровых технологиях, которые облегчают торговлю товарами и услугами (в узком смысле) [7; 8];
- это трансформация хозяйственной деятельности, ключевым драйвером которой выступают большие объемы данных в цифровом виде, обработка которых и дальнейшее использование результатов существенно повышают эффективность различных видов деятельности по сравнению с традиционными формами хозяйствования (Стратегия развития информационного общества РФ на 2017–2030 гг.)[6].

Показателями (индикаторами) цифровизации являются использование цифровых технологий (прежде всего, мобильного и фиксированного широкополосного Интернета), цифровой инфраструктуры в виде серверов, веб-сайтов, облачных сервисов, технологий электронного обмена данными, ERP-систем и т. д.[7] Высокий индекс цифровизации бизнеса по данным индикаторам присущ предприятиям, которые интенсивно используют информационные технологии. Торговля и сфера услуг в 2017 г. имели индекс равный 35,7 % (при максимальном на тот период индексе 45,2 % в отрасли телекоммуникаций), что означает, что всего немногим более трети предприятий в этой сфере имели соответствующую цифровую оснащенность. Однако если говорить о цифровой трансформации, то это процесс более длительный. Он подразумевает не только интенсивное использование цифровых технологий, но и другие аспекты, например, организационно-управленческий.

В РФ осуществляется поддержка цифровой трансформации, выражающаяся в увеличении расходов бюджета на разработку и внедрение «сквозных» технологий. Меры поддержки предложены в государственных и национальных проектах и программах, таких как «Национальная технологическая инициатива», предусматривающая развитие новых рынков и создание условий, позволяющих России достичь глобального технологического лидерства к 2035 г.[8]; «Цифровая экономика Российской Федерации»[9]; автономная некоммерческая организация «Цифровая экономика»[10] (создана высокотехнологичными компаниями-лидерами при поддержке Администрации Президента РФ и Правительства РФ для обеспечения взаимодействия бизнеса и государства в рамках реализации национальной программы).

Происходит стимулирование спроса граждан и организаций разных видов деятельности на цифровые технологии. Однако отмечается, что ограничиваться только мерами

[4] Там же.

[5] Конкуренция в цифровую эпоху: стратегические вызовы для Российской Федерации. Washington: World Bank Group, 2018. 144 с.

[6] Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Утв. Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102431687 (дата обращения: 11.03.2020).

[7] Индикаторы цифровой экономики: 2019 / под ред. Л. М. Гохберга, Я. И. Кузьминова, М. А. Сабельниковой. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 248 с.

[8] Национальная технологическая инициатива // Агентство стратегических инициатив. Режим доступа: https://asi.ru/nti/ (дата обращения: 20.02.2020).

[9] Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» // Правительство России. Режим доступа: http://government.ru/rugovclassifier/614/events/ (дата обращения: 15.02.2020).

[10] Автономная некоммерческая организация «Цифровая экономика». Режим доступа: https://data-economy.ru/ (дата обращения: 01.03.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-375-386

прямой финансовой поддержки в сфере государственных закупок недостаточно. Без создания соответствующей институциональной среды и рыночной инфраструктуры т. н. «ручное управление» не обеспечит широкий охват компаний и потребителей цифровыми технологиями и массового спроса на цифровые технологии не будет.

Большой проблемой является отсутствие соответствующих кадров, обладающих определенными компетенциями и являющихся экспертами в этой области. Практически не развито стратегическое планирование. Для преодоления этого компаниям необходимо реформировать структуру, выделять отдельные департаменты, которые будут заниматься цифровой трансформацией. Лидерами по развитию становятся компании, руководство которых обладает высоким уровнем мотивации и понимания цифровой трансформации, а персонал – инновационной культурой, желанием постоянно расти и развиваться.

Эксперты отмечают, что готовность к трансформации означает переосмысление корпоративной политики организации, готовность персонала к изменениям. Единой методики определения готовности к цифровой трансформации нет. Существующие подходы к оценке степени готовности предприятий отражают, например, требования дорожной карты национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», включающие пять базовых направлений – инфраструктура, информационная безопасность, исследования и разработки, нормативное регулирование, образование и кадры[11]. Но эксперты, признавая правильность данных направлений, отмечают, что в большей степени здесь речь идет о внедрении непосредственно цифровых технологий (технический аспект), тогда как цифровая трансформация подразумевает изменения в бизнес-моделях и процессах, продуктах и услугах, которые будут способствовать сохранению и преумножению конкурентных преимуществ компании (организационный, коммуникационный аспекты). Помимо новых технологий, требуются кардинально новые способы коммуникации, новое мышление, новые навыки и роли, операционные модели, зависящие от специфики бизнеса, потребителей, рыночной ситуации. Поэтому в качестве показателей готовности к цифровой трансформации рассмотрены показатели, связанные с[12]:

- адаптацией управленческих и бизнес-моделей;
- ориентацией на потребности клиентов и особенности рынков;
- цифровой культурой, развитием цифровых компетенций;
- использованием инноваций, в том числе использованием данных;
- управлением ценностью.

Все это укладывается в направления национальной программы развития цифровой экономики, а также отражает другие подходы к определению степени готовности предприятий к цифровой трансформации.

Клиентоцентричность. Акцент в цифровой трансформации должен быть сделан на потребителе, изучении его поведенческих характеристик. Готовность потребителей к восприятию цифровой трансформации, рост потребностей в качественно оказанных услугах, быстроте, комфорте, удобстве – все это лежит в основе трансформации бизнеса, является основой для развития инструментария в цифровой сфере, побуждает бизнес адаптироваться к стремительно меняющейся культуре потребления и коммуникаций.

Существует мнение, что полный комплекс впечатлений, полученный потребителем от продукции или услуги в процессе приобретения и последующего потребления можно назвать *клиентским опытом*. Эта категория является очень важной при планировании и разработке новых продуктов и услуг, внесении изменений в имеющиеся продукты. Изучая клиентский опыт и возможности управления им, компании могут использовать полученную информацию как основу для разработки новых продуктов и услуг, для собственного развития в целом[13].

Партнерство и коллаборации. Для обеспечения устойчивого развития компании необходимы конкурентные преимущества. Концепция устойчивого развития, основанного на цифровизации, построена на принципе открытого *API* (*Application Programming Interface*) – интерфейса, способного обеспечить взаимодействие различных сервисов[14] – и способности адаптироваться к современным условиям. Благодаря этому компании интегрируются со сторонними сервисами и компаниями-партнерами, что позволяет создавать нестандартные, креативные решения и продукты. Коллаборация и интеграция позволяют сократить сроки тестирования и вывода продуктов на рынок (что важно для быстро меняющейся рыночной среды), а также обеспечивать эффективное продвижение и увеличивать жизненный цикл продукта. Партнерство, коллаборации в цифровой сфере являются фактором, способствующим масштабированию, т. е. происходит стирание границ: компании географически не ограничены в осуществлении своей деятельности.

Использование данных. *Big Data* (большие данные) являются не просто трендом, а рабочим инструментом, без которого на данный момент сложно представить

[11] Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» ...

[12] Рыжков В. Что такое цифровая трансформация? // KMDA. Режим доступа: https://komanda-a.pro/blog/digital-transformation (дата обращения: 23.03.2020).

[13] Рыжков В., Чернов Е., Нефедова О., Тарасова В. Цифровая трансформация в России. М.: Команда-А Менеджмент, 2018. 32 с.

[14] API // Seo News. Режим доступа: https://www.seonews.ru/glossary/api/ (дата обращения: 18.03.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-375-386

осуществление деятельности как крупных, так и мелких компаний в части реализации системных решений. Большие данные применяются при моделировании клиентского поведения, формировании трендов и предпочтений потребителя, при адаптации продуктов и услуг, прогнозировании спроса. В наибольшей степени *Big Data*, искусственный интеллект, нейросети находят применение в сервисах финансовых компаний, ритейла и медицины.

Поиск и внедрение инноваций. Ранее продукт, прежде чем выйти на рынок, должен был предварительно найти воплощение в некой модели. Сейчас происходит переход к модели постоянного экспериментирования: с использованием цифровых технологий можно быстро перейти к тестированию продукта. Появилась потребность создавать инновационные отделы для поиска новых методов, путей и возможностей для совершенствования работы организации.

Управление ценностью. Поскольку ценность продукта для клиента уже не определяется только уникальностью функциональных характеристик, использование цифровых технологий позволяет увеличить эту ценность, создав дополнительные конкурентные преимущества. Кардинально меняются способы потребления (особенно в сфере услуг). Начиная от банкинга и ритейла, заканчивая транспортом, путешествиями и образованием, меняются запросы потребителей, связанные с дистанционным форматом без посещения офиса. Особенно актуальным это становится в период пандемий, катаклизмов, экономических кризисов. Важной для потребителя становится возможность оказания круглосуточной оперативной технической и сервисной поддержки, связи (синхронизации) продуктов между собой. Для современного клиента диджитализация сервиса становится ценностью. Клиент покупает постоянную работу над сервисом и непрерывное улучшение.

Меняется бизнес-модель, структура бизнеса и модель масштабирования. Бизнесу становятся доступны новые возможности для быстрого развития зачастую без региональной экспансии в виде строительства офисов и точек продаж. Это позволяет получать конкурентные преимущества за пределами своего рынка на основе непрерывного дополнения, совершенствования продуктов и привлечения за счет этого новых клиентов.

HR-стратегия и цифровая культура

Цифровая трансформация требует от работников принципиально новых компетенций [7]. Клиентоцентричность, переход к модели постоянного экспериментирования, трансформация организационной культуры влияют на необходимость непрерывного обучения, развития, повышения квалификации сотрудников. Появляются новые кадровые позиции и подразделения. Поэтому возникает необходимость в формировании стратегии развития персонала, разработке правил, норм, понятий цифровой культуры – совокупности соответствующих компетенций, учитывающих способность внедрения и использования цифровых технологий для решения широкого круга задач в бизнес-среде.

Цифровая трансформация признается экспертами процессом, который ранее мог обеспечить конкурентные преимущества отдельным компаниям на рынке, однако сегодня это процесс, который реален и неизбежен для компаний, которые хотят сохранить свое место на рынке[15].

Таким образом, цифровая, или digital-трансформация, – это стратегический управляемый процесс изменений в бизнесе, основанный на применении следующих инструментов: цифровая культура, основанная на инновационном подходе; адаптация управленческих и бизнес-моделей; использование больших данных; ориентация на потребности клиента (клиентоцентричность); управление ценностью (перечень не является исчерпывающим). Цифровизация (диджитализация, *Digital Transformation*) является на данный момент одним из наиболее важных факторов для развития бизнеса. Потенциал этого процесса просто колоссален. Сегодня более 60 % крупнейших мировых корпораций уже работают над своей стратегией digital-трансформации. В последнее время наблюдается большой рост количества запросов среди российских компаний [9; 10].

Есть мнение, что цифровая трансформация – это просто внедрение новых технологий в организации: достаточно разработать сайты, чат-боты, приложения и подключить соцсети, чтобы считаться цифровой компанией или организацией. На самом деле цифровая трансформация – это не только инвестиции в новые технологии (искусственный интеллект, блокчейн, анализ данных и Интернет вещей), но и более глубокое изменение продуктов и услуг, сервиса, организационной структуры, стратегии развития, корпоративной культуры. Можно сказать, что цифровая трансформация – это революция в трансформации модели организации.

Цифровая трансформация происходит во всех сферах. В здравоохранении, например, активно применяются «облачные» решения для хранения *Big Data* (результаты анализов, снимки). Развивается телемедицина. Разрабатываются новые удобные мобильные приложения, кардинально меняющие коммуникации для врачей и пациентов. В образовании происходит переоснащение школ, где появляются новые инструменты передачи информации и контроля (электронные учебники, электронные дневники, форумы и пр.). Цифровизация образования позволяет реализовывать методы, которые не могут быть применены при контактном обучении (например, создание аудио- и видеоконтента в учебных целях, подготовка совместных проектов). Цифровые инструменты призваны

[15] Михайлова Е., Михайлов А. Цифровизация: от шумеров до наших дней // Федеральный бизнес журнал. 25.11.2019. Режим доступа: http://bmag42.ru/fn_36463.html (дата обращения: 01.03.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-375-386

не вытеснять традиционные, а дополнять их, формируя более широкое мышление. Цифровая трансформация происходит также в сельском хозяйстве, строительстве, государственном управлении и других сферах. Современный потребитель желает получить товар или услугу определенного качества здесь и сейчас, поэтому компаниям необходимо своевременно удовлетворять его потребности в условиях конкурентной борьбы.

Цифровой бизнес можно построить с нуля, а можно изменить уже существующий. В первом случае, цифровизация бизнеса связана с риском, основанном на внедрении новых технологий, вложении финансовых средств, постоянном поиске решений. Во втором случае этот процесс может повлечь глобальное изменение или даже уничтожение существующего бизнеса, но поможет приобрести конкурентные преимущества [11]. Банк Тинькофф – пример цифрового бизнеса, построенного с нуля (первый российский онлайн-банк). Сбербанк провел цифровую трансформацию, чтобы конкурировать на рынке банковских услуг (приложения, онлайн-сервисы).

Набор навыков и умений менеджера по инновациям или менеджера по управлению изменениями должен включать в себя *Hard Skills* (знания и навыки в профессиональной сфере) и *Soft Skills* (межпредметные компетенции). Разработка и реализация новых бизнес-моделей, умение работать с новейшими технологиями (искусственный интеллект, робототехника, *AR* и *VR*, блокчейн, Интернет вещей), анализ данных, владение продвинутыми методами управления проектами (*Lean, Six Sigma, Kanban*) относятся к «твердым» навыкам, т. е. профессиональным компетенциям, которые можно проверить, например, с помощью тестирования[16]. *Soft Skills*, являясь межпредметными или надпредметными компетенциями, нужны для эффективной реализации командной работы, построения эффективных коммуникаций с партнерами, клиентами. Эти компетенции тесно связаны с личными качествами. Это хорошие коммуникативные навыки, эмоциональный интеллект, дизайн-мышление (ориентация на запросы пользователя при разработке товара), высокая стрессоустойчивость, гибкость и адаптивность.

Цифровая трансформация должна начинаться с верхнего уровня: за разработку цифровой стратегии отвечает не только директор по технологиям, но и руководитель компании, у которого есть навыки работы с цифровыми технологиями. В команде, осуществляющей трансформацию, помимо технических экспертов, должен быть experience-дизайнер – специалист по дизайну клиентского опыта. После того, как команда сформирована, можно думать о разработке продукта. Обеспечен ли бизнес необходимой инфраструктурой – набором технологий, которые помогут в дальнейшем в его развитии? Чтобы ответ был утвердительным, нужны профессионалы в области информационной безопасности, облачных технологий, промышленных коммуникаций и аналитики. Далее происходит вовлечение в процесс трансформации других сотрудников, постоянная адаптация к нововведениям, развитие технологического мышления.

Цифровая трансформация может стать неэффективной как из-за неверно выбранных приоритетов (финансовые результаты), так и из-за внедрения «технологий ради технологий». Кроме того, затормозить процесс трансформации может нехватка компетентных специалистов (невозможность или неэффективность обучения), недостаток инвестиций, недостаточная зрелость бизнес-процессов и низкий уровень автоматизации [12, с. 50].

Как было сказано выше, государство является катализатором инноваций в сфере цифровизации. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» на местном уровне реализуется через региональные проекты. Например, в Кузбассе разработаны региональные проекты «Информационная инфраструктура», «Информационная безопасность», «Цифровое государственное управление», «Кадры для цифровой экономики»[17]. Согласно этим проектам, оценка цифровой трансформации Кемеровской области среди других субъектов РФ по отдельным отраслям следующая:

- Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) в сфере энергетики – 4 место;
- ИКТ в сфере культуры – 15 место;
- ИКТ в сфере транспорта – 21 место;
- ИКТ в сфере государственных и муниципальных финансов – 29 место;
- ИКТ в сфере образования – 34 место;
- ИКТ в сфере предпринимательства и торговли – 37 место;
- ИКТ в сфере строительства – 44 место;
- ИКТ в сфере труда и занятости – 52 место;
- ИКТ в сфере здравоохранения – 55 место;
- ИКТ в сфере сельского хозяйства – 60 место;
- ИКТ в сфере социальной защиты населения – 76 место;
- По уровню использования ИКТ в домохозяйствах и населением – 34 место;
- По уровню развития человеческого капитала (образование) – 72 место[18].

[16] Морозов В. Готовность к цифровой трансформации // Федеральный бизнес журнал. 02.10.2018. Режим доступа: http://bmag42.ru/fn_28040.html (дата обращения: 01.03.2020).

[17] Национальный проект «Цифровая экономика» // Администрация правительства Кемеровской области. Режим доступа: https://ako.ru/deyatelnost/natsionalnye-proekty-fayly/cifrovaya_ekonomika.php (дата обращения: 12.03.2020).

[18] Каплина К. Ю. Цифровая трансформация: реализация изменений. Кемеровская область // КРИРПО. Режим доступа: http://www.krirpo.ru/Documents/News_ref_2018/Barcamp_23112018/Kaplina_KY.pdf (дата обращения: 05.03.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-375-386

В рамках регионального проекта «Кадры для цифровой экономики» Кемеровской области запланированы существенные ассигнования регионального бюджета (около 200 млн руб. ежегодно), однако не предусмотрены внебюджетные средства. Количество выпускников организаций профессионального образования Кемеровской области с ключевыми компетенциями цифровой экономики должно составлять 0,45 тыс. человек ежегодно. Количество специалистов, прошедших переобучение в организациях профессионального образования Кемеровской области по компетенциям цифровой экономики в рамках дополнительного образования, должно составлять к 2024 г. 0,9 тыс. человек (увеличение в 8–9 раз по сравнению с 2019 г.)[19]. В соответствии с данным проектом должны быть реализованы следующие ключевые проекты и инициативы с максимальными эффектами для бизнеса и граждан до 2021 г.:

1. Проект «Заработай сам» подразумевает вовлечение обучающихся образовательных организаций разного уровня в реализацию волонтерских и предпринимательских проектов, в том числе в области цифровой экономики (участие не менее 5 тыс. школьников и студентов, поддержка не менее 150 проектов). Планируемый результат – получение молодым поколением опыта в организации проектов в сфере технологического, цифрового предпринимательства, получение широкого круга цифровых и предпринимательских компетенций (*Hard* и *Soft Skills*).

2. Центр опережающей профессиональной подготовки ориентирован на налаживание взаимодействия с организациями – работодателями цифровой экономики для развития компетенций и получения профессионального опыта, который можно применять не только на данный момент, но и с учетом будущего развития цифровой среды.

3. Центр цифровых компетенций имеет целью снижение цифрового неравенства и предполагает помощь представителям разных возрастных групп в повышении цифровой грамотности, приобретении компетенций цифровой экономики.

4. Конкурс «Бабушка – мама – и я – цифровая семья» направлен на повышение цифровой грамотности и минимизацию разрыва между поколениями в сфере использования цифровых средств путем совместного обучения семей.

5. Школа «Серебряная цифрология» предполагает обучение не менее 200 лиц предпенсионного и пенсионного возраста цифровой грамотности. Проект направлен на сокращение цифрового неравенства, возникающего под влиянием социальных и демографических факторов.

Методы и материалы

В рамках реализации региональных проектов Кемеровской области было проведено исследование по готовности к цифровой трансформации предприятий торговли и сферы услуг. Исследование проходило в течение одного месяца 2019 г. База исследования – 15 сетевых компаний и 10 малых предприятий и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность на территории г. Кемерово. Исследование проходило в 4 этапа, основным из которых являлось анкетирование, по результатам которого респондентам были присвоены баллы, затем использованные для распределения компаний по «ступеням» в зависимости от готовности к цифровой трансформации. Приведены общие выводы по результатам анкетирования[20].

Сетевые компании, участвующие в исследовании: ПАО «Вымпел-Коммуникации», ООО «ДНС Ритейл», ООО «ИКС 5 Финанс», ООО «Лента», ООО «Леруа Мерлен Восток», ООО «Л'Этуаль», ПАО «М.видео», ПАО «Магнит», ООО «Мария-РА», ПАО «МегаФон», ООО «Монетка», ООО «Новэкс», ООО «Спортмастер», ООО «Цимус ТК», ООО «Ярче». Малые предприятия и индивидуальные предприниматели: ООО «Альфафиш» (сеть магазинов «Рыбатория»), ООО «Бакстор Обувь», ИП «Водолей», инди-пивоварня «Калинкино», ООО «Кемерово-Торг» (ТМ «Продукты Ермолино»), ООО «Межениновская птицефабрика» (сеть розничных магазинов), фирменный магазин «Плотниковские колбасы», кондитерская «Сладкоежка», ООО «Универсамы Бегемаг», ООО «Хлебница – Кемерово».

Анкета-опросник содержала вопросы по направлениям:

- техническая и стратегическая готовность к цифровой трансформации;
- применение технологий, относящихся к цифровым;
- восприимчивость к инновациям, взаимодействие с наукой и системными интеграторами;
- система подготовки персонала.

Анкета состояла из 20 вопросов. По каждому вопросу предлагался выбор одного из трех вариантов ответа с градацией оценок по шкале от 0 до 1 балла. Максимально возможное количество баллов – 20.

Результаты

В результате оценки готовности предприятий к цифровой трансформации определены три ступени.

1. Низкая степень готовности (0–10 баллов). В компании не освоены современные технологии управления. Условием возможного перехода к следующей ступени может явиться смена стратегической программы развития организации и усиление управленческого аппарата или смена собственника. Срок готовности перехода может составить 5 лет и более. В эту группу попали 40 % малых предприятий и 70 % индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность в г. Кемерово.

[19] Национальный проект «Цифровая экономика» ...

[20] Привести рейтинг полностью не представляется возможным, что обусловлено наличием закрытой коммерческой информации в результатах исследования.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-375-386

2. Средняя степень готовности (11–15 баллов). В компании не освоена большая часть современных технологий управления (образовательных, информационных и др.), необходимых для перехода к цифровым системам управления. Срок готовности перехода может составить от 3 до 5 лет. К данной группе были отнесены 40 % крупных сетевых компаний, 30 % малых предприятий и 30 % индивидуальных предпринимателей.

3. Высокая степень готовности (16–20 баллов). Компания находится в стадии перехода к цифровым системам управления либо может осуществить переход в течение ближайших 3 лет. В данную группу были отнесены 60 % сетевых компаний и 20 % малых предприятий.

По результатам проведенного исследования респондентами были названы основные факторы (барьеры), препятствующие цифровой трансформации на предприятиях торговли и оказания услуг.

Недостаточные компетенции и знания в цифровой сфере, в том числе неправильное понимание самого термина *цифровая трансформация,* были отмечены 60,2 % респондентов. Большая часть респондентов ответили, что под цифровизацией понимают автоматизацию бизнес-процессов, хотя цифровая трансформация – это процесс адаптации бизнеса к новым изменяющимся условиям рынка, т. е. среде ведения бизнеса, стратегический процесс развития и быстрого реагирования.

Страх изменений отметили 54,2 % опрошенных. Это связано с двумя факторами: незнанием и нежеланием принимать нововведения. Работники боятся потерять свои места и поэтому всячески препятствуют внедрению цифровой трансформации. С этим фактором связаны такие барьеры, как позиция руководства (21,3 %) и оценка рисков (31,3 %). Изменения в мире происходят более быстрыми темпами, чем изменение сознания человека. Это обусловлено тем, что меняются условия, требуются новые компетенции, знания и умения в профессии. Поэтому требуется непрерывное образование, дающее новые знания и умения, необходимые для продуктивной работы, саморазвития, получения новых компетенций, ведения и развития успешного бизнеса. О нехватке квалифицированных кадров заявили 27,8 % респондентов.

По результатам оценки предприятий системы подготовки персонала как основы для эффективной цифровой трансформации отрасли выявлено, что:

- у большинства предприятий (более 60 %) имеется корпоративный учебный центр (собственный штат преподавателей и обновляемые учебные программы) и проводится регулярное плановое переобучение всех категорий сотрудников;
- у 50 % респондентов имеется симуляционное оборудование, виртуальные тренажеры, проводится онлайн-обучение, проходят вебинары, видеоконференции, предоставляются видеоролики и видеоуроки;
- 64 % респондентов используют основные каналы информирования сотрудников предприятия об изменениях в системе управления, отраслевых тенденциях и новых цифровых технологиях через специализированные совещания и рабочие группы, инициацию управленческих проектов, стимулирование разработки инновационных проектов, корпоративные программы обучения, интранет (внутренняя информационная сеть).

Респондентам был задан вопрос: Какие цифровые технологии присутствуют на вашем предприятии? Были получены следующие ответы. Среди цифровых технологий, имеющих наибольший уровень внедрения на предприятиях или планируемых к внедрению до 2021 г., выделены технологии удаленной видеотрансляции, видеоконференций, система беспроводной связи с рабочими (в 2019 г. внедрено у 79,3 % респондентов; в перспективе – еще у 20,7 % респондентов). Носимые устройства контроля состояния здоровья персонала в 2019 г. имеются лишь у 0,5 % респондентов, примерно у 32,1 % – планируется к внедрению в ближайшие 2 года. Цифровое моделирование планируется к внедрению у 57,1 % респондентов, существует на сегодняшний день – в 2,5 % организаций. На 2019 г. ни в одной компании нет технологий, основанных на *Big Data,* предиктивном анализе, нейротехнологиях и искусственном интеллекте при обработке данных; не применяется машинное обучение. Однако 75 % респондентов планируют внедрить вышеперечисленное в ближайшей перспективе.

Нами были использованы следующие параметры оценки:

- техническая и стратегическая готовность к цифровой трансформации;
- восприимчивость к инновациям, взаимодействие с наукой и системными интеграторами; основные приоритеты развития предприятий;
- ключевые факторы, от которых зависит скорость цифровой трансформации на предприятии; состояние системы подготовки персонала как основы эффективной цифровой трансформации отрасли;
- цифровые технологии, имеющие наибольший уровень внедрения / планируемые к внедрению на предприятиях в 2019–2021 гг.

По результатам исследования наибольшее количество баллов набрали компании ООО «Лента», ООО «Л'Этуаль», ООО «ИКС 5 Финанс», ПАО «Магнит», ООО «Леруа Мерлен Восток», ООО «Мария-РА» (17 баллов из 20 возможных). Но высокий уровень в рейтинге компании не означает высокого уровня готовности к цифровизации на некоторых предприятиях, входящих в состав крупных сетевых компаний, где технологии могут внедряться постепенно с отставанием от головного предприятия [13]. Значительный разрыв в набранном количестве баллов продемонстрировали ООО «Лента», ООО «ИКС 5 Финанс», ООО «Л'Этуаль» и предприятия в составе этих компаний.

Компании, не входящие в состав холдингов и крупных корпораций, в количестве 10 единиц могут готовиться

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-375-386

к цифровой трансформации на уровне, сопоставимом с компаниями-лидерами. Лидером рейтинга стала компания ООО «Универсамы Бегемаг», набравшая 15,5 баллов из 20 возможных.

Цифровая трансформация не относится к основным стратегическим приоритетам развития компаний в сфере торговли и оказания услуг. Решения в сфере цифровой трансформации носят точечный характер, в основном связанный с технической составляющей цифровизации. Предприятия торговли и сферы услуг, осуществляющие деятельность на территории Кемеровской области, перспективы развития связывают, как правило, с повышением объема продаж, производительности и безопасности труда персонала, снижением издержек. К числу стратегических приоритетов не относится и вопрос привлечения инвестиций для реализации проектов в сфере цифровизации бизнеса. Тем не менее вопрос повышения конкурентоспособности является одним из приоритетных.

Ранжирование факторов – драйверов цифровой трансформации на предприятиях торговли и сферы услуг с точки зрения скорости внедрения цифровой трансформации на исследуемых предприятиях, по мнению респондентов, выглядит следующим образом: на 1 месте – экономическая целесообразность внедрения цифровых технологий; 2 – желание собственников, акционеров; 3 – введение отраслевых стандартов, предусматривающих массовую цифровизацию предприятий; 4 – требования государственных и контролирующих органов; 5 – возможность привлечения инвестиций на проекты цифровизации; 6 – наличие собственных финансовых ресурсов на проекты цифровизации; 7 – стимулирующие государственные программы (компенсации, преференции и т. д.); 8 – доступность оборудования, готовых решений, опытных подрядчиков по внедрению цифровых систем; 9 – изменение конъюнктуры рынка; 10 – наличие персонала, обладающего компетенциями по цифровыми технологиям.

Таким образом, для осуществления цифровой трансформации предприятий торговли и оказания услуг необходим высокий уровень готовности, прежде всего, управленческого звена [14]. Речь идет и о стратегии, и об оперативном менеджменте (управление конкурентоспособностью, высокая скорость принятия управленческих решений, профилактика рисков и снижение их последствий, гибкое управление процессами и т. д.). В некоторых источниках упоминается *цифровое управление*, под которым понимается управление с помощью цифровых технологий [15; 16]. Это может означать применение доступных средств цифровизации для трансформации всех процессов предприятия. Например, одним из наименее затратных инструментов можно назвать применение чат-ботов для оптимизации внешних и внутренних коммуникаций.

Цифровые инструменты, актуальные для сферы торговли и оказания услуг

Существует ряд инструментов, развитие и совершенствование которых облегчает процесс цифровой трансформации [17–19]. Машинное обучение, искусственный интеллект и нейросети – тренды последних лет, которые не просто на слуху, а уже являются реальностью. В деятельности компаний существует множество повторяющихся вопросов и рутинных операций, которые можно переложить на искусственный интеллект, высвобождая сотрудников для решения креативных и нестандартных задач.

Для торговли и сферы услуг одним из самых важных элементов, в котором достаточно много болевых точек, является сервисная поддержка клиентов. Большинство запросов в call-центр требуют однотипных ответов, автоматизация которых существенно снижает нагрузку на операторов, делая их работу более интеллектуальной. Такой подход повышает мотивацию сотрудников, снижает издержки, предоставляет клиентам простой канал связи, доступный круглосуточно. Несмотря на простоту ответов, людям проще написать вопрос в чат, чем дозваниваться до call-центра, как в случае с поддержкой оператора сотовой связи.

Следующим направлением трансформации являются процессы HR-администрирования. Чат-боты решают вопрос массового найма персонала, когда нет необходимости просматривать уникальное резюме, а достаточно собрать ответы на стандартные вопросы. Такие помощники есть у крупных торговых сетей ООО «Л'Этуаль» и ООО «ИКС 5 Финанс». Записаться на интервью в Л'Этуаль можно, ответив на несколько вопросов, а магазины Пятерочка и Перекресток даже предложат вакансию рядом с домом соискателя.

Компании могут воспользоваться собственными разработками или аутсорсинговым предложением. Существуют готовые сервисы, в том числе российского производства. Например, робот-рекрутер Вера подбирает резюме по заданным критериям, самостоятельно обзванивает кандидатов и проводит видео-интервью. За человеком остается просмотр промежуточных результатов и принятие финального решения[21].

В сфере внутренних коммуникаций можно передавать ботам элементы адаптации новых сотрудников. Программа собирает всю информацию о внутренней структуре, контакты и дни рождения коллег, корпоративные новости и учебные материалы, информацию по страхованию и пр. Чат-бот подскажет, как пройти в тот или иной отдел или где находится ближайший принтер, в формате неформального общения проведет тестирование компетенций сотрудника и, в зависимости от выявленных пробелов, подскажет материалы для обучения.

Существенно упрощаются процессы по оформлению отпусков, организации командировок, бронированию

[21] Vera Voice. Режим доступа: https://robotvera.com/static/newrobot/index.html (дата обращения: 16.03.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-375-386

переговорных, внутренние опросы сотрудников, быстрый доступ к документам и базе знаний, обучение и тайм-менеджмент. Это гибкий и удобный интерфейс для получения обратной связи и разного рода статистики. Для оформления отпуска достаточно написать боту: *планирую уйти в отпуск через две недели*. После проверки доступных дней отпуска бот уточнит такую возможность у руководства, пришлет необходимые для заполнения документы, оповестит об их готовности и необходимости подписать. Таким же образом бот организует командировку. Узнав место назначения и даты, он предоставит на выбор отели и варианты по билетам, направит заявки в соответствующие службы, оповестит о готовности документов, предложит вызвать такси в день вылета и подскажет, какая погода в городе назначения. Фактически это новый удобный интерфейс для корпоративного портала.

Пока еще не составляет большого труда разобраться, разговаривает с вами человек или робот, но боты совершенствуют навыки общения с каждым новым собеседником, ставят смайлики, задают вопросы, даже общаются и соревнуются между собой. Создавать простые чат-боты можно, не обладая навыками программирования, используя многочисленные платформы и сервисы, включая интегрированные с крупнейшими поисковыми системами, что позволяет сразу включать чат-боты не только в сферу управления, но и в процесс оказания услуг или осуществление продажи. Интеграция чат-ботов с поисковыми системами способствует развитию интернет-маркетинга наряду с инструментами CRM (*Customer Relationship Management* – управление взаимоотношениями с клиентами), также основанными на цифровых технологиях. Задача любой такой системы состоит в повышении продаж путем оптимизации бизнес-процессов, выстраивания эффективной взаимосвязи с клиентами (сервисное обслуживание, техническая поддержка). CRM с помощью фиксации и анализа продаж, автоматического сбора информации о клиентах, в частности о рекламациях и жалобах, позволяет сформировать рекомендации о востребованной продукции, сегментах клиентов и их потребностях. Эта информация является базой для повышения качества обслуживания и увеличения продаж.

Эти примеры – очень малая часть инструментов, используемых для проведения цифровой трансформации в сфере торговли и оказания услуг. Цифровая трансформация – это не просто уход торговли в онлайн-формат, но и выстраивание системы в оффлайн-форматах осуществления деятельности.

Заключение

Существует несколько направлений в определении цифровизации и цифровой трансформации. Наиболее приемлемым для сферы торговли и оказания услуг является акцент на использование больших объемов данных и цифровых технологий для более эффективного функционирования по сравнению с традиционными способами осуществления деятельности. Цифровая трансформация предприятий торговли и сферы услуг присутствует на уровне крупных сетевых компаний; однако есть примеры высокой степени цифровой трансформации компаний небольших размеров регионального масштаба.

Наиболее высокие результаты в сфере цифровой трансформации демонстрируют предприятия, работающие на рынках по продаже товаров FMCG (*Fast Moving Consumer Goods*) – быстро оборачиваемых товаров или товаров с высокой частотой покупки, товаров повседневного спроса (например, ООО «Л'Этуаль», ООО «ИКС 5 Финанс», ПАО «Магнит», ООО «Мария-Ра»). Данные, полученные в результате исследования по региону, в целом совпадают с общероссийскими тенденциями[22]. Рынок предприятий торговли и сферы услуг информационно закрыт, прозрачность данных низкая. Уровень систематизации данных невысокий, большое количество отраслевых новостей не компенсируется системной аналитикой. Часть компаний применяет отдельные элементы цифровых технологий, не выводя цифровую трансформацию в стратегические приоритеты. Но примеров демонстрации практического применения данных технологий не так много.

Степень готовности предприятий торговли и сферы услуг (на примере Кемеровской области) можно оценить как неравномерную. Это зависит, во-первых, от размера предприятия (сетевые компании имеют более высокую оценку готовности к трансформации); во-вторых, от наличия или отсутствия стратегических приоритетов развития, связанных с цифровизацией. К факторам-барьерам цифровой трансформации по итогам исследования можно отнести недостаточный уровень компетенций и знаний в сфере цифровизации, страх изменений, нехватку квалифицированных кадров. К факторам-драйверам относятся экономическая целесообразность внедрения цифровых технологий, желание собственников и акционеров. Большая часть цифровых технологий на предприятиях данной сферы только планируется к внедрению. Примерно у половины предприятий, участвовавших в опросе, системы подготовки персонала базируются на элементах цифровых технологий.

Сфера торговли и оказания услуг одной из первых перешла в онлайн-формат. Готовность потребителей, развитие интернет-маркетинга и постоянное совершенствование цифровых технологий и инструментов обуславливают перспективы дальнейшей цифровой трансформации в этой сфере как непрерывного процесса для повышения конкурентоспособности.

[22] Цифровая активность организаций розничной торговли. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 13 с.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-375-386

Литература

1. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: докл. к XX Апр. Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. (Москва, 9–12 апреля 2019 г.) / науч. ред. Л. М. Гохберг. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 82 с.
2. Стрелкова И. А. Цифровая экономика: новые возможности и угрозы для развития мирового хозяйства // Экономика. Налоги. Право. 2018. Т. 11. № 2. С. 18–26. DOI: 10.26794/1999-849X-2018-11-2-18-26
3. Кузин Д. В. Проблемы цифровой зрелости в современном бизнесе // Мир новой экономики. 2019. Т. 13. № 3. С. 89–99. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-3-89-99
4. Галимова М. П. Готовность российских предприятий к цифровой трансформации: организационные драйверы и барьеры // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2019. № 1. С. 27–37. DOI: 10.17122/2541-8904-2019-1-27-27-37
5. Ismail M. H., Khater M., Zaki M. Digital business transformation and strategy: what do we know so far? Cambridge Service Alliance, 2017. 35 p. DOI: 10.13140/RG.2.2.36492.62086
6. Семернина С. А., Сомина И. В. Цифровая трансформация бизнеса: зарубежный опыт // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2018. Т. 9. № 2. С. 25–31.
7. Долганова О. И., Деева Е. А. Готовность компании к цифровым преобразованиям: проблемы и диагностика // Бизнес-информатика. 2019. Т. 13. № 2. С. 59–72. DOI: 10.17323/1998-0663.2019.2.59.72
8. Fayyaz S. A review on measuring digital trade & e-commerce as new economic statistics products // Better Statistics for Better Lives: Proc. 16 Conf. of IAOS. (Paris, September 19–21, 2018). Paris, 2018. Режим доступа: http://www.oecd.org/iaos2018/programme/IAOS-OECD2018_Fayyaz.pdf (дата обращения: 03.03.2020).
9. Тарасов И. В. Подходы к формированию стратегической программы цифровой трансформации предприятия // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2019. Т. 10. № 2. С. 182–191. DOI: 10.17747/2618-947X-2019-2-182-191
10. Исмагилова Л. А., Галимова М. П., Гилева Т. А. Инструменты организации процессов создания конкурентоспособной продукции в цифровой экономике // Вестник КГТУ им. А. Н. Туполева. 2018. Т. 74. № 3. С. 43–51.
11. Лаптева Е. В., Огородникова Е. П. Цифровая трансформация финансового сектора российской экономики // Развитие науки в эпоху цифровизации: проблемы, тенденции, прогнозы / под ред. М. В. Посновой. Петрозаводск: Новая наука, 2019. С. 215–227.
12. Бутковская Г. В., Сумарокова Е. В. Цифровые стратегии компаний: потенциал роста и причины провала // E-Management. 2019. Т. 2. № 3. С. 48–57. DOI: 10.26425/2658-3445-2019-3-48-57
13. Гилева Т. А. Цифровая зрелость предприятия: методы оценки и управления // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2019. № 1. С. 38–52. DOI: 10.17122/2541-8904-2019-1-27-38-52
14. Зверева А. О., Депутатова Е. Ю. Трансформация торговых услуг в цифровой экономике // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2019. № 4. С. 156–163. DOI: 10.21686/2413-2829-2019-4-156-163
15. Батракова Л. Г. Развитие цифровой экономики в регионах России // Социально-политические исследования. 2019. № 1. С. 51–64. DOI: 10.24411/2658-428X-2019-10338
16. Соложенцев Е. Д. К вопросу цифрового управления государством и экономикой // Проблемы анализа риска. 2017. Т. 14. № 6. С. 30–43.
17. Петренко В. А. Цифровизация отношений с покупателем // Наука, образование и культура. 2017. № 9. С. 18–21.
18. Шуйский В. П. Международная торговля в условиях цифровизации мировой экономики // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 7. С. 7–20.
19. Крымов С. М., Кольган М. В. Методологические основы цифровой трансформации торгового предприятия // Проблемы современной экономики. 2019. № 1. С. 67–70.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-375-386

original article

Trade and Service Industry: Readiness Analysis for Digital Transformation*

Oksana S. Komarcheva [a]; Elena A. Lysenko [a, @]
[a] Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
[@] lysenko.elena@bk.ru

Received 23.03.2020. Accepted 17.05.2020.

Abstract: Trade and service industry was one of the first areas to go online. As a result, digital transformation has always been important for this sphere. The research objective was to assess the readiness of trade enterprises and service sector for digital transformation in the Kemerovo region based on questionnaire method. The study featured network companies, small businesses, and individual entrepreneurs in the field of trade and services. The article covers several approaches to the definition of digital transformation and its key areas, i.e. customer-centered approach, partnership and collaboration, big data, innovations, digital value management, corporate and consumer digital culture, etc. Most enterprises saw digital transformation as a tool of efficiency improvement, not as a strategic activity. This was mostly typical of large network companies, with a few regional enterprises. Companies that deal with consumer goods showed the best results in digital transformation. The market of trade and services in has low data transparency. Most companies demonstrated a poor use of digital technology. On the other hand, consumers of trade and service industry showed a high degree readiness for digital transformations. Development of Internet marketing and digital technologies suggests that digital transformation is bound to become a tool of competitive growth.

Keywords: digitalization, competitiveness, Internet marketing, value management, digital culture, strategic priorities

For citation: Komarcheva O. S., Lysenko E. A. Trade and Service Industry: Readiness Analysis for Digital Transformation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(3): 375–386. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-375-386

References

1. *What is digital economy? Trends, competencies, and measurement:* Proc. XX April Intern. Sci. Conf. on the Problems of Economic and Social Development, Moscow, April 9–12, 2019, ed. Gokhberg L. M. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2019, 82. (In Russ.)
2. Strelkova I. A. Digital economy: new opportunities and threats for the development of the world economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, 2018, 11(2): 18–26. (In Russ.) DOI: 10.26794/1999-849X-2018-11-2-18-26
3. Kuzin D. V. Problems of digital maturity in modern business. *Mir novoi ekonomiki*, 2019, 13(3): 89–99. (In Russ.) DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-3-89-99
4. Galimova M. P. Readiness of Russian enterprises to digital transformation: organizational drivers and barriers. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika*, 2019, (1): 27–37. (In Russ.) DOI: 10.17122/2541-8904-2019-1-27-27-37
5. Ismail M. H., Khater M., Zaki M. *Digital business transformation and strategy: what do we know so far?* Cambridge Service Alliance, 2017, 35. DOI: 10.13140/RG.2.2.36492.62086
6. Semernina S. A., Somina I. V. Digital transformation of business: international experience. *Vestnik Samarskogo Universiteta. Ekonomika i upravlenie*, 2018, 9(2): 25–31. (In Russ.)
7. Dolganova O. I., Deeva E. A. Company readiness for digital transformations: problems and diagnosis. *Business-Informatics*, 2019, 13(2): 59–72. (In Russ.) DOI: 10.17323/1998-0663.2019.2.59.72
8. Fayyaz S. A review on measuring digital trade & e-commerce as new economic statistics products. *Better Statistics for Better Lives:* Proc. 16 Conf. of IAOS, Paris, September 19–21, 2018. Paris, 2018. Available at: http://www.oecd.org/iaos2018/programme/IAOS-OECD2018_Fayyaz.pdf (accessed 03.03.2020).
9. Tarasov I. V. Approaches to developing a strategic program of company's digital transformation. *Strategicheskie resheniya i risk-menedzhment*, 2019, 10(2): 182–191. (In Russ.) DOI: 10.17747/2618-947X-2019-2-182-191
10. Ismagilova L. A., Galimova M. P., Gileva T. A. Tools for organizing the processes of creating competitive products in the digital economy. *Vestnik KGTU im. A. N. Tupoleva*, 2018, 74(3): 43–51. (In Russ.)

* The article was written for the III All-Russian Scientific and Practical Conference "Management of organizations in the modern economy" dedicated to the 300th Anniversary of Kuzbass Exploration, topic: Digital Management Transformation.

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-375-386

11. Lapteva E. V., Ogorodnikova E. P. Digital transformation of the financial sector of the Russian economy. *Development of science in the era of digitalization: problems, trends, and forecasts*, ed. Posnova M. V. Petrozavodsk: Novaia nauka, 2019, 215–227. (In Russ.)
12. Butkovskaya G. V., Sumarokova E. V. Digital strategies of companies: growth potential and reasons for failure. *E-Management,* 2019, 2(3): 48–57. (In Russ.) DOI: 10.26425/2658-3445-2019-3-48-57
13. Gileva T. A. Digital maturity of the enterprise: methods of assessment and management. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriia: Ekonomika*, 2019, (1): 38–52. (In Russ.) DOI: 10.17122/2541-8904-2019-1-27-38-52
14. Zvereva A. O., Deputatova E. Yu. Trade service transformation in digital economy. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova*, 2019, (4): 156–163. (In Russ.) DOI: 10.21686/2413-2829-2019-4-156-163
15. Batrakova L. G. Development of digital economy in Russian regions. *Social'no-politicheskie issledovanija*, 2019, (1): 51–64. (In Russ.) DOI: 10.24411/2658-428X-2019-10338
16. Solozhentsev E. D. On the question of digital governance of the states of the economy. *Problemy analiza riska*, 2017, 14(6): 30–43. (In Russ.)
17. Petrenko V. A. Digitalization of customer relationships. *Nauka, obrazovanie i kultura*, 2017, (9): 18–21. (In Russ.)
18. Shuyskiy V. P. International trade and digitalization of world economy. *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik*, 2019, (7): 7–20. (In Russ.)
19. Krymov S. M., Kolgan M. V. Methodological foundations of the digital transformation of a trade enterprise. *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 2019, (1): 67–70. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-387-396

оригинальная статья
УДК 330.12; 336.7

Оценка доступности финансовых онлайн-услуг населению Кемеровской области – Кузбасса*

Эльмира М. Лубкова [a, @, ID1]; Галина С. Ермолаева [a, ID2]; Анна Э. Шилова [a, ID3]
[a] Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева, Россия, г. Кемерово
[@] lem.fk@kuzstu.ru
[ID1] https://orcid.org/0000-0002-3255-779X
[ID2] https://orcid.org/0000-0003-3191-2080
[ID3] https://orcid.org/0000-0002-1887-2275

Поступила в редакцию 09.04.2020. Принята к печати 08.05.2020.

Аннотация: В условиях цифровизации экономики вопрос использования интернет-платформ в сфере финансов становится все более актуальным. С одной стороны, они позволяют повысить доступность финансовых услуг и обеспечить сокращение времени на их получение. С другой стороны, при недостаточной финансовой грамотности и неполном интернет-покрытии территорий в удаленных населенных пунктах данный вопрос может быть решен только на основе разработки и реализации мер по минимизации барьеров. Цель исследования – оценка финансовой доступности онлайн-услуг. Объект – отношения между потребителями и финансовыми институтами в процессе реализации финансовых услуг в удаленном доступе, предмет – финансовая доступность онлайн-услуг. Применены эмпирический, монографический, абстрактно-логический методы исследования. Оценка финансовой доступности на основе эмпирических данных позволила сделать выводы, что у большинства опрошенных есть возможность выбора услуг банков в дистанционном доступе, реже – страховых компаний и еще реже – других финансовых институтов. Респонденты отметили, что они сталкиваются с барьерами при получении финансовых услуг, в том числе в удаленном доступе. Результаты могут применяться при разработке региональных программ по развитию финансового рынка и в рамках дальнейших исследований финансовой доступности в Кемеровской области. Исследование может стать основой для разработки механизма повышения финансовой доступности за счет разработки совокупности мер, направленных на повышение финансовой грамотности, полное интернет-покрытие территории и повышение доверия к финансовым институтам.

Ключевые слова: финансовая доступность, финансовые услуги, удаленный доступ, экономические барьеры, банковские услуги, страховые услуги

Для цитирования: Лубкова Э. М., Ермолаева Г. С., Шилова А. Э. Оценка доступности финансовых онлайн-услуг населению Кемеровской области – Кузбасса // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 3. С. 387–396. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-387-396

Введение

В условиях развития финансового рынка одним из приоритетных направлений остается обеспечение доступности финансовых услуг, в том числе посредством дистанционных каналов обслуживания. Определение и содержание категории *финансовая доступность* предложено Банком России в 2015 г.: это состояние финансового рынка, при котором и физические (взрослое, а именно дееспособное, население нашей страны), и юридические (субъекты малого и среднего предпринимательства) лица имеют полноценный доступ к получению базового набора финансовых услуг[1].

Исследованием финансовой доступности занимаются О. М. Возная, Е. А. Яковлева и А. А. Илунина [1], Л. К. Улыбина и С. А. Федоренко [2], М. Г. Стоколесова [3]. Ю. Г. Мингазова, Д. О. Измайлова, Р. И. Шарафутдинов рассматривают доступность финансовых услуг как доступ граждан к широкому спектру финансовых сервисов в области платежей и сбережения и отмечают важность использования официальных сервисов с целью безопасного осуществления операций [4].

Потребители могут использовать финансовые продукты и услуги только при наличии соответствующей инфраструктуры их предоставления (речь идет о физической и дистанционной доступности) [5]. В современных условиях интенсивный процесс цифровизации финансового рынка оказывает влияние на уровень финансовой доступности отдельного региона и страны в целом. Следует согласиться с мнением А. Е. Литвиненко: все больше

* Статья написана в рамках III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию освоения Кузбасса, «Управление организациями в современной экономике». Специальная тема: «Цифровая трансформация управления».

[1] Стратегия повышения финансовой доступности в РФ на период 2018–2020 гг. // Банк России. Режим доступа: https://cbr.ru/analytics/develop/str_2018_2020// (дата обращения: 02.04.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-387-396

услуг оказывается дистанционно (удаленно), что значительно снижает роль компонента физической доступности в структуре финансовой доступности [6].

По мнению О. Д. Шумаковой, для повышения доступности финансовых услуг необходимо развитие каналов удаленного доступа, а также повышение финансовой грамотности населения, поскольку применение цифровых платформ в повседневной практике требует определенных навыков. Развитие финансовой инфраструктуры на основе цифровизации, ответственное клиентоориентированное поведение финансовых институтов будет способствовать повышению качества жизни населения [7]. Вопросы цифровизации рынка финансовых услуг исследуют Н. В. Фадейкина и Т. Т. Бъядовский [8; 9], Е. Д. Вайсман и М. В. Подшивалова [10], А. М. Тазеева и Т. В. Крамин [11].

На уровне мирового сообщества разработаны стандарты цифровой финансовой доступности «Группы 20» (*The Group of Twenty*, G20)[2] для содействия развитию цифровых финансовых услуг, согласно которым необходимы цифровой подход к финансовой доступности, развитие инфраструктуры для построения цифровой экосистемы, повышение уровня финансовой грамотности населения и т. д. По мнению Ш. Т. Чана, наиболее эффективным способом выполнения стандартов G20 является включение их в национальные стратегии и планы развития с учетом принципов заинтересованности государственного сектора, полноты и актуальности нормативной базы, прозрачности и защищенности, обеспечения эффективной инфраструктуры, конкуренции и сотрудничества, внедрения эффективных методов управления и контроля рисков, обеспечения эффективного надзора со стороны государства [12]. А. А. Антипов, А. О. Липатов и В. В. Мищенко отмечают отставание России от ведущих стран в части внедрения современных технологий, однако говорят и о позитивных трансформациях, таких как развитие дистанционного банковского обслуживания, современное правовое регулирование национальной платежной системы, возможность осуществления электронных платежей с высоким уровнем безопасности [13].

Е. К. Воронкова, Е. И. Громова, Т. Е. Паушева отмечают в качестве преимуществ предоставления финансовых услуг через дистанционные финансовые сервисы круглосуточный режим работы, дешевизну, информативность для клиента, а в качестве недостатков – необходимость поддержания соответствующего уровня безопасности, стабильных каналов связи, дополнительные расходы финансовых организаций [14].

Финансовая доступность включает в себя доступность банковских и страховых услуг, а также услуг микрофинансовых организаций (МФО), кредитных потребительских кооперативов (КПК), ломбардов. Российские ученые анализируют отдельные аспекты финансовой доступности. И. Г. Гугнюк предлагает проводить анализ доступности банковских услуг на основе показателей, характеризующих количественные, качественные, информационные аспекты с учетом их безопасности, и понимает под доступностью банковских услуг «уровень деятельности кредитной организации, направленной на свободное, своевременное, открытое оказание прозрачных банковских услуг в необходимом количестве и по умеренным ценам» [15, с. 238].

А. А. Гулько, Е. Н. Пашкова связывают рост востребованности страховых услуг с повышением их доступности. Развитие электронных каналов позволяет поднять сервис на новый уровень [16]. Кроме того, увеличение интереса к удаленным сервисам страховых компаний может быть связано с сокращением числа региональных страховщиков, как отмечают О. Н. Козлова и Д. О. Черней [17].

О. М. Возная, Е. А. Яковлева и А. А. Илунина для повышения финансовой доступности считают возможным использование услуг, предоставляемых КПК в удаленном доступе на фоне сокращения филиалов и отделений банков, в том числе в малонаселенных и труднодоступных районах [18]. О. Б. Березинская отмечает целесообразность развития микрофинансирования в дополнение к системе банковских услуг [19]. По нашему мнению, в условиях цифровизации повышение спроса на финансовые услуги в удаленном доступе возможно только при повышении финансовой грамотности населения [20–22].

Цифровизация финансового рынка возможна на основе одной из трех моделей: традиционной, когда финансовые услуги оказываются в физическом доступе; онлайн-модели, когда услуги всех финансовых институтов предоставляются посредством сети Интернет; и смешанной, или интегрированной, модели, сочетающей традиционные каналы обслуживания клиентов и онлайн-способы оказания финансовых услуг. Для России характерна интегрированная модель[3].

А. А. Костин и Г. В. Цветова отмечают, что проблемами финансовой доступности в удаленном и физическом доступе по-прежнему могут быть низкая мобильность отдельных категорий граждан, удаленность территорий проживания, отсутствие отделений финансовых организаций, неустойчивая зона покрытия либо отсутствие сети Интернет [23]. Следует согласиться с данной позицией, поскольку, безусловно, эти факторы замедляют процесс цифровизации и повышения финансовой доступности.

В настоящее время в регионах различаются характеристики рынков финансовых услуг в удаленном доступе.

[2] G20 high-level principles for digital financial inclusion. GPFI, 2016. 26 p.

[3] Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 гг. М.: Центральный банк РФ, 2018. 19 с.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-387-396

Это обусловлено различной структурой населения (половозрастная структура, соотношение сельского и городского населения, уровень финансовой грамотности и готовность пользоваться финансовыми услугами в удаленном доступе). Кроме того, существуют различия в интернет-покрытии территории как на межрегиональном, так и на внутрирегиональном уровне.

Методы и материалы

В исследовании применены эмпирический, монографический, абстрактно-логический методы. Совместно с Правительством Кемеровской области – Кузбасса и отделением Сибирского ГУ Банка России в г. Кемерово проведено исследование доступности финансовых услуг в удаленном доступе на территории региона. На основе методики оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ[4] была разработана анкета.

Основу выборочной совокупности составили 9725 человек из 34 муниципальных образований Кемеровской области – Кузбасса. Все респонденты были распределены по полу, возрасту и социальному статусу. Большую часть выборки составили женщины (80,3 %). Выделены 4 возрастные группы анкетируемых: до 20 лет (16,65 %), 20–40 лет (43,35 %), 40–60 лет (35,23 %) и старше 60 лет (4,77 %). Социальный статус респондентов неоднороден. Так, наибольшая их часть работают по найму (66,97 %). Далее следуют группы учащихся (17,85 %), пенсионеров (5,62 %), самозанятых (3,17 %), временно не работающих (2,26 %), предпринимателей (2,1 %), безработных (1,14 %). Самая малочисленная группа – пенсионеры по инвалидности (0,88 %).

Для оценки финансовой доступности банковских и страховых услуг, услуг МФО и КПК использовалась градация, отражающая наличие альтернатив при выборе компаний, предоставляющих услуги:

- услуги полностью доступны (предоставляются более, чем 8 компаниями; имеется дистанционное обслуживание);
- выбор ограничен (нужную услугу предоставляют не более 8 компаний);
- выбор заметно ограничен (услугу предоставляют не более 5 компаний);
- выбора нет (представлена только 1 компания).

Результаты

Для Кемеровской области характерна неравномерная территориальная структура населения. Наиболее густонаселенным является юго-запад области, поскольку здесь расположены основные промышленные предприятия, вокруг которых развивается инфраструктура. Поэтому неодинаковы возможности предоставления финансовых услуг в онлайн-формате. Соответственно, оценки финансовой доступности отличаются в разных муниципальных образованиях.

Услуги банков являются наиболее востребованным и популярным видом финансовых услуг в Кемеровской области. В современных условиях население активно пользуется услугами банков в удаленном доступе посредством сети Интернет или с помощью приложений, разработанных и предлагаемых банками своим клиентам (табл. 1). Независимо от территории проживания респонденты оценивают возможность использования банковских услуг на высоком уровне. В целом по всем муниципальным образованиям 2/3 населения удовлетворены дистанционным доступом к банковским услугам, т. к. их оказывают более 8 кредитных организаций. Более 80 % опрошенных считают банковские услуги полностью доступными в электронном доступе в Анжеро-Судженском, Междуреченском, Юргинском городских округах, а также в Ижморском, Мариинском, Таштагольском муниципальных районах. Около 20 % всех респондентов оценивают удаленный доступ к банковским услугам как недостаточный, поскольку считают, что нужную услугу предоставляют не более 8 компаний. Не удовлетворены удаленным доступом к банковским услугам, т. е. считают выбор банковских услуг в дистанционном доступе заметно ограниченным или отмечают его отсутствие, около 7 % респондентов. Наибольшее количество негативно характеризующих удаленную доступность опрошенных проживают в Беловском – 11,76 % и Березовском – 9,09 % городских округах, Крапивинском – 9,68 %, Чебулинском – 9,09 % и Тисульском – 8,33 % муниципальных районах.

Как показывает практика, страховые услуги менее востребованы, чем банковские. Их удаленная доступность также оказалась ниже по результатам анкетирования (табл. 1). В целом по Кемеровской области только 38,8 % респондентов считают доступность страховых услуг через удаленные каналы достаточно высокой, 35,64 % – ограниченной, 10,75 % – испытывают существенные затруднения, для 14,82 % использование страховых услуг в удаленном доступе проблематично, поскольку отсутствует выбор страховых организаций. Ситуация существенно различается по муниципальным образованиям. В Междуреченском городском округе 84,36 % респондентов характеризуют возможность удаленного доступа к страховым услугам как высокую, в то время как в Ленинск-Кузнецком муниципальном районе этот же показатель не превышает 1 % и большинство опрошенных считают, что отсутствует выбор страховой организации при получении страховых услуг дистанционно.

Небанковский финансовый сектор, представленный МФО, КПК и ломбардами, зачастую выступает альтернативой банковскому сектору в части предоставления

[4] Об утверждении Методики оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по внедрению стандарта развития конкуренции в субъектах Российской Федерации. Приказ Министерства экономического развития РФ от 17.10.2019 № 670. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/563574869 (дата обращения: 03.04.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-387-396

Табл. 1. Оценка финансовой доступности банковских и страховых услуг в удаленном доступе в муниципальных образованиях Кемеровской области – Кузбасса, %

Tab. 1. Financial availability of remote banking and insurance services in municipalities of the Kemerovo region aka Kuzbass, %

Муниципальное образование	Банковские услуги				Страховые услуги			
	Полностью доступны	Выбор ограничен	Выбор заметно ограничен	Выбора нет	Полностью доступны	Выбор ограничен	Выбор заметно ограничен	Выбора нет
городские округа								
Анжеро-Судженский	80,77	7,69	3,85	7,69	42,31	30,77	7,69	19,23
Беловский	74,51	13,73	5,88	5,88	31,37	33,33	13,73	21,57
Березовский	72,73	18,18	0,00	9,09	36,36	27,27	9,09	27,27
Калтанский	74,80	19,69	3,15	2,36	38,19	41,73	10,24	9,84
Кемеровский	76,12	17,57	3,21	3,10	40,61	34,85	8,34	16,21
Киселевский	75,78	18,63	1,24	4,35	40,37	37,27	9,94	12,42
Краснобродский	76,12	17,91	1,49	4,48	41,79	38,81	8,96	10,45
Ленинск-Кузнецкий	72,41	17,24	6,90	3,45	34,48	31,03	6,90	27,59
Междуреченский	85,19	10,29	2,88	1,65	84,36	8,64	4,53	2,47
Мысковский	74,67	22,67	2,67	0,00	36,00	40,00	16,00	8,00
Новокузнецкий	77,38	17,86	3,57	1,19	30,95	35,71	11,90	21,43
Осинниковский	69,41	22,78	2,60	5,21	34,71	34,71	12,15	18,44
Полысаевский	73,56	18,97	3,45	4,02	39,08	40,23	11,49	9,20
Прокопьевский	73,45	19,61	3,98	2,96	39,53	38,42	11,52	10,54
Тайгинский	73,12	17,74	5,91	3,23	33,87	37,10	11,29	17,74
Юргинский	80,31	14,96	3,15	1,57	31,50	39,37	8,66	20,47
муниципальные районы								
Беловский	75,96	16,35	3,85	3,85	33,65	25,96	6,73	33,65
Гурьевский	78,54	14,15	2,83	4,48	32,08	42,22	9,20	16,51
Ижморский	86,05	6,98	4,65	2,33	29,07	34,88	17,44	18,60
Кемеровский	76,75	15,69	3,64	3,92	33,05	37,82	10,92	18,21
Крапивинский	74,19	16,13	9,68	0,00	38,71	32,26	12,90	16,13
Ленинск-Кузнецкий	72,09	17,05	7,75	3,10	0,78	37,21	60,47	1,55
Мариинский	89,47	10,53	0,00	0,00	57,89	36,84	0,00	5,26
Новокузнецкий	70,37	21,60	3,70	4,32	37,04	36,42	6,79	19,75
Прокопьевский	74,65	18,05	3,25	4,06	43,00	31,64	11,36	14,00
Промышленновский	75,57	19,40	3,27	1,76	33,75	32,49	10,58	23,17
Таштагольский	82,93	14,63	1,22	1,22	42,68	31,71	12,20	13,41
Тисульский	58,33	33,33	0,00	8,33	25,00	25,00	8,33	41,67
Топкинский	71,29	24,75	1,98	1,98	31,68	43,56	8,91	15,84
Тяжинский	77,78	22,22	0,00	0,00	55,56	33,33	0,00	11,11
Чебулинский	77,27	13,64	9,09	0,00	27,27	59,09	9,09	4,55
Юргинский	73,91	21,74	2,17	2,17	58,70	23,91	4,35	13,04
Яйский	77,78	16,67	4,63	0,93	34,26	34,26	12,04	19,44
Яшкинский	70,50	23,74	3,60	2,16	26,62	33,09	14,39	25,90
Всего	75,19	18,17	3,49	3,16	38,80	35,64	10,75	14,82

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-387-396

отдельных финансовых услуг населению. Несмотря на меньшую популярность данных услуг на территории Кемеровской области, по сравнению с услугами банков и страховых компаний, они в определенной мере востребованы, однако возможности удаленного доступа к таким услугам существенно ниже (табл. 2).

Менее 30 % всех опрошенных считают доступность услуг МФО через дистанционные каналы высокой. Такая оценка является обоснованной, поскольку количество МФО, оказывающих услуги на территории региона, по сравнению с количеством банков и страховых компаний, незначительно. Выявлены муниципальные образования, в которых существенно отличается дистанционная доступность услуг МФО. С точки зрения возможности выбора МФО для получения услуг дистанционно наиболее благоприятная ситуация сложилась в Междуреченском городском округе, где 80,66 % респондентов считают, что доступ к услугам МФО предоставляют более 8 компаний, в то время как в Ленинск-Кузнецком муниципальном районе таких респондентов менее 1 %.

Табл. 2. Оценка финансовой доступности услуг небанковских финансовых организаций в удаленном доступе в муниципальных образованиях Кемеровской области – Кузбасса, %

Tab. 2. Financial availability of remote services provided by non-bank financial organizations in the municipalities of the Kemerovo region aka Kuzbass, %

Муниципальное образование	МФО				КПК				Ломбарды			
	Полностью доступны	Выбор ограничен	Выбор заметно ограничен	Выбора нет	Полностью доступны	Выбор ограничен	Выбор заметно ограничен	Выбора нет	Полностью доступны	Выбор ограничен	Выбор заметно ограничен	Выбора нет
городские округа												
Анжеро-Судженский	30,77	19,23	11,54	38,46	11,54	34,62	11,54	42,31	23,08	19,23	7,69	50,00
Беловский	19,61	19,61	23,53	37,25	13,73	21,57	25,49	39,22	11,76	13,73	21,57	52,94
Березовский	18,18	31,82	13,64	36,36	4,55	40,91	13,64	40,91	9,09	31,82	13,64	45,45
Калтанский	25,98	29,13	18,11	26,77	20,47	33,46	17,72	28,35	18,50	24,41	22,44	34,65
Кемеровский	26,50	29,68	14,21	29,61	22,63	29,79	15,65	31,93	21,37	24,84	15,47	38,32
Киселевский	31,06	30,43	15,53	22,98	32,30	26,09	18,01	23,60	29,81	26,09	14,29	29,81
Краснобродский	28,36	44,78	13,43	13,43	25,37	44,78	10,45	19,40	20,90	40,30	14,93	23,88
Ленинск-Кузнецкий	27,59	34,48	0,00	37,93	17,24	34,48	10,34	37,93	13,79	24,14	10,34	51,72
Междуреченский	80,66	7,00	4,94	7,41	79,84	7,41	4,53	8,23	79,84	6,58	4,53	9,05
Мысковский	36,00	28,00	14,67	21,33	22,67	34,67	13,33	29,33	26,67	34,67	13,33	25,33
Новокузнецкий	20,24	23,81	17,86	38,10	17,86	22,62	20,24	39,29	13,10	16,67	27,38	42,86
Осинниковский	27,11	28,85	17,57	26,46	23,43	28,42	17,79	30,37	22,78	26,46	19,96	30,80
Полысаевский	34,48	33,33	13,79	18,39	24,71	37,36	17,82	20,11	28,16	29,89	14,94	27,01
Прокопьевский	30,88	35,20	15,12	18,80	26,51	35,76	16,27	21,46	28,82	29,55	15,76	25,87
Тайгинский	25,81	31,18	15,59	27,42	19,89	30,65	16,13	33,33	16,67	29,03	18,82	35,48
Юргинский	25,20	27,56	21,26	25,98	13,39	37,80	22,05	26,77	17,32	18,90	20,47	43,31
муниципальные районы												
Беловский	29,81	18,27	9,62	42,31	30,77	17,31	10,58	41,35	27,88	15,38	8,65	48,08
Гурьевский	21,70	29,25	16,98	32,08	15,33	32,08	16,75	35,85	14,39	24,29	14,15	47,17
Ижморский	15,12	18,60	22,09	44,19	15,12	18,60	16,28	50,00	9,30	5,81	8,14	76,74
Кемеровский	22,41	31,65	15,13	30,81	21,57	27,73	18,49	32,21	19,61	22,97	17,09	40,34
Крапивинский	25,81	25,81	16,13	32,26	16,13	32,26	12,90	38,71	16,13	19,35	3,23	61,29
Ленинск-Кузнецкий	0,78	0,00	36,43	62,79	0,78	0,00	1,55	97,67	0,78	0,00	0,00	99,22
Мариинский	47,37	21,05	15,79	15,79	36,84	15,79	10,53	36,84	21,05	36,84	5,26	36,84
Новокузнецкий	22,84	27,16	9,26	40,74	20,99	25,93	8,02	45,06	20,37	23,46	6,79	49,38
Прокопьевский	35,09	28,19	12,37	24,34	30,43	30,02	12,58	26,98	26,98	24,95	15,42	32,66

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-387-396

Муниципальное образование	МФО				КПК				Ломбарды			
	Полностью доступны	Выбор ограничен	Выбор заметно ограничен	Выбора нет	Полностью доступны	Выбор ограничен	Выбор заметно ограничен	Выбора нет	Полностью доступны	Выбор ограничен	Выбор заметно ограничен	Выбора нет
Промышленновский	25,44	31,49	14,61	28,46	23,68	30,48	18,14	27,71	17,13	24,43	14,36	44,08
Таштагольский	41,46	19,51	14,63	24,39	32,93	24,39	14,63	28,05	25,61	21,95	14,63	37,80
Тисульский	16,67	25,00	8,33	50,00	8,33	8,33	16,67	66,67	8,33	0,00	8,33	83,33
Топкинский	26,73	35,64	12,87	24,75	20,79	37,62	16,83	24,75	18,81	33,66	16,83	30,69
Тяжинский	22,22	55,56	0,00	22,22	11,11	55,56	11,11	22,22	11,11	44,44	11,11	33,33
Чебулинский	9,09	63,64	13,64	13,64	0,00	0,00	4,55	95,45	0,00	0,00	4,55	95,45
Юргинский	23,91	47,83	10,87	17,39	21,74	39,13	17,39	21,74	13,04	26,09	30,43	30,43
Яйский	30,56	25,93	13,89	29,63	19,44	30,56	14,81	35,19	17,59	22,22	15,74	44,44
Яшкинский	17,27	32,37	16,55	33,81	15,11	32,37	18,71	33,81	8,63	23,74	15,11	52,52
Всего	28,68	29,96	14,92	26,44	24,47	30,39	15,59	29,55	23,67	24,99	15,28	36,06

Востребованность услуг КПК, как и услуг других небанковских финансовых организаций, уступает банковским и страховым. Финансовые услуги КПК удаленно доступными считают 24,47 % опрошенных, около трети респондентов отмечают несущественные затруднения, а 45,14 % – испытывают затруднения. Максимальные оценки даны респондентами из Междуреченского городского округа – 79,84 %. Затруднения испытывают представители Березовского городского округа, Ленинск-Кузнецкого, Тисульского, Чебулинского муниципальных районов. Полностью удовлетворены удаленным доступом к услугам КПК в этих территориях до 10 % респондентов. В Чебулинском муниципальном районе нет респондентов, высоко оценивающих удаленную доступность услуг КПК.

Структура мнений опрошенных относительно удаленной доступности услуг ломбардов несущественно отличается от характеристик остальных видов услуг небанковских финансовых организаций. Только 23,67 % опрошенных оценили удаленную доступность услуг ломбардов как высокую, 24,99 % – испытывают несущественные затруднения, 51,34 % – испытывают затруднения при пользовании услугами ломбардов посредством удаленного доступа. Стоит отметить высокие оценки удаленной доступности услуг ломбардов в Междуреченском городском округе – 79,84 %. В Ленинск-Кузнецком и Чебулинском муниципальных районах результаты опроса демонстрируют противоположные мнения.

Основными условиями повышения финансовой доступности в регионе являются полное интернет-покрытие, повышение финансовой грамотности, снятие барьеров при получении финансовых услуг. Оценка влияния основных барьеров респондентами приведена в табл. 3. Не сталкиваются с барьерами при получении финансовых услуг только 34,03 % всех респондентов. Более трети респондентов отмечают в качестве барьера при получении финансовых услуг в удаленном доступе отсутствие доверия к финансовым организациям, для каждого пятого требования финансовых организаций являются слишком жесткими. 8,27 % опрошенных отмечают, что работодатель диктует свои требования по зарплатным проектам.

Заключение

Центральный банк России под понятием финансовой доступности устанавливает возможность полноценного доступа к базовому набору финансовых услуг (страхование, кредитование, формирование сбережений, платежные услуги). Основная его деятельность в данном вопросе направлена на создание условий и правил на финансовом рынке, позволяющих каждому гражданину вне зависимости от места его проживания, уровня дохода, ограничений здоровья получить необходимые ему финансовые услуги[5]. Выявленные характеристики удаленной доступности финансовых услуг в Кемеровской области показали, что в данном исследовательском поле есть нерешенные вопросы, которые необходимо разрешить в ближайшее время. Несмотря на то, что наибольший уровень удаленной доступности характерен для банковских и страховых услуг, говорить о полном доступе к финансовым услугам на территории региона нельзя. Развитие удаленной доступности возможно за счет исключения барьеров, среди которых недоверие населения к финансовой системе, низкая финансовая грамотность и недостаточное интернет-покрытие.

[5] Финансовая доступность // Банк России. Режим доступа: https://cbr.ru/develop/development_affor/ (дата обращения: 03.04.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-387-396

Табл. 3. Структура мнений респондентов о наличии / отсутствии барьеров при получении финансовых услуг, %

Tab. 3. Respondents' opinions on the presence or absence of problems related to financial services, %

Муниципальное образование	Нет барьеров	Требования финансовых организаций слишком жесткие	Нет доверия к финансовым организациям	Работодатель диктует свои условия по зарплатному проекту
городские округа				
Анжеро-Судженский	38,46	23,08	38,46	0,00
Беловский	21,57	19,61	43,14	15,69
Березовский	13,64	18,18	59,09	9,09
Калтанский	35,04	16,54	37,01	11,42
Кемеровский	36,58	20,71	33,55	9,15
Киселевский	31,06	24,84	36,02	8,07
Краснобродский	32,84	20,90	37,31	8,96
Ленинск-Кузнецкий	55,17	17,24	20,69	6,90
Междуреченский	23,05	8,23	67,49	1,23
Мысковский	37,33	22,67	33,33	6,67
Новокузнецкий	29,76	30,95	28,57	10,71
Осинниковский	26,68	26,25	38,61	8,46
Полысаевский	36,21	21,84	35,63	6,32
Прокопьевский	28,01	25,78	37,30	8,91
Тайгинский	25,27	24,73	43,01	6,99
Юргинский	28,35	30,71	34,65	6,30
муниципальные районы				
Беловский	46,15	18,27	26,92	8,65
Гурьевский	37,97	20,99	32,08	8,96
Ижморский	40,70	24,42	30,23	4,65
Кемеровский	37,54	20,45	34,45	7,56
Крапивинский	22,58	22,58	45,16	9,68
Ленинск-Кузнецкий	75,19	4,65	12,40	7,75
Мариинский	47,37	26,32	15,79	10,53
Новокузнецкий	38,89	32,10	25,93	3,09
Прокопьевский	43,61	22,92	26,57	6,90
Промышленновский	34,26	25,94	32,24	7,56
Таштагольский	31,71	20,73	35,37	12,20
Тисульский	58,33	8,33	33,33	0,00
Топкинский	39,60	17,82	34,65	7,92
Тяжинский	55,56	11,11	11,11	22,22
Чебулинский	36,36	27,27	36,36	0,00
Юргинский	26,09	30,43	36,96	6,52
Яйский	38,89	17,59	38,89	4,63
Яшкинский	28,78	26,62	37,41	7,19
Всего	34,03	22,54	35,17	8,27

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-387-396

Литература

1. Voznaya O. M., Yakovleva E. A., Ilunina A. A. The development features of credit consumer cooperatives with the aim of increasing financial inclusion // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2017. Т. 5. № 1. С. 465–466.
2. Улыбина Л. К., Федоренко С. А. Характерные особенности регионального финансового рынка и основные проблемы в обеспечении доступности финансовых услуг // Экономика и предпринимательство. 2015. № 12-3. С. 335–338.
3. Стоколесова М. Г. Роль Банка России в развитии цифровых финансовых услуг в целях повышения финансовой доступности // Вектор экономики. 2017. № 11. Режим доступа: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2017/11/financeandcredit/Stokolesova.pdf (дата обращения: 02.04.2020).
4. Мингазова Ю. Г., Измайлова Д. О., Шарафутдинов Р. И. Доступность финансовых услуг как фактор влияния на сбалансированный экономический рост // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. 2018. № 14. С. 6–14.
5. Цветова Г. В. Территориальная дифференциация доступности финансовых услуг в условиях цифровизации экономики // Глобальная трансформация России в эпоху цифровизации: проблемы, особенности, тенденции: мат-лы XIII Междунар. науч.-практ. конф. (Липецк, 17 апреля 2019 г.) Елец, 2019. С. 128–133.
6. Литвиненко А. Е. Изменение структуры и экономического содержания термина «финансовая доступность» в условиях цифровизации финансового рынка // Проблемы развития современного общества: сб. науч. ст. 5-й Всерос. науч.-практ. конф. (Курск, 23–24 января 2020 г.) Курск, 2020. С. 353–356.
7. Шумакова О. Д. Повышение доступности финансовых услуг на основе цифровизации // Страхование в информационном обществе – место, задачи, перспективы: сб. тр. XX Междунар. науч.-практ. конф. (Владимир, 4–6 июня 2019 г.) Владимир, 2019. Т. 1. С. 178–180.
8. Фадейкина Н. В., Бъядовский Т. Т. Формирование национальной инновационной системы: отечественный и зарубежный опыт // Сибирская финансовая школа. 2017. № 1. С. 38–46.
9. Фадейкина Н. В., Бъядовский Т. Т. Отечественный и зарубежный опыт формирования национальных инновационных систем // Непрерывное профессиональное образование и новая экономика. 2018. № 1. С. 216–230.
10. Вайсман Е. Д., Подшивалова М. В. Цифровизация vs занятость: опыт банковского сектора // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2018. Т. 12. № 4. С. 26–34. DOI: 10.14529/em180403
11. Тазеева А. М., Крамин Т. В. Инновационное развитие банков на основе дистанционного банковского обслуживания // Экономические исследования и разработки. 2017. № 2. С. 6–17.
12. Чан Ш. Т. Повышение финансовой доступности во Вьетнаме на основе принципов развития розничных платежных услуг // Путеводитель предпринимателя. 2017. № 34. С. 288–294.
13. Антипов А. А., Липатов А. О., Мищенко В. В. Финансовая доступность инфраструктуры платежных услуг на территории Алтайского края // Деньги и кредит. 2017. № 8. С. 55–61.
14. Воронкова Е. К., Громова Е. И., Паушева Т. Е. Рынок электронных финансовых услуг России и финансовая доступность: проблемы и возможности // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 2. С. 48–50.
15. Гугнюк И. Г. Доступность банковских финансовых услуг как финансово-правовое явление банковской деятельности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 1. С. 235–239.
16. Гулько А. А., Пашкова Е. Н. Страховые услуги как индикатор развития финансовой доступности // Финансовая экономика. 2019. № 5. С. 572–576.
17. Козлова О. Н., Черней Д. О. Финансовая грамотность и гармонизация интересов участников пенсионной системы // Страхование в эпоху цифровой экономики: проблемы и перспективы: сб. тр. XIX Междунар. науч.-практ. конф. (Йошкар-Ола, 5–7 июня 2018 г.) Йошкар-Ола, 2018. Т. 1. С. 385–390.
18. Voznaya O. M., Yakovleva E. A., Ilunina A. A. Development features of consumer credit cooperatives with the aim of increasing financial inclusion // Актуальные проблемы современной науки: мат-лы Междунар. междисциплинарной науч.-практ. конф. (Воронеж, 1–2 июня 2018 г.) Воронеж, 2018. С. 219–221.
19. Березинская О. Б. Доступность финансовых услуг для населения: дисбалансы стратегий банковского розничного бизнеса // Банковское право. 2014. № 1. С. 37–46.
20. Козлова О. Н. Современное состояние регионального страхования на примере Кемеровской области // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 1. С. 39–46.
21. Лубкова Э. М., Шилова А. Э., Ермолаева Г. С., Шевелева О. Б. Роль высших учебных заведений в формировании механизма повышения финансовой грамотности населения (на материалах Кемеровской области) // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2019. № 5. С. 67–80. DOI: 10.21295/2223-5639-2019-5-67-80
22. Лубкова Э. М., Шилова А. Э., Ермолаева Г. С. Повышение финансовой грамотности населения как фактор социально-экономической стабильности в регионе // Россия молодая: сб. мат-лов XI Всерос. науч.-практ. конф.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-387-396

с междунар. участием (Кемерово, 16–19 апреля 2019 г.) Кемерово, 2019. Режим доступа: http://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Conference/RM/2019/RM19/pages/Articles/80412.pdf (дата обращения: 02.04.2020).
23. Костин А. А., Цветова Г. В. Финансовая доступность как направление развития финансового рынка Российской Федерации // Финансовая экономика: актуальные вопросы развития: сб. тр. II Междунар. студенческой науч. конф. (Хабаровск, 15 ноября 2019 г.) Хабаровск, 2019. Т. 1. С. 192–195.

original article

Evaluation of Availability of Online Financial Services to the Population of the Kemerovo Region (Kuzbass)*

Elmira M. Lubkova [a, @, ID1]; Galina S. Ermolaeva [a, ID2]; Anna E. Shilova [a, ID3]
[a] T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Russia, Kemerovo
[@] lem.fk@kuzstu.ru
[ID1] https://orcid.org/0000-0002-3255-779X
[ID2] https://orcid.org/0000-0003-3191-2080
[ID3] https://orcid.org/0000-0002-1887-2275

Received 09.04.2020. Accepted 08.05.2020.

Abstract: The availability of online financial services is becoming increasingly relevant in the context of the digital economy. On the one hand, they are easily assessable and not time-consuming. On the other hand, there is insufficient financial literacy and incomplete Internet coverage of remote areas – the obstacles that have to be overcome. The research objective was to evaluate availability of online financial services in remote access. The study featured the relationship between consumers and financial institutions in the process of implementing financial services in remote access. It was based on empirical, monographic, and abstract-logical research methods. An analysis of empirical data showed that most respondents could choose remote banking services. Fewer respondents had access to online services of insurance companies and other financial institutions. Respondents complained about various problems in obtaining remote access to financial services. The authors believe that the research can help improve regional financial programs and encourage further studies of local financial availability by increasing financial literacy, full Internet coverage, and confidence in financial institutions.

Keywords: financial accessibility, financial services, remote access, economic barriers, banking services, insurance services

For citation: Lubkova E. M., Ermolaeva G. S., Shilova A. E. Evaluation of Availability of Online Financial Services to the Population of the Kemerovo Region (Kuzbass). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(3): 387–396. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-387-396

References

1. Voznaya O. M., Yakovleva E. A., Ilunina A. A. The development features of credit consumer cooperatives with the aim of increasing financial inclusion. *Aktualnye napravleniia nauchnykh issledovanii XXI veka: teoriia i praktika*, 2017, 5(1): 465–466. (In Russ.)
2. Ulibina L. K., Fedorenko S. A. Characteristic features of the regional financial market, and the main challenges in providing access to financial services. *Ekonomika i predprinimatelstvo*, 2015, (12-3): 335–338. (In Russ.)
3. Stokolesova M. G. The role of the Bank of Russia in the development of digital financial services to increase financial inclusion. *Vektor ekonomiki,* 2017, (11). Available at: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2017/11/financeandcredit/Stokolesova.pdf (accessed 02.04.2020). (In Russ.)
4. Mingazova Yu. G., Izmailova D. O., Sharafutdinov R. I. Financial inclusion and inclusive growth. *Nauchnye trudy Tsentra perspektivnykh ekonomicheskikh issledovanii*, 2018, (14): 6–14. (In Russ.)
5. Tsvetova G. V. Territorial differentiation of availability of financial services in the conditions of digitalization of economy. *Global transformation of Russia in the digital age: problems, features, and trends*: Proc. XIII Intern. Sci.-Prac. Conf., Lipetsk, April 17, 2019. Yelets, 2019, 128–133. (In Russ.)

* The article was written for the III All-Russian Scientific and Practical Conference "Management of organizations in the modern economy" dedicated to the 300th Anniversary of Kuzbass Exploration, topic: Digital Management Transformation.

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-387-396

6. Litvinenko A. E. Change of structure and economic content of the term "financial availability" in the conditions of digitalization of the financial market. *Problems of development of modern society*: Proc. 5th Sci.-Prac. Conf., Kursk, January 23–24, 2020. Kursk, 2020, 353–356. (In Russ.)
7. Shumakova O. D. Increasing the availability of financial services through digitalization. *Insurance in the information society – place, tasks, and prospects*: Proc. XX Intern. Sci.-Prac. Conf., Vladimir, June 4–6, 2019. Vladimir, 2019, vol. 1, 178–180. (In Russ.)
8. Fadeikina N. V., Byadovsky T. T. Forming of national innovative system: domestic and foreign experience. *Sibirskaia finansovaia shkola*, 2017, (1): 38–46. (In Russ.)
9. Fadeikina N. V., Byadovsky T. T. Forming of national innovative system: domestic and foreign experience. *Nepreryvnoe professionalnoe obrazovanie i novaia ekonomika*, 2018, (1): 216–230. (In Russ.)
10. Vaisman E. D., Podshivalova M. V. Digitalization vs employment: banking sector experience. *Vestnik IuUrGU. Seriia "Ekonomika i menedzhment"*, 2018, 12(4): 26–34. (In Russ.) DOI: 10.14529/em180403
11. Tazeeva A. M., Kramin T. V. Innovative development banks on the basis of remote banking services. *Ekonomicheskie issledovaniia i razrabotki,* 2017, (2): 6–17. (In Russ.)
12. Chan Sh. T. Increase in financial availability in Vietnam on the basis of the principles of retail payment services development. *Putevoditel' predprinimatelya*, 2017, (34): 288–294. (In Russ.)
13. Antipov A. A., Lipatov A. O., Mishchenko V. V. Financial accessibility of payment services infrastructure in the Altai territory. *Dengi i kredit,* 2017, (8): 55–61. (In Russ.)
14. Voronkova E. K. Gromova E. I., Pausheva T. E. Market of electronic financial services of Russia and financial inclusion: problems and possibilities. *Problemy ekonomiki i iuridicheskoi praktiki*, 2017, (2): 48–50. (In Russ.)
15. Gugnyuk I. G. Availability of bank financial services as financial-legal phenomenon baning. *Vestnik of Saratov State Law Academy*, 2015, (1): 235–239. (In Russ.)
16. Gulko A. A., Pashkova E. N. Insurance services as an indicator of development of financial accessibility. *Finansovaia ekonomika*, 2019, (5): 572–576. (In Russ.)
17. Kozlova O. N., Cherney D. O. Financial literacy and harmonization of interests of pension participants systems. *Insurance in the era of the digital economy: problems and prospects*: Proc. XIX Intern. Sci.-Prac. Conf., Yoshkar-Ola, June 5–7, 2018. Yoshkar-Ola, 2018, vol. 1, 385–390. (In Russ.)
18. Voznaya O. M., Yakovleva E. A., Ilunina A. A. Development features of consumer credit cooperatives with the aim of increasing financial inclusion. *Actual problems of modern science*: Proc. Intern. Interdisciplinary Sci.-Prac. Conf., Voronezh, June 1–2, 2018. Voronezh, 2018, 219–221. (In Russ.)
19. Berezinskaya O. B. Accessibility of financial services for population: misbalances of strategies of banking retail business. *Bankovskoe pravo*, 2014, (1): 37–46. (In Russ.)
20. Kozlova O. N. Current state of regional insurance by the example of the Kemerovo region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2017, (1): 39–46. (In Russ.)
21. Lubkova E. M., Shilova A. E., Ermolaeva G. S., Sheveleva O. B. The role of higher education institutions in shaping of the financial literacy mechanism improvement of the population (the Kemerovo region as a case study). *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperacii, ekonomiki i prava*, 2019, (5): 67–80. (In Russ.) DOI: 10.21295/2223-5639-2019-5-67-80
22. Lubkova E. M., Shilova A. E., Ermolaeva G. S. Improving financial literacy of the population as a factor of socio-economic stability in the region. *Young Russia*: Proc. XI All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Kemerovo, April 16–19, 2019. Kemerovo, 2019. Available at: http://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Conference/RM/2019/RM19/pages/Articles/80412.pdf (accessed 02.04.2020). (In Russ.)
23. Kostin A. A., Tsvetova G. V. Financial accessibility as a direction of development of the financial market of the Russian Federation. *Financial economics: topical development issues:* Proc. II Intern. Student Sci. Conf., Khabarovsk, November 15, 2019. Khabarovsk, 2019, vol. 1, 192–195. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-397-407

оригинальная статья
УДК 339.137. 2 (571.17)

Конкурентный статус предприятия как фактор производства*

Ольга В. Секлецова [a, @]; Оксана С. Комарчева [a]
[a] Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
[@] seklecova@list.ru

Поступила в редакцию 21.03.2020. Принята к печати 21.04.2020.

Аннотация: В условиях рынка конкурентоспособность обеспечивает результативность деятельности предприятия как в пределах конкретного рыночного сегмента и текущего временного периода, так и на перспективу его существования. Данный критерий комплексно отражает возможности предприятия удовлетворять потребности покупателей, эффективно используя имеющиеся ресурсы, в нем отражаются соответствие продукции требованиям рынка, ее качественные и количественные характеристики. По оценкам аналитиков отрасль по производству мороженого продолжит рост в среднесрочной перспективе, а перспективы отрасли будут зависеть от эффективности маркетинговой политики компаний-производителей. В данной работе проведена оценка конкурентоспособности ООО «Кемеровский хладокомбинат» на местном рынке производителей мороженого, а также рассмотрены основные направления повышения конкурентоспособности данного предприятия. Исходя из рыночного положения предприятия относительно роста спроса на данную продукцию и занимаемой предприятием доли на рынке, был выполнен анализ с помощью матрицы БКГ. Далее оценка конкурентоспособности проводилась экспертным методом на основе балльной оценки. Детальный анализ уровня конкуренции в отрасли на местном рынке был проведен по модели 5 сил конкуренции Майкла Портера. В целях оценки рыночного положения ООО «Кемеровский хладокомбинат» проведен SWOT-анализ. Исходя из сравнительной оценки предприятий, занимающихся производством и сбытом мороженого на рынке региона, конкурентоспособность ООО «Кемеровский хладокомбинат» признана высокой. По итогам проведенной оценки с целью повышения конкурентоспособности даны рекомендации по разработке программы продвижения на рынке: усилить маркетинговую составляющую деятельности организации, улучшить работу с поставщиками сырья и материалов (для повышения качества продукции и снижения затрат на производство продукции), кроме того, предприятию необходимо уделить внимание финансовому состоянию.

Ключевые слова: конкуренция, конкурентоспособность, SWOT-анализ, мороженое, эффективность, регион

Для цитирования: Секлецова О. В., Комарчева О. С. Конкурентный статус предприятия как фактор производства // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 3. С. 397–407. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-397-407

Введение

Устойчивый экономический рост, к которому стремятся экономические субъекты на современном этапе, представляет собой сложный процесс, определяемый множеством социально-экономических условий. Рост экономики региона делает возможным наращивание, поддержание и рациональное использование ресурсного потенциала региональной системы за счет стимулирования хозяйствующих субъектов к интенсификации производства, повышения их конкурентоспособности на основе формирования бизнеса всех уровней [1, с. 121]. При формировании системы управления развитием экономики региона следует максимально учитывать факторы внешнего воздействия и рассматривать конкретный хозяйствующий субъект как целостную открытую систему, состоящую из взаимосвязанных частей [2, с. 121].

Кузбасс является крупнейшим индустриальным субъектом РФ, опорной базой для промышленного развития не только Сибири, но и страны в целом. Экономика Кемеровской области характеризуется ярко выраженной промышленной ориентированностью. При этом основной вклад в промышленное производство вносят угольная промышленность и металлургия. Невысокий уровень отраслевой диверсификации экономики обусловливает зависимость от нестабильной конъюнктуры мировых товарных рынков. В Кузбассе имеются все возможности для создания замкнутых циклов по производству продукции высокого передела в угольной промышленности, развития углехимических комплексов, а также развития лесопереработки, туризма. Актуальность работы обусловлена тем, что адаптация кузбасского промышленного комплекса к новым технологиям, освоение производства новой конкурентоспособной импортозамещающей и экспортно-ориентированной продукции и рынков возможны при достижении высокой эффективности использования индустриальных площадок, в то же время нельзя забывать о развитии пищевой, легкой промышленности. Пищевая промышленность характеризуется высоким

* Статья написана в рамках III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию освоения Кузбасса, «Управление организациями в современной экономике». Специальная тема: «Цифровая трансформация управления».

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-397-407

уровнем конкуренции, но местный производитель имеет конкурентное преимущество в виде низких транспортных затрат и четкого представления о предпочтениях потребителей. Цель работы – разработка рекомендаций по укреплению конкурентного статуса предприятия.

Методы и материалы

На сегодняшний день рынок такой продукции, как мороженое, уже сформирован, насыщен и поделен между основными производителями. Всего в России представлено около 175 производителей мороженого. В Кемеровской области единственный производитель – холдинг «Снежный городок», в состав которого входит и ООО «Кемеровский хладокомбинат», с 2016 г. значительная доля производства мороженого была перенесена в Кемерово.

Как правило, каждый производитель мороженого выпускает продукцию под разными брендами с целью недопущения перенасыщения рынка однообразной продукцией, подстраиваясь под быстро меняющиеся предпочтения потребителей.

На рынке мороженого в г. Кемерово присутствуют несколько ведущих производителей, их доли на местном рынке составляют: ООО «Кемеровский хладокомбинат» (Снежный городок) – 28 %; ООО «Юнилевер Русь» (Инмарко) – 47 %; ООО «Русский холодъ» – 13 %; ООО «Гроспирон» – 7 %. Оставшаяся доля рынка поделена между производителями, слабо представленными на региональном рынке (в основном это сетевые магазины). В табл. 1 приведены факторы конкурентной среды на рынке мороженого в г. Кемерово.

Мороженое торговой марки «Снежный городок»[1] продается в максимальном приближении к покупателю: в собственных фирменных киосках, в универсамах, супермаркетах и мелких торговых точках по типу «магазин у дома», в результате товар доступен для покупателя в любое время суток.

Из табл. 1 видно, что среди исследуемых предприятий нет однозначного лидера, каждое имеет преимущества по определенным факторам. Достоинствами ООО «Кемеровский хладокомбинат» является высокое качество и средняя цена продукции, ООО «Юнилевер Русь» выделяется широким ассортиментом при высоком уровне цены. Торговая марка «Русский холодъ» производит продукцию среднего качества, но по низким ценам. ООО «Гроспирон» является малоизвестной компанией на рынке г. Кемерово. Минусом всех предприятий предстает то, что компании не ведут активную рекламную деятельность, но данный фактор несущественно влияет на узнаваемость бренда, поскольку особенностью данного рынка является пассивное размещение рекламы. К тому же конкуренты являются известными компаниями вследствие долгого присутствия на рынке [3, с. 736].

В целях оценки продукции, исходя из рыночного положения предприятия относительно роста спроса на данную продукцию и занимаемой предприятием доли на рынке, проведен анализ с помощью матрицы БКГ (рис.) [4, с. 147].

ООО «Русский холодъ» относится к компаниям по типу «собак», т. е. имеет продукцию как с низким темпом роста, так и долей на рынке. Такие компании требуют повышенного внимания со стороны руководства, а в случае низкой рентабельности следует пересмотреть маркетинговую стратегию компании.

ООО «Кемеровский хладокомбинат» и ООО «Гроспирон» относятся к компаниям по типу «трудных детей», т. е. продукция изучаемого предприятия имеет низкую долю на рынке, но при этом высокий темп роста. Компании такого типа требуют тщательного изучения, поскольку впоследствии могут стать как «звездами», так и «собаками».

ООО «Юнилевер Русь» относится к компаниям по типу «звезд», т. е. имеет высокую долю на рынке в сочетании с высоким темпом роста. Компании такого типа нужно максимально беречь и эффективно контролировать. Данные предприятия являются привлекательными, поскольку не требуют дополнительных инвестиций и, как правило, приносят стабильный доход.

Табл. 1. Факторы конкурентной среды рынка мороженого Кемеровской области

Tab. 1. Competitive environment factors of ice cream's market of Kemerovo region

Конкуренты	Факторы конкурентоспособности предприятий				
	Качество продукции, услуги	Уровень цен	Ассортимент	Реклама	Репутация
ООО «Кемеровский хладокомбинат» (Снежный городок)	высокое	средний	средний	не проводится	известное
ООО «Юнилевер Русь» (Инмарко)	высокое	высокий	широкий	не проводится	известное
ООО «Русский холодъ»	среднее	низкий	узкий	не проводится	малоизвестное
ООО «Гроспирон»	высокое	средний	узкий	не проводится	малоизвестное

[1] Кемеровский хладокомбинат. Режим доступа: http://www.morojenoe.ru/contacts/kemerovo/ (дата обращения: 10.02.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-397-407

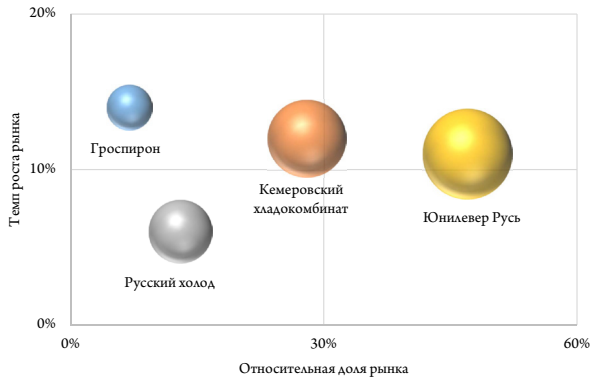

Рис. Матрица БКГ рынка мороженого Кемеровской области
Fig. BCG matrix ice cream's market of Kemerovo region

Далее проведен анализ конкурентоспособности по балльной системе [5, с. 271]. Каждому из ключевых факторов в отрасли присвоена доля влияния фактора на успех, для каждого предприятия произведена оценка по 10-балльной шкале, а на основании данных оценок выделена оценочная величина фактора. Результаты занесены в табл. 2.

По результатам балльной оценки конкурентоспособность фирм можно оценить следующим образом: ООО «Кемеровский хладокомбинат» – 8,3 балла; ООО «Юнилевер Русь» – 8,4 балла; ООО «Русский холодъ» – 7,3 балла; ООО «Гроспирон» – 7,6 баллов. ООО «Кемеровский хладокомбинат» проигрывает в конкурентоспособности только производителю мороженого торговой марки «Инмарко». Сильной стороной ООО «Кемеровский хладокомбинат» в сравнении с другими конкурентами является качество менеджмента. По остальным показателям предприятие проигрывает конкурентам, хоть и незначительно, эти параметры могут послужить резервами повышения конкурентоспособности для анализируемого предприятия.

Таким образом, ООО «Кемеровский хладокомбинат» имеет двух основных конкурентов: ООО «Юнилевер Русь» и ООО «Гроспирон». В связи с этим именно в сравнении с данными предприятиями проведена дальнейшая оценка конкурентоспособности. Детальный анализ уровня конкуренции в отрасли на местном рынке, представленный в табл. 3, был проведен по модели 5 сил конкуренции Майкла Портера [6, с. 273; 7]. Общий индекс рыночной силы составляет 3,41, т. е. уровень конкуренции ниже среднего. В данной ситуации у предприятия в исследуемом регионе присутствует много возможностей.

Самое сильное позитивное воздействие исходит от покупателей – именно в этой области сконцентрировано большинство возможностей для предприятия. Значительных угроз от конкурентной среды не выявлено – все факторы находятся в нейтральном положении. Наибольшую угрозу представляют товары-субституты, поскольку мороженое не является продуктом первой необходимости и имеет сезонную потребность. Однако, отметим, что в настоящий момент производству отдельных видов продукции ООО «Кемеровский хладокомбинат» нет аналогов на местном рынке. Например, таким товаром является мороженое «Сибирский уголь» – черное мороженое с местной тематикой. Таким образом, ООО «Кемеровский хладокомбинат» имеет возможности для завоевания большей доли рынка и усиления позиций в борьбе с возможными конкурентами.

В целях оценки рыночного положения ООО «Кемеровский хладокомбинат» проведен SWOT-анализ [8, с. 97].

Табл. 2. Оценка конкурентов по балльной системе
Tab. 2. Competitive assessment according to a point system

Ключевые факторы успеха в отрасли	Доля влияния фактора на успех	Кемеровский хладокомбинат		Юнилевер Русь		Русский холод		Гроспирон	
		Экспертная оценка	Оценочная величина фактора	Экспертная оценка	Оценочная величина фактора	Экспертная оценка	Оценочная величина фактора	Экспертная оценка	Оценочная величина фактора
Качество продукции	0,20	8	1,6	8	1,6	6	1,2	7	1,4
Финансовая устойчивость	0,02	5	0,1	10	0,2	5	0,1	6	0,1
Разнообразие ассортимента	0,20	10	2,0	10	2,0	8	1,6	7	1,4
Способность ценовой конкуренции	0,10	8	0,8	9	0,9	9	0,9	8	0,8
Имидж компании	0,05	8	0,4	9	0,5	8	0,4	9	0,5
Квалификация персонала	0,08	8	0,6	8	0,6	8	0,6	7	0,5
Организация рекламы	0,10	6	0,6	7	0,7	7	0,7	9	0,9
Стоимость поставок	0,10	8	0,8	7	0,7	9	0,9	8	0,8
Качество менеджмента	0,15	9	1,4	8	1,2	6	0,9	8	1,2
Сумма оценочной величины фактора	1,00	–	8,3	–	8,4	–	7,3	–	7,6

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-397-407

На первом этапе на основе внутреннего маркетингового аудита и проведенного массового опроса среди потребителей продукции были выделены и проанализированы сильные и слабые стороны предприятия.

В качестве *сильных сторон* можно выделить следующие:

Современное предприятие быстроразвивающейся отрасли. Кроме того, пищевая промышленность в регионе на современном этапе получает поддержку в виде популяризации местного производителя, проведения ярмарок под эгидой «Сделано в Кузбассе»[2].

Хорошая репутация предприятия [9, с. 396]. Данный производитель существует уже более пятидесяти лет, отличается стабильностью производства, а проводимые маркетинговые мероприятия позволяют охватывать различную возрастную и иную целевую категорию потребителей. Было выпущено мороженое под названием «СССР» и «ГОСТ» для потребителей более старшего поколения, под названием «Шаловляндия» – для охвата детской аудитории, тематическое мороженое под названием «Сибирский уголь» – к дню Шахтера, следуя современным тенденциям выпущена целая серия продуктов без консервантов с использованием только натурального сырья [10, с. 98].

Высокая компетентность персонала. Руководство предприятия с вниманием относится к вопросам подбора персонала на ключевые должности. Существует ряд компетенций, которыми должен владеть вновь принятый сотрудник в соответствии с занимаемой должностью. К этим компетенциям относится не только наличие высшего специализированного образования, но и знание иностранных языков в технической сфере (английский, китайский, немецкий и др.) в соответствии с географией продаж.

Действия руководства направлены на обучение и развитие персонала. Стоит подчеркнуть проведение обучающих бизнес-семинаров, тренингов для новых и действующих сотрудников, которые входят в общую успешно функционирующую систему обучения работников, а также разработанную систему мотивации сотрудников.

Высокое качество продукции. Как и в любой другой отрасли массового производства несомненным атрибутом успешности предприятия является качество производимой продукции. На предприятии с 2008 г. успешно внедрена и функционирует система менеджмента качества, позволяющая обеспечить стабильное качество в соответствии с принятыми ГОСТами и разработанными техническими условиями.

Современная система продаж. Кроме прочего, на предприятии особое внимание уделяется функционированию отдела сбыта. Упор делается на известность торговой марки среди владельцев розничных торговых точек, разработку мероприятий (акций и других маркетинговых предложений) для возможности реализации продукции через сетевые магазины.

Табл. 3. Результаты оценки сил и детерминант по модели 5 сил конкуренции М. Портера

Tab. 3. Assessment of forces and determinants using Porter's Five Forces model

Наименование детерминант	Оценка, количество баллов
1. Рыночная власть поставщиков	***3,125***
Дифференциация поставщиков	3
Наличие товаров-субститутов	2
Издержки смены поставщиков в отрасли	5
Уровень концентрации поставщиков	4
Значение заказов для поставщиков	4
Стоимость закупки в соотнесении с совокупными затратами	2
Угроза прямой и обратной интеграции предприятия в отрасли	3
Влияние цены на ресурсы на стоимость товара или его дифференцирование	2
2. Рыночная власть покупателей	***5,0***
Концентрация покупателей в сравнении с концентрацией предприятий	6
Объем закупок покупателями (у предприятия)	5
Информированность покупателя	5
Способность к интеграции вниз по технологической цепочке	3
Товары-заменители	4
Соотношение цена / общий объем закупок	4
Различия товаров / узнаваемость торговой марки	5
Влияние на качество / внешний вид товара	6
Выгоды покупателя	6
Стимулы лиц, принимающих решения	6
3. Власть существующих конкурентов	***3,0***
Рост отрасли	3
Постоянные издержки / добавленная стоимость	3
Временные излишки производственных мощностей (периоды перепроизводства)	2
Различия в продукции	3
Узнаваемость торговой марки	3
Издержки переключения (потребителя)	3
Концентрация и сбалансированность	3
Информационная сложность	3
Разновидности конкурентов	3
Корпоративные доли	4
Барьеры на выходе	3
4. Угрозы появления новых конкурентов	***4,18***
Экономия, связанная с масштабом производства	5

[2] Там же.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-397-407

Наименование детерминант	Оценка, количество баллов
Запатентованные отличия товара	2
Узнаваемость торговой марки	4
Издержки переключения	3
Требования к объему капитала	6
Доступ к каналам распределения	5
Абсолютные преимущества по издержкам	5
Доступ к необходимым ресурсам	6
Собственная, отличающаяся низкими издержками модель	4
Политика правительства	3
Патенты и лицензии	3
5. Угроза появления товаров-субститутов	***1,75***
Относительная цена субститутов	2
Издержки переключения	2
Склонность покупателей к субститутам	2
Возможность удовлетворять потребности и желания клиентов другим способом	1

Работа по совершенствованию технологического процесса. ООО «Кемеровский хладокомбинат» регулярно проводит мониторинг технологического процесса производства и внедряет меры по его совершенствованию. Например, для сокращения уровня постоянных издержек производство мороженого и вафельной продукции как сопутствующей к производству мороженого было перенесено территориально в один производственный комплекс, что позволило сократить не только постоянные издержки, но и транспортные расходы.

К *слабым сторонам* следует отнести следующие:

Неустойчивое финансовое состояние и значительная финансовая зависимость от кредиторов. Ежемесячно около 1 % от выручки уходит на погашение банковского процента. Такая значительная задолженность на предприятии возникла вследствие резкого скачка курса евро в 2014–2015 гг., поскольку перед этим было закуплено основное оборудование по лизингу в иностранной валюте.

Большие затраты на запуск новой продукции, которая может не иметь спроса в будущем у клиентов. Ежегодно ООО «Кемеровский хладокомбинат» вводит до десяти новинок и выводит до десяти старых вариантов продукции. Необходимость ввода и вывода продукции обусловлена спецификой отрасли. Современный потребитель предпочитает новые вкусы, разнообразие новинок и новый дизайн упаковки старого продукта.

Низкая заработная плата сотрудников организации, недостаточное экономическое стимулирование. Система оплаты труда на предприятии построена таким образом, что даже незначительное снижение производственных или торговых показателей несет за собой понижение уровня заработной платы сотрудников. В связи с сезонностью потребляемой продукции наблюдается отток персонала осенью и приток нового персонала весной, т. к. заработная плата сотрудников в зимний сезон ниже. Такая ситуация приводит к дополнительным издержкам, не позволяет повышать заработную плату сотрудникам компании.

Низкая степень заинтересованности персонала в результатах деятельности организации. В связи с отсутствием дополнительной мотивации за перевыполнение производственных и торговых показателей, а также показателей эффективности производства персонал предприятия остается незаинтересованным в общем экономическом результате предприятия. К тому же при сезонной текучести кадров не редки случаи воровства и мошенничества.

Принимая во внимание возможности, предоставляемые внешней средой, необходимо уделить внимание комплексному изучению рынка с целью разработки наиболее подходящих продуктов для определенных групп потребителей, основываясь на глобальных трендах развития рынка продуктов питания в целом и рынка мороженого в частности.

Поскольку мороженое не является продуктом первой необходимости, то изменение платежеспособности покупателей может оказать существенное влияние на спрос. Значительная часть угроз связана с изменением конкурентной ситуации на рынке. Появление новых, более сильных игроков способно привести не только к изменению сложившихся рыночных долей, выводу на рынок новых продуктов, новых технологий. Сильные конкуренты способны заинтересовать не только клиентов, но и сотрудников. Основными конкурентами на рынке мороженого являются ООО «Юнилевер Русь» и ООО «Гроспирон». Существует практика переманивания ценных сотрудников, возможна утечка информации о технологиях производства и продаж. В связи с этим с 2014 г. с каждым сотрудником компании при трудоустройстве производится подписание договора о коммерческой тайне.

Еще одна внешняя угроза обусловлена уникальностью сложившейся ситуации в сфере управления персоналом связанной с интеграцией миллениалов со старшим поколением, цифровизацией и диджитализацией всех сфер.

На втором этапе проведения SWOT-анализа результаты занесены в табл. 4. Наибольшую угрозу деятельности предприятия представляют существующие конкуренты.

Изучив сильные стороны и возможности предприятия, в первую очередь, необходимо разработать стратегию организации, основываясь на использовании выявленных трендов развития в соответствии с имеющимися ресурсами. Учитывая слабые стороны и возможности ООО «Кемеровский хладокомбинат», следующей целью будет разработка программы продвижения продукции. Соотнося сильные стороны и угрозы, очевидно, что необходимой целью является усовершенствование системы мотивации сотрудников. Принимая во внимание слабые стороны и угрозы, необходимо отметить, что

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-397-407

Табл. 4. Матрица SWOT-анализа ООО «Кемеровский хладокомбинат»
Tab. 4. SWOT analysis of Kemerovo Khladokombinat LLC

Сильные стороны	Возможности
1) современное предприятие быстроразвивающейся отрасли; 2) хорошая репутация предприятия; 3) высокая компетентность персонала в ключевых вопросах; 4) высокое качество продукции; 5) современная система продаж; 6) работа по совершенствованию технологического процесса; 7) действия руководства направлены на обучение и развитие персонала	1) комплексное изучение рынка; 2) рациональное использование финансовых, материальных и других ресурсов; 3) тренд на «социальное предприятие» по версии *Global Human Capital Trends*; 4) тренд на здоровое и сбалансированное питание; 5) тренд на географическое перераспределение потребления мороженого (лидерство стран Азии); 6) ключевым потребителем становится человек в возрасте
Слабые стороны	**Угрозы**
1) значительная финансовая зависимость от кредиторов; 2) большие затраты на запуск новой продукции, которая в будущем не имеет спроса у клиентов; 3) низкая заработная плата сотрудников, недостаточное экономическое стимулирование; 4) низкая степень заинтересованности персонала в результатах деятельности организации	1) низкая платежеспособность населения; 2) разработка конкурентами принципиально новых видов продукции, использование более современных технологий; 3) увеличение числа конкурентов; 4) сильные конкуренты, способные заинтересовать не только покупателей, но и сотрудников; 5) необходимость управления персоналом из нескольких поколений (X, Y, Z)

одной из основных целей является улучшение отношений с кредиторами и поставщиками сырья и материалов.

Весомую конкуренцию на современном рынке может создать лишь то предприятие, которое ориентируется, прежде всего, на запросы покупателей. Для разработки оптимально функционирующей клиентоориентированной стратегии требуется провести исследование, ориентируясь на результаты которого предприятие сможет удовлетворить максимальное количество требований покупателей с большей эффективностью [11, с. 184; 12, с. 73].

Результаты

С целью определения потребительских предпочтений было проведено изучение мнения покупателей с помощью анкетирования. Респондентам было предложено выбрать самый значимый фактор из трех предложенных: цена, близость и ассортимент. 35 % опрошенных считают, что решающим фактором при выборе места покупки будет являться близость торгового предприятия к месту проживания, регулярных прогулок или работы потребителя. Вторым по значимости фактором является ассортимент продукции (27 % респондентов). На третьем месте с небольшим отставанием (25 %) расположился уровень цен. Следует отметить, что десятая часть потребителей (13 %) не придает значения месту покупки мороженого, а осуществляет покупку на основании сиюминутного желания. Зная, что мороженое является продуктом импульсного выбора, с помощью ответов на данный вопрос подтверждено, что преобладающее значение имеет время, затрачиваемое на приобретение данной продукции.

В целом на сегодняшний день среди потребителей г. Кемерово сложилась следующая «география» приобретения мороженого: 35 % потребителей совершают покупки в супермаркетах и гипермаркетах, 33 % – в специализированных павильонах, 32 % – в универсамах и магазинах «у дома».

Второй вопрос в проведенном анкетировании касался основных критериев, влияющих на выбор конкретного вида исследуемой продукции. Здесь мнения разделились следующим образом: вкус (33 %); цена (21 %); внешний вид (18 %); упаковка (7 %); производитель (6 %); ассортимент (4 %); безопасность, соответствие ГОСТам (3 %); известность (3 %); полезность (3 %); уникальность (2 %).

Как правило, конкурентные преимущества достигаются с помощью сегментирования, выбора целевого рынка и позиционирования продукции предприятия. Демографическая сегментация рынка мороженого в г. Кемерово по возрастному признаку позволила выделить три основные возрастные группы потребителей:

1) трудоспособное население совершает 58 % всех покупок мороженого;
2) несовершеннолетнее население – 23 %;
3) население пенсионного возраста – 19 %.

Особое значение несет демографическая сегментация рынка в зависимости от ценовой категории продукции. Результаты данного сегментирования представлены в табл. 5. Продукция по основным, повышенным и пониженным ценам приобретается в большинстве случаев трудоспособным населением, а продукцию с низкими ценами в большинстве случаев выбирают люди пенсионного возраста. Все категории населения отдали предпочтение продукции по пониженным ценам.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-397-407

Табл. 5. Демографическая сегментация рынка мороженого в г. Кемерово

Tab. 5. Demographic segmentation of the ice cream market in Kemerovo

Категория населения	Повышенная цена		Основная цена		Пониженная цена		Низкая цена	
	Количество покупок	Удельный вес, %	Количество покупок	Удельный вес, %	Количество покупок	Удельный вес, %	Количество покупок	Удельный вес, %
Трудоспособное население	78	62	175	63	248	64	19	18
Несовершеннолетние	15	12	58	21	110	28	25	24
Пенсионеры	32	26	45	16	31	8	60	58
Итого	125	100	278	100	389	100	104	100

На практике принято выделять ряд основных экономических механизмов повышения конкурентоспособности предприятия: рост объемов реализации продукта, улучшение качества выпускаемого продукта, уменьшение расходов, бенчмаркинг [13, с. 157].

Рассмотрим указанные механизмы в контексте анализируемого предприятия. Одним из основных направлений является рост объемов реализации продукции, при этом необходимо помнить, что сам по себе рост объемов не является изолированной целью и не позволит достигнуть укрепления конкурентного статуса, т. к. необходимо одновременно учитывать такие показатели, как величина расходов, прибыль и рентабельность продукции, положительный или отрицательный эффект масштаба.

На исследуемом предприятии наблюдался резкий рост объема продаж, но при этом рентабельность продаж снизилась. При детальном анализе ситуации было выявлено, что данный скачок был связан с проведением акции на период межсезонности: при покупке мороженого из категории премиум («Пломбир № 15») на сумму более 10 тыс. руб. можно было приобрести мороженое «Полярник» на сумму 1 тыс. руб. со скидкой 50 %. Таким образом, хотя объем продаж в сравнении с аналогичным периодом прошлого года вырос, средняя цена продукции значительно снизилась. Акция не принесла ожидаемого экономического эффекта в виде увеличения прибыли. В рассматриваемой акции ожидаемый экономический эффект не был достигнут в результате нарушения условий процесса закупки сливочного масла, используемого при производстве мороженого «Полярник». Экономистами предприятия данная акция была предложена из расчета себестоимости мороженого 13,53 руб./шт., но поставщиком сливочное масло было поставлено по более высокой цене, что вызвало повышение себестоимости продукции до 14,85 руб./шт. Нарушение условий договоров поставки привело к неэффективности мероприятия по стимулированию объема продаж.

Другой проблемой при повышении конкурентоспособности предприятия за счет роста объемов реализации продукции является определение точки безубыточности производства. Точка безубыточности в данном случае понимается как определение того объема реализации продукции, который обеспечит безубыточную производственную деятельность. Даже при условии соблюдения планируемых расходов на сырье и материалы и получения маржинальной прибыли предприятие может не достичь необходимой величины прибыли в результате влияния постоянных расходов. ООО «Кемеровский хладокомбинат» характеризуется большим территориальным разбросом цехов, наличием устаревшего оборудования, наблюдается недостаточное соблюдение системы менеджмента качества. Текучесть кадров предприятия не позволяет эффективно оценивать набираемый персонал, что обуславливает высокие риски частых случаев хищений на производстве. Все эти факторы существенно увеличивают размер постоянных издержек. При этом высокий уровень износа оборудования не позволяет увеличивать производство до максимального уровня, обеспечивающего достижение объемов безубыточности. Для решения данных проблем было закуплено новое оборудование, что позволило увеличить объем производства, но привело к финансовой зависимости от кредиторов.

Положительный фактор для увеличения объемов производства ООО «Кемеровский хладокомбинат» – мороженое является продуктом длительного хранения. Кроме того, предприятие имеет достаточный объем собственных складов хранения товара с низкой стоимостью их содержания. Предприятием были предприняты меры по усовершенствованию межцеховой логистики предприятия, улучшению качества хранения, разработаны меры по экономии средств на межцеховые доставки – был осуществлен переход на газовые электропогрузчики. Объем постоянных издержек был сокращен, при этом объем производства был увеличен. Однако предприятию нельзя останавливаться на достигнутых положительных результатах и необходимо управлять постоянными затратами регулярно.

Увеличение объемов производства без увеличения объемов сбыта продукции является экономически неэффективным. Для увеличения объема сбыта мороженого на предприятии проведена реструктуризация отдела продаж мороженого; изменена система мотивации оплаты

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-397-407

труда сотрудников отдела продаж мороженого; проведены меры по увеличению продаж мороженого в сетевых магазинах; расширена география продаж мороженого, в том числе сбыт в зарубежные страны; осуществлен заход на такие рынки сбыта, как *HORECA* (продажи в кафе, рестораны и т. д.).

Таким образом, руководство ООО «Кемеровский хладокомбинат» рассматривает рост объемов реализации продукции как одно из основных направлений повышения конкурентоспособности предприятия, при этом учитывает одновременное повышение рентабельности производства и продаж. Повышение уровня конкурентоспособности за счет улучшения качества выпускаемой продукции является одним из возможных механизмов [14, с. 171].

Для контроля данного фактора ООО «Кемеровский хладокомбинат» реализует соответствующие меры: создание эффективной системы менеджмента качества; отслеживание всех этапов производственной деятельности, начиная с момента закупа сырья и заканчивая оприходованием готового товара на склад; повышение производительности труда: создание технологических карт, усовершенствование оборудования, настройка оборудования под нужды производства, обеспечение обучения и достойной заработной платы труда узкоспециализированного персонала; предотвращение фактов хищения сырья, деталей и готовой продукции на предприятии за счет усовершенствования системы контроля на производстве и в складах; разработка новых рецептур продукции и совершенствование старых; поиск новых поставщиков с более качественными характеристиками и оптимальным соотношением цена / качество; соблюдение технологии производства как по государственным стандартам качества, так и по разработанным техническим условиям.

Все вышеперечисленные меры косвенно оказывают влияние и на такое направление повышения конкурентоспособности продукции, как уменьшение расходов. Для этих целей на ООО «Кемеровский хладокомбинат» был внедрен ряд мер: совершенствование и оптимизация управленческого аппарата; совершенствование системы оплаты труда ИТР за счет привязки премиальной части к основным производственным и сбытовым показателям; перенос основного производства внутри холдинга в г. Кемерово для сокращения транспортных издержек; реструктуризация долга по валютным кредитам предприятия.

Другим эффективным инструментом повышения конкурентоспособности предприятия считается бенчмаркинг. Бенчмаркинг представляет собой планомерное и перманентное исследование в сочетании с изучением передового опыта конкурентов и игроков смежных отраслей, предполагающее постоянное сравнение желаемых результатов и осуществимых изменений бизнеса с разработанной эталонной моделью.

В рамках проводимого бенчмаркинга ООО «Кемеровский хладокомбинат» постоянно расширяет свой ассортимент, подстраиваясь не только под предпочтение потребителей, но и учитывая опыт основного конкурента ООО «Юнилевер Русь». На предприятии было введено производство следующей продукции: мягкое мороженое (осуществляется сбыт через свои собственные точки продаж); мороженое-батончики (один из самых популярных видов продукции в сетевых магазинах); мороженое, имеющее уникальную рецептуру, – «Сибирский уголь» [15].

С целью учета всех возможностей повышения конкурентоспособности предприятию необходимо разработать комплексную маркетинговую стратегию. Маркетинговая стратегия разрабатывается для конкретизации базисных стратегий организации, что позволяет предприятию достичь лидирующих позиций на рынке по конкретной группе продуктов (придание продукту особых или уникальных свойств, достижение высоких значений показателей качества и др.). Достижение таких характеристик позволяет обеспечить повышенный спрос на продукцию предприятия.

Следуя стратегии фокусировки, организация сосредоточивает свои усилия на производстве продуктов, ориентированных на узкий круг потребителей, таким образом, можно производить специфические местные виды мороженого. На исследуемом предприятии осваивается выпуск соленого мороженого для проникновения на китайский рынок [16, с. 267]. Однако какой бы стратегии не придерживалось предприятие, оно должно уметь и быть способным быстро адаптировать свою стратегию под меняющиеся условия конкурентной борьбы [17, с. 4].

Заключение

Для ООО «Кемеровский хладокомбинат» при разработке стратегии целесообразно ориентироваться не только на деятельность конкурентов, но и на запросы потребителей, на мировые тренды развития рынка мороженого [18]. Необходимо найти баланс, уделяя внимание противостоянию конкурентов и удовлетворению запросов потребителей. Для повышения конкурентоспособности рекомендуется разработать комплексную долгосрочную программу продвижения на рынке, усилить маркетинговую составляющую деятельности организации, а также улучшить работу с поставщиками сырья и материалов (с целью повышения качества продукции и снижения издержек). ООО «Кемеровский хладокомбинат» рекомендуется внедрение различных типов стратегий для разных классов продукции, поскольку выпускаемое мороженое имеет уровень от низшего до премиум-класса, при этом производственные мощности предприятия на данный момент позволяют выпускать значительный объем продукции разного типа.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-397-407

Литература

1. Файзиев Ш. Ш., Шермухамедов Б. У. Значение малого бизнеса и предпринимательства в социально-экономическом развитии региона // Вопросы экономики и управления. 2017. № 1. С. 120–123.
2. Абдикеев Н. М., Богачев Ю. С., Лосев А. А., Мельничук М. В., Толкачев С. А., Тютюнник И. Г., Шаркова А. В. Конкурентоспособность социально-экономических систем в условиях цифровой трансформации российской экономики. М.: Прометей, 2019. 354 с.
3. Бессмертных П. Ю. Оценка конкурентоспособности на основе факторного моделирования // Экономика и предпринимательство. 2017. № 3-1. С. 735–737.
4. Клевцов С. М., Пасечко Л. А., Клевцова М. Г. Позиционирование предприятия на основе применения стратегического анализа с использованием портфельных матриц // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 2-1. С. 145–152.
5. Постников В. М., Спиридонов С. Б. Методы выбора весовых коэффициентов локальных критериев // Наука и образование: научное издание МГТУ им. Н. Э. Баумана. 2015. № 6. С. 267–287. DOI: 10.7463/0615.0780334
6. Портер М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов. 6-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2016. 453 с.
7. Porter M. E. Location, competition, and economic development: Local clusters in a global economy // Economic development quarterly. 2000. Vol. 14. № 1. P. 15–34. DOI: 10.1177/089124240001400105
8. Дженстер П., Хасси Д. Анализ сильных и слабых сторон компании. Определение стратегических возможностей. М.: Вильямс, 2016, 368 с.
9. Измайлова М. А. Деловая репутация как фактор повышения конкурентоспособности компаний // Фотинские чтения. 2018. № 1. С. 394–399.
10. Christofi M., Leonidou E., Vrontis D. Cause-related marketing, product innovation and extraordinary sustainable leadership: the root towards sustainability // Global Business and Economics Review. 2015. Vol. 17. № 1. P. 93–111.
11. Васильева Л. Ф., Купина В. В., Маничкина М. В., Васильева В. С. Анализ и оценка конкурентоспособности предприятий пищевой промышленности // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 125. С. 180–185. DOI: 10.21515/1990-4665-125-011
12. Хань Ч. Факторы, влияющие на конкурентоспособность предприятия // Экономика и управление: современные тенденции / гл. ред. Н. В. Морозова. Чебоксары: Среда, 2019. Вып. 6. С. 69–74.
13. Решетов К. Ю. Развитие методологии обеспечения конкурентоспособности инновационного предпринимательства. М.: Наука и образование, 2015. 284 с.
14. Фидельман Г. Н., Дедиков С. В., Адлер Ю. П. Альтернативный менеджмент. Путь к глобальной конкурентоспособности. М.: Альпина Паблишер, 2016. 192 с.
15. Мурашова А. С., Дерунова Е. А. Методы оценки конкурентоспособности инновационной продукции в АПК // Математическое и компьютерное моделирование в экономике, страховании и управлении рисками: мат-лы VII Междунар. молодежной науч.-практ. конф. (Саратов, 14–17 ноября 2018 г.) Воронеж, 2018. С. 218–223.
16. Конина Н. Ю. Конкурентоспособность фирмы в глобальном мире. М.: Проспект, 2016. 368 с.
17. Егоров А. С. Конкуренция и конкурентоспособность предприятий в 2018–2019 годах // Российский экономический барометр. 2019. № 3. С. 3–14. DOI: 10.20542/2307-0390-2019-3-3-14
18. Квинт В. Л. Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке. М.: Бизнес Атлас, 2012. 626 с.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-397-407

original article

Competitive Status of the Enterprise as a Production Factor*

Olga V. Sekletsova [a, @]; Oksana S. Komarcheva [a]
[a] Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
[@] seklecova@list.ru

Received 21.03.2020. Accepted 21.04.2020.

Abstract: Competitiveness ensures the effectiveness of the enterprise both in the long and short term of its activity within a particular market segment. This criterion reflects the enterprise's ability to meet the needs of customers and use available resources. It reflects the conformity of products to market requirements, as well as their qualitative and quantitative characteristics. Ice cream production sector will continue to grow in the medium term, and the industry's prospects will depend on the effective marketing policy. The present research assessed the competitiveness of Kemerovo Khladokombinat LLC (a refrigeration plant) on the local market of ice cream producers. It revealed the main directions for increasing the competitiveness of this enterprise. The assessment was based on the market position of the enterprise regarding the growth in demand for this product and the market share held by the enterprise. The analysis used a Boston Consulting Group (BCG) matrix. The analysis also involved the method of expert scoring and Michael Porter's Five Forces model. A SWOT analysis helped to assess the market position of Kemerovo Khladokombinat LLC. The competitiveness of the company in question was assessed as high, compared to other enterprises engaged in the production and marketing of ice cream on the local market. The following recommendations can help the company to cement its place: Kemerovo Khladokombinat LLC should 1) strengthen its marketing component, 2) improve work with suppliers of raw materials in order to improve product quality and reduce production costs, 3) pay attention to its financial state.

Keywords: competition, competitiveness, SWOT analysis, ice cream, efficiency, region

For citation: Sekletsova O. V., Komarcheva O. S. Competitive Status of the Enterprise as a Production Factor. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(3): 397–407. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-397-407

References

1. Faziev Sh. Sh., Shermukhamedov B. U. The importance of small business and entrepreneurship in the socio-economic development of the region. *Voprosy ekonomiki i upravleniia*, 2017, (1): 120–123. (In Russ.)
2. Abdikeev N. M., Bogachev Yu. S., Losev A. A., Melnichuk M. V., Tolkachev S. A., Tyutyunnik I. G., Sharkova A. V. *Competitiveness of socio-economic systems in the context of digital transformation Russian economy.* Moscow: Prometei, 2019, 354. (In Russ.)
3. Bessmertniykh P. Y. Competitiveness assessment based on factor modeling. *Economy and entrepreneurship*, 2017, (3-1): 735–737. (In Russ.)
4. Klevtsov S. M., Pasechko L. A., Klevtsova M. G. Positioning companies based applications of strategic analysis using portfolio matrix. *News of the Tula state university. Economic and legal sciences*, 2015, (2-1): 145–152. (In Russ.)
5. Postnikov V. M., Spiridonov S. B. Selecting methods of the weighting factors of local criteria. *Science and Education of the Bauman MSTU*, 2015, (6): 267–287. (In Russ.) DOI: 10.7463/0615.0780334
6. Porter M. *Competitive strategy: Techniques for analyzing industries and competitors*, 6th ed. Moscow: Alpina Pablisher, 2016, 453. (In Russ.)
7. Porter M. E. Location, competition, and economic development: Local clusters in a global economy. *Economic development quarterly*, 2000, 14(1): 15–34. DOI: 10.1177/089124240001400105
8. Jenster P., Hussey D. *Company analysis: Determining strategic capability.* Moscow: Viliams, 2016, 368. (In Russ.)
9. Izmailova M. A. Business reputation as a factor of increasing the competitiveness of companies. *Fotinskie chteniia*, 2018, (1): 394–399. (In Russ.)
10. Christofi M., Leonidou E., Vrontis D. Cause-related marketing, product innovation and extraordinary sustainable leadership: the root towards sustainability. *Global Business and Economics Review*, 2015, 17(1): 93–111.

* The article was written for the III All-Russian Scientific and Practical Conference "Management of organizations in the modern economy" dedicated to the 300th Anniversary of Kuzbass Exploration, topic: Digital Management Transformation.

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-397-407

11. Vasilyeva L. F., Kupina V. V., Manichkina M. V., Vasilyeva V. S. Analysis and evalution of competitiveness for enterprises of food industry. *Politematicheskij setevoj e`lektronny`j nauchny`j zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2017, (125): 180–185. (In Russ.) DOI: 10.21515/1990-4665-125-011
12. Chan' Ch. Factors affecting the competitiveness of enterprises. *Economics and management: current trends*, ed. Morozova N. V. Cheboksary: Sreda, 2019, iss. 6, 69–74. (In Russ.)
13. Reshetov K. Yu. *Development of a methodology for ensuring the competitiveness of innovative entrepreneurship*. Moscow: Nauka i obrazovanie, 2015, 284. (In Russ.)
14. Fidelman G. N., Dedikov S. V., Adler Yu. P. *Alternative management. The path to global competitiveness.* Moscow: Alpina Pablisher, 2016, 192. (In Russ.)
15. Murashova A. S., Derunova E. A. Methods of measuring competitiveness of innovative products in agriculture. *Mathematical and computer modeling in economics, insurance, and risk management:* Proc. VII Intern. youth Sci.-Prac. Conf., Saratov, November 14–17, 2018. Voronezh, 2018, 218–223. (In Russ.)
16. Konina N. Yu. *Competitiveness of the company in the global world*. Moskow: Prospekt, 2016, 368. (In Russ.)
17. Egorov A. S. Competition and competitive power of enterprises in 2018–2019. *Russian Economic Barometer*, 2019, (3): 3–14. (In Russ.) DOI: 10.20542/2307-0390-2019-3-3-14
18. Kvint V. L. *Strategic management and economics on a global emerging market*. Moscow: Biznes Atlas, 2012, 626. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020- 5-3-408-416

оригинальная статья
УДК 334.7:004.9

Цифровые инструменты управления инновационной инфраструктурой*

Алена А. Ступина [a, ID1]; Татьяна И. Берг [a, @, ID2]; Лариса Н. Корпачева [a, ID3]; Александра В. Федорова [a]
[a] Сибирский федеральный университет, Россия, г. Красноярск
[@] tatiyana.berg@gmail.com
[ID1] http://orcid.org/0000-0002-5564-9267
[ID2] https://orcid.org/0000-0002-2427-3754
[ID3] https://orcid.org/0000-0003-3373-9752

Поступила в редакцию 23.03.2020. Принята к печати 09.06.2020.

Аннотация: Цифровая трансформация экономики, концептуальные изменения создания новой потребительной ценности предопределили новые типы взаимодействия участников инновационной деятельности. Данные изменения внесли коррективы в элементный состав инновационной инфраструктуры, призванной обеспечить эффективное производство и продвижение открытых инноваций. Одной из проблем результативности инновационной инфраструктуры является повышение коммуникативности участников инновационного процесса, что требует развития форм и конфигураций, основанных на цифровых платформенных решениях. Внедрение современных информационно-коммуникационных технологий в деятельность элементов инновационной инфраструктуры обеспечит снижение инвестиционных затрат на создание и содержание физических объектов, сократит время поиска, обмена, обработки информации участников инновационного процесса. Инновационная инфраструктура рассматривается как система взаимодействия подсистем, основанных на цифровых платформах, результатом связей которой является загруженная или полученная информация, решаемые задачи поиска инновационных решений. Особое значение придается информационной подсистеме инновационной инфраструктуры, составным элементам, цифровым платформам и сервисам. Авторами определены распределенно-интегрированные технологии управления инновационной инфраструктурой, обеспечивающие коммуникации в единой экосистеме информационных гетерогенных сетевых сервисов участников инновационного процесса. Предложен эффективный математический аппарат модифицированных GERT-сетей моделирования вычислительных процессов обработки данных гетерогенных сред цифровых сервисов объектов инновационной инфраструктуры.

Ключевые слова: инновационная экосистема, цифровые платформы, информационно-коммуникационные технологии, распределенно-интегрированные технологии, гетерогенные сетевые сервисы, GERT-сети

Для цитирования: Ступина А. А., Берг Т. И., Корпачева Л. Н., Федорова А. В. Цифровые инструменты управления инновационной инфраструктурой // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 3. С. 408–416. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-408-416

Введение

Приоритетным направлением современного развития России является создание эффективной инновационной среды, где особую значимость приобретает инновационная инфраструктура, посредством которой осуществляется трансфер информации, идей, новшеств, технологий, товаров, взаимодействие между всеми ее объектами. Степень развития инновационной инфраструктуры напрямую зависит от скорости освоения нововведений, а динамичное развитие ее институтов (подсистем) связывается с высоким мультипликативным эффектом увеличения спроса на услуги, низкой чувствительностью к циклическому развитию реального сектора экономики.

Однако в большинстве регионов России (за исключением Республики Татарстан, Томской и Новгородской областей, г. Москвы и г. Санкт-Петербурга) сформировавшаяся инновационная экосистема инфраструктуры имеет отдельные объекты. В некоторых субъектах (Республики Алтай, Калмыкия, Карачаево-Черкессия, Хакасия, Крым, Камчатский край, Ненецкий и Чукотский автономные округа, г. Севастополь)[1] выявлено их отсутствие или минимальная фрагментарность, что оказывает отрицательное влияние на развитие территорий и национальной экономики в целом.

Кроме этого, существуют проблемы выхода уже произведенных и готовых к продаже инноваций, обусловленные низкой эффективностью развития трансфертной сети и коммуникаций. Учитывая, что в условиях глобализации происходит конкурентная борьба не на рынках, а за рынки, требуются новые подходы воздействия

* Статья написана в рамках III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию освоения Кузбасса, «Управление организациями в современной экономике». Специальная тема: «Цифровая трансформация управления».

[1] Карта инновационной России // Инновации в России. Режим доступа: http://innovation.gov.ru/map (дата обращения: 19.06.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-408-416

на барьеры входа на рынки новшеств и нововведений, более гибкое и быстрое реагирование на запросы конечных потребителей.

Нивелирование выявленных проблем видится в развитии сотрудничества и стимулирования коммуникации между участниками инновационного процесса. Интеграция, координация и взаимодействие различных элементов инновационной инфраструктуры, основанные на цифровых платформенных решениях, позволят достичь синергетических и сетевых эффектов, динамики ее развития.

Методы и материалы. Теоретическое и методологическое исследование основано на научных работах, посвященных формированию инновационной инфраструктуры, научных и прикладных результатах трудов ученых по вопросам цифровых платформенных решений и их практическом применении участниками инновационного процесса. Применялись системный, интеграционный, сетевой подходы, общенаучные методы, методы сравнения, синтеза, логического анализа, имитационного и математического моделирования вычислительных процессов обработки данных гетерогенных сред цифровых сервисов. Использовалась информация Правительства РФ и его структур, открытые онлайн-источники, официальные сайты разработчиков программного обеспечения SAP, Microsoft, IBM, РТСофт. Применение указанных методов и систем позволило сформулировать научную гипотезу применения цифровых инструментов обработки данных объектов инновационной инфраструктуры, их взаимодействия.

Инновационная инфраструктура цифровой экономики

Особенности формирования, содержательного состава и функционирования инновационной инфраструктуры отражены в нормативных актах и программах развития РФ, работах С. А. Агаркова, Е. С. Кузнецовой и М. О. Грязновой [1], Н. В. Апатовой и О. Л. Королева [2], В. В. Иванова [3], Л. П. Королевой и М. А. Кандрашкиной [4], Е. А. Монастырного [5], Е. В. Сибирской, Л. В. Овешниковой и И. Ю. Кузовлевой [6], А. В. Райхлиной [7], Г. Ф. Деттера и И. Л. Туккеля [8] и др.

Существование различных дефиниций понятия *инновационная инфраструктура* обусловлено процессами трансформации мировых экономических систем и эволюцией экономической науки, связанных с кризисами роста, отрывом финансовой системы от реального сектора, цикличными колебаниями конъюнктуры, а также структурными изменениями, цифровизацией всех процессов экономики, появлением экосистемы инновационного развития и пространственного распределения ее подсистем, разнообразием взаимоотношений между ними.

Зарубежный исследователь П. К. Херст делает особый акцент на институты и сети взаимодействия как ключевые элементы управления и внедрения инноваций [9]. С. П. Лапаев рассматривает инновационную инфраструктуру как «связующее звено между институтами внедрения новшеств (университеты – бизнес – финансы) для снижения рисков взаимодействия и профессионального продвижения новшеств на рынках» [10, с. 145]. С. А. Агарков, Е. С. Кузнецова и М. О. Грязнова под инновационной инфраструктурой понимают «совокупность взаимосвязанных, взаимодополняющих производственно-технических систем, организаций, фирм и соответствующих организационно-управляющих систем, необходимых и достаточных для эффективного осуществления инновационной деятельности и реализации инноваций» [1, с. 111]; Л. П. Королева и М. А. Кандрашкина – часть инновационной системы, «включающую специально созданные для генерации наукоемкого бизнеса и коммерциализации научных разработок вузы и НИИ, образования (особые зоны, технопарки, бизнес-инкубаторы и др.), а также инновационно-ориентированные субъекты инфраструктуры основных видов рынка, обеспечивающих ресурсную поддержку и оказание услуг инновационному бизнесу с целью восполнения недостающих компетенций и формирования дополнительных конкурентных преимуществ» [4].

В призме трансформации и цифровизации государственной политики цифровой экономики РФ[2] меняются принципы проектирования и подход к конструкции, организации и функционалу инновационной инфраструктуры [11]. Построение и функционирование инновационной инфраструктуры базируется на парадигме «умной системы», принципе «удаленности связи объектов», киберзащите виртуального пространства, сохранности окружающей природной среды, социального равновесия и показателях качества жизни населения.

Особый статус в данном контексте приобретает информация не только как носитель знания, но и как средство коммуникации – связи объектов. Создание информационной инфраструктуры (и поддержание информационной безопасности) является приоритетным направлением, т. к. она объединяет средства коммуникаций, центры обработки данных, государственную единую платформу облачного хранения данных и инфраструктуру пространственных данных. Кроме этого, выполняется программная задача: «информационная инфраструктура обеспечивает возможность оказания новых цифровых услуг на внутреннем рынке и на экспорт, удовлетворяя потребности государства, бизнеса и граждан в надежных, доступных, безопасных и экономически эффективных коммуникациях, вычислительных мощностях, информационных системах и сервисах, цифровых платформах, созданных с приоритетным использованием отечественных

[2] Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» // Экспертный центр электронного государства. Режим доступа: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/05/programmaCE.pdf (дата обращения: 19.03.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-408-416

технологий, а также обеспечивает системный сбор, передачу, хранение и обработку данных с учетом прав и законных интересов субъектов данных и владельцев данных»[3].

Анализ понятийного аппарата с учетом трансформации процессов в цифровой экономике позволил дать авторское определение изучаемого термина: *инновационная инфраструктура* – это распределенно-интегрированная система, структурными элементами которой являются материально-технические, ресурсные, институциональные, общесистемные и коммуникативные условия (подсистемы), основанные на платформенных решениях цифрового взаимодействия участников инновационной деятельности.

Инновационная инфраструктура в системном аспекте, по мнению авторов, состоит из двух элементов:

- совокупность *подсистем, создающих условия* ведения научных исследований, правовой охраны, ресурсного обеспечения, продвижения результатов инновационной деятельности;
- совокупность *объектов (агентов, организаций) подсистем, обеспечивающих взаимосвязи* движения потоков ресурсов и результатов (товаров, услуг, транзакций) инновационной деятельности.

Таким образом, инновационная инфраструктура, с одной стороны, создает условия, а с другой, обеспечивает взаимосвязь участников, ресурсов, процессов и результатов инновационной деятельности. Схематично кросс-платформа инновационной инфраструктуры как системы, ее подсистем и объектов, представлена на рисунке. Она состоит из подсистем: научно-исследовательской, кадровой, производственной (технологической), информационной, нормативно-правовой, институциональной, финансовой, экспертно-консалтинговой и сбытовой.

Рис. Кросс-платформа системы инновационной инфраструктуры цифровой экономики

Fig. Cross-platform of the digital economy innovation infrastructure system

[3] Там же.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-408-416

Цифровые инструменты управления информацией инновационной инфраструктуры

Представленная модель инновационной инфраструктуры позволяет обеспечить целевой ориентир – создать условия для производства и продвижения конкурентоспособной высокотехнологичной продукции на внутренних и внешних рынках. Принимая во внимание, что объекты инновационной инфраструктуры находятся в территориально распределенной среде, их «связка» производится на основе цифровых платформ. Цифровые платформы являются инструментами недискриминационного доступа к элементам инновационной инфраструктуры, обеспечивая взаимодействие объектов (агентов) и результаты взаимного сотрудничества. Среди ключевых платформ цифровой инновационной экономики РФ можно выделить две: Промышленность будущего и Интерактивная карта инновационной экосистемы России (табл.)[4].

Важным элементом инновационной инфраструктуры является сеть, позволяющая осуществлять деятельность виртуальных объектов и способствовать генерированию новых идей для их последующей материализации в инновационных процессах и продуктах. Базовыми параметрами цифровых платформ цифровой инновационной экономики России являются консолидация, механизмы кооперации, навигация, конструирование моделей взаимодействия участников инновационного процесса. Эти параметры должны обеспечить подготовку высококвалифицированных кадров цифровой экономики, производство высокотехнологичной, наукоемкой продукции (услуг), интеллектуализировать и сервитизировать процессы и бизнес-процессы, жизнеобеспеченность населения.

Аналитические исследования [12–16] позволили определить, что построение функционирования цифровых платформ инновационной инфраструктуры должно базироваться на распределенном формировании данных. Необходимость создания распределено-интегрированных, интеллектуальных баз данных нового поколения, общих IT-платформ, диктуется, с одной стороны, большим объемом информации объектов подсистем инновационной инфраструктуры, которая должна хранится в репозитариях, с другой – географической распределенностью участников инновационного процесса, разнообразием бизнес-моделей сотрудничества, моделей взаимодействия. Создание общих IT-платформ позволит синхронизировать цифровые решения [17], создаст возможности появления новых объектов инновационной инфраструктуры и форм объединения, заинтересованных в качественно иных технологических решениях.

Табл. Параметры ключевых платформ цифровой инновационной экономики России

Tab. Parameters of the key platforms of the digital innovation economy in Russia

Платформа	Назначение	Элементы
Промышленность будущего	• консолидация науки, образования и бизнеса и их ресурсов на создания высокотехнологичных систем; • выстраивание механизмов научно-производственной кооперации	• новые высокотехнологичные производства, в том числе с участием зарубежных фирм, основанные на интеллектуализации бизнес-процессов и процессов, связанных с производством и эксплуатацией высокотехнологичных систем; • интеллектуализация выхода России на новые рынки; • новые направления развития информационных технологий (в том числе компьютерного моделирования); • взаимодействие с профильными вузами; • технологии и комплексная система подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов; • взаимодействие с инвесторами, модели притока частных, в том числе иностранных, инвестиций в разработку прогрессивных технологий
Интерактивная карта инновационной экосистемы России	навигация в субъектах инновационной экосистемы России участников инфраструктуры поддержки инноваций	• категорирование участников (организаций) инфраструктуры поддержки инноваций; • сервисы инфраструктуры
	конструкция моделей взаимодействия инфраструктуры поддержки инноваций	• построение моделей взаимодействия для организаций-участников; • достаточность инфраструктурных связей для работы с инновациями полного цикла

[4] Составлено по источникам: Технологическая платформа «Моделирование и технологии эксплуатации высокотехнологичных систем» (Промышленность будущего) // МТЭВС. Режим доступа: http://mtevs.org (дата обращения: 09.03.2020); Стратегия развития страны 2018–2024 // Центр стратегических разработок. Режим доступа https://strategy.csr.ru (дата обращения: 09.03.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-408-416

Эффективным инструментом исследований в сложной системе инновационной инфраструктуры видится применение имитационных моделей, размещенных на распределенной архитектуре [18, с. 11]. В настоящее время развитие распределенного имитационного моделирования идет по двум направлениям: монолитные и готовые системы моделирования, объединенные с помощью специального программного обеспечения.

Исследования [17–22] доказали, что при создании новых высокоэффективных монолитных систем, в которых поддерживается параллельное дискретно-событийное моделирование (*Parallel Discrete Event Simulation, PDES*) используют спецпроцессоры для параллельного моделирования, сопутствующие языки, библиотеки и инструментальные средства[5]. К таким интеллектуальным информационным системам, обеспечивающим координированное управление в распределенной среде и отказоустойчивость и доказавшим свою адекватность в различных областях науки, можно отнести TeD/GTW, SPEEDES, Task-Kit, Mepa, DiAna, AMIGO, технология SD-WAN, SAP HANA и др. Преимущество указанных моделей объясняется теснотой связи со средой взаимодействия, для которой они разработаны. Однако при смене среды взаимодействия возникают проблемы переноса системы на другую платформу, что является их недостатком.

Рассмотрение готовых систем имитационного моделирования показало, что компонентами являются не объекты, а имитационные модели, в отличие от последовательного моделирования. К наиболее распространенным можно отнести DIS-system (*Double Information Stream System* – система двойного потока информации), которая позволяет объектам взаимодействовать друг с другом, связывает аналитические и обучающие объекты (*Aggregate Level Simulation Protocol*); HLA (*High Level Architecture* – архитектура высокого уровня для моделирования и имитирования), производящая типирование однородных взаимозаменяемых объектов инновационной инфраструктуры. Задача готовых систем – создать окружение для взаимодействия ранее созданных имитационных моделей. В данном подходе федераты являются компонентами имитационного моделирования, а их объединение – федерацией [16]. Федерация состоит из разнородных федератов, например программ сбора данных, имитационных моделей взаимодействия участников инновационного процесса, объектов инновационной инфраструктуры. Обмен информацией, ее координация и синхронизация между федератами происходит через программное обеспечение RTI в едином модельном времени.

Кроме этого, в зависимости от имитационной модели, системы моделирования, доказавшие адекватность в практическом применении, могут быть процессно-, событийно-, объектно-ориентированными и агентными[6]. Интеграция данных из разных источников и обработка масштабных информационных потоков осуществляется информационными сервисами. Современные информационные сервисы, функциональность и автономность компьютеров позволяют синхронно и удаленно взаимодействовать с объектами различных подсистем инновационной инфраструктуры. Сервисная модель (*Product as a Service*) является центральной концепцией цифровой экономики. Сервизация способствует расширению использования таких бизнес-моделей, как модели подписки и модели услуги.

Одним из результативных инструментов цифрового управления инновационной инфраструктурой, как было отмечено выше, являются распределенно-интегрированные технологии в единой экосистеме информационных гетерогенных сетевых сервисов. Как показывает практика, технологии высокопроизводительных гетерогенных вычислений, используемые в ходе решения управленческих, исследовательских и производственных задач, обладают высокой пропускной способностью и надежностью, однако значительно снижают отказоустойчивость системы в случае использования цифровых гетерогенных системных сервисов. Снижение отказоустойчивости систем гетерогенных цифровых сервисов обусловлено рядом факторов, связанных со спецификой функционирования гетерогенной вычислительной платформы и особенностями инструментов моделирования и управления процессами обработки гетерогенных данных [23].

В качестве эффективного инструмента моделирования вычислительных процессов обработки данных гетерогенных сред цифровых сервисов предлагается математический аппарат модифицированных GERT-сетей. GERT-сети позволяют проводить анализ временных характеристик работы узлов распределенной гетерогенной системы и перераспределять вычислительную нагрузку гетерогенных сетей без использования в системе дополнительных трудоемких методов снижения нагрузки [24; 25]. Основу математического аппарата модифицированных GERT-сетей составляет произвольное количество чисел дополнительных вещественных и стохастических параметров узла этой сети. Произвольные функции вычисляют в момент активации узла сети условные вероятности выполнения исходящей дуги узла GERT-сети [25].

В соответствии с предложенной кросс-платформой системы инновационной инфраструктуры цифровой экономики как единой экосистемы (рис.), определяется совокупность архитектур подсистем и объектов с различными функциональными образами элементов. Для повышения эффективности цифрового взаимодействия агентов инновационной инфраструктуры каждую возможную

[5] Миков А. И., Замятина Е. Б. Распределенные системы и алгоритмы: Информация // ИНТУИТ. Режим доступа: https://www.intuit.ru/studies/courses/1146/238/info (дата обращения: 02.03.2020).

[6] Там же.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-408-416

вариацию этого взаимодействия можно представить в виде стохастической GERT-сети.

Основная гипотеза моделирования процессов взаимодействия агентов инновационной инфраструктуры на основе GERT-сетей видится в следующем:

1. GERT-сеть рассматривается как стохастическая структура, граф которой состоит из множества дуг (y) весом (i, j), имеющих различные вероятности выполнения (p_{ij}), и множества узлов (V). При этом по дугам сети осуществляется цифровое взаимодействие агентов инновационной инфраструктуры, а в узлах сети происходит обработка событий подключения любого агента к другим агентам, что в конечном итоге дает возможность определять множество возможных дальнейших траекторий взаимодействия и выбирать оптимальные траектории цифрового взаимодействия.

2. Определенный узел GERT-сети активируется с некоторой вероятностью (p_{ij}) в ходе обработки событий (связанных, например, с подключением любого агента к другим агентам или с выполнением совокупности работ по входящей дуге и т. д.) для выполнения работы текущей дуги (y_{ij}) (например, обработки информации о подключениях агентов, подбора агента инновационной инфраструктуры при решении определенных прикладных задач и т. п.).

3. GERT-сеть обладает распределенными источниками (R) информации, которая поступает от каждого агента, и стоками (S) вида «работа на дуге».

4. В качестве критерия оценки эффективности цифрового взаимодействия агентов инновационной инфраструктуры на основе принципов GERT-моделирования может использоваться критерий локальной устойчивости сети в каждой конкретной реализации взаимодействия (r_k) по стоку (s_k) (для узла (i) и путей взаимодействия, заканчивающихся дугами (i, j), (k, i)).

Предложенный подход моделирования процессов взаимодействия агентов инновационной инфраструктуры на основе GERT-сетей позволяет выбрать альтернативу цифрового взаимодействия участников инновационной инфраструктуры в условиях разветвленной топологии вероятностных взаимоотношений, а также с учетом неактульных на текущей дуге действий и потенциальных отказов в обслуживании в связи с загрузкой сети.

Количественные оценки вероятностей активации стока узлов сети процессов гетерогенной системы, по мнению авторов, позволяют прогнозировать состояние системных процессов и управлять распределенными процессами гетерогенных сервисов на основе перераспределения вычислительной нагрузки сети в ходе обработки данных.

Заключение

В настоящее время результативность инновационной инфраструктуры зависит от создания условий и повышения коммуникативности участников инновационной деятельности. Кросс-платформенный состав объектов, подсистем распределенно-интегрированной системы инновационной инфраструктуры в цифровой экономике обеспечивается цифровыми инструментами сбора, обработки, обмена информации. Основными параметрами представленной системы являются коммуникативные условия, основанные на платформенных решениях цифрового взаимодействия участников инновационной деятельности. Управление инновационной инфраструктурой обеспечивается коммуникациями в единой экосистеме информационных гетерогенных сетевых сервисов участников инновационного процесса. Интеграция данных позволяет сократить экспортно-импортные расходы хранения, использовать системные сервисные решения.

В качестве эффективного цифрового инструмента предложен математический аппарат модифицированных GERT-сетей моделирования вычислительных процессов обработки данных гетерогенных сред цифровых сервисов объектов инновационной инфраструктуры. Применение модифицированных GERT-сетей в организации процессов связи объектов позволит своевременно учитывать спрос на технологии и продукцию, ускорит выход новшеств и инноваций на рынки и тем самым повысит эффективность всех участников инновационной деятельности – объектов кросс-платформы системы инновационной инфраструктуры цифровой экономики.

Литература

1. Агарков С. А., Кузнецова Е. С., Грязнова М. О. Инновационный менеджмент и государственная инновационная политика. М.: Академия естествознания, 2011. 143 с.
2. Апатова Н. В., Королев О. Л. Проблемы формирования инновационной инфраструктуры региона в условиях цифровой экономики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2017. Т. 3. № 1. С. 3-11.
3. Иванов В. В. Инновационная парадигма XXI. М.: Наука, 2011. 238 с.
4. Королева Л. П., Кандрашкина М. А. Инновационная инфраструктура: сущность и тенденции развития в республике Мордовия // Системное управление. 2014. № 3. Режим доступа: http://sisupr.mrsu.ru/2014-3/PDF/Koroleva_L_P_Kandraskina_M_A.pdf (дата обращения: 19.03.2020).
5. Монастырный Е. А. Методологическое обеспечение развития региональной инновационной системы в условиях современной экономики России: автореф. дис. … д-ра экон. наук. Томск, 2009. 46 с.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-408-416

6. Сибирская Е. В., Овешникова Л. В., Кузовлева И. Ю. Сущностно-содержательная природа процесса проектирования сбалансированной инновационной инфраструктуры // Фундаментальные исследования. 2013. № 10-11. С. 2514–2518.
7. Райхлина А. В. Формирование и развитие инфраструктуры инновационной деятельности // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2013. № 2. С. 59–62.
8. Деттер Г. Ф., Туккель И. Л. «Умная» цифровизация локальных инновационных экосистем Арктической зоны РФ // Инновации. 2018. № 11. С. 30–35.
9. Hirst P. Q. Associative democracy: new forms of economic and social governance. Amherst, MA: University of Massachusetts Press, 1994. 222 p.
10. Лапаев С. П. Управление формированием региональной инновационной системы. Оренбург: ОГУ, 2014. 474 с.
11. Серебрякова Н. А., Петриков А. В. Принципы проектирования и организации функционирования инновационных инфраструктур в условиях Индустрии 4.0 // Вестник ВГУИТ. 2018. Т. 80. № 4. С. 384–387. DOI: 10.20914/2310-1202-2018-4-384-387
12. Цымблер М. Л. Обзор методов интеграции интеллектуального анализа данных в СУБД // Вестник ЮУрГУ. Серия: Вычислительная математика и информатика. 2019. Т. 8. № 2. С. 32–62. DOI: 10.14529/cmse190203
13. Куприяновский В. П., Соколов И. А., Талашкин Г. Н., Дунаев О. Н., Зажигалкин А. В., Распопов В. В., Намиот Д. Е., Покусаев О. Н. Цифровая совместная экономика: технологии, платформы и библиотеки в промышленности, строительстве, транспорте и логистике // International Journal of Open Information Technologies. 2017. Т. 5. № 6. С. 56–75.
14. Кузнецов С. Д. Управление данными: 25 лет прогнозов // Труды ИСП РАН. 2017. Т. 29. № 2. С. 117–160. DOI: 10.15514/ISPRAS-2017-29(2)-5
15. Parker G. G., Alstyne Van M. W., Choudary S. P. Platform revolution: How networked markets are transforming the economy and how to make them work for you. N. Y.: W. W. Norton & Company, 2016. 352 p.
16. Петриков А. В. Анализ сетевой структуры точек инновационного роста // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. 2018. Т. 15. № 12. С. 46–50.
17. Евсюков В. В., Пышный А. И. «Цифровая экономика» – новый этап информатизации общества // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 4-1. С. 11–19.
18. Тенденции развития экономики и промышленности в условиях цифровизации / под ред. А. В. Бабкина. СПб.: СПбПУ, 2017. 657 с. DOI: 10.18720/IEP/2017.6
19. Андиева Е. Ю., Фильчакова В. Д. Цифровая экономика будущего, Индустрия 4.0 // Прикладная математика и фундаментальная информатика. 2016. № 3. С. 214–218.
20. Смелянский Р. Л., Бахмуров А. Г., Волканов Д. Ю., Чемерицкий Е. В. Интегрированная среда для анализа и разработки распределенных встроенных вычислительных систем реального времени // Программирование. 2013. Т. 39. № 5. С. 35–52.
21. Зинкин С. А. Согласование и координация объектов и процессов в агентно-ориентированных системах и сетях хранения и обработки данных // Вопросы радиоэлектроники. 2009. Т. 4. № 4. С. 83–96.
22. Микляев И. А., Жирнова М. А. Гибридные облачные технологии на основе реляционной и объектной баз данных // Объектные системы. 2015. № 11. С. 58–63.
23. Gschwind M. The cell broadband engine: exploiting multiple levels of parallelism in a chip multiprocessor // International Journal of Parallel Programming. 2007. Vol. 35. P. 233–262. DOI: 10.1007/s10766-007-0035-4
24. Neumann K. Stochastic project networks: Temporal analysis, scheduling and cost minimization. N. Y.: Springer Science & Business Media, 1990. 237 p.
25. Цепкова М. И., Ступина А. А., Корпачева Л. Н., Федорова А. В., Джиоева Н. Н. Анализ работы узлов распределенных систем обработки информации с использованием GERT-сетей // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. Режим доступа: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21953 (дата обращения: 14.03.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-408-416

original article

Digital Tools for Managing Innovative Infrastructure*

Alena A. Stupina [a, ID1]; Tatiana I. Berg [a, @, ID2]; Larisa N. Korpacheva [a, ID3]; Aleksandra V. Fedorova [a]
[a] Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk
[@] tatiyana.berg@gmail.com
[ID1] http://orcid.org/0000-0002-5564-9267
[ID2] https://orcid.org/0000-0002-2427-3754
[ID3] https://orcid.org/0000-0003-3373-9752

Received 23.03.2020. Accepted 09.06.2020.

Abstract: The digital transformation of the economy and the conceptual changes in developing new consumer value predetermined new types of interaction between participants in innovation activities. These changes affected the elements of innovative infrastructure, which ensures effective production of open innovations. The increasing communication of innovation process participants remains a problem of innovative infrastructure performance, which requires new forms and configurations based on digital platform solutions. Modern information and communication technologies and their implementation in the innovative infrastructure will reduce investment costs for creation and maintenance of physical objects and decrease the time spent on searching, exchanging, and processing information of innovation process participants. The article considers the innovative infrastructure as an interaction system of subsystems based on digital platforms. The system provides downloadable information and innovative solutions. The paper focuses on the information subsystem of innovative infrastructure, its components, digital platforms, and services. The authors define distributed and integrated technologies for managing innovative infrastructure that provide communications in a single ecosystem of heterogeneous information network services of innovation process participants. The authors introduce effective mathematical tools of modified GERT networks for modeling computational data processing in heterogeneous environments of digital services of innovative infrastructure.

Keywords: innovation ecosystem, digital platforms, information and communication technologies, distributed-integrated technologies, heterogeneous network services, GERT networks

For citation: Stupina A. A., Berg T. I., Korpacheva L. N., Fedorova A. V. Digital Tools for Managing Innovative Infrastructure. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(3): 408–416. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-408-416

References

1. Agarkov S. A., Kuznetsova E. S., Gryaznova M. O. *Innovation management and state innovation policy*. Moscow: Akademiia estestvoznaniia, 2011, 143. (In Russ.)
2. Apatova N. V., Korolev O. L. Problems of region innovative infrastructure formation in digital economy. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Ekonomika i upravlenie*, 2017, 3(1): 3-11. (In Russ.)
3. Ivanov V. V. *Innovation paradigm XXI*. Moscow: Nauka, 2011, 238. (In Russ.)
4. Koroleva L. P., Kandrashkina M. A. Innovation infrastructure: essence and tendencies of development in the Republic of Mordovia. *Sistemnoe upravlenie*, 2014, (3). Available at: http://sisupr.mrsu.ru/2014-3/PDF/Koroleva_L_P_Kandraskina_M_A.pdf (accessed 19.03.2020). (In Russ.)
5. Monastyrny E. A. *Methodological support for the development of a regional innovation system in the modern economy of Russia*. Dr. Econ. Sci. Diss. Abstr. Tomsk, 2009, 46. (In Russ.)
6. Sibirskaya E. V., Oveshnikova L. V., Kuzovleva I. Yu. Essentially-substantial nature of balanced design innovation infrastructure. *Fundamentalnye issledovaniia*, 2013, (10-11): 2514–2518. (In Russ.)
7. Raikhlina A. V. Formation and development of infrastructure of innovation activity. *Ekonomika, statistika i informatika. Vestnik UMO*, 2013, (2): 59–62. (In Russ.)
8. Detter G. F., Tukkel I. L. "Smart" digitalization of local innovation ecosystems of the Arctic zone of the Russian Federation. *Innovatsii*, 2018, (11): 30–35. (In Russ.)
9. Hirst P. Q. *Associative democracy: new forms of economic and social governance*. Amherst (MA): University of Massachusetts Press, 1994, 222. (In Russ.)
10. Lapaev S. P. *Management of the formation of a regional innovation system*. Orenburg: OGU, 2014, 474. (In Russ.)

* The article was written for the III All-Russian Scientific and Practical Conference "Management of organizations in the modern economy" dedicated to the 300th Anniversary of Kuzbass Exploration, topic: Digital Management Transformation.

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-408-416

11. Serebryakova N. A., Petrikov A. V. The principles of design and the organization of functioning of innovative infrastructures in the conditions of the Industry 4.0. *Vestnik VGUIT*, 2018, 80(4): 384–387. (In Russ.) DOI: 10.20914/2310-1202-2018-4-384-387
12. Zymbler M. L. Overview of methods for integrating data mining into DBMS. *Bulletin of South Ural State University. Series: Computational Mathematics and Software Engineering*, 2019, 8(2): 32–62. (In Russ.) DOI: 10.14529/cmse190203
13. Kupriyanovsky V. P., Sokolov I. A., Talashkin G. N., Dunaev O. N., Zazhigalkin A. V., Raspopov V. V., Namiot D. E., Pokusaev O. N. Digital sharing economy: technologies, platforms and libraries in industry, construction, transport, and logistics. *International Journal of Open Information Technologies*, 2017, 5(6): 56–75. (In Russ.)
14. Kuznetsov S. D. Data management: 25 years of forecasts. *Proc. ISP RAS*, 2017, 29(2): 117–160. (In Russ.) DOI: 10.15514/ISPRAS-2017-29(2)-5
15. Parker G. G., Alstyne Van M. W., Choudary S. P. *Platform revolution: How networked markets are transforming the economy and how to make them work for you*. N. Y.: W. W. Norton & Company, 2016, 352.
16. Petrikov A. V. Analysis of the network structure of the points of innovative growth. *FES: Finansy. Ekonomika. Strategiia*, 2018, 15(12): 46–50. (In Russ.)
17. Evsyukov V. V., Pyshny A. I. "The digital economy" – a new stage informatization of society. *Izvestiia Tulskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i iuridicheskie nauki*, 2018, (4-1): 11–19. (In Russ.)
18. *Economic and industrial development trends in the conditions of digitalization*, ed. Babkin A. V. St. Petersburg: SPbPU, 2017, 657. (In Russ.) DOI: 10.18720/IEP/2017.6
19. Andieva E. Yu., Filchakova V. D. The digital economy of the future, Industry 4.0. *Prikladnaia matematika i fundamentalnaia informatika*, 2016, (3): 214–218. (In Russ.)
20. Smelyansky R. L., Bakhmurov A. G., Volkanov D. Yu., Chemeritskii E. V. Integrated environment for the analysis and design of distributed real-time embedded computing systems. *Programmirovanie*, 2013, 39(5): 35–52. (In Russ.)
21. Zinkin S. A. Alignment and coordination of objects and processes in agent-oriented systems and networks of storage and data processing. *Voprosy radioelektroniki*, 2009, 4(4): 83–96. (In Russ.)
22. Miklyaev I. A., Zhirnova M. A. Hybrid cloud technologies based on relational and object databases. *Obektnye sistemy*, 2015, (11): 58–63. (In Russ.)
23. Gschwind M. The cell broadband engine: exploiting multiple levels of parallelism in a chip multiprocessor. *International Journal of Parallel Programming*, 2007, 35: 233–262. DOI: 10.1007/s10766-007-0035-4
24. Neumann K. *Stochastic project networks: Temporal analysis, scheduling and cost minimization*. N. Y.: Springer Science & Business Media, 1990, 237.
25. Tsepkova M. I., Stupina A. A., Korpacheva L. N., Fedorova A. V., Dzhioeva N. N. Analysis of work units of the distributed information processing system using GERT-networks. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2015, (2-2). Available at: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21953 (accessed 14.03.2020). (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-417-424

оригинальная статья
УДК 33+631.155 (571.54)

Совершенствование стратегического планирования развития сельского хозяйства региона

Наталья С. Тимофеева [a, @, ID]
[a] Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова, Россия, г. Улан-Удэ
[@] rns-85@mail.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0003-3736-3078

Поступила в редакцию 06.04.2020. Принята к печати 22.06.2020.

Аннотация: Современные производители сельскохозяйственных товаров испытывают трудности при производстве конкурентоспособной продукции. Разработка стратегических планов развития сельского хозяйства требует постоянной корректировки. Для совершенствования стратегического планирования необходимо создание эффективной системы разработки стратегических планов развития сельского хозяйства, позволяющей сельхозтоваропроизводителям обеспечить непрерывный процесс функционирования организации и производства конкурентоспособной продукции. Цель работы – разработка предложений по совершенствованию стратегического планирования развития сельского хозяйства, которые помогут сельхозтоваропроизводителям разрабатывать эффективные стратегические планы. Для обработки первичной информации использовались общенаучные приемы синтеза и анализа, абстрактно-логические, экономико-математические методы экономических исследований. Были использованы материалы Территориального органа Федеральной службы государственной статистики и Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Бурятия за 2018 год. В результате были изучены социально-экономические проблемы развития сельского хозяйства в Республике Бурятия. Предложены рекомендации по процессу стратегического планирования развития сельского хозяйства. Исследование позволило сделать вывод, что для конкурентоспособного развития сельского хозяйства при разработке стратегических планов и в работе сельхозтоваропроизводителей необходим комплексный подход. Предложенный процесс стратегического планирования развития сельского хозяйства позволит фермерам разрабатывать эффективные стратегические планы и при этом производить конкурентоспособную продукцию.

Ключевые слова: эффективный стратегический план, сельхозтоваропроизводитель, процесс стратегического планирования, стратегические документы, комплексное развитие сельского хозяйства, проблемы развития сельского хозяйства

Для цитирования: Тимофеева Н. С. Совершенствование стратегического планирования развития сельского хозяйства региона // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 3. С. 417–424. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-417-424

Введение

В современном мире любая сельскохозяйственная организация функционирует в жестких конкурентных условиях. Сельхозтоваропроизводители направляют все усилия на решение проблемы выживаемости и обеспечения непрерывности развития. В зависимости от возможностей организации данные проблемы решаются по-разному. Большая часть руководителей сельскохозяйственных организаций выполняют кропотливую и трудоемкую работу по созданию и реализации конкурентных преимуществ, что в совокупности позволяет раскрыть стратегическое планирование. Возможности стратегического планирования не ограничены и при эффективном использовании позволяют вывести предприятие на новый уровень. Стратегическое планирование развития сельского хозяйства – это достаточно сложный процесс, с помощью которого сельхозтоваропроизводители создают образ будущего состояния организации и устанавливают этапы достижения, исходя из возможностей самой организации [1]. Несмотря на широкую популярность стратегического планирования, многие вопросы сельского хозяйства по-прежнему решаются по старинке и нуждаются в совершенствовании. Для этого необходимо создание эффективной системы разработки стратегических планов развития сельского хозяйства, позволяющей сельхозтоваропроизводителям обеспечить непрерывный процесс функционирования организации и производства конкурентоспособной продукции. Проблемы стратегического планирования развития сельского хозяйства изучают многие ученые (К. П. Личко, А. Ю. Воронина и Е. Ю. Насекина [2], Н. В. Баннико-ва [3], А. М. Нехланова и М. Б. Туманова [4], М. Дитерих и А. В. Мерзлов [5], В. М. Баутин [6], А. В. Трухачев [7], И. Г. Ушачев, В. С. Чекалин и В. В. Маслова [8] и др.). Ученые исследуют проблемы сельского хозяйства и сельских территорий, рассматривают возможности разработки стратегии развития сельского хозяйства. При этом вопросы совершенствования стратегического планирования развития сельского хозяйства освещены не в полной мере.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-417-424

Методы и материалы. Для обработки первичной информации в исследовании использовались общенаучные приемы синтеза и анализа, абстрактно-логические, экономико-математические методы экономических исследований. Были использованы материалы Территориального органа Федеральной службы государственной статистики и Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Бурятия за 2018 г.

Современное состояние стратегического планирования развития сельского хозяйства

Стратегическое планирование развития сельского хозяйства – это комплексное развитие отрасли с учетом влияния природно-климатических факторов, т.к. большая часть территории России подвержена влиянию циклонов и имеет резкоконтинентальный климат; разработка и усовершенствование целенаправленного и активного управления аграрной политикой. Влияние государства на рыночную экономику является острой темой для обсуждения, но роль государства в регулировании аграрной политики всегда остается неоспоримой. Современная практика развитых стран показывает, что для достижения экономического прогресса необходимо делегировать все доступные для этого меры и механизмы [9].

В настоящее время существует ряд стратегических документов в области развития сельского хозяйства. Имеющаяся нормативно-правовая база позволяет регулировать деятельность сельских товаропроизводителей, в ней представлена информация о целях и задачах развития села в долгосрочной перспективе. Многие ученые в этой области по-разному относятся к существующим документам: каждый выделяет как ряд достоинств, так и ряд недостатков [10; 11]. Стратегические документы, существующие в области развития сельского хозяйства, затрагивают вопросы развития сельского хозяйства и сельской территории. Государством проведена огромная работа по разработке стратегических документов, однако во многих прослеживается узкоотраслевой подход, недостаточно освещены вопросы комплексного подхода к развитию сельского хозяйства с учетом региональных особенностей.

Одним из актуальных на сегодняшний день является Приказ Министерства сельского хозяйства РФ «О создании национальной платформы "Цифровое сельское хозяйство"»[1]. Данный документ несет информацию о создании национальной платформы для сельхозтоваропроизводителей. С одной стороны, у цифровизации сельского хозяйства есть определенные выгоды: комплексное развитие цифрового сельского хозяйства позволит аграрным руководителям снизить затраты на 23 %, новые технологии позволят проводить эффективную работу не только в землепользовании, но и в других сферах сельского хозяйства. С другой стороны, сельхозтоваропроизводители столкнулись со многими проблемам. В первую очередь, это кадровые вопросы: наблюдается нехватка специалистов, умеющих работать с компьютерными программами и приложениями, а новые IT-специалисты не адаптированы к сельскому хозяйству. Отсутствие комплексного подхода не позволяет обеспечить автоматизацию и прозрачность всех бизнес-процессов.

Особое внимание привлекает «Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года»[2], поскольку ее основной целью является создание благоприятных условий для сельских жителей, обеспечение конкурентоспособности аграрной отрасли, развитие инфраструктуры. В целом Концепция направлена на формирование позитивного отношения человека к сельской местности. В документе указаны этапы реализации стратегии, целевые показатели и индикаторы, объемы финансирования. При этом последние очень малы, и потому программа может быть реализована лишь в некоторых регионах или сельских территориях. Также следует отметить, что не в полной мере отражен комплексный подход. Программа в первую очередь направлена на ликвидацию части проблем в селах, а не на создание комплекса мероприятий, которые позволят превратить бедную заброшенную сельскую территорию в привлекательную местность.

В целом, изучая стратегические документы в области сельского хозяйства[3], можно указать, что во многих программах не прослеживается комплексное развитие сельского хозяйства, что ограничивает эффективную разработку

[1] О создании национальной платформы «Цифровое сельское хозяйство». Приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 25.02.2020 № 84 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/564437710 (дата обращения: 07.04.2020).

[2] Об утверждении Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года. Распоряжение Правительства РФ от 30.11.2010 № 2136-р // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/902250089 (дата обращения: 07.04.2020).

[3] О создании национальной платформы «Цифровое сельское хозяйство»…; Об утверждении Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года…; О развитии сельского хозяйства. ФЗ от 29.12.2006 № 264-ФЗ (с измен. от 01.07.2017 № 144-ФЗ) // СПС КонсультантПлюс; Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 30.01.2010 № 120 // СПС КонсультантПлюс; Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года. Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р // СПС КонсультантПлюс; О Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р // СПС КонсультантПлюс; О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы. Постановление Правительства РФ от 14.07.2012 № 717 (с измен. от 31.03.2017 № 396) // СПС КонсультантПлюс; Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017–2025 годы. Постановление Правительства РФ от 25.08.2017 № 996 // СПС КонсультантПлюс.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-417-424

стратегических планов развития сельскохозяйственной отрасли. На основе анализа стратегических документов были определены основные принципы государственного регулирования развития сельского хозяйства:

- приоритетность поддержки и регулирования развития сельских территорий;
- регулирование отношений на сельскохозяйственном рынке;
- федеральное и региональное регулирование, основанное на методике использования программно-целевого управления и ресурсной поддержки;
- финансовая поддержка потенциально значимых для отрасли регионов [12].

Указанные принципы свидетельствуют о недостаточном освещении вопроса комплексного территориально-пространственного развития сельского хозяйства в стратегических документах. Нами предлагается дополнить существующие принципы а) принципом комплексного развития сельских территорий и б) принципом гибкого подхода к аграрной отрасли. Первый направлен на формирование комплекса мер, ориентированных на создание системы устойчивого развития сельских территорий, второй – на учет специфических особенностей аграрной отрасли, возможность создания гибкого стратегического плана. Указанные принципы необходимо использовать в совокупности. Это позволит разрабатывать более эффективные стратегические планы развития сельского хозяйства.

Кроме этого, система стратегического планирования сельского хозяйства выстраивается отделами сельскохозяйственных организаций или непосредственно сельхозтоваропроизводителями с помощью органов государственного управления. В современной ситуации наблюдается стройная система планирования развития сельскохозяйственной отрасли. Стратегическое планирование развития сельского хозяйства включает в себя два направления. Во-первых, это государственное индикативное планирование, которое направлено на разработку прогнозов, программ, плановых документов, что ориентирует фермеров на эффективную разработку стратегических планов. Во-вторых, это хозяйственное планирование, учитывающее государственные программы, прогнозы, ориентирующие показатели и функции целенаправленной деятельности организации, отвечающей интересам хозяйствующего субъекта и потребителя его продукции [13].

Социально-экономический анализ развития сельского хозяйства Республики Бурятия

Рассматривая основные аспекты стратегического планирования развития сельского хозяйства, необходимо акцентировать внимание на экономическом развитии. Несмотря на то, что доля сельского хозяйства в структуре валового регионального продукта Республики Бурятия невелика (9,5 % в 2019 г.), отрасль играет важную роль в экономике, т. к. 32 % населения проживает в сельской местности. Однако неблагоприятные природно-климатические условия в 2016–2019 гг. вновь привели к существенному изменению структуры производства сельскохозяйственной продукции, поскольку недополучение продукции растениеводства сопровождалось забоем скота, не обеспеченного кормами, и, следовательно, увеличением объемов производства продукции растениеводства. В производстве сельскохозяйственной продукции в регионе заняты все категории сельских товаропроизводителей, причем сложилась определенная специализация на производстве отдельных видов сельскохозяйственной продукции[4].

Муниципальные образования в составе региона представляют собой сложные территориально-отраслевые формирования, существенно различающиеся между собой по географическому положению, природно-климатическим условиям, плотности населения, уровню экономического и социального развития и другим параметрам. Анализ динамики объемов производства продукции сельского хозяйства в разрезе районов показывает, что самые высокие темпы роста объемов производства за 2017–2019 гг. имеет Заиграевский район (в 2,1 раза), в основном за счет развития производственной деятельности свинокомплекса «Восточно-Сибирский», и Кяхтинский район (на 32 %). Максимальное сокращение объемов производства произошло в Прибайкальском районе (на 63,2 %).

Доля сельских муниципальных районов в общем объеме производства продукции сельского хозяйства значительно колеблется и зависит от природно-климатических, почвенных и социально-экономических условий конкретных районов. Лидерами в производстве продукции сельского хозяйства являются Заиграевский, Джидинский, Бичурский, Мухоршибирский, Тарбагатайский и Кяхтинский районы. Об уровне развития отраслей растениеводства и животноводства в сельских муниципальных районах республики можно судить по размерам посевных площадей и поголовью сельскохозяйственных животных. Лидерами по доле посевных площадей в общей посевной площади по республике являются Бичурский, Джидинский, Кабанский, Курумканский, Кяхтинский, Мухоршибирский и Тарбагатайский районы. Существенный прирост размеров посевных площадей за период с 2016 г. по 2019 г. среди этих районов произошел лишь в Курумканском районе (на 58,8 %). Окинский район, где произошло наибольшее увеличение посевных площадей (почти в 3 раза), напротив, является высокогорным отдаленным районом с суровым климатом и в среднем за три года имеет долю 0,4 % в общей посевной площади по республике. В большинстве районов произошло сокращение посевных площадей, которое в некоторых районах превысило 50 %.

[4] Характеристика сельского хозяйства Республики Бурятия в таблицах, графиках, группировках. Улан-Удэ: Бурятстат, 2019. 78 с.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-417-424

Одним из ключевых показателей уровня развития животноводства в республике является поголовье крупного рогатого скота (КРС). Рост поголовья КРС за рассматриваемый период произошел в Бичурском, Иволгинском, Кабанском, Кяхтинском, Муйском и Тункинском районах. В остальных районах наблюдается сокращение поголовья КРС. Максимальное сокращение отмечено в Прибайкальском районе (на 26,1 %), а максимальный рост – в Кяхтинском (на 8,5 %). Большая часть поголовья КРС сосредоточена в Бичурском, Джидинском, Еравнинском, Закаменском, Кяхтинском, Мухоршибирском и Тункинском районах, где содержится 55,3 % всего поголовья КРС республики.

Наибольшая доля скота и птицы на убой произведена в Заиграевском районе (21,2 %), где расположен крупнейший в республике свинокомплекс «Восточно-Сибирский». Более 5 % производства скота и птицы на убой обеспечивают Бичурский, Джидинский, Заиграевский, Закаменский, Мухоршибирский, Тарбагатайский и Тункинский районы. В совокупности эти районы производят 58,3 % продукции.

В большинстве районов происходит сокращение объемов производства молока, что, несомненно, связано с засухами и низким уровнем обеспеченности отрасли кормами в анализируемый период. Максимальное сокращение объемов производства молока произошло в Баунтовском районе (на 33,3 %). Незначительный прирост объемов производства молока отмечен лишь в трех районах – Бичурском, Кижингинском и Мухоршибирском.

Производство яиц в основном сосредоточено на ОАО «Улан-Удэнская птицефабрика». В среднем за 2016–2019 гг. в сельских муниципальных образованиях произведено 48,6 % от общего объема производства яиц. Наиболее развито данное направление сельскохозяйственного производства в Бичурском, Джидинском, Кяхтинском, Мухоршибирском, Селенгинском районах, в которых в сумме произведено 18,1 % от общего объема производства яиц. Наращивание объемов производства яиц за рассматриваемый период произошло в Селенгинском (в 3,2 раза), Иволгинском (в 2,5 раза), Джидинском (на 7,7 %) и Кабанском (на 5,3 %) районах. Сокращение объемов производства яиц произошло в двенадцати районах, наиболее существенное – в Кижингинском (на 40 %), Муйском (на 33,3 %), Заиграевском (23,1 %).

Результатом повторяющихся засух в рассматриваемый период стало резкое сокращение объемов производства зерна в целом по республике. Валовой сбор зерна в 2018 г. составил 19 % от уровня 2015 г. и лишь 4,7 % от уровня 1990 г. Наибольшая доля производства зерна приходится на Бичурский, Джидинский, Кабанский, Кяхтинский, Мухоршибирский, Тарбагатайский районы, в которых в сумме произведено 80,3 %. Указанные районы традиционно являются лидерами в производстве зерна, т. к. занимают территории с более благоприятными почвенными и климатическими условиями.

В производстве картофеля лидирующие позиции занимают Бичурский, Заиграевский, Иволгинский, Кабанский, Мухоршибирский, Прибайкальский, Тарбагатайский районы. В сумме в среднем за три года (2017–2019) в данных районах произведено 60,3 % от общего объема производства картофеля. Рост объемов производства в 2018 г. по сравнению с 2015 г. произошел только в Иволгинском районе, в остальных сельских муниципальных районах произошло сокращение объемов производства картофеля в пределах от 3,5 % до 40 %[5].

Анализ развития сельского хозяйства Республики Бурятия показал, что проблемы в сельскохозяйственной отрасли, несомненно, существуют. К ним можно отнести растущую конкуренцию по цене и качеству сельскохозяйственной продукции; необходимость крупных инвестиций в сельское хозяйство (сельхозтоваропроизводители не в состоянии самостоятельно обеспечить нужное финансирование); ограниченный доступ к знаниям, опыту развития других регионов; доступность современных технологий только крупным хозяйствам, лидерам других сельских территорий; чрезмерный фокус на капиталоемкие инвестиции в технику и технологии. Все упирается в нехватку денежных средств для развития сельской территории, природно-климатические условия, низкую плодородность земель. В основном государством финансируются лидеры производства, на небольшие сельскохозяйственные организации и сельские территории дотации не выделяются [14].

Рекомендации по совершенствованию стратегического планирования развития сельского хозяйства региона

Рассмотренные проблемы развития сельского хозяйства требуют совершенствования стратегического планирования. Изученные стратегические документы в области развития сельского хозяйства также говорят о необходимости совершенствования разработки стратегического плана развития сельскохозяйственной отрасли. Совершенствование стратегического планирования развития сельского хозяйства обусловлено необходимостью решения существующих в настоящее время проблем в отрасли. Создание условий по поддержке инвестиционной деятельности способствует созданию новых производственных фондов, новых рабочих мест [15]. Одна из основных функций стратегического планирования заключается в том, чтобы обеспечить эффективное функционирование отрасли. Подходы к формированию системы стратегического планирования и механизм для каждой сельскохозяйственной организации определяются индивидуально в зависимости от возможностей

[5] Бурятия в цифрах. Улан-Удэ: Бурятстат, 2020. 219 с.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-417-424

и потенциала предприятия. Анализ стратегического планирования говорит о том, что существует необходимость проработки некоторых вопросов, связанных с механизмом планирования, методов прогнозирования и, конечно же, государственной поддержкой в этой области.

Процесс стратегического планирования развития сельского хозяйства является сложным и многоплановым, при разработке стратегии отрасли необходимо учитывать множество факторов. Предлагаемый нами процесс стратегического планирования развития сельского хозяйства предполагает шесть этапов (рис.). На каждом этапе необходимо учитывать принципы комплексного и гибкого подходов к развитию аграрной отрасли. Процесс стратегического планирования развития сельского хозяйства позволит сельхозтоваропроивзодителям разработать эффективные стратегические планы развития аграрной отрасли, изучить развитие сельского хозяйства и определить перспективы его роста, особенности территориального развития и стратегию развития агарной отрасли.

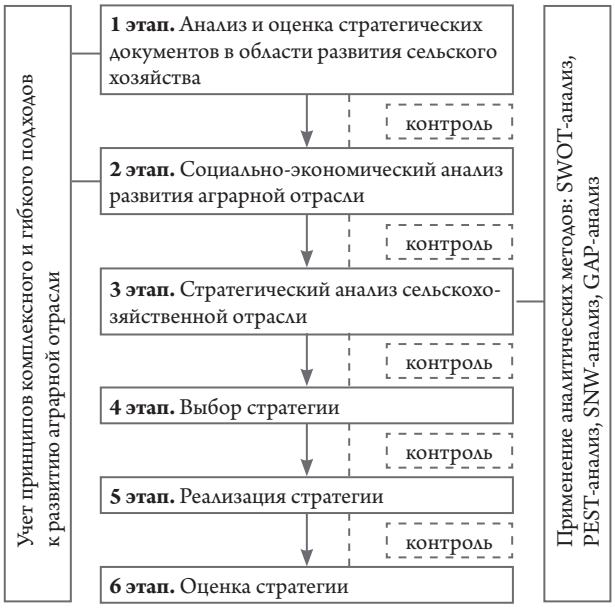

Рис. Процесс стратегического планирования развития сельского хозяйства

Fig. Strategic planning of agricultural development

На первом этапе необходимо провести анализ и оценку стратегических документов в области развития сельского хозяйства, изучить современные и актуальные нормативно-правовые акты, позволяющие определить возможности получения государственной поддержки аграрной отрасли. Второй этап предполагает оценку современного состояния развития сельского хозяйства. Третий этап играет важную роль в процессе разработки эффективного стратегического плана развития сельского хозяйства, поскольку от стратегического анализа зависит дальнейшая стратегия развития сельского хозяйства. Наряду с этим необходимо использовать известные аналитические методы стратегического анализа, которые дают хороший результат при совместном их использовании. На четвертом этапе от того, насколько верный выбор сделает сельхозтоваропроизводитель, будет зависеть дальнейшее развитие отрасли. Выбор стратегии будет обусловлен стратегическим анализом сельскохозяйственной отрасли, направленностью развития сельскохозяйственного предприятия и умением сельхозтоваропроизводителя принимать качественные управленческие решения. На последних этапах очень важно держать процесс под постоянным контролем, т. е. оценивать каждый этап, его последствия, полученные в результате внедрения, и результаты в соотношении с издержками [16].

Заключение

В развитии сельского хозяйства существует множество проблем. Для устойчивого развития аграрной отрасли необходимо решение многих задач. Стратегические документы, существующие в области развития сельского хозяйства, нуждаются в дополнительной доработке. Не во всех документах прослеживаются специфические особенности развития сельской местности. В приоритете государства сельские территории, которые являются лидерами и в производстве, и в уровне развития. В основном это территориально приближенные к столице республики районы. Более отдаленные территории, многие из которых находятся за чертой бедности и в целом на грани исчезновения, не могут претендовать на дотации государства [17; 18], поскольку не имеют финансовых активов. Кроме этого, в стратегическом планировании развития сельского хозяйства недостаточно прослеживается комплексность развития отрасли. Поскольку для создания устойчивого развития сельского хозяйства необходимо огромное финансирование, что не может в полной мере обеспечить государство. Современное устойчивое развитие села должно характеризоваться комплексностью развития, а государство должно быть заинтересовано в сохранении исчезающих сельских территорий. Лишь привлекательность территории может решить проблемы кадрового потенциала села и проблемы сельской местности в целом [19].

Сформулированные нами рекомендации для совершенствования стратегического планирования развития сельского хозяйства позволяют, во-первых, учитывать принципы государственного регулирования развития сельского хозяйства, которые обеспечивают и комплексность развития аграрной отрасли, и гибкий подход к развитию сельского хозяйства; во-вторых, показать необходимость контроля и оценки стратегического планирования на всех этапах процесса. При этом не следует забывать, что даже идеально разработанный стратегический план не гарантирует достижения поставленной цели. Не менее важно, чтобы стратегическое управление стало частью общей политики аграрной отрасли и сельхозтоваропроизводители осознавали важность и необходимость правильной реализации и оценки стратегии [20].

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-417-424

Литература

1. Гапоненко А. Л., Пирогов С. В., Чернявский И. Ф. Стратегическое планирование социально-экономического развития регионов и городов // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 3-1. С. 15–19.
2. Личко К. П., Воронина А. Ю., Насекина Е. Ю. О методологии стратегического планирования развития агропромышленного комплекса // Вестник ФГОУ ВПО «МГАУ имени В. П. Горячкина». 2015. № 5. С. 48–54.
3. Банникова Н. В. Особенности стратегического планирования в аграрном секторе экономики // Современная конкуренция. 2007. № 6. С. 94–101.
4. Нехланова А. М., Туманова М. Б. Стратегический менеджмент в АПК. М.: КолосС, 2012. 311 с.
5. Устойчивое развитие сельских территорий / под ред. М. Дитериха, А. В. Мерзлова. М.: Эллис Лак, 2013. 680 с.
6. Устойчивое развитие сельских территорий: вопр. стратегии и тактики / под общ. ред. В. М. Баутина. М.: Росинформагротех, 2004. 310 с.
7. Трухачев А. В. Вовлечение субъектов сельского хозяйства в туристскую деятельность (на примере Ставропольского края) // Сервис в России и за рубежом. 2016. Т. 10. № 1. С. 64–84. DOI: 10.12737/19170
8. Ушачев И. Г., Чекалин В. С., Маслова В. В. Об актуальных экономических проблемах развития АПК и механизмах их решения // Экономика сельского хозяйства России. 2016. № 7. С. 2–10.
9. Тимофеева Н. С. Стратегические альтернативы развития агропромышленного комплекса Республики Бурятия // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 16. С. 51–55.
10. Цыбатов В. А. Стратегирование регионального развития: методы, модели, информационные технологии // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 27. С. 36–52.
11. Фляйшер К. С., Бенсуссан Б. Е. Стратегический и конкурентный анализ: методы и средства конкурентного анализа в бизнесе / пер. с англ. Д. П. Коньковой; под общ. ред. И. М. Степнова, Ю. А. Ковальчук. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2005. 541 с.
12. Ворожейкина Т. М. Государственное регулирование фрагментированных отраслей // Вестник Российской экономической академии имени Г. В. Плеханова. 2011. № 4. С. 108–113.
13. Санина Н. В. Законодательное регулирование организации и функционирования системы стратегического планирования в регионе // Вестник Мордовского университета. 2009. № 4. С. 21–25.
14. Афанасьев Е. В., Головатюк С. М., Рудой Е. В., Утенкова Т. И. Агропродовольственный рынок Сибири: особенности формирования и перспективы развития // Сиб. вестн. с.-х. науки. 2010. № 12. С. 89–97.
15. Зыкова Н. В., Коновалова Л. В. Формирование системы устойчивого развития сельских территорий в Архангельской области // Проблемы современной экономики. 2013. № 4. С. 398–403.
16. Галустов В. У. Совершенствование стратегического планирования социально-экономического развития муниципального образования // Молодой ученый. 2014. № 3. С. 388–392.
17. Тимофеев В. И. Финансовая поддержка развития регионального агропромышленного комплекса // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2019. № 10. С. 57–62.
18. Тимофеев В. И. Оценка эффективности основных направлений государственной финансовой поддержки сельского хозяйства Республики Бурятия // Современные проблемы экономики в условиях цифровой трансформации: мат-лы науч.-практ. конф. преподавателей и молодых ученых. (Улан-Удэ, 20 декабря 2018 г.) Улан-Удэ, 2018. С. 205–210.
19. Тимофеева Н. С. Проблемы социально-экономического развития сельских территорий и направления устойчивого роста экономики села // Управление устойчивым развитием. 2019. № 3. С. 44–50.
20. Маковкина С. А. Методические рекомендации по совершенствованию системы стратегического планирования социально-экономического развития крупных муниципальных образований РФ // Муниципалитет: экономика и управление. 2014. № 1. С. 41–49.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-417-424

original article

Improving the Strategic Planning of Agricultural Development in the Region

Natalya S. Timofeeva [a, @, ID]
[a] Philippov Buryat State Agriculture Academy, Russia, Ulan-Ude
[@] rns-85@mail.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0003-3736-3078

Received 06.04.2019. Accepted 22.06.2020.

Abstract: Agricultural producers are currently experiencing difficulties in competitive production. As a result, strategic plans for agricultural development require constant adjustments. To improve the strategic planning in the local agriculture, the region needs an effective system that would ensure a continuous functioning process and competitive production. The research objective was to develop proposals in order to improve the strategic planning of regional agricultural development. The study was based on general scientific methods, i.e. synthesis, analysis, abstract-logical and economic-mathematical methods of economic research, etc. The author obtained materials from the Territorial Department of the Federal State Statistics Service and the Ministry of Agriculture and Food of the Republic of Buryatia for 2018. The article introduces an analysis of the current development of strategic planning in agriculture and socio-economic problems of agricultural development in the Republic of Buryatia. The author developed some recommendations on the process of strategic planning of agricultural development. Competitive agricultural development requires an integrated approach that could ensure effective development of strategic plans and agricultural producers. The proposed strategic planning process will allow farmers to develop effective strategic plans while producing competitive products.

Keywords: effective strategic plan, agricultural producer, strategic planning process, strategic documents, integrated agricultural development, problems of agricultural development

For citation: Timofeeva N. S. Improving the Strategic Planning of Agricultural Development in the Region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(3): 417–424. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-417-424

References

1. Gaponenko A. L., Pirogov S. V., Cherniavskii I. F. Economic, organization and operation of businesses. *Journal of the Bryansk State University*, 2012, (3-1): 15–19. (In Russ.)
2. Lichko K. P., Voronina A. Yu., Nasekina E. Yu. On methodology of farm industry development strategic planning. *Vestnik of Moscow Goryachkin Agroengineering University*, 2015, (5): 48–54. (In Russ.)
3. Bannikova N. V. The peculiarities of strategic planning in the agricultural sector of economy. *Sovremennaia konkurentsiia*, 2007, (6): 94–101. (In Russ.)
4. Nekhlanova A. M., Tumanova M. B. *Strategic management in the agro-industrial complex.* Moscow: KolosS, 2012, 311. (In Russ.)
5. *Sustainable rural development,* eds. Diterikh M., Merzlov A. V. Moscow: Ellis Lak, 2013, 680. (In Russ.)
6. *Sustainable rural development: issues of strategy and tactics*, ed. Bautin V. M. Moscow: Rosinformagrotekh, 2004, 310. (In Russ.)
7. Trukhachev A. V. Involvement of entities of agricultural industry in tourism activity (the case of Stavropol region). *Servis v Rossii i za rubezhom*, 2016, 10(1): 64–84. (In Russ.) DOI: 10.12737/19170
8. Ushachev I. G., Chekalin V. S., Maslova V. V. About actual economic problems developments of agrarian and industrial complex and mechanisms of their decision. *Ekonomika selskogo khoziaistva Rossii*, 2016, (7): 2–10. (In Russ.)
9. Timofeeva N. S. Strategic alternatives for the development of the agro-industrial complex of the Republic of Buryatia. *Regionalnaia ekonomika: teoriia i praktika*, 2012, (16): 51–55. (In Russ.)
10. Tsybatov V. A. Strategic planning of regional development: methods, models, information technology. *Regionalnaia ekonomika: teoriia i praktika*, 2015, (27): 36–52. (In Russ.)
11. Fleisher C. S., Bensoussan B. E. *Strategic and competitive analysis*, tr. Konkova D. P., eds. Stepnov I. M., Kovalchuk Iu. A. Moscow: BINOM. Laboratoriia znanii, 2005, 541. (In Russ.)
12. Vorozheikina T. M. State regulation of fragmented industries. *Vestnik Rossiiskoi ekonomicheskoi akademii imeni G. V. Plekhanova*, 2011, (4): 108–113. (In Russ.)
13. Sanina N. V. Legislative regulation of the organization and functioning of the strategic planning system in the region. *Vestnik Mordovskogo universiteta*, 2009, (4): 21–25. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-417-424

14. Afanasyev E. V., Golovatyuk S. M., Rudoi E. V., Utenkova T. I. Agro-food market of Siberia: features of forming and prospects for developing. *Sib. vestn. s.-kh. nauki*, 2010, (12): 89–97. (In Russ.)
15. Zykova N. V., Konovalova L. V. Formation of the sustainable development system in the rural territories of Arkhangelsk region (Russia, Arkhangelsk). *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 2013, (4): 398–403. (In Russ.)
16. Galustov V. U. Improving the strategic planning of the socio-economic development of a municipality. *Molodoi uchenyi,* 2014, (3): 388–392. (In Russ.)
17. Timofeev V. I. Financial support for the development of the regional agro-industrial complex. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2019, (10): 57–62. (In Russ.)
18. Timofeev V. I. Evaluation of the effectiveness of the main directions of state financial support for agriculture of the Republic of Buryatia. *Modern problems of the economy in the context of digital transformation*: Proc. Sci.-Prac. Conf. of Teachers and Young Scientists, Ulan-Ude, December 20, 2018. Ulan-Ude, 2018, 205–210. (In Russ.)
19. Timofeeva N. S. Problems of social and economic progress of rural territories and directions of stable growth of economy of village. *Upravlenie ustoichivym razvitiem*, 2019, (3): 44–50. (In Russ.)
20. Makovkina S. A. Methodological recommendations on improving the system of strategic planning of social-economic development of large municipal entities in the RF. *Municipality: Economics and Management,* 2014, (1): 41–49. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-425-432

оригинальная статья
УДК 338.27

Цифровая модель регулирования молочной отрасли Республики Тыва*

Ирина А. Чернякова [a, @]
[a] Новосибирский государственный технический университет, Россия, г. Новосибирск
[@] airon1986@mail.ru

Поступила в редакцию 23.03.2019. Принята к печати 21.04.2020.

Аннотация: Статья посвящена разработке эффективной цифровой технологии по регулированию деятельности организаций молочной отрасли. Для достижения поставленной цели предложено применить парадоксальную теорию регулирования, гипотеза которой исходит из того, что существует связь между регуляторным эффектом и параметрами молочной отрасли, не имеющими с ней функциональной связи (коэффициент корреляции близок к 0), через многоуровневую цепочку косвенных связей параметров, имеющих более тесную связь с регулятором. Методологическая база исследования основывается на иннодиверсификационном подходе в сочетании с имитационным моделированием, а эмпирической базой исследования послужили данные, размещенные в базах данных национального союза производителей молока. На основании гипотезы парадоксальной теории регулирования был разработан механизм действий, который позволил с использованием фактических данных, взятых из открытых источников, разработать цифровую модель молочной отрасли Республики Тыва. С использованием предложенной цифровой модели описана методика прямого прогноза параметров молочного подкомплекса региона. Главное отличие предлагаемой методики от предложенных ранее заключается в применении не только нерегулируемого временного фактора, но и регулируемого фактора в виде объемов средств государственной поддержки. Методика позволяет рассчитать три различных сценария развития молочного подкомплекса: пессимистический, ожидаемый и оптимистический. Также в статье предложена методика обратного прогноза, применение которой позволяет рассчитать необходимый объем средств государственной поддержки для достижения целевых параметров молочного подкомплекса любого уровня влияния.

Ключевые слова: парадоксальная теория регулирования, иннодиверсификационный подход, агропромышленный комплекс, антикризисное управление, прогнозирование, государственная поддержка

Для цитирования: Чернякова И. А. Цифровая модель регулирования молочной отрасли Республики Тыва // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 3. С. 425–432. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-425-432

Введение

Молочный подкомплекс РФ способствует обеспечению продовольственной безопасности государства. Сегодня Россия занимает шестое[1] (пятое до 2016 г.) место среди ведущих стран мира по производству молока и молочной продукции, однако по продуктивности коров уступает развитым странам более чем в 2 раза. Основными сдерживающими факторами развития молочной отрасли являются импорт более дешевой аналогичной продукции из Белорусии, что обеспечивается высоким уровнем государственной поддержки производителей в стране-импортере. Основной причиной низкой продуктивности коров большинства регионов РФ является низкий уровень цифровизации организаций или ее полное отсутствие в них [1]. В РФ по состоянию на 2018 г. производится около 32 млн т молока (в том числе более 22 млн т товарного молока) в год, что обеспечивает до 83 % потребности населения в молоке и молочных продуктах при установленной норме 90 % в «Доктрине продовольственной безопасности»[2]. Отставание молочной отрасли ставит перед страной первоочередную задачу по принятию срочных мер, особенно в наиболее неблагополучных регионах.

Для ликвидации отставания российской молочной отрасли необходимы антикризисные меры управления, и прежде всего – необходимость разработки цифровой модели регулирования молочной отрасли. В свою очередь, для разработки цифровой модели регулирования необходимо определить механизм влияния между основными показателями молочной отрасли. Этот механизм должен быть представлен как модель антикризисного управления.

В результате перспективного анализа установлено, что развитие молочной отрасли Республики Тыва идет

* Статья написана в рамках III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию освоения Кузбасса, «Управление организациями в современной экономике». Специальная тема: «Цифровая трансформация управления».

[1] Top Milk Producing Countries In The World. Режим доступа: https://www.worldatlas.com/articles/top-cows-milk-producing-countries-in-the-world.html (дата обращения: 07.04.2020).

[2] Доктрина продовольственной безопасности России до 2020 года. 22.12.2018. Режим доступа: https://2020-god.com/doktrina-prodovolstvennoj-bezopasnosti-rossii-do-2020-goda/ (дата обращения: 07.04.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-425-432

экстенсивным путем – за счет роста поголовья молочного стада [2]. В «Республике Тыва уровень потребления молока и молочной продукции на душу населения почти в два 2 раза меньше допустимой нормы» [3, с. 540]. Сложившаяся негативная ситуация требует поиска новых технологий производства, наиболее современных – цифровых. Сегодня существует проблема «неэффективного управления на предприятиях молочной отрасли в депрессивных регионах, которая стала наиболее распространенной среди тех, что мешают нормальному эффективному развитию рыночных отношений» [3, с. 540].

На становление и развитие молочного подкомплекса оказывает воздействие цифровизация, а также совершенствование экономико-математических теорий. Они оказывают существенное влияние на национальную экономику в виде различных рекомендаций и предложений по антикризисному управлению депрессивными регионами, к которым, в частности, относится Республика Тыва. Сегодня ведущие экономисты сходятся во мнении, что экономическая политика государства в области антикризисного управления в условиях цифровизации формируется под влиянием эволюции экономико-математических теорий. В то же время существует ряд разногласий относительно масштабов, механизмов и целей такого воздействия. Поэтому необходимо рассмотреть особенности формирования основных теоретических подходов к проблемам антикризисного управления, в частности молочной промышленностью, на примере Республики Тыва.

В последнее десятилетие в России наблюдается негативная тенденция в производстве молока. Несмотря на снижение производства молока, разделение поголовья коров на молочные и мясные стада обеспечило повышение эффективности производства молока. По мнению экспертов, общероссийская тенденция сокращения поголовья коров в сельском хозяйстве привела к снижению производства сырого молока в промышленном секторе на 43,4 %. За счет сокращения молочного стада уменьшилось поголовье крупного рогатого скота, что негативно сказалось на мясной промышленности.

Как отмечают в своем исследовании В. А. Сироткин и Е. А. Шибанихин, взаимодействие двух факторов: рост продуктивности животных и снижение поголовья дойного стада, – формирует тренд опережающего темпа сокращения численности скота в сравнении с удоями от 1 головы. Причем справедливо отмечают, что данная тенденция характерна как для регионов, так и для страны [4].

В то же время сокращение потребления молока и молочной продукции негативно сказывается на здоровье российских граждан. Молоко и молочные продукты традиционно относятся к товарам первой необходимости в силу того, что они обеспечивают сбалансированное питание человека. Доля молочной продукции в структуре продовольственной корзины колеблется в зависимости от региона в пределах 20–30 %. В соответствии с рекомендациями Минздрава РФ норма потребления молочной продукции на одного человека в год составляет 325 кг. Таким образом, на протяжении почти десяти лет реальное потребление населением России молочной продукции было значительно ниже рекомендуемой величины и в 2018 г. составило 225,2 кг, т. е. менее 70 % от вышеназванного значения. Основной причиной ограничения роста потребления молочных продуктов выступает снижение реальных располагаемых доходов населения.

В условиях ограничения импорта увеличение производства сельскохозяйственной продукции, одним из основных элементов которой является молоко, выступает фактором, способствующим достижению пороговых значений индикаторов продовольственной безопасности России. В качестве одного из эффективных индикаторов продовольственной безопасности Д. А. Логинов и В. Х. Степанян выделяют долю государственной поддержки сельского хозяйства в себестоимости произведенной сельскохозяйственной продукции [5]. Критериальным значением показателя является средний уровень этого показателя, достигнутый за предыдущие пять лет в США и Европейском Союзе – 25,06 % (против 14,79 %, фактически достигнутых в 2017 г.). Он указывает, что в условиях глобальной конкуренции необходимо сформировать конкурентоспособное сельское хозяйство с таким уровнем государственной поддержки отрасли, который позволил бы отечественным аграриям конкурировать на сопоставимом уровне применяемых технологий с поставщиками импортного продовольствия, а также представлять свою продукцию на мировом рынке.

Современная политика государственной поддержки молочной отрасли привела к росту объемов сырого молока при одновременном снижении потребления молочной продукции, что наглядно характеризует рис. 1[3].

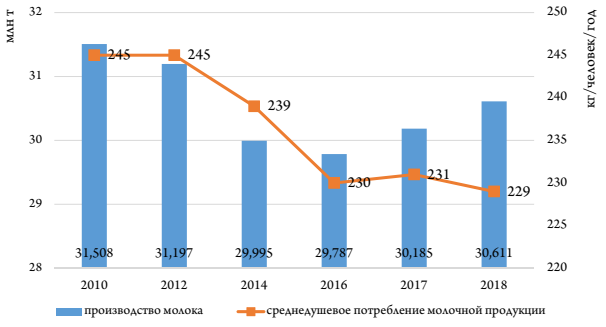

Рис. 1. Динамика производства молока и среднедушевого потребления молочной продукции в РФ за 2010–2018 гг.

Fig. 1. Dynamics of milk production and of average per capita consumption of dairy products of Russia in 2010–2018

[3] Составлен по: Молочная отрасль-2017: справочник / сост. А. С. Белов, А. А. Воронин, М. Э. Жебит и др. М.: Национальный союз производителей молока, 2017. 380 с.; Молочная отрасль 2018–2019: справочник / сост. А. С. Белов, М. Э. Жебит, Е. А. Московскова, Т. Д. Неутов и др. М.: Национальный союз производителей молока, 2018. 388 с.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-425-432

При этом молочная отрасль России получает серьезную государственную поддержку как на федеральном уровне, так и на региональном. Система государственной поддержки сельскохозяйственных производителей включает в себя несколько направлений, а именно:

- льготное кредитование;
- субсидии (компенсирующие и стимулирующие);
- льготный лизинг.

В настоящее время молочная промышленность, являясь частью АПК, регулируется различными законодательными актами и поддерживается государственными программами, среди которых можно выделить следующие:

- Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г.;
- Стратегия национальной безопасности РФ;
- Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 г.;
- Стратегия развития пищевой и перерабатывающей промышленности РФ на период до 2020 г.;
- ФЗ от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства»;
- Программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.

В каждой государственной программе установлены ключевые показатели – индикаторы эффективности ее реализации. Однако многие ученые ставят под сомнение тот факт, что заявленные в программах показатели в полной мере позволяют оценить эффективность реализации программы [5–7]. Например, для обеспечения продовольственной безопасности одним из основных индикаторов выступает уровень самообеспечения молоком и молокопродуктами не менее 90 %.

В качестве ключевых индикаторов реализации программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг. установлены: рост индекса производства продукции животноводства (в сопоставимых ценах) на 20,8 %, рост индекса физического объема инвестиций в основной капитал сельского хозяйства на 36 %, повышение рентабельности сельскохозяйственных организаций не менее чем на 10–15 % (с учетом субсидий).

Как отмечают отдельные авторы, не все государственные субсидии содействуют развитию молочной промышленности, определить же взаимосвязь конкретной программы с показателями развития отрасли проблематично [6]. Во многих исследованиях, как в отечественных [5–8], так и зарубежных [9–12], поднимаются вопросы оценки государственного влияния на молочную отрасль. Так, E. Twine в своем исследовании оценивает влияние вариантов государственного регулирования на производителей и потребителей молочной продукции и обосновывает выбор оптимального, на его взгляд, варианта [12]. Высказывается точка зрения о необходимости государственно-частного партнерства в сфере регулирования молочной промышленности [13].

Но несмотря на значительное число исследований и публикаций в этой области, некоторые ключевые вопросы раскрыты не полностью. В частности, экономическая наука не выработала единого подхода к исследованию влияния государственного регулирования на эффективность функционирования предприятий молочной промышленности.

Методы и материалы

Антикризисное управление в условиях цифровизации влечет за собой изменение системы мер законодательного, исполнительного и надзорного характера, которые должны осуществляться уполномоченными государственными учреждениями и общественными организациями в целях адаптации экономической и социальной системы к условиям цифровой экономики. Основными драйверами цифровой трансформации сегодня являются новые продукты и услуги, новые информационные и управленческие технологии, инновационные бизнес-модели [14]. Ключевой движущей силой цифровой трансформации являются цифровые платформы отрасли, включая субплатформу молочной промышленности.

Молочная промышленность характеризуется сетевой структурой своих организаций. Математический аппарат систем сетевой структуры теоретически хорошо разработан и может быть применен к отраслевым организациям в виде имитационной модели [14]. Манипулируя моделью системы антикризисного управления для молочной отрасли, можно будет получить новую информацию об организациях и регионах, избежать опасностей банкротства, дороговизны или неудобства анализа самой фактической системы. Как правило, модели базируются на математическом аппарате [15].

Инновационный подход [14] к технологическому процессу организаций молочной промышленности характеризуется сложной динамической системой, включающей различные узлы: оборудование, органы управления, вспомогательные и транспортные устройства, технологические средства или среды, находящиеся в непрерывном движении, взаимодействии и смене производственных объектов, операторов (людей, роботов, манипуляторов), осуществляющих процессы и управляющих ими. Анализ сложных технологических процессов предполагает разложение производственной системы на подсистемы различного глубинного уровня. В результате декомпозиции системы на подсистемы может быть построена иерархия структуры производственной системы, которая позволит рассмотреть ее на различных уровнях детализации (рабочее место, организация, регион, государство).

В связи с высокой сложностью и трудоемкостью проектирования процессов и систем молочной промышленности целесообразно использовать цифровые технологии, построенные согласно методике парадоксальной теории

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-425-432

регулирования [14], которая утверждает, что иннодиверсификационный подход позволит учитывать прямую взаимосвязь между параметрами, где это возможно, и косвенную, где такую взаимосвязь установить нельзя. Предлагаемая гипотеза предполагает существование некоторой многоуровневой модели, которая могла бы с достаточной степенью точности описать взаимодействие параметров, характеризующих такой разнообразный подкомплекс, как молочный.

Прогнозирование результатов проектирования технологических процессов и систем с использованием ИКТ наиболее целесообразно осуществлять с помощью имитационных методов, основанных на математической модели, полученной с использованием метода парадоксальной теории регулирования [14; 15].

Результаты

Для определения параметров, характеризующих молочную промышленность, и подходов, позволяющих формализовать протекающие в ней процессы, был проведен морфологический анализ. Затем, используя методы экономической интерпретации и ранжирования для построения формализованной модели, мы отобрали 15 основных показателей отрасли, представленных в табл., они охватывают все сферы молочной промышленности.

Табл. Классификация показателей, характеризующих молочный подкомплекс [16; 17]

Tab. Classification of indicators that characterize the dairy subcomplex [16; 17]

Отрасль	Показатель
Производство, тыс. т	X1 – молока в хозяйствах всех категорий
	X2 – товарного молока в хозяйствах всех категорий, тыс. т
Поголовье коров на конец года, тыс. гол.	X3 – в хозяйствах всех категорий
	X4 – в сельскохозяйственных организациях (СХО), крестьянско-фермерских хозяйствах (КФХ), личных подсобных хозяйствах (ЛПХ)
Доля племенных коров, %	X5 –в СХО, КФХ, ЛПХ
	X6 – молочного и смешанного направления продуктивности
Молочная продуктивность коров, кг/год	X7 –в хозяйствах всех категорий
	X8 –в СХО
	X9 –в КФХ
	X10 – в ЛПХ
	X11 – племенных коров
Молоко и молокопродукты на душу населения, кг/год	X12 – производство
	X13 – потребление
Переработка молока, т	X14 – производство молочной продукции в перерасчете на молоко
Объем средств, млн руб.	X15 – государственной поддержки молочной отрасли

Для перехода на интенсивный путь необходимо перераспределить силы и средства на повышение качественных показателей, прежде всего – продуктивности коров, и за счет увеличения удоев отдельных коров повышать производство молока, в первую очередь товарного [18]. Необходимо возрождение и развитие поголовья племенных коров молочного и смешанного направления, которое с 2015 г. практически исчезло.

На основании предложенной гипотезы [19–21] был разработан механизм действий, который позволил с использованием фактических данных, взятых из открытых источников, разработать авторскую цифровую модель молочной отрасли Республики Тыва (рис. 2).

Обоснован алгоритм, основанный на формулах в виде математического обеспечения цифровой технологии, полученных по методике иннодиверсификационного подхода [22]. В качестве исходных данных в алгоритме предлагается использовать инструмент регулирования в виде уровня государственной поддержки, управляя которым, можно достигать необходимых показателей молочной отрасли. В качестве регулирующего воздействия предлагается использовать для первого уровня модели объем средств государственной поддержки молочной отрасли.

После проверки корректности ввода исходных данных ИКТ приступает к анализу и расчету показателей прямого влияния первого уровня. Рассчитав названные параметры и поместив их в базу данных, алгоритм переходит к следующему шагу.

На втором шаге осуществляется вычисление показателей косвенного влияния второго уровня, опираясь на результаты расчета наиболее значимых параметров прямого влияния первого уровня. На этом шаге рассчитываются показатели, которые становятся исходными данными для третьего шага расчетов.

На третьем шаге для расчета итоговых показателей используются наиболее значимые параметры второго шага, а на четвертом – третьего.

На заключительном шаге результаты расчетов помещаются в базу данных и могут быть переданы заинтересованным пользователям ИКТ на электронном или бумажном носителях.

При этом их максимальная погрешность не превышает 13,5 %. Основываясь на результатах разработки цифровой модели и апробации ее ИКТ, можно сделать вывод, что она может быть использована при прогнозировании развития молочной отрасли Республики Тыва в зависимости от регулирующего воздействия в виде объема государственной поддержки [23].

Обсуждение

Цифровая модель может быть использована для имитационного моделирования возможных сценариев развития молочной отрасли Республики Тыва с направленным поиском. В качестве целевой функции может быть использован любой входящий в модель параметр, а результатом

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-425-432

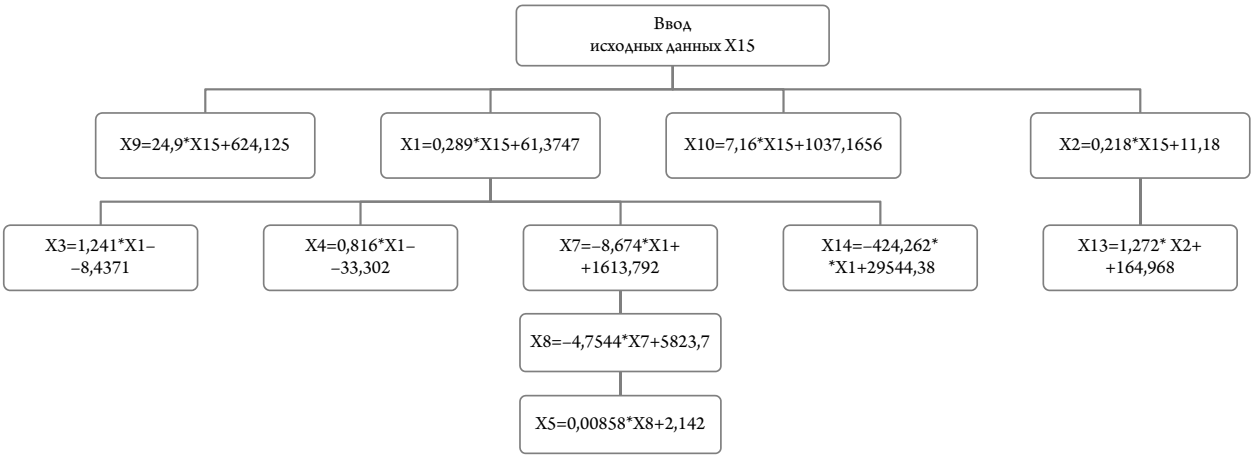

Рис. 2. Цифровая модель взаимосвязи параметров молочной отрасли
Fig. 2. Digital model of the correlation of parameters of the dairy industry

прогнозирования станут связанные с ним напрямую или косвенно показатели, не включенные в целевую функцию.

На основе цифровой модели предложена методика прямого прогноза параметров молочного подкомплекса региона. Главное отличие предлагаемой методики заключается в применении не только нерегулируемого временного фактора, но и регулируемого в виде объемов средств государственной поддержки. Метод позволяет рассчитать различные сценарии развития подкомплекса: пессимистический, ожидаемый и оптимистический.

Из результатов прогноза на 2019 г. следует, что предпосылкой для резкого ухудшения ситуации в молочном подкомплексе Республики Тыва станет сокращение финансирования, но если существующий уровень господдержки сохранится, то это лишь замедлит темпы его снижения. Хроническое недофинансирование молочного подкомплекса государственными органами привело регион к сложившейся ситуации. Однако если объем господдержки будет увеличен хотя бы вдвое по сравнению с нынешним уровнем финансирования, то ситуация может измениться к лучшему.

Заключение

Расчеты выполнены с использованием предложенной модели и показывают, что рекомендуемая ВОЗ норма потребления молока и молочных продуктов (всего в пересчете на молоко) 325 кг в год на человека может быть достигнута при условии предоставления государственной поддержки в размере около 6 млн руб. В этом случае прирост годового производства молока и молочных продуктов на душу населения составит 273 кг в год на человека и увеличение поголовья коров до 46 тыс. голов. Этот результат вряд ли будет достигнут в короткие сроки (до одного года), поэтому объем господдержки будет распределен на ряд лет. В Республике Тыва рекомендуемая рациональная норма потребления (молока и молочных продуктов в общем объеме в пересчете на молоко) при оптимистичном сценарии развития будет достигнута не ранее чем через четыре года, а в случае ожидаемого сценария этот период будет в два раза дольше.

Поскольку прогнозируемые сроки прямо или косвенно зависят от фактического объема государственного финансирования, их необходимо скорректировать. Цифровая модель допускает корректирующие изменения, которые определяются регулирующими воздействиями. В пессимистическом варианте нормативный фактор воздействия в виде средств господдержки полностью исключается из расчетов, но временной фактор остается, в результате чего рекомендуемая рациональная норма потребления (молока и молочных продуктов в общем объеме в пересчете на молоко) в Республике Тыва может быть достигнута, но не ранее чем через три десятилетия.

Литература

1. Черняков М. К., Чернякова М. М. Регулирование цифровой экономики сельского хозяйства. Новосибирск: НГТУ, 2019. 262 с.
2. Чернякова М. М., Чернякова И. А. Актуальные проблемы повышения эффективности молочной отрасли сельскохозяйственного производства республики Тыва // Бизнес. Образование. Право. 2019. № 3. С. 197–202. DOI: 10.25683/VOLBI.2019.48.352
3. Чернякова И. А. Антикризисное управление молочной отраслью в депрессивных регионах // Роль аграрной науки в устойчивом развитии сельских территорий: сб. IV Всерос. (национальной) науч. конф. (Новосибирск, 20 декабря 2019 г.) Новосибирск, 2019. С. 539–541.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-425-432

4. Сироткин В. А., Шибанихин Е. А. Аспекты функционирования и динамика развития молочно-продуктового подкомплекса АПК Краснодарского края // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 106. С. 1162–1178.
5. Логинов Д. А., Степанян В. Х. Дальнейшие пути обеспечения экономической безопасности России на продовольственном рынке // Инновационное развитие экономики. 2019. № 3. С. 182–190.
6. Кузин А. А., Медведева Н. А., Задумкин К. А., Вахрушева В. В. Сценарии развития молочной промышленности России // Экономические и социальные изменения: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 73–88. DOI: 10.15838/csc.2018.6.60.5
7. Panyshev A. I., Katlishin O. I. Efficiency of state regulation and subsiding of the dairy cattle industry in the Russian Federation from the view of indicative planning agricultural industry // Amazonia Investiga. 2020. Vol. 9. № 25. P. 78–87.
8. Raskaliyev T. H., Yesmagulova N. D., Digilina O. B. Integration and development of the dairy regions in the Eurasian Economic Union: trends, problems and prospects // Ekonomika Regiona. 2019. T. 55. № 2. C. 547–560. DOI: 10.17059/2019-2-18
9. Bai Z., Ma W., Ma L., Velthof G., Wei Z., Havlík P., Oenema O., Lee M. R. F., Zhang F. China's livestock transition: Driving forces, impacts, and consequences // Science Advances. 2018. Vol. 4. № 7. DOI: 10.1126/sciadv.aar8534
10. Chen Y., Yu X. Do subsidies cause a less competitive milk market in China? // Agricultural Economics. 2019. Vol. 50. № 3. P. 303–314. DOI: 10.1111/agec.12485
11. Ekumankama O., Ezeoha A., Uche C. The role of multinational corporations in local dairy value chain development: case of Friesland Campina WAMCO (FCW) in Nigeria // International Food and Agribusiness Management Review. 2020. Vol. 23. № 1. P. 55–69. DOI: 10.22434/IFAMR2018.0108
12. Twine E. Production and consumption responses to policy interventions in Tanzania's dairy industry // Agrekon. 2016. Vol. 55. № 1-2. P. 81–102. DOI: 10.1080/03031853.2016.1159588
13. Афонина В. Е. Влияние цифровизации на развитие аграрного сектора экономики // Международный сельскохозяйственный журнал. 2018. № 3. С. 15–17.
14. Chernyakov M. K., Chernyakova M. M., Chernyakova I. A. Inno-diversification approach to regulating the dairy industry transformation into the digital economy // Advances in Economics, Business and Management Research. 2020. Vol. 131. P. 16–23. DOI: dx.doi.org/10.2991/aebmr.k.200324.004
15. Ермаков А. О., Глотко А. В. Основные направления регулирования цифровизации молочной отрасли Новосибирской области // Проблемы научно-практической деятельности. Перспективы внедрения инновационных решений: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. (Ижевск, 17 декабря 2019 г.) Уфа, 2019. Ч. 1. С. 74–78.
16. Саитов Р. Н. Цифровая экономика в сельском хозяйстве // Молодежный научный форум: электр. сб. ст. по мат-лам X Междунар. студ. науч.-практ. конф. М.: МЦНО, 2018. № 9. С. 141–146.
17. Сарайкин В. А., Янбых Р. Г. Направления совершенствования организации и эффективного развития кооперации // АПК: экономика, управление. 2017. № 6. С. 40–47.
18. Гриценко Г. М., Черняков М. К., Чернякова М. М., Чернякова И. А. Принципы государственного регулирования цифровизации молочной отрасли // Пищевая промышленность. 2019. № 11. С. 45–49. DOI: 10.24411/0235-2486-2019-10176
19. Chernyakov M. K., Chernyakova M. M. Digital model of the dairy industry of Siberia // Advances in Economics, Business and Management Research. 2019. Vol. 105. P. 284–289.
20. Chernyakov M. K., Chernyakova M. M. Modeling of process of regulating production, processing and marketing of milk and milk products // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2019. Vol. 656. DOI: 10.1088/1757-899X/656/1/012014
21. Чернякова М. М. Парадоксальная теория регулирования в АПК (на примере молочной отрасли). Новосибирск: НГТУ, 2019. 159 с.
22. Chernyakov M. K., Chernyakova M. M., Akberov K. Ch. Innodiversification model of the digital economy of the agricultural sector // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2019. Vol. 240. P. 562–567. DOI: 10.2991/sicni-18.2019.114
23. Гриценко Г. М., Чернякова М. М., Ермаков А. О. Цифровая модель государственного регулирования молочной отрасли Новосибирской области // Никоновские чтения. 2019. № 24. С. 246–249.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-425-432

original article

Digital Regulation Model of the Dairy Industry in the Republic of Tuva*

Irina A. Chernyakova [a, @]
[a] Novosibirsk State Technical University, Russia, Novosibirsk
[@] airon1986@mail.ru

Received 23.03.2019. Accepted 21.04.2020.

Abstract: The research featured the development of effective digital technology for regulating the dairy industry. The study employed the innodiversification approach combined with simulation modeling. The empirical base was obtained from the databases of the national Union of milk producers. The authors proposed to apply the paradoxical theory of regulation. Its hypothesis is based on the fact that there is a relationship between the regulatory effect and the parameters of the dairy industry that do not have a functional relationship with it (the correlation coefficient approaching 0), through a multilevel chain of indirect relationships of parameters that are more connected with the regulator. The authors developed a mechanism that uses actual data from open sources and builds up digital models of the dairy industry of the Republic of Tuva. The article introduces a method of direct prediction of the parameters of the local dairy subcomplex. The method used not only an unregulated time factor but also the regulated factor of the state support funds. It calculated three different scenarios for the development of the dairy subcomplex: pessimistic, expected, and optimistic. In addition, the article offers a method of reverse prediction to calculate the necessary amount of state support that makes it possible to achieve the target parameters of the dairy subcomplex.

Keywords: paradoxical theory of regulation, innodiversification approach, agro-industrial complex, anti-crisis management, forecasting, state support

For citation: Chernyakova I. A. Digital Regulation Model of the Dairy Industry in the Republic of Tuva. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(3): 425–432. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-425-432

References

1. Chernyakov M. K., Chernyakova M. M. *Regulation of the digital economy of agriculture*. Novosibirsk: NGTU, 2019, 262. (In Russ.)
2. Chernyakova M. M., Chernyakova I. A. Actual problems of improving efficiency of the dairy industry of agricultural production in the Republic of Tuva. *Business. Education. Law*, 2019, (3): 197–202. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2019.48.352
3. Chernyakova I. A. Anti-crisis management of the dairy industry in depressed regions. *The role of agricultural science in the sustainable development of rural territories*: Proc. IV All-Russian (National) Sci. Conf., Novosibirsk, December 20, 2019. Novosibirsk, 2019, 539–541. (In Russ.)
4. Sirotkin V. A., Shibanihin E. A. Aspects of functioning and development of the dynamic of milk-producing sub-complex of AIC of the Krasnodar region. *Politematicheskij setevoj elektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2015, (106): 1162–1178. (In Russ.)
5. Loginov D. A., Stepanyan V. Kh. Further ways to ensure economic security Russia in the food market. *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki*, 2019, (3): 182–190. (In Russ.)
6. Kuzin A. A., Medvedeva N. A., Zadumkin K. A., Vakhrusheva V. V. Development scenarios for Russia's dairy industry. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, 11(6): 73–88. (In Russ.) DOI: 10.15838/csc.2018.6.60.5
7. Panyshev A. I., Katlishin O. I. Efficiency of state regulation and subsiding of the dairy cattle industry in the Russian Federation from the view of indicative planning agricultural industry. *Amazonia Investiga*, 2020, 9(25): 78–87.
8. Raskaliyev T. H., Yesmagulova N. D., Digilina O. B. Integration and development of the dairy regions in the Eurasian Economic Union: trends, problems and prospects. *Ekonomika Regiona*, 2019, 55(2): 547–560. DOI: 10.17059/2019-2-18
9. Bai Z., Ma W., Ma L., Velthof G., Wei Z., Havlík P., Oenema O., Lee M. R. F., Zhang F. China's livestock transition: Driving forces, impacts, and consequences. *Science Advances*, 2018, 4(7). DOI: 10.1126/sciadv.aar8534
10. Chen Y., Yu X. Do subsidies cause a less competitive milk market in China? *Agricultural Economics*, 2019, 50(3): 303–314. DOI: 10.1111/agec.12485

* The article was written as part of the III All-Russian Scientific and Practical Conference "Management of organizations in the modern economy" dedicated to the 300th Anniversary of Kuzbass Exploration, topic: Digital Management Transformation.

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-425-432

11. Ekumankama O., Ezeoha A., Uche C. The role of multinational corporations in local dairy value chain development: case of Friesland Campina WAMCO (FCW) in Nigeria. *International Food and Agribusiness Management Review*, 2020, 23(1): 55–69. DOI: 10.22434/IFAMR2018.0108
12. Twine E. Production and consumption responses to policy interventions in Tanzania's dairy industry. *Agrekon*, 2016, 55(1-2): 81–102. DOI: 10.1080/03031853.2016.1159588
13. Afonina V. E. The impact of digitalization on the development of the agricultural sector of the economy. *Mezhdunarodnyi selskokhoziaistvennyi zhurnal,* 2018, (3): 15–17. (In Russ.)
14. Chernyakov M. K., Chernyakova M. M., Chernyakova I. A. Inno-diversification approach to regulating the dairy industry transformation into the digital economy. *Advances in Economics, Business and Management Research*, 2020, 131: 16–23. DOI: dx.doi.org/10.2991/aebmr.k.200324.004
15. Ermakov A. O., Glotko A. V. The main directions of regulation of digitalization of the dairy industry of the Novosibirsk region. *Problems of scientific and practical activities. Prospects for the implementation of innovative solutions*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Izhevsk, December 17, 2019. Ufa, 2019, pt. 1, 74–78. (In Russ.)
16. Saitov R. N. Digital economy in agriculture. *Youth scientific forum*: Proc. X Intern. Stud. Sci.-Prac. Conf. Moscow: MTsNO, 2018, (9): 141–146. (In Russ.)
17. Saraikin V. A., Yanbykh R. G. Directions for improving the organization and effective development of cooperation. *APK: ekonomika, upravlenie*, 2017, (6): 40–47. (In Russ.)
18. Gritsenko G. M., Chernyakov M. K., Chernyakova M. M., Chernyakova I. A. Principles of state regulation of digitalization of the dairy industry. *Pishchevaya promyshlennost,* 2019, (11): 45–49. (In Russ.) DOI: 10.24411/0235-2486-2019-10176
19. Chernyakov M. K., Chernyakova M. M. Digital model of the dairy industry of Siberia. *Advances in Economics, Business and Management Research*, 2019, 105: 284–289.
20. Chernyakov M. K., Chernyakova M. M. Modeling of process of regulating production, processing and marketing of milk and milk products. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, 2019, 656. DOI: 10.1088/1757-899X/656/1/012014
21. Chernyakova M. M. *Paradoxical theory of regulation in agriculture (the case of the dairy industry)*. Novosibirsk: NGTU, 2019, 159. (In Russ.)
22. Chernyakov M. K., Chernyakova M. M., Akberov K. Ch. Innodiversification model of the digital economy of the agricultural sector. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 2019, 240: 562–567. DOI: 10.2991/sicni-18.2019.114
23. Gritsenko G. M., Chernyakova M. M., Ermakov A. O. Digital model of state regulation of the dairy industry in the Novosibirsk region. *Nikonovskie chteniia*, 2019, (24): 246–249. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

16+

Вестник Кемеровского государственного университета.
Серия: Политические, социологические и экономические науки.
Научный журнал

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences. Scientific Journal

Контакты для сотрудничества:
Морозова Елена Алексеевна, главный редактор
morea@inbox.ru
Митько Наталья Викторовна, редактор
8(384-2)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; vs-seriya@yandex.ru

Contacts for co-operation:
Elena A. Morozova, Editor-in-Chief
morea@inbox.ru
Nataliya V. Mitko, Editor
8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; vs-seriya@yandex.ru

Редакторы выпуска:
Лоншакова К. А., Митько Н. В., Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 18.09.2020.
Дата выхода в свет 19.10.2020.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.
Формат А 4. Усл. печ. л. – 19,5. Уч.-изд. л. – 16.
Тираж 500 экз. Заказ _____
Цена свободная.
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6,
http://kemsu.ru.
Адрес типографии: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
пр. Советский, 73.